I отд.
К-го

ИЗЪ ИСТОРІИ ДУШИ.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ УМА.

П. Ѳ. КАПТЕРЕВА.

3796

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Училища Глухонѣмыхъ, (Гороховая ул., д. 18).
—
1890.

1Ъ

BF
[illegible]

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общества Наук
Академии наук СССР
937
59

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Введеніе. . . . . 1— 11

О значеніи языка для исторіи ума. Задача очерковъ. Доказательства, что языкъ и мышленіе не нераздѣльны и что мышленіе далеко не покрывается языкомъ. Положительное и отрицательное значеніе языка для исторіи ума. Значеніе наблюденій надъ дикарями и дѣтьми для исторіи ума. Основные умственные процессы и ихъ органическая основа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О развитіи различенія

Очеркъ I. . . . . . 12— 21

О многозначимости корней и древнихъ словъ. Измѣненія въ состояніи различенія. Убыль словъ въ языкѣ по мѣрѣ отступленія отъ настоящаго времени въ глубь прошлаго Психологическое значеніе этого факта — ослабленіе различенія. Различныя мнѣнія о корняхъ словъ. Многозначимость корней и древнихъ словъ.

II . . . . . 21— 30

О многозначимости корней и древнихъ словъ (продолженіе) Различныя объясненія многозначимости корней. Логико-философскій взглядъ на развитіе языка и значеніе корней. Критическія замѣчанія относительно различныхъ объясненій многозначимости корней.

II.

III. . . . . 30 — 39

О состояніи относительнаго неразличенія. Несовершенство первоначальнаго языка со стороны фонетической и психологической. Значеніе въ первоначальномъ языкѣ тоновъ, жестовъ и мимики. Многозначимость корней какъ результатъ слабаго различенія, единства воспріятія различныхъ предметовъ и уподобленія явленій. Обширное (но не общее) значеніе корней.

IV. . . . . 39 — 46

Параллельные факты изъ языка дѣтей и дикарей. Многозначимость дѣтскихъ словъ. Слово «квакъ». Мышленіе и рѣчь дѣтей начинаютъ обширными и неопредѣленными группами, а не отдѣльными индивидуальными явленіями. Многозначимость словъ въ языкахъ дикарей.

V. . . . . 16 — 52

Размѣры и предметы первоначальной различающей дѣятельности. 121 основное понятіе всей человѣческой культуры. Три группы основныхъ понятій. 70 основныхъ различеній. Громадное значеніе движеній и осязательно-мускульнаго чувства въ развитіи ума. Возможно-ли допустить въ началѣ умственнаго развитія хаотическое состояніе ума и языка?

VI. . . . . 52 — 62

О развитіи различенія въ сферѣ зрительныхъ ощущеній. Постановка вопроса — физіологическая и психологическая гипотезы о развитіи способности ощущать цвѣта. Изложеніе основаній и доказательствъ физіологической гипотезы. Ея несостоятельность.

VII. . . . . 62 — 73

О развитіи различенія въ сферѣ зрительныхъ ощущеній (продолженіе). Психическое развитіе различенія цвѣтовъ. Соотвѣтственные факты изъ наблюденій надъ дикарями и дѣтьми. Слабое различеніе дикарями рисунковъ. Въ чемъ состоитъ прославленная у дикарей сила органовъ внѣшнихъ чувствъ.

VIII. . . . . 73 — 84

О развитіи различенія въ сферѣ мышленія. Значеніе контрастовъ для развитія различенія Соединеніе противоположныхъ значеній въ одномъ словѣ и причины этого явленія. Различеніе среднихъ степеней и переходныхъ состояній явленій, различеніе связей и отношеній между явленіями Различеніе оттѣнковъ въ свойствахъ явленій.

IX. . . . . 84 — 90

О различеніи духовнаго міра отъ матеріальнаго. Различеніе психическаго субъективнаго міра отъ внѣшнихъ матеріальныхъ фактовъ. Значеніе въ этомъ различеніи припоминаній, разсужденія и сновидѣній. Чувственность еврейскаго языка. Слитное обозначеніе психическихъ явленій въ литовскомъ языкѣ. Отсутствіе строгаго разграниченія матеріальнаго и духовнаго у древнихъ грековъ.

X. . . . . 90 — 107

О развитіи отвлеченнаго мышленія какъ высшаго различенія. Отвлеченіе есть высшее различеніе. Естественныя побужденія къ нему и препятствія. Слабое развитіе отвлеченнаго мышленія у большинства людей. Два главные вида отвлеченія: чистое отвлеченіе и въ соединеніи съ обобщеніемъ. Значеніе языка для развитія обобщеннаго отвлеченія. Факты изъ данныхъ науки о языкѣ относительно развитія отвлеченнаго мышленія. Развитіе понятія о числѣ и счета.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О развитіи связыванія.

XI. . . . . 108 — 119

О развитіи элементарнаго связыванія по смежности. Побужденія къ связыванію. Соотносительность различенія и связыванія. Связываніе одновременностію воспріятій.

его свойства и обнаруженія — агглютинативные языки и суевѣрія. Связываніе непрерывною послѣдовательностію. Его выраженіе въ строеніи предложеній и періодической рѣчи.

XII . . . . . 119 — 125

О развитіи элементарнаго связыванія по сходству. Органическій характеръ связыванія по сходству. Уподобленія ощущеній одного органа, нѣсколькихъ органовъ и предметовъ чувственныхъ и духовныхъ. Главные виды метафоръ.

XIII . . . . . 125 — 141

О развитіи связыванія по апперцепціи. Апперцепированіе, смѣшеніе и неразличеніе. Смѣшеніе неодушевленнаго съ одушевленнымъ; его источники. Слѣды антропоморѳизма въ наукѣ. Доводы Спенсера и Ванъ-Енде противъ первоначальности смѣшенія одушевленнаго съ неодушевленнымъ; ихъ анализъ.

XIV . . . . . 141 — 160

О развитіи запоминанія. Необходимость запоминанія для высшихъ формъ связыванія. Періодъ безпамятства въ исторіи человѣчества и отдѣльныхъ лицъ. Недостаточная развитость представленій пространства и времени какъ причина слабости запоминаній дикарями и дѣтьми. Крайняя непредусмотрительность и жизнерадостное настроеніе дикарей и дѣтей какъ результатъ слабой памяти. Развитіе запоминанія подъ вліяніемъ спеціальныхъ интересовъ и науки. Ошибочность мнѣнія объ обширности памяти у неписьменныхъ народовъ.

XV . . . . . 160 — 173

О развитіи сложнаго образнаго связыванія. Отсутствіе творчества на первыхъ порахъ умственной жизни и замѣна его живымъ воспроизведеніемъ. Соотвѣтствующіе факты изъ жизни дикарей и дѣтей. Подражательность дикарей и дѣтей. Представленія дикарей о загробной жизни.

XVI . . . . . 173—184

О развитіи сложнаго образнаго связыванія (продолженіе). Первые шаги въ развитіи творчества у дѣтей и дикарей подъ вліяніемъ грандіозныхъ явленій природы и сказокъ. Значеніе игры для развитія дѣтскаго творчества. Появленіе выдуманныхъ разсказовъ; ихъ характеръ.

XVII . . . . . 184—197

О развитіи сложнаго образнаго связыванія (окончаніе). Развитіе творчества подъ вліяніемъ идеализаціи. Составные элементы миѳологій. Отношеніе между отвлеченнымъ и образнымъ творчествомъ. Развитіе послѣдняго подъ вліяніемъ науки. Новые воображаемые міры.

XVIII . . . . . 197—213

О развитіи сложнаго отвлеченнаго связыванія. Логическіе законы не суть дѣйствительные законы; современная логика есть созданіе культуры. Отсутствіе закона тожества въ первоначальномъ мышленіи. Начало превращенія существъ и явленій; его четыре частныя формы. собственно превращеніе, переселеніе, замѣщеніе и развитіе. Основанія принципа превращенія.

XIX . . . . . 213—226

О развитіи сложнаго отвлеченнаго связыванія (продолженіе). Отсутствіе закона противорѣчія въ первоначальномъ мышленіи. Причины, вызвавшія противорѣчія въ человѣческомъ умѣ. Обилие противорѣчій въ мышленіи прежде и теперь. Мыслимость противорѣчій. Взглядъ Гегеля на законы тожества и противорѣчія.

XX . . . . . 226—231

О развитіи сложнаго отвлеченнаго связыванія (окончаніе). Отсутствіе въ первоначальномъ мышленіи закона достаточнаго основанія и категоріи причинности. Источники ихъ происхожденія. Отношеніе къ категоріи причинности нѣкоторыхъ мыслителей.

XXI . . . . . 232 — 247

О развитіи обобщенія и сужденія. Трудности обобщенія. Три ступени развитія обобщенія. Соотвѣтственные факты изъ языка дикарей и дѣтей. Психологическое и логическое сужденія. Вліяніе арійскихъ языковъ на формальную логику. Логика и грамматика.

Общіе выводы . . . . . 248 — 255

Общее обозрѣніе исторіи ума и соображенія о дальнѣйшемъ его развитіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Задача настоящихъ очерковъ чисто психологическая—попытаться прослѣдить развитіе ума въ человѣчествѣ, при чемъ имѣется въ виду не развитіе культуры, не возникновеніе и ростъ учрежденій, не литературная или философская эволюція, а развитіе именно самыхъ мыслительныхъ процессовъ. Основные психическіе процессы, свойственные человѣку, измѣнились сколько нибудь за время существованія человѣчества или они испоконъ вѣка, отъ начала и до нынѣ, остаются въ своемъ первоначальномъ видѣ, неизмѣнными и таковыми пребудутъ вѣчно? Съ вѣками набирается ли человѣчество только большихъ и большихъ знаній или же возрастаетъ и совершенствуется и самая его мыслительная способность? Мѣнялись ли только формы жизни и учрежденій въ человѣчествѣ или человѣчество мѣнялось глубже, въ самомъ своемъ существѣ, въ душѣ, пріобрѣтая новыя способности и теряя нѣкоторыя прежнія? Душа, понимаемая какъ сумма основныхъ и производныхъ психическихъ процессовъ, имѣетъ ли исторію?

Главнѣйшіе перевороты, пережитые человѣческимъ умомъ, падаютъ на доисторическую эпоху жизни человѣчества. Какіе существуютъ пути и средства къ ознакомленію съ столь отдаленными переворотами?

Болѣе древняго, достовѣрнаго и цѣннаго свидѣтеля развитія человѣческаго ума, чѣмъ языкъ, мы найти не можемъ, и потому, при изслѣдованіи развитія ума, должны обратиться къ даннымъ, представляемымъ языкомъ Но значеніе этихъ данныхъ, цѣнность свидѣтельствъ языка о развитіи ума весьма много зависятъ отъ такого или иного рѣшенія общаго вопроса объ отношеніи между языкомъ и мышленіемъ, о связи между ними. Можно ли быть увѣреннымъ, что все, что было когда либо въ мышленіи человѣчества, все отразилось въ языкѣ человѣчества, такъ что языкъ есть точный протоколъ мысли, а исторія языка — исторія мышленія? Или у человѣчества были и есть мысли, невыразимыя никакимъ язы-

комъ, мышленіе гораздо шире языка и языкъ не есть неизмѣнный спутникъ мысли?

Есть мнѣніе, что связь между языкомъ и мышленіемъ неразрывна, что ни разума нѣтъ внѣ языка, ни языка внѣ разума, кто говоритъ, тотъ и мыслитъ, кто мыслитъ, тотъ и говоритъ. Языкъ есть истинный органъ нашего ума: мы точно такъ же мыслимъ посредствомъ словъ, какъ видимъ посредствомъ глазъ. Изъ нераздѣльности между мышленіемъ и языкомъ выводится то, чрезвычайно важное, заключеніе, что ростъ человѣческаго ума долженъ быть изучаемъ въ исторіи языка, что языкъ есть истинная автобіографія ума, каждый изъ безчисленныхъ языковъ, покрывающихъ землю, есть слой въ ростѣ мысли, подлежащій изслѣдованію *).

Изложенный взглядъ о нераздѣльности мышленія и языка подлежитъ существеннымъ ограниченіямъ. Уже самъ защитникъ его— М. Мюллеръ значительно ограничиваетъ свой взглядъ, утверждая, что языкъ связанъ не со всѣмъ мышленіемъ, а только съ высшею его ступенью — понятіями. Онъ дѣлитъ умственную дѣятельность на четыре ступени: ощущеніе, воспріятіе (перцепцію), пониманіе (концепцію) и именованіе. Ощущенія и воспріятія могутъ существовать безъ словъ, понятія же не могутъ. Поэтому гдѣ нѣтъ словъ, тамъ нѣтъ и понятій, а гдѣ есть слова, тамъ есть и понятія, животныя, дѣти до начала рѣчи, глухонѣмые, не обученные говорящими, не достигаютъ въ своемъ мышленіи понятій, имъ свойственны лишь низшія формы умственной дѣятельности.

Ограниченіе, предложенное М. Мюллеромъ относительно связи мышленія и языка, не можетъ быть признано достаточнымъ: исторія умственнаго развитія человѣчества несомнѣнно представляетъ такія эпохи, когда языкъ уже существовалъ, но понятій, какъ высшихъ продуктовъ мыслительности, понятій въ томъ смыслѣ, какъ ихъ разумѣетъ М. Мюллеръ, еще не было. Основные процессы, которыми совершалось и опредѣлялось умственное развитіе человѣчества и результаты которыхъ были обозначены словами древнѣйшихъ языковъ, М. Мюллеромъ не указаны, до основныхъ процессовъ онъ не дошелъ, остановившись на второстепенныхъ и производныхъ, заимствованныхъ изъ обычныхъ курсовъ логикъ и психологій. Ни ощущеніе, ни воспріятіе, ни понятія не суть послѣднія пружины умственной дѣятельности, тѣ глубокіе источники, изъ которыхъ

*) Max. Muller, The Science of Thought. London, 1887, p. 64, 77, 83—85, 200, 515, 550.

истекаетъ и потомъ такъ широко разливается и развѣтвляется жизнь человѣческаго ума; они суть только частныя формы, производные процессы, не въ нихъ сущность и корень дѣла. Вообще пониманіе происхожденія и генетическаго развитія умственныхъ процессовъ у М. Мюллера весьма недостаточно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его взглядъ на языкъ, какъ связанный лишь съ понятіями, совершенно неправиленъ: языкъ гораздо шире по своему содержанію, онъ захватываетъ мышленіе не въ тѣсномъ только значеніи слова— мышленіе посредствомъ понятій, — а въ обширномъ, мышленіе вообще, въ его основныхъ элементарныхъ процессахъ, посредствомъ какихъ бы формъ это мышленіе ни совершалось.

Съ другой стороны, языкъ не покрываетъ всего мышленія даже и посредствомъ понятій. Мышленіе понятіями гораздо богаче, разнообразнѣе, тоньше, чѣмъ рѣчь; по сравненію съ мыслью, языкъ грубъ и малоподвиженъ, обозначаетъ и не все содержаніе мысли и не точно. Цѣлый многомилліонный народъ говоритъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, слова у всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ одному народу, одни и тѣже, а понятія очень разныя даже объ обыкновенныхъ предметахъ, составляются лично каждымъ нѣсколько своеобразно на основаніи личнаго опыта, обстановки, множества случайныхъ обстоятельствъ: и рыбакъ говоритъ слово «рыба» и городской торговецъ рыбою и естествоиспытатель и художникъ и гигіенистъ и сотни другихъ людей, смотрящихъ на рыбу и понимающихъ ее по своему. Всѣ они говорятъ одно слово и каждый разумѣетъ подъ нимъ нѣчто отличное, свое. Если бы эти лица вздумали пояснить смыслъ слова рыба прибавкой другихъ опредѣлительныхъ словъ, то оказалось бы, что и эти другія слова каждый употребляетъ въ своемъ, нѣсколько особенномъ, смыслѣ и что вполнѣ столковаться и совершенно точно понять мысли другъ друга невозможно, по недостаточности языка. Рѣчь отдѣльнаго человѣка устанавливается довольно рано, а сколько измѣненій послѣ того переживетъ мысль. И дитя говоритъ слова «горе, богъ» и взрослый произноситъ тѣже слова; но какая большая разница въ душевныхъ состояніяхъ, обозначаемыхъ этими словами дитятей и взрослымъ! Мы, взрослые, очень часто стараемся дать понять другому лицу ту мысль, которая у насъ имѣется; но, не смотря на всѣ старанія точно выразить свою мысль, мы ясно сознаемъ, что выражаемъ мысль не такъ, какъ бы слѣдовало, что нѣтъ достаточно подходящихъ для мысли словъ, что слушающее насъ лицо получаетъ неправильное понятіе о нашей мысли и тѣмъ не менѣе помочь горю не можемъ. Довольно

плохо выражаются въ языкѣ сложныя и не совсѣмъ ясныя соображенія, процессъ внезапныхъ рѣшеній, состоянія ума при весьма быстрыхъ переходахъ отъ цѣлыхъ группъ предметовъ къ новымъ группамъ, при быстромъ обозрѣніи обширнаго круга явленій; трудная доступность для языка міра страстей и чувствованій, ихъ измѣненій, переходовъ и оттѣнковъ — фактъ извѣстный.

Если же языкъ и мысль нельзя признать нераздѣльными, если мышленіе оказывается гораздо шире, тоньше и богаче языка, далеко не покрывающаго собою мыслительности, то возникаетъ вопросъ: какое значеніе имѣетъ языкъ для исторіи души вообще и ума въ частности? Можно ли, а если можно, то въ какихъ предѣлахъ, пользоваться языкомъ при изслѣдованіи развитія мыслительности въ родѣ человѣческомъ?

Для исторіи ума языкъ имѣетъ двойное значеніе: положительное и отрицательное. Положительное заключается въ тѣхъ прямыхъ данныхъ, которыя находятся въ языкѣ. Языкъ есть спутникъ и выразитель мысли, онъ есть органъ ума; исторія значенія словъ есть исторія развитія понятій; въ характерѣ языка, его синтаксическомъ складѣ, въ преобладаніи той или другой категоріи словъ, сказываются складъ мысли народа и ея господствующія направленія. Положительное значеніе языка для исторіи ума понятно—что есть въ языкѣ, то было и въ умѣ. Отрицательное значеніе языка для исторіи ума, не менѣе важное, чѣмъ и положительное, заключается въ томъ, что на какіе факты нѣтъ указаній въ языкѣ, тѣ факты если и были въ умѣ, то въ довольно неясной и неотчетливой формѣ, такъ что весьма много теряли въ своемъ значеніи для развитія мыслительности. Этотъ пунктъ требуетъ объясненій.

Несомнѣнно, что многія психическія состоянія совсѣмъ не могутъ быть выражены въ словѣ или же выражаются въ немъ очень неудовлетворительно. Но такія состоянія отличаются своею темнотою и неопредѣленностію даже для лица, переживающаго эти состоянія. Каждый по собственному опыту знаетъ, что мысль, для которой не находится подходящихъ словъ и выраженій, есть неясная мысль. Мы можемъ имѣть въ головѣ планъ какой либо работы и можемъ этотъ планъ коротко записать на бумагѣ въ формѣ нѣсколькихъ положеній. Въ послѣднемъ случаѣ планъ будетъ для насъ яснѣе и понятнѣе, намъ легче будетъ замѣтить его достоинства и недостатки, чѣмъ въ первомъ. Подобное же отношеніе существуетъ между душевнымъ актомъ, выраженнымъ и невыраженнымъ въ словѣ. Выразить душевное явленіе въ словѣ значитъ до извѣстной степени выяснить

его, опредѣлить, сдѣлать устойчивымъ, умственная работа, не отобразившаяся въ языкѣ, легко пропадаетъ, исчезаетъ Душевный фактъ, какъ явленіе внутреннее, труденъ для наблюденія, выразившись въ словѣ, онъ дѣлается внѣшнимъ, доступнымъ наблюденію помощію органовъ внѣшнихъ чувствъ—слуха и (чрезъ письмо) зрѣнія.

Какъ и всякое другое внѣшнее явленіе, рѣчь подчиняется своимъ законамъ, имѣетъ свой опредѣленный порядокъ; слѣдовательно душевное явленіе, выражаясь въ словѣ, не только ассоціируется съ внѣшнимъ фактомъ и болѣе ничего, но до нѣкоторой степени подчиняется этому внѣшнему факту, его закону, его порядку, иначе оно и не можетъ выразиться въ рѣчи. Порядокъ рѣчи, законъ ея—это конструкція рѣчи, ростъ, измѣненіе и вымираніе словъ. Конструкція рѣчи не создается, конечно, независимо отъ мысли, но отображаетъ на себѣ строй и характеръ мышленія; вся жизнь языка также идетъ параллельно съ жизнью ума и совершается подъ его вліяніемъ, но, разъ возникнувъ и сложившись, конструкція и всѣ другія жизненныя формы языка весьма сильно вліяютъ на мышленіе. Рѣчь представляетъ тогда уму готовыя формы, какъ бы рамки, въ которыя волей-неволей мысль и укладывается; тогда уже умъ приспособляется къ языку и его особенностямъ, а не языкъ къ уму. Мыслить на сформировавшемся, сложившемся языкѣ значитъ до извѣстной степени подчинять свою мысль особенностямъ этого языка—богатству или скудости лексическаго матеріала, преобладанію словъ съ отвлеченнымъ или конкретнымъ значеніемъ, обилію флексій или ихъ отсутствію, синтаксическому строю предложеній и т. д.

Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на аналитическое вліяніе языка по отношенію къ мысли и всей душевной жизни вообще. Душевныя явленія обыкновенно бываютъ сложными и слитными, одинъ рядъ фактовъ, одно направленіе не раздѣляются рѣзко отъ другой группы, другаго направленія, напр., воображеніе и память, творчество поэтическое и религіозное, мышленіе и чувствованіе и т. п. Языкъ побуждаетъ умъ къ анализу, душевное явленіе, выражаясь въ рядѣ словъ—существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ и т. д., занимающихъ каждое свое опредѣленное мѣсто въ предложеніи и имѣющихъ свои особенныя свойства и характеръ, разчленяется, разлагается, его различныя стороны, качества и отношенія выдѣляются и обособляются, слитное цѣлое дробится на части, каждая часть ставится отдѣльно съ извѣстною долею самостоятельности. Разложивъ все на элементы, давъ возможность изучить свойства и

стороны явленія въ отдѣльности, языкъ снова сочетаетъ разрозненное въ цѣлое—въ предложеніи и періодѣ *). Поэтому Гейгеръ не безъ основанія замѣтилъ, что въ то время, когда еще не существовало опредѣленнаго обозначенія для чернаго цвѣта, разница между негромъ и бѣлымъ сознавалась смутно, равно какъ и различіе между кошкой и собакой во время отсутствія для этихъ животныхъ именъ **).

Наблюдая рѣчь отдѣльныхъ людей, мы легко замѣтимъ, что отчетливость выраженія, точность и опредѣлительность словъ и предложеній находятся въ прямой зависимости отъ отчетливости и ясности мысли. Тотъ человѣкъ, который прекрасно понимаетъ извѣстное дѣло, усвоилъ его сущность и подробности, знаетъ соотношеніе его частей, тотъ человѣкъ, въ изложеніи дѣла, не будетъ путаться, затрудняться въ словахъ; выраженія сами придутъ къ нему на языкъ и его изложеніе дѣла будетъ ясно, отчетливо, вразумительно, хотя, можетъ быть, и некраснорѣчиво. Наоборотъ человѣкъ, плохо понимающій дѣло, смутно его представляющій, плохо его и изложитъ, слушатели будутъ затрудняться изложеніемъ. Это даетъ основаніе полагать, что если какой либо душевный фактъ, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, достигнетъ въ нашемъ сознаніи значительной ясности и силы, то онъ, по тѣсной связи между мышленіемъ и языкомъ, соотвѣтственно отобразится въ рѣчи, непремѣнно найдетъ себѣ выраженіе въ словѣ. Не все выражаетъ языкъ, что есть въ умѣ, но душевные факты значительной ясности и силы необходимо отображаются въ языкѣ; сколько нибудь опредѣленныя идеи тяготѣютъ къ слову, стремятся выразиться въ звукахъ, мы чувствуемъ потребность для каждой родившейся и нѣсколько развившейся мысли подыскать соотвѣствующее выраженіе. Имена солнцу и лунѣ даетъ обыкновенно цѣлое племя, и эти имена встрѣчаются въ оченѣ многихъ языкахъ, названія другимъ звѣздамъ и планетамъ даются астрономами и встрѣчаются только въ языкахъ болѣе или менѣе культурныхъ націй. Причина этого явленія заключается въ ясномъ, отчетливомъ воспріятіи и выдѣленіи большинствомъ людей солнца и луны и весьма слабомъ и неотчетливомъ всѣхъ другихъ звѣздъ и планетъ. Послѣднія воспріятія достигаютъ значительной ясности только у астрономовъ, которыми и называются.

Послѣ этихъ замѣчаній будетъ понятенъ смыслъ утвержденія, что то, что не выразилось въ языкѣ, можетъ быть и существовало

---

*) Высказанныя здѣсь сужденія далѣе будутъ дополнены и развиты.

**) L. Geiger, Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit. 1871 г. S. 21, 22.

въ умѣ, но въ формѣ неясной, смутной, вслѣдствіе чего весьма много теряло въ своемъ значеніи для мышленія. Такимъ образомъ языкомъ для исторіи ума можно пользоваться двояко. положительно и отрицательно *).

Для исторіи ума кромѣ данныхъ, представляемыхъ языкомъ человѣчества, весьма важны еще наблюденія надъ общимъ психическимъ развитіемъ дѣтей и ихъ языкомъ и наблюденія надъ дикарями, ихъ языкомъ, религіей, обрядами и т. д. Въ развитіи языка и міровоззрѣнія дѣтей и дикарей мы можемъ находить много аналогичныхъ фактовъ развитію первобытнаго человѣчества, многое, объясняющее особенности ума нашихъ далекихъ праотцевъ. Конечно, ни дѣти, ни дикари не могутъ быть прямо сопоставляемы съ первобытнымъ человѣчествомъ. Первобытное человѣчество впервые совершало мыслительныя работы, не имѣя позади себя никакого опыта человѣческаго мышленія, никакой человѣческой подготовки. Дѣти имѣютъ такую подготовку, отчасти въ наслѣдственномъ складѣ нервной системы, вѣками приспособлявшейся къ мыслительной работѣ, отчасти въ культурной обстановкѣ и готовомъ языкѣ окружающаго общества. Дикари имѣютъ подготовку къ мышленію отчасти въ нервной системѣ болѣе сложнаго склада, чѣмъ

*) На основаніи изложенныхъ соображеній, мы не можемъ признать правильнымъ мнѣніе, что отрицательное значеніе языка для исторіи ума—вещь сомнительная и даже ошибочная. Такого именно мнѣнія держится Мивартъ (George Mivart, The Origin of Human Reason Being an examination of recent hypotheses concerning it. London 1889 г.), но доказываетъ его весьма слабо и недостаточно. Главнѣйшая его опора—что мышленіе можетъ совершаться и безъ языка, что понятія могутъ существовать и безъ словъ, что понятія предшествуютъ словамъ. Это утвержденіе совершенно противоположно взгляду М. Мюллера и столь-же ошибочно и неудовлетворительно, какъ и взглядъ послѣдняго. Къ вопросу о значеніи языка для развитія понятій и отвлеченнаго мышленія мы еще вернемся. Въ видѣ доказательства своего мнѣнія, Мивартъ приводитъ свое собесѣдованіе съ однимъ пастухомъ, который будто бы оказался прекраснѣйшимъ философомъ по части звука и звуковыхъ ощущеній—собесѣдованіе, рѣшительно нисколько не доказывающее тезиса. Также не совсѣмъ удачно привлекаетъ Мивартъ на свою сторону и Романеса: его слова онъ понимаетъ не вполнѣ правильно — мнѣніе Романеса болѣе подходитъ къ изложенному въ текстѣ, чѣмъ къ мнѣнію Миварта—и приводитъ съ опущеніемъ нѣсколькихъ строкъ, а опущенное весьма важно (см. Mivart, p. 237—239; Romanes, Mental Evolution in Man Origin of human Faculty. London, 1888. p. 281). Вообще споры объ отношеніи мышленія и языка между М. Мюллеромъ, Романесомъ, Мивартомъ, Гальтономъ и другими см. въ Nature, May и June, 1887 г. February и March 1888 г. и въ Nineteenth Century, April 1888 г. и March 1889 г. (въ послѣднемъ ст. М. Мюллера: Can we think without Words?)

нервная система первобытнаго человѣчества, отчасти въ господствующихъ у нихъ міровоззрѣніи, обычаяхъ, обрядахъ и также въ языкѣ, слагавшихся вѣками, хотя и нервная система и языкъ и міровоззрѣніе дикарей далеки отъ той степени сложности и совершенства, въ какой являются нервная система, языкъ и міровоззрѣніе, передаваемыя дитяти его культурными родичами. Впрочемъ дикія племена находятся не на одномъ уровнѣ умственнаго развитія между ними есть болѣе и менѣе интеллигентныя, знающія, любознательныя, развитыя, и въ дикой жизни есть нѣкоторый, хотя очень слабый и медленный, прогрессъ. Недоступное однимъ дикарямъ доступно другимъ. У однихъ племенъ въ языкѣ очень мало словъ съ отвлеченнымъ значеніемъ, у другихъ много. Вообще между первобытнымъ человѣчествомъ съ одной стороны, дѣтьми и дикарями съ другой можетъ быть проводима только аналогія, тожество же никакимъ образомъ не можетъ быть утверждаемо [1]).

Основные мыслительные процессы, которыми по существу опредѣляются развитіе ума и его исторія, суть различеніе и связываніе. Безъ различенія нашъ умъ не только не можетъ развиваться, но и существовать, безъ различенія въ мышленіи ничего подѣлать нельзя, безъ различенія будетъ въ умѣ одна темнота и даже не будетъ и самаго ума. Мы настолько мыслимъ, насколько различаемъ, и граница различенія есть вмѣстѣ и граница мышленія. Если я вдали ничего не могу различить, то объ этомъ неразли-

---

[1]) М Мюллеръ полагаетъ, что пользоваться фактами изъ психологіи дѣтей, при изслѣдованіи развитія мыслительности въ родѣ человѣческомъ, не только безполезно, но и опасно. Онъ ссылается на искусственность обстановки дѣтей, въ особенности же на то, что дѣти усвояютъ уже готовый языкъ, а не создаютъ его, усвояютъ притомъ процессомъ, совершенно различнымъ отъ процесса созданія словъ: для дѣтей слова сначала почти собственныя имена, обозначающія опредѣленные личности и предметы и только постепенно становящіяся общими терминами; человѣчество же, создавая языкъ, шло противоположнымъ путемъ—отъ общаго къ индивидуальному, постепенно ограничивая первоначальный широкій смыслъ словъ (The Science of Thought, p. 23, 519—523). Въ теченіе дальнѣйшаго изслѣдованія мы не одинъ разъ будемъ имѣть случай фактически доказать существенное сходство въ созданіи и развитіи языка человѣчествомъ и усвоеніи готоваго языка дѣтьми. Въ настоящее же время мы только замѣтимъ, что дѣти не только усвояютъ готовый языкъ взрослыхъ, но отчасти и создаютъ его, какъ это знаетъ всякій наблюдатель дѣтской рѣчи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣтское творчество въ сферѣ языка возвышается до созданія цѣлаго дѣтскаго языка, совершенно отличнаго отъ языка взрослыхъ. См Steinthal, Der Ursprung der Sprache, 4 Auflage, 1888, S. 277—281.

чаемомъ я не могу и мыслить. Какъ намъ припоминать, какъ намъ судить или воображать что нибудь, когда мы не въ состояніи ничего различить? Самое ощущеніе невозможно безъ различенія, потому что вѣчно ощущать одно и тоже, безъ всякаго измѣненія и различія, значитъ ничего не ощущать. Нашъ умъ есть прежде всего способность различенія *).

Одно различеніе, взятое само по себѣ, есть дѣятельность вполнѣ односторонняя и недостаточная: при одномъ различеніи наше знаніе разсыпалось бы, разбилось на куски, потому что различеніе разъединяетъ мысли и понятія, отталкиваетъ ихъ другъ отъ друга, чѣмъ больше открыто различій между мыслями, тѣмъ больше разстоянія мыслей одной отъ другой, тѣмъ онѣ безсвязнѣе. Чтобы избѣжать разбросанности, чтобы пріобрѣсть что нибудь цѣлое и связное, для этого различенное нужно ставить въ отношеніе другъ къ другу, объединять, связывать. Только изъ сочетанія различенія съ связываніемъ получается мыслительность, умъ. Связываніе есть второй основной процессъ нашей психики, вторая половина нашего ума.

Первичный, непроизводный характеръ различенія и связыванія открывается и изъ того, что ихъ послѣдняя основа—строеніе нашего организма. Причина и источникъ постоянной различающей дѣятельности нашего ума—различные органы нашего тѣла съ ихъ особенными отправленіями. Въ силу строенія своего организма человѣкъ необходимо, по природѣ, есть существо различающее: зрѣнію доступенъ въ предметахъ только одинъ рядъ свойствъ, слуху—другой, осязанію—третій. Поэтому, при каждой встрѣчѣ съ предметами, сейчасъ же происходитъ не только различеніе, но и разложеніе, анализъ предмета на его различныя свойства и усвоеніе каждаго ряда свойствъ отдѣльными соотвѣтственными органами. Каждый органъ беретъ изъ предмета то, что онъ можетъ взять, что соотвѣтствуетъ его строенію, и оставляетъ на долю другихъ органовъ усвоеніе другихъ сторонъ. Даже въ отдѣльныхъ органахъ —зрительномъ, слуховомъ, осязательномъ—есть, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, элементы, спеціально приспособленные для усвоенія и вмѣстѣ различенія и выдѣленія именно такихъ воз-

*) Гальтонъ доказываетъ (Francis Galton, Inquiries into human faculty and its development. London, 1883 г., p. 28—33), что развитіе способности различенія идетъ рука объ руку съ умственнымъ развитіемъ и потому различеніе очень слабо у идіотовъ, слабѣе у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, у дикарей, чѣмъ у образованныхъ.

бужденій, а не другихъ, напр., красныхъ лучей, тепла и холода, высокихъ и низкихъ тоновъ. А такъ какъ умственная дѣятельность и дѣятельность органовъ внѣшнихъ чувствъ связаны между собою неразрывно, впечатлѣнія органовъ внѣшнихъ чувствъ суть тотъ матеріалъ, изъ обработки котораго слагается умственная жизнь, умственные процессы, совершающіеся при непосредственномъ познаніи внѣшними чувствами и посредственномъ (чистой работѣ ума) существенно сходны, словомъ такъ какъ, говоря выраженіемъ Руссо, «наши первые учители философіи—наши ноги, руки, глаза» и первый разумъ человѣка есть всецѣло разумъ чувственный, то естественно, что различающая дѣятельность есть одно изъ основныхъ отправленій нашего ума. Разъ данъ толчекъ этой различающей дѣятельности ума, она идетъ въ своемъ развитіи все дальше и дальше, пока не доходитъ до высшей ступени различенія—отвлеченій, разсматриванія свойствъ явленій отдѣльно, самихъ по себѣ, какъ самостоятельныхъ предметовъ мышленія.

Послѣдняя основа психологическаго процесса связыванія заключается въ цѣлостности и единствѣ нашего организма. Органы внѣшнихъ чувствъ и всѣ другіе органы нашего тѣла различны, имѣютъ свои особенныя отправленія, но при этомъ различіи нашъ организмъ есть единое цѣлостное образованіе, органы и части котораго находятся въ самой тѣсной связи между собою. Всѣ жизненныя отправленія, къ числу которыхъ принадлежитъ и душевная дѣятельность, связаны другъ съ другомъ, вліяютъ на благосостояніе одно другаго и въ то-же самое время связаны болѣе тѣсными и близкими узами въ предѣлахъ каждой отдѣльной группы жизненныхъ отправленій. Главнѣйшимъ связующимъ и объединяющимъ органомъ нашего тѣла служитъ мозгъ, въ немъ отдѣльныя впечатлѣнія, воспринятыя органами внѣшнихъ чувствъ, собираются и соединяются въ одно цѣлое. Если, вслѣдствіе какихъ либо причинъ, поврежденій, ранъ, цѣлостность какого либо органа нарушается, то организмъ стремится возстановить нарушенное единство: разрозненныя части сращиваются или непосредственно или посредствомъ рубца, попавшее въ организмъ инородное тѣло изгоняется наружу путемъ воспаленія и нагноенія и т. д. Душевная дѣятельность не представляетъ собою какихъ либо разрозненныхъ процессовъ, совершающихся хотя и другъ возлѣ друга, но совершенно не касающихся и не связанныхъ одинъ съ другимъ; это дѣятельность живаго организма, въ которой одинъ процессъ содѣйствуетъ или препятствуетъ другому, а процессы каждой отдѣльной группы представляютъ собою

живую ткань процессовъ, нѣчто объединенное и связанное, какъ въ цѣломъ организмѣ объединены и связаны мозгомъ различные органы. Поэтому обособленныя воспріятія отдѣльныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ неизбѣжно объединяются, синтезируются и образуютъ одно представленіе или одну ассоціацію представленій. Далѣе тѣ самые органы внѣшнихъ чувствъ, которые своимъ строеніемъ обусловливаютъ обособленныя воспріятія различныхъ элементовъ цѣлаго, даютъ возможность, въ силу опять же своего устройства, объединеннаго, цѣлостнаго усвоенія элементовъ. Слушая оркестръ, мы можемъ слѣдить и за отдѣльными инструментами и за цѣлымъ оркестромъ; глядя на картину, мы можемъ сосредоточиваться и на части картины и на всей картинѣ, если она невелика. Такое органическое связываніе умственныхъ дѣятельностей съ теченіемъ времени развивается, переработывается и является сложнымъ интеллектуальнымъ связываніемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О РАЗВИТІИ РАЗЛИЧЕНІЯ.

I.

Приступая къ знакомству съ какой ли группой фактовъ, нашъ умъ на первыхъ порахъ бываетъ слабъ въ различеніи явленій, такъ что предъ нимъ развертывается довольно темная и мало опредѣленная картина. Человѣку, никогда не наблюдавшему звѣздъ, не приглядывавшемуся къ нимъ, укажите на небо, усѣянное звѣздами. Каковы будутъ его первыя впечатлѣнія о звѣздномъ небѣ? Самыя поразительныя созвѣздія, которыхъ не замѣтить, не отличить, кажется, нельзя, въ сознаніи такого человѣка на первыхъ порахъ не выдѣлятся изъ массы звѣздъ. Онъ скажетъ, что видѣлъ звѣзды, а какія, гдѣ именно, въ чемъ ихъ особенности—этого онъ не замѣтитъ. Онъ видѣлъ только звѣзды вообще, много звѣздъ и больше ничего [*]) Тоже самое будетъ, если человѣку, незнакомому съ растеніями, указать на массу полевыхъ и луговыхъ цвѣтовъ, незнакомаго съ различными породами деревьевъ ввести въ обширный лѣсъ, европейца, никогда не видавшаго ни негровъ, ни китайцевъ, ввести въ толпу негровъ и китайцевъ: ему сначала покажется, что всѣ цвѣты, деревья, негры и китайцы рѣшительно устроены на одинъ ладъ и что отличить негра отъ негра, китайца отъ китайца невозможно. Европейскимъ путешественникамъ дикари кажутся очень похожими другъ на друга [**]), какъ нѣкогда римлянамъ казались похожими германцы. Тацитъ замѣтилъ о германцахъ, что

*) Партія эскимосовъ прибыла однажды въ Лондонъ. Руководитель въ одинъ день показалъ прибывшимъ всѣ достопримѣчательности столицы. По возвращеніи, эскимосовъ спрашивали, что они видѣли. Они не могли отвѣтить. Наконецъ одинъ изъ нихъ, подъ вліяніемъ вопросовъ, вышедъ изъ своего оцѣпенѣнія, отвѣтилъ, качая головой: «слишкомъ много дыму, шуму, домовъ, людей».

**) Waitz, Anthropologie, erster Theil. s 74—75.

каждый изъ нихъ выглядитъ точно такъ же, какъ и всякій другой, потому что высокій ростъ, голубые упрямые глаза и свѣтлые волосы поражали римлянъ при первомъ знакомствѣ съ германцами. Кендаль сказалъ о мексиканкахъ, что иностранцу онѣ всѣ кажутся похожими, потому что, при одинаковой одеждѣ, всѣ имѣютъ черные волосы, темные блестящіе глаза и очень правильныя черты лица. А Уллоа сказалъ даже, что кто видѣлъ одного туземца Америки, тотъ видѣлъ всѣхъ *). Между тѣмъ путешественники, достаточно долго жившіе между дикарями, находятъ, что дикари имѣютъ и племенныя и индивидуальныя физическія особенности, а у мексиканокъ, кромѣ поименованныхъ общихъ чертъ, есть, конечно, и личныя примѣты. Изъ множества признаковъ, характеризующихъ предметы, сначала замѣчаются одинъ, два и по нимъ предметы называются, вслѣдствіе чего кажутся сходными такія явленія, которыя различны и даже противоположны по своей сущности, а сходны только по внѣшности. второстепенными чертами и даже случайно.

Съ другой стороны несомнѣнно существуетъ слѣдующій фактъ: по мѣрѣ того, какъ мы отходимъ отъ настоящаго времени вглубь прошлаго, раздѣльность и обособленность понятій и дѣятельностей уменьшаются, различія между ними сглаживаются, они приближаются къ элементарнымъ сходнымъ и болѣе общимъ формамъ и наконецъ различіе между ними совсѣмъ исчезаетъ и мѣсто обособленнаго и своеобразнаго занимаютъ невыдѣленность и безразличіе. Напр. нѣкогда многія, нынѣ самостоятельныя, науки совмѣщались въ философіи, которая называлась «знаніемъ вещей божескихъ и человѣческихъ» и выдѣлились изъ нея уже на памяти исторіи; раньше философіи подобный же энциклопедическій характеръ имѣла миѳологія; многіе отдѣльные промыслы и ремесла въ старину совмѣщались въ предѣлахъ семьи, изготовлявшей для себя все нужное, что въ настоящее время приготовляется сотнями спеціалистовъ рабочихъ; власть судьи и обязанность жреца совмѣщались въ рукахъ главы семьи, патріарха, который не въ состояніи былъ точно указать предѣлы своей родительской власти, судебной, жреческой, сливавшихся между собою и т. д.

Приведенные факты внушаютъ мысль, что древнѣйшее. первоначальное состояніе ума со стороны его различающей дѣятельно-

*) Проф. Сѣченову случалось смѣшивать по лицу негритянку дѣвушку съ негромъ юношей. Психологическіе этюды. Стр. 193—4.

сти было состояніе невыдѣленности, необособленности мысли, неразличенія представленій, и что чѣмъ ближе мы подходимъ къ началу, къ зарожденію умственной дѣятельности человѣка, тѣмъ слитность и безформенность мыслительности, ея расплывчатость становятся больше. Но такъ ли это было на самомъ дѣлѣ? Есть ли какія либо фактическія доказательства существованія такого состоянія? Доказательства есть.

Размѣры различающей дѣятельности ума въ настоящее время довольно хорошо могутъ быть опредѣляемы количествомъ словъ въ языкѣ. Если мы понимаемъ слово, это значитъ, что мы отличаемъ слово, по значенію и звуку, отъ другихъ словъ; слѣдовательно сколько словъ въ нашемъ личномъ словарѣ, столькими же различеніями, отдѣльными, обособленными одни отъ другихъ понятіями, владѣетъ нашъ умъ. Если нашъ обыденный личный словарь заключаетъ три тысячи словъ, то, значитъ, и нашъ умъ вращается обыкновенно въ сферѣ этихъ трехъ тысячъ различеній, если развитой культурный языкъ народа считаетъ богатство своихъ словъ не только десятками, но и сотнями тысячъ (въ англійскомъ языкѣ считается приблизительно 250,000 словъ),—это будетъ значить, что коллективный умъ народа, говорящаго такимъ богатымъ языкомъ, способенъ сдѣлать сотни тысячъ различеній, иначе слова не будутъ понятны, смѣшаются, потеряютъ отдѣльное самостоятельное существованіе. Поэтому можно сказать, что процессъ различенія у современныхъ культурныхъ націй ушелъ очень далеко, обнимаетъ громадное количество явленій, ихъ свойствъ и видоизмѣненій; умъ современнаго культурнаго человѣчества покрылъ весь міръ сѣтью своихъ различеній и разграничительныхъ линій, каждому явленію онъ назначилъ свое мѣсто, составивъ общій планъ и распорядокъ всѣмъ имъ; онъ провелъ широкія разграничительныя линіи между цѣлыми царствами природы, менѣе широкія между отдѣлами и классами, тонкія между родами и видами и мало по малу дошелъ до отдѣльныхъ вещей, различивъ въ нихъ свойства, части и всякія видоизмѣненія. Всегда ли способность различенія человѣчества была такой тонкой и острой? Такое хорошее, энергичное различеніе было ли искони присуще человѣческому уму? Для рѣшенія этого вопроса мы опять обратимся къ вѣрному спутнику мысли—языку.

Слова современныхъ языковъ имѣютъ длинную исторію, они суть результаты многовѣковой работы, разнообразныхъ измѣненій фонетики словъ и ихъ значенія. Если мало по малу устранять изъ словъ все то, что составляетъ въ нихъ различныя наслоенія и отложенія

процесса развитія и стараться открыть первоначальную основу слова, исходную точку, съ которой начались всѣ его измѣненія, то мы придемъ къ такъ называемымъ корнямъ словъ. Корни—послѣднія данныя въ развитіи членораздѣльнаго языка, до которыхъ въ настоящее время проникъ филологическій анализъ, основныя ячейки, изъ которыхъ развился человѣческій языкъ. Дальше корней идти некуда въ настоящее время, они атомы человѣческой рѣчи. Правда, корни состоятъ часто изъ отдѣльныхъ звуковъ, гласныхъ и согласныхъ, но эти звуки сами по себѣ безжизненны и безсмысленны. Санскритскій корень dâ значитъ давать, но d и â въ отдѣльности ничего не значатъ и изъ нихъ нельзя построить никакого корня. Корни суть простѣйшія образованія языка *).

---

*) При болѣе частной оцѣнкѣ значенія корней въ развитіи языка филологи расходятся. Одна группа филологовъ такъ разсуждаетъ: корни образовали языкъ въ то время, когда еще не было настоящихъ словъ, когда не существовало никакихъ грамматическихъ различій глагола, существительнаго, предлога, склоненій, спряженій. Грамматическія различія суть позднѣйшія наслоенія на корняхъ словъ, съ ихъ появленіемъ возникаютъ слова. Въ словѣ корень теряетъ свое самостоятельное значеніе и составляетъ только его идеальный центръ, абстрактную основу. Въ настоящихъ языкахъ существуютъ не корни, а слова. Но нѣкогда корни существовали дѣйствительно и образовали слова дофлексивнаго языка; корни не суть простыя абстракціи, выдумка грамматиковъ, наши предки въ сѣдой древности говорили корнями. Примѣромъ такого языка въ настоящее время можетъ служить китайскій языкъ, состоящій изъ однихъ неизмѣняемыхъ корней безъ флексій, а равно и вся группа корневыхъ языковъ. Такъ какъ корни суть слова дофлексивнаго языка, то корней отдѣльныхъ флексивныхъ языковъ, въ собственномъ смыслѣ слова, существовать не можетъ, но корни нужно искать въ періодѣ развитія рѣчи, лежащемъ далеко позади флексивныхъ языковъ (напр.: латинскаго, греческаго, санскритскаго), когда флексій еще не было. Корни флексивныхъ языковъ не суть настоящіе корни. Корни односложны и законъ односложности есть основной законъ корней. Корни состоятъ или изъ одной гласной (а, і, у) или изъ гласной и согласной или изъ гласной и нѣсколькихъ согласныхъ. Такого мнѣнія о корняхъ держатся многіе филологи: Курціусъ, Бенфей, Штейнталь, Уитней, Дельбрюкъ (Delbruck, Einleitung in das Sprachstudium, Leipzig, 1880. s. 73—84; ср. Die Sprachwissenschaft. Whitney's Vorlesungen, 1874. Munchen, s. 386—387).

Другая группа филологовъ смотритъ на корни словъ нѣсколько иначе. Корни языка подобны корнямъ дерева съ его стволомъ и вѣтвями—одно предполагаетъ другое, но всѣ одинаково происходятъ изъ сѣмени, которое въ языкѣ представляется неразвитымъ предложеніемъ первобытнаго человѣка. Эта неразвитая сентенція и есть первоначальная монада рѣчи; предложеніе, а не отдѣльное слово, составляетъ исходный пунктъ языка. Языкъ начинается предложеніемъ. До тѣхъ поръ, пока произносимые звуки не соединены въ предложеніе, они имѣютъ не болѣе смысла, чѣмъ крики шакала или лай дворняжки-

Число корней въ различныхъ языкахъ считалось различное. въ еврейскомъ Ренанъ насчитывалъ 500 корней, въ санскритскомъ Бенфей считалъ 1706 корней, другіе же, какъ Поттъ, Курціусъ. принимали отъ 992 до 587; въ готскомъ считали 600 корней, въ нѣмецкомъ 250, въ славянскомъ 1605. Поттъ вообще полагалъ, что каждый языкъ имѣетъ среднимъ числомъ около 1000 корней. Были дѣлаемы попытки привести языки къ несравненно меньшему количеству корней: такъ Муррей хотѣлъ весь англійскій языкъ вывести изъ десяти корней; Шмидтъ весь греческій словарь возводилъ къ корню Е и латинскій къ корню Ні. Максъ Мюллеръ думаетъ, что мысль о возможности выведенія всего богатства ан-

---

пока они не имѣютъ значенія и не выражаютъ нашей мысли, они не составляютъ языка Поэтому корни, въ видѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ образованій, никогда не составляли языка, языкъ и не можетъ состоять изъ корней, какъ односложныхъ словъ внѣ всякихъ отношеній другъ къ другу. Такой языкъ совершенно невозможенъ, такъ какъ основа языка — предложеніе. То что обыкновенно называется корнями, есть собственно не первичное образованіе въ языкѣ, а вторичное, позади періода корней лежитъ другой періодъ правда очень темный, потому что слова этого періода потерялись и мы возстановить ихъ не можемъ. Источникъ корня есть имя или скорѣе аналогія имени (the analogy of the name that is the true source of the root), корень и все семейство относящихся къ нему словъ должны оставаться тѣнью и отраженіемъ того оригинальнаго слова, изъ котораго корень возникъ, должны обнаружить всѣ характерныя свойства слова, а вмѣстѣ и языка, къ которому они принадлежатъ. Большинство корней большинства языковъ, вѣроятно, не односложно и если бы мы могли дойти до самаго перваго состоянія рѣчи, то многосложность корней признали бы общимъ правиломъ. Таковы взгляды Сейса (Sayce, Introduction to the Science of language, London, 1880 vol. 11, p 3, 4, 5, 8, 10, 12, 111—116), Потебни (Изъ записокъ по русской грамматикѣ Изд. 2, 1889 г., стр 9—25), подобныхъ взглядовъ держатся Поттъ и Ренанъ. Послѣдній прямо говоритъ, что «предполагать въ началѣ всѣхъ языковъ состояніе моносиллабическое и безъ флексій можно лишь на основаніи одной, чисто искусственной, гипотезы». Онъ склоненъ къ той мысли, что «языки вышли совершенно готовыми изъ формы человѣческаго духа, какъ Минерва изъ головы Юпитера .. Языкъ, подобно живымъ существамъ, съ перваго появленія обладалъ уже всѣми главнѣйшими составными частями». (Ренанъ, О происхожденіи языка. Перев. Чудинова. 1886, стр 83, 48).

Намъ нѣтъ нужды, въ виду нашей цѣли, входить въ оцѣнку разногласія между филологами относительно корней, потому что его главный смыслъ и значеніе чисто филологическіе. Какъ бы кто изъ филологовъ ни понималъ корни, важно то, что они всѣ 1) признаютъ корни вѣрнымъ средствомъ къ ознакомленію съ мышленіемъ первоначальнаго человѣчества. Тотъ же Сейсъ говоритъ, что «каждая фамилія языковъ имѣетъ свой собственный запасъ корней и эти корни суть лучшіе представители, какихъ только мы можемъ имѣть,

глійскаго словаря изъ дюжины корней сама по себѣ не представляется такъ смѣшной, какъ это часто предполагали *).

До какого числа можно довести сокращеніе корней въ отдѣльныхъ языкахъ или въ языкѣ всего первобытнаго человѣчества, этотъ вопросъ мы оставимъ пока въ сторонѣ; для насъ важенъ несомнѣнный фактъ, что въ той мѣрѣ, какъ мы отодвигаемся отъ настоящаго времени вглубь минувшихъ вѣковъ, количество словъ въ языкахъ сокращается все больше и больше, выводныя слова и всякаго рода приставки исчезаютъ, словарь страшно бѣднѣетъ, изъ сотенъ тысячъ словъ современныхъ языковъ культурныхъ націй остаются десятки тысячъ словъ, потомъ тысячи, далѣе идутъ уже корни, сотни корней и наконецъ остаются, по мнѣнію нѣкоторыхъ филологовъ, только десять корней, единицы и даже всего на всего одинъ корень, т. е. языкъ исчезаетъ совсѣмъ. Какое психологическое значеніе имѣетъ несомнѣнный фактъ возрастающей бѣдности языка, по мѣрѣ движенія отъ настоящаго въ прошлое, и скудость языка первобытнаго человѣчества? Такъ какъ языкъ и мысль связаны очень тѣсно, то указанный фактъ не могъ оставаться безъ значенія для мысли.

Оскудѣніе языка указываетъ на параллельное сокращеніе сферы мысли, на постепенное суженіе ея горизонта: если современный

словаря примитивнаго человѣка. Подобно грамматикѣ и синтаксису, корни также воплощаютъ лингвистическій инстинктъ и стремленія расы; они суть зеркало, помощью котораго мы можемъ обозначить неясные очерки мысли и умственную точку зрѣнія, которую создала каждая отдѣльная фамилія языковъ. Каковъ языкъ, таковы также и его корни» (Sayce, Introduction vol. 11, p. 7—8); 2) первая группа филологовъ не предполагаетъ, чтобы языкъ существовалъ когда либо безъ предложеній, но она въ корняхъ видитъ не развитыя, не оформившіяся предложенія въ родѣ нынѣшнихъ безличныхъ. Эти первоначальныя предложенія состояли всего изъ одного корня, который слитно и неопредѣленно заключалъ въ себѣ и подлежащее и сказуемое и предметъ дѣйствія и обстоятельства дѣйствія и все, что есть въ предложеніи. Такимъ образомъ въ сущности и въ этомъ пунктѣ обѣ группы филологовъ согласны между собою. При дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду и корни отдѣльныхъ языковъ и общіе нѣсколькимъ языкамъ и просто древнія слова, такъ какъ для насъ важно прежде всего и больше всего значеніе корней и словъ; при томъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ филологовъ, «принятіе какъ обще-индо европейскихъ, такъ и спеціально греческихъ, славянскихъ и др. корней не заключаетъ ни малѣйшаго противорѣчія» (Потебня, Изъ записокъ по русской грамматикѣ, 21).

*) The Science of Thought, p. 331—332, 377, 376, 552. Pott, Etymologische Forschungen. Zweite Auflage, 11, erste Abtheilung, S. 83.

2
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

умъ богатъ различеніями и разнообразенъ въ своей дѣятельности, то первобытный умъ былъ бѣденъ и однообразенъ Иное дѣло языкъ и понятія дикаря и дитяти и иное — взрослаго культурнаго человѣка. Но какъ понимать скудость мысли первобытнаго человѣка? Понимать ли дѣло только количественно, въ видѣ уменьшенія матеріала, находившагося въ распоряженіи ума, безъ уменьшенія силы и остроты мыслительныхъ процессовъ, безъ измѣненія качественныхъ ихъ свойствъ или съ оскудѣніемъ языка мысль измѣнялась и качественно и умъ дѣйствовалъ иначе, чѣмъ какъ теперь дѣйствуетъ? Можно предположить, что когда количество словъ сократилось съ сотенъ тысячъ до сотенъ, тогда и понятій пропорціонально стало меньше, человѣкъ меньше зналъ; но въ доступной сферѣ его различеніе было столько же тонко и остро, какъ и прежде, при тысячахъ и десяткахъ тысячъ словъ и понятій, всѣ оставшіяся нѣколько сотенъ корней относились къ одной группѣ явленій которая и различалась съ прежнею тонкостью А можно предполагать и то, что, по мѣрѣ удаленія отъ настоящаго, уменьшается главнымъ образомъ острота различенія и хотя сокращается и количество различаемыхъ предметовъ, но главная убыль замѣчается въ энергіи самой способности различенія, ея тонкости и силы.

Для рѣшенія этого вопроса присмотримся прежде всего къ характернымъ особенностямъ корней и древнихъ словъ со стороны ихъ значенія.

Корни и древнія слова различныхъ языковъ отличаются весьма обширною многозначимостію. Гибкость корней, по замѣчанію филологовъ [*]), очень велика и разнообразіе смысла, выражаемаго однимъ и тѣмъ же корнемъ, часто ставитъ совершенно втупикъ. Разнообразіе мыслей, могущихъ быть выраженными простымъ корнемъ «pas» — прикрѣплять, связывать, М. Мюллеръ называетъ «удивительнымъ» и говоритъ, что еслибы собрать всѣ выводныя и сложныя слова, возникшія изъ этого корня, то можно бы составить маленькій словарь, который далъ бы матеріалъ для не незначительнаго разговора.

Многозначимость корней и древнихъ словъ имѣетъ два вида: въ одномъ случаѣ всѣ значенія могутъ быть связаны и объединены, такъ что изъ всѣхъ значеній корня получается какъ бы одно цѣлое, одинъ основной смыслъ, развивающійся во множествѣ частныхъ

*) M. Muller, The Science of Thought, p. 396, 414, 416; Pott, Etymologische Forschungen, 1, 161—163, 176, 183 и др

значеній; въ другомъ случаѣ значенія корня настолько разнородны и разнообразны, что ни къ какому единству, ни къ какому основному смыслу не приводятся, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, хотя филологи и усердно трудятся надъ приведеніемъ различныхъ значеній корней къ одному основному. Древнеиндійскій корень «kar» въ обширномъ смыслѣ слова значитъ «дѣлать что нибудь». Это общее значеніе распадается на массу совершенно различныхъ отдѣльныхъ смысловъ: совершать (несправедливость), приживать (дѣтей), исполнять (обязанности), строить (городъ), сочинять (стихотвореніе), возбуждать (любовь), просить (милостыню), оказывать (почесть), готовить (кушанье), издать (звукъ) и цѣлый десятокъ еще другихъ значеній. Сфера санскритскаго корня vâ заключаетъ понятія плетенія, тканья, сочетанія, составленія плановъ, поэмъ, пѣсенъ и въ тоже время обозначаетъ ленъ, тростникъ, затканную матерію, загородку вчетверо и т. д.

Уже значенія двухъ названныхъ корней представляются намъ крайне разнообразными. Но всѣ эти значенія поддаются, хотя и съ трудомъ, нѣкоторому логическому объединенію, кажется еще возможнымъ ухватить ту красную ниточку, объ отысканіи которой въ многообразныхъ значеніяхъ корней заботятся филологи и которая всѣ исчисленныя значенія до нѣкоторой степени связываетъ. Но есть множество корней, разнообразные смыслы которыхъ ничѣмъ не объединяются. Напр. древнеиндійскій корень «vî» означаетъ: отыскивать, подходить, сосватывать, охотно принимать, наслаждаться, доставлять, побирать, нападать, мстить; корень da есть мѣстоименный корень третьяго лица и потомъ значитъ еще къ, туда, давать, дѣлить, удѣлять, кормить, связывать, знать; корень ak — быть острымъ, гнуть, быть темнымъ, слѣпымъ, безцвѣтнымъ; коренъ ma — мѣстоименіе перваго лица, не, чтобы не, мычать, ревѣть, мѣрить, образовать, сравнивать и т. д. *).

Въ настоящее время существуютъ корневые языки, т. е. такіе, которые состоятъ изъ однихъ корней безъ всякихъ дальнѣйшихъ флексивныхъ измѣненій. Образцомъ подобныхъ языковъ служитъ китайскій. Онъ заключаетъ въ себѣ около 500 корней и ими выражаетъ всевозможныя понятія. Эта цѣль достигается тѣмъ, что каждый

*) См. A. Fick, Vergleichendes Worterbuch der Indogermanischen Sprachen. Dritte Auflage, erster Band, S. 97—103, 703—704; zweiter Band, 4—8, 264 и др.; Шерцль, О словахъ съ противоположными значеніями. Воронежъ, 1884 г. Zeitschrift fur Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1884 г., ст. Baynes'a Die Psychologische Methode in ihrer Anwendung auf die Sprache.

корень имѣетъ очень много значеній. Напримѣръ въ китайскомъ языкѣ форма «тао» значитъ безразлично и между нѣсколькими другими смыслами: «похитить, достичь, покрыть, знамя, пшеница, вести, дорога»; форма «лю» въ числѣ разныхъ другихъ значеній имѣетъ слѣдующія:» отвратить, повозка, драгоцѣнный камень, ковать, дорога». Каждое китайское слово, взятое отдѣльно, само по себѣ чрезвычайно многозначимо и неопредѣленно и языкъ, состоящій изъ подобныхъ словъ, былъ бы очень мало понятенъ, еслибы присущія словамъ неопредѣленность и обширность значенія не ослаблялись различной интонаціей въ произношеніи словъ, сочетаніемъ нѣсколькихъ словъ въ одно сложное, а главнымъ образомъ поставленіемъ слова на опредѣленное мѣсто въ рѣчи. Мѣсто слова указываетъ, какъ именно нужно понимать слово. Единственное и множественное числа выражаются въ китайскомъ языкѣ общимъ смысломъ фразы, а иногда особыми терминами, имѣющими смыслъ множества; понятія падежей также обозначаются или прибавленіемъ извѣстныхъ словъ или положеніемъ словъ во фразѣ; идея глагола выражается синтаксически или должна выводиться изъ общаго смысла фразы. Въ китайскомъ языкѣ ничто, напримѣръ, не обозначаетъ понятія прошедшаго несовершеннаго времени, иногда только по общему смыслу фразы можно понять, что рѣчь идетъ о будущемъ времени. Условное наклоненіе въ немъ выражается синтаксически, сослагательное и желательное употребленіемъ вспомогательныхъ словъ. Китайскія слова—корни, взятые сами по себѣ, отдѣльно, такъ неопредѣленны, что не передаютъ даже формы нашего неопредѣленнаго наклоненія, которое само весьма неопредѣленно. При письмѣ китайцы пользуются громаднымъ количествомъ различныхъ знаковъ, чтобы ближе опредѣлить тотъ частный смыслъ, въ которомъ въ данномъ случаѣ употребленъ многозначный корень. Эти знаки состоятъ или прямо изъ образовъ, настоящихъ рисунковъ (дерева, горы, собаки) или изъ элементовъ фонетическаго и идеографическаго *). Древняя китайская литература, написанная высокимъ стилемъ, можетъ быть изучаема не столько помощію органа слуха, сколько зрѣнія. При чтеніи вслухъ произведеніе, написанное древнимъ высокимъ стилемъ, не пойметъ ни одинъ китаецъ, вслѣдствіе множества созвучныхъ словъ и ихъ многозначимости; но письменные знаки оттѣняютъ смыслъ словъ и при первомъ взглядѣ вызываютъ опредѣленныя представленія. Ли-

*) Абель Овелакъ, Лингвистика. Перев. съ французъ., 1881, стр. 30—40.

тература древнекитайскаго высокаго стиля говоритъ такимъ образомъ не уху, а глазу *).

Такой же характеръ чрезвычайной многозначимости и неопредѣленности имѣли корни и древнія слова и въ другихъ языкахъ, напр. въ египетскомъ. Слова египетскаго языка имѣли очень много самыхъ различныхъ значеній—(напр. древнеегипетское «xer» значило: опрокинуть, пріятный, мирра, могила, врагъ, негодяй, лицо, нести и многое другое) — и кромѣ того одно понятіе могло выражаться и дѣйствительно выражалось массой различныхъ звуковъ, нѣсколькими десятками, вслѣдствіе чего для поясненія смысла словъ при письмѣ употреблялись иллюстраціи — цѣлыя сотни изображеній различныхъ предметовъ. Только съ развитіемъ египетскаго языка, это смѣшеніе словъ и понятій начало мало-по-малу исчезать и появились такія слова, которыя имѣли одинъ смыслъ, и такія понятія, которыя могли обозначаться одной комбинаціей звуковъ. Въ коптскомъ языкѣ замѣчается несравненно большая устойчивость понятій и словъ, чѣмъ въ египетскомъ. Такъ древнее египетское (іероглифическое) слово «xer», обозначавшее массу самыхъ различныхъ предметовъ, у коптовъ удержало только слѣдующія значенія: выбивать, выбрасывать, разрушать; понятіе «рѣзать» въ древнеіероглифическомъ языкѣ могло быть выражено 37 различными словами, въ коптскомъ же выражается только десятью. И слова и понятія выиграли въ опредѣленности и устойчивости **).

II.

Какой психологическій смыслъ имѣетъ широкая многозначимость корней и древнихъ словъ? Какъ понимать тѣ корни, многообразный смыслъ которыхъ въ настоящее время оказывается совершенно невозможнымъ привести къ какому либо одному высшему значенію? Что думать о тѣхъ корняхъ, различные смыслы которыхъ можно привести къ одному значенію, признавать ли ихъ смѣлыми и хорошими обобщеніями или толковать какъ либо иначе? Нѣкоторыя наблюденія надъ современнымъ языкомъ, кажется, могутъ пролить свѣтъ на эти темные вопросы, нынѣшнее поможетъ объяснить давно минувшее.

Многія слова современныхъ языковъ имѣютъ не одно значеніе, а нѣсколько. Напр. въ русскомъ языкѣ есть выраженія рога ко-

*) Steinthal, Abriss der Sprachwissenschaft. Erster Theil, 1881, s. 53.

**) Carl Abel, Linguistic Essays. London, 1882. p. 226 — 227, 232.

ровы, рога луны, рогатый мужъ, рогатый силлогизмъ. Въ этихъ выраженіяхъ одно и тоже слово имѣетъ различные смыслы и наша мысль нисколько не спутывается многосмысленностію слова рога, мы очень хорошо понимаемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особенное значеніе слова, такъ что слово, одинаковое по звуку, является совершенно различнымъ по смыслу. Сопоставляя настоящее съ прошлымъ, мы можемъ предполагать, что выраженіе «многозначность слова» не точно, что на самомъ дѣлѣ есть только однозвучность различныхъ словъ, т. е. то свойство, что различныя по смыслу слова могутъ имѣть одни и тѣже звуки. Слово въ рѣчи каждый разъ соотвѣтствуетъ одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, каждый разъ, какъ слово произносится или понимается, оно имѣетъ не болѣе одного значенія. Гдѣ два значенія, тамъ два слова. Послѣдовательно могутъ образоваться одно изъ другаго десятки вещественныхъ значеній слова при совершенной неизмѣнности звуковой формы. Если поэтому встрѣчаются корни, совершенно тожественные по внѣшности, между которыми съ звуковой стороны невозможно замѣтить какого либо различія, но которые различны въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, въ своемъ смыслѣ и значеніи, то каждому такому корню слѣдуетъ приписывать отдѣльное существованіе и независимое происхожденіе. Можно высказать такую общую мысль, что если двѣ вещи, будутъ-ли то корни, клѣточки или что нибудь другое, кажущіяся совершенно сходными, становятся различными съ развитіемъ, то ихъ различіе не всегда имѣетъ своей причиной внѣшнія обстоятельства, называемыя обыкновенно средой, но можетъ быть причиняемо скрытыми расположеніями, которыя, въ своей неразвитой формѣ, лежатъ за предѣлами способности человѣческаго воспріятія. «Если два корня, совершенно одинаковые по звуку, производятъ два, всецѣло различныя, семейства словъ, мы заключаемъ, что они, хотя по внѣшности и одинаковы, суть различные корни». Сколько различныхъ значеній корня, столько различныхъ корней—такова сущность изложенныхъ мыслей *).

Но многозначимость словъ современныхъ языковъ и корней можно объяснить не только раздробленіемъ одного корня или слова настолько различныхъ корней и словъ, сколько послѣдніе имѣютъ особыхъ значеній, но и принятіемъ одного, вѣчно неизмѣннаго,

---

*) Такія мысли высказаны Потебней (Изъ записокъ по русской грамматикѣ, стр. 3, 4, 29) и М. Мюллеромъ (The Science of Thought, p. 183 — 186).

значенія слова при множествѣ его приложеній. Видъ многозначимости слова получаютъ отъ того, что вслѣдствіе мѣстныхъ и временныхъ различій въ діалектахъ, особенностей писателей, той или иной связи и положенія въ рѣчи, слова имѣютъ различныя приложенія; но эти приложенія не касаются основнаго существа словъ, ихъ кореннаго смысла, а падаютъ внѣ ихъ. «Слова сами по себѣ совершенно немногозначимы, въ дѣйствительности слова имѣютъ только одинъ смыслъ, а не два, три или болѣе». Задача этимологическаго изслѣдованія и состоитъ въ овладѣніи этимъ единымъ основнымъ значеніемъ слова, въ отысканіи той руководящей красной нити, которая проникаетъ всѣ приложенія слова, объединяетъ ихъ, хотя разрѣшеніе этой задачи и встрѣчаетъ большія затрудненія со стороны множества и разнообразія приложеній словъ *).

Стремленіе найти одно неизмѣнное значеніе слова среди множества его приложеній вноситъ въ изученіе языка логическій принципъ. Внесеніе логическаго принципа опять оправдывается современными языками, которые находятся въ тѣсной связи съ логическимъ мышленіемъ. Грамматика и логика, кажется, сродни между собою, грамматическія и логическія категоріи тѣсно связаны, взаимно поддерживаютъ другъ друга. Современное положеніе языковъ даетъ достаточно основаній разсматривать языкъ какъ логическое построеніе, въ основѣ котораго лежатъ не только логическія, но и философскія начала. Отсюда становится естественной попытка устранить путаницу въ значеніи корней выведеніемъ всего языка изъ небольшаго числа строго опредѣленныхъ философско-грамматическихъ категорій, равно какъ и стремленіе въ его развитіи видѣть систематическое обнаруженіе и приложеніе этихъ началъ.

Указанное направленіе имѣло въ исторіи языкознанія многихъ защитниковъ и выразилось во многихъ частныхъ формахъ, съ различными видоизмѣненіями и оттѣнками. Мы отмѣтимъ только двѣ: болѣе простую и болѣе философскую. Первая принадлежитъ Беккеру (Das Wort in seiner organischen Verwandlung, 1833 г.), вторая М. Мюллеру (The Science of Thought). Въ основу всего языка Беккеръ ставилъ одно первопонятіе (Urbegriff)—движеніе, которое своей спеціализаціей, индивидуализированіемъ создаетъ весь языкъ. Первопонятіе индивидуализируется сначала въ 12 главныхъ понятій (Kardinalbegriffe) — идти, свѣтить, звучать, дуть, течь, дости-

*) Изложенный взглядъ высказанъ Поттомъ (Etymologische Forschungen, 1, 161 — 164, 176).

гать, связывать, дѣлить, покрывать, рости, бросать, ранить, а каждое изъ 12 индивидуализируется вновь; возникшія такимъ путемъ новыя болѣе частныя группы понятій опять дѣлятся и т. д., пока не получатся единичныя представленія и понятія. Весь языкъ представляетъ связную систему понятій, опирающихся и развивающихся изъ одного основнаго, движеніе ума при образованіи группъ понятій есть постоянный и непрерывный переходъ отъ общаго къ частному и индивидуальному, обратное движеніе есть только исключеніе изъ правила; но первопонятіе и главныя понятія, составляющія фундаментъ языка, не суть логическія или философскія категоріи, а принадлежатъ чувственной сферѣ, выражаютъ видоизмѣненія движенія (S. 92 — 3, 99 — 100, 146, 266 — 268 и др.). Максъ-же Мюллеръ, находя въ языкѣ стройную систему понятій, признавая основнымъ движеніемъ мысли движеніе отъ общаго къ частному, видитъ въ развитіи языка осуществленіе именно логико-философскихъ принциповъ Канта и Аристотеля. По его мнѣнію, части рѣчи и логическія категоріи суть не только формы языка и мышленія, но и условія, предваряющія языкъ и слѣдовательно мысль (they are the antecedent conditions of language and therefore of thought). Если мы вообще можемъ говорить и мыслить, то только подъ условіемъ утверждать нѣчто о субстанціи, качествѣ, дѣйствіи и въ этомъ смыслѣ» Кантъ совершенно справедливо разсматриваетъ эти категоріи какъ sine qua non всякой рѣчи и всякой мысли, и категоріи ubi и quando какъ sine qua non всякаго чувственнаго воззрѣнія... Внѣ этихъ категорій человѣкъ по истинѣ былъ-бы «alogos, т. е. не только безсловеснымъ, но и лишеннымъ разума». «Утвержденіемъ абстрактныхъ понятій объ этомъ или о томъ, локолизаціей ихъ здѣсь или тамъ, въ дѣйствительности, приложеніемъ категоріи субстанціи къ корнямъ были положены первыя основы нашего языка и нашей мысли» (459, 433).

Насколько состоятельны такіе взгляды на корни и языкъ?

Не высказаннымъ прямо основаніемъ изложенныхъ мнѣній о невозможности многозначимости корней и древнихъ словъ является предположеніе о невѣроятности такого состоянія ума, при которомъ не различались бы столь различныя вещи и явленія, какія совмѣщались въ объемѣ одного корня. Какъ возможно не различать явно (на нашъ взглядъ) различное? Слово имѣло отъ начала своего существованія постоянно одно значеніе.—Но такъ думать значитъ упускать изъ вида развитіе человѣческихъ способностей, неумѣть представить дѣятельность ума въ другой формѣ, чѣмъ въ какой она является

въ настоящее время. Что нынѣ есть, то было и всегда; какъ нынѣ различаютъ, такъ различалъ и нашъ отдаленный прародитель. Но факты, приведенные въ первомъ очеркѣ, показываютъ, что различеніе не вѣкъ оставалось въ одинаковомъ положеніи, что оно измѣнялось, его энергія и острота увеличивались. Если допустить, что каждому значенію слова соотвѣтствовало особое слово, хотя и тожественное по звуку, что сколько было различныхъ значеній корня—различныхъ для насъ, для нашего ума, въ настоящее время—столько было и различныхъ корней, то нужно вмѣстѣ допустить, что въ эпоху корней различеніе было остро и тонко, область его довольно обширна, что наши отдаленные предки различали хорошо, хотя, конечно, и хуже, чѣмъ мы. Способность различенія сразу начала весьма высокимъ и совершеннымъ состояніемъ, исторія ея развитія начинается не съ начала, а прямо съ середины. Вещь удивительная, тѣмъ болѣе удивительная, что оказывается полное несоотвѣтствіе между мышленіемъ и рѣчью. Во введеніи было выяснено, что мышленіе и языкъ находятся въ самой тѣсной связи между собою и что развитіе ихъ совершается параллельно. Но вотъ теперь открывается, что человѣкъ съ самого начала прекрасно различалъ предметы, его умъ былъ далекъ отъ какой либо путаницы, въ немъ было все раздѣльно и свѣтло, а между тѣмъ языкъ былъ крайне несовершенъ, грубъ, хаотиченъ, для десятковъ различеній могъ дать всего одинъ корень, одно слово, ни на іоту не отличавшееся по звуку отъ другаго слова съ совершенно различнымъ смысломъ. Различеніе быстро шло впередъ, языкъ былъ далеко позади. При такихъ взглядахъ понять развитіе различающей способности крайне трудно и даже прямо невозможно и языкъ становится малоцѣннымъ показателемъ относительно исторіи ума. Съ этой точки зрѣнія можно безъ особыхъ затрудненій предположить и такое явленіе, что языкъ состоялъ нѣкогда всего изъ одного слова, а различеній были тысячи, и при такомъ предположеніи можно будетъ утверждать, что слово только съ звуковой стороны было одно, а на самомъ дѣлѣ, по значенію и смыслу, словъ было много; сколько было особыхъ различеній, столько было и словъ.

Но при многозначимости корней и словъ какъ же могли совершаться мышленіе и пониманіе рѣчи? Слово въ рѣчи каждый разъ должно соотвѣтствовать одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, иначе и мыслить нельзя и понимать рѣчь нельзя. Говорящій говоритъ и разумѣетъ одно, а слушающій понимаетъ совсѣмъ другое.—Многозначимость корней и словъ не предполагаетъ, чтобы корни и слова

не имѣли каждый своего болѣе или менѣе опредѣленнаго смысла, корни были односмысленны. Намъ теперь кажется, что корни имѣли множество различныхъ смысловъ и значеній для ихъ творцовъ; на самомъ же дѣлѣ было не такъ: различные предметы, обозначавшіеся однимъ корнемъ, не казались различными творцамъ корней, этихъ различій они еще не замѣчали, различные для насъ предметы въ ихъ глазахъ составляли одну нераздѣльную группу, мыслившуюся совмѣстно. Какими именно путями совершалось образованіе одной нераздѣльной группы изъ совершенно различныхъ предметовъ—объ этомъ будетъ сказано подробно ниже. Предполагать же значительное количество различеній при самомъ началѣ умственной жизни и увеличивать число словъ допущеніемъ массы соворшенно однозвучныхъ нѣтъ никакой нужды. И различеніе и языкъ одинаково начали скудостію, а не богатствомъ, и языкъ правильно свидѣтельствуетъ о состояніи мышленія и различенія.

Соображенія относительно одинаковыхъ по звуку, но различныхъ въ дальнѣйшей исторіи развитія, по смыслу, корней нельзя признать правильными и убѣдительными ни въ общемъ философскомъ, ни въ частномъ филологическомъ смыслѣ. По смыслу этого принципа слѣдуетъ, что явленія, сдѣлавшіяся различными съ теченіемъ времени, непремѣнно предполагаютъ и различный источникъ. Но если бы такой принципъ былъ справедливъ, то слѣдовало бы прямо отказаться не только отъ многихъ научныхъ стремленій, но даже и пріобрѣтеній. Роды животныхъ въ своемъ развитіи несомнѣнно сдѣлались очень различными, но неужели намъ слѣдуетъ отказаться отъ попытокъ вывести ихъ если не изъ одного, то изъ немногихъ основныхъ? Различныя отрасли человѣческаго труда въ настоящее время чрезвычайно разнообразны; неужели противонаучно поэтому сведеніе ихъ къ простымъ человѣческимъ дѣйствіямъ, выполняемымъ даже безъ помощи орудій? А трактовать объ общемъ единомъ началѣ жизни, и животной и растительной, будетъ уже прямой безсмыслицей. Общее, единое должно быть устраняемо, а различное, отдѣльное, множественное ставимо на первый планъ; что нынѣ различно, то искони было различно. Подобный принципъ приводитъ къ воззрѣнію того древняго греческаго философа, который утверждалъ, что отъ вѣка существовали качественно опредѣленныя частички всѣхъ земныхъ вещей, частички золота, дерева, мяса и т. д., изъ которыхъ и образовался существующій нынѣ міръ. Древній философъ, видя различія между вещами, не считалъ возможнымъ эти качественныя различія вывести изъ какого либо одного общаго

источника и потому предполагалъ различныя свойства вещей существующими вѣчно. Древнему греческому философу позволительно было такъ разсуждать, новому едвали.

Въ филологическомъ смыслѣ высказанный принципъ также не совсѣмъ твердъ. Изъ того, что одинъ корень произвелъ позднѣе два различныя семейства словъ, не слѣдуетъ, что бы это былъ не одинъ корень, а два. То, что не сочетается въ нашемъ умѣ, легко можетъ сочетаться въ другомъ: и дикари и дѣти часто поражаютъ насъ невозможными, съ нашей точки зрѣнія, сочетаніями идей, а между тѣмъ для ихъ умовъ подобныя сочетанія совершенно естественны и законны. Свой умъ, свои взгляды дѣлать мѣриломъ другихъ умовъ, другихъ взглядовъ нельзя. Есть санскритскій корень kam., значащій любить и хлебать. Курціусъ считалъ невѣроятнымъ, чтобы языкъ съ самаго начала обозначалъ столь различныя явленія однимъ и тѣмъ же звукомъ или чтобы можно было возвести къ одному основному значенію вышеприведенные смыслы kam— любить и хлебать. Г. Потебня совершенно справедливо по этому поводу замѣтилъ. «почемъ знать?... Въ славянской народной поэзіи весьма распространено символическое изображеніе любви ѣдой и питьемъ. Почему бы и въ kam любовь не могла быть представлена хлебаньемъ?» *) А Бехтель **) прямо высказывается за то, чтобы корень съ различными значеніями, но совершенно одинаковый по звуку, считать однимъ, а не нѣсколькими корнями, стараться отыскать ихъ общій смыслъ Поэтому въ санскритскихъ корняхъ gh'u лить и gh'u звучать онъ видитъ не два корня, а два значенія одного корня, изъ которыхъ второе есть болѣе точное опредѣленіе перваго.

Къ этому нужно еще прибавить, что между значеніями словъ связи могутъ быть не только по сходству или подобію, но и другія (о нихъ будетъ рѣчь ниже); всѣ попытки привести разные смыслы корня къ одному высшему и общему, на основаніи начала сходства, могутъ оказаться совершенно неудачными, а между тѣмъ въ тоже время между всѣми значеніями корня могутъ существовать связь, единство и извѣстная гармонія.

Признаніе Поттомъ одного неизмѣннаго значенія за корнями и множества измѣнчивыхъ приложеній не выдерживаетъ критики.

---

*) Изъ записокъ по русск. грам. стр. 21.

**) Bechtel, Uber die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnemungen in den indogermanischen Sprachen. 1879. s. XI—XV и вся книга.

Корни имѣютъ совершенно различныя значенія, часто не сводимыя ни къ какому общему и высшему. Если за корнемъ признается одно неизмѣнное и вмѣстѣ, по необходимости, опредѣленное значеніе, то откуда же могутъ возникнуть различныя приложенія корня и даже такія его измѣненія, что онъ, по словамъ самого Потта, становится «до нѣкоторой степени другимъ?» Различныя приложенія корня понятны, когда, отъ слабаго различенія, за корнями признается значеніе обширное, неопредѣленное и по своему содержанію разнородное; но откуда браться этимъ приложеніямъ при неизмѣнномъ и опредѣленномъ значеніи корня? Какъ неизмѣнное превращается въ измѣнчивое и опредѣленное въ широко растяжимое и расплывчатое? И какое изъ значеній корня признать неизмѣннымъ и какія приложеніями и на какихъ основаніяхъ? Предположеніе Потта мало помогаетъ разъясненію дѣла, а трудныхъ вопросовъ возбуждаетъ много. Исторія языка установила несомнѣнный фактъ измѣнчивости, съ теченіемъ времени, значенія словъ, всякихъ переходовъ смысла, даже отъ одного къ другому противоположному. А Поттъ говоритъ о вѣчно неизмѣнномъ значеніи словъ, о единой съ самаго происхожденія и объединяющей всѣ различныя приложенія слова силѣ, объ ewig gleich bleibender Unveränderlichkeit. Одно справедливо замѣтилъ Поттъ, что корни имѣли одно, а не два и болѣе значеній.

На основаніи представленныхъ замѣчаній и въ виду тѣсной связи между мышленіемъ и языкомъ мы не можетъ допустить, чтобы въ умѣ первобытнаго человѣка существовали довольно многочисленныя и ясныя различенія и чтобы, въ случаѣ ихъ существованія, они совсѣмъ не выразились въ языкѣ. Ясность различенія и путаница выраженія, богатство различенныхъ идей и скудость многозначимыхъ словъ — несовмѣстимыя явленія. Между мышленіемъ и языкомъ нѣтъ неразрывной связи, но всегда есть гармонія; скудный, многозначимый словарь отвѣчаетъ шаткой, неразвитой, владѣющей малымъ количествомъ различеній, мысли.

Если по разсмотрѣннымъ взглядамъ первобытный человѣкъ владѣлъ довольно тонкимъ различеніемъ, то защитниками логико-филологическаго направленія онъ надѣлялся сверхъ тонкаго различенія еще способностію отвлеченія, обобщенія и вообще мышленія по аристотелевско-кантовскимъ категоріямъ и апріорнымъ формамъ. По мнѣнію напр. М. Мюллера, каждое слово есть необходимо абстрактный и общій терминъ и такой характеръ присущъ каждому слову. Первобытный человѣкъ довольно хорошо различалъ, умѣлъ

порядочно обобщать, отвлекать, мыслилъ вообще довольно логично, онъ уже такъ родился съ аристотелевскими категоріями и кантовскими формами, «онѣ предшествуютъ мысли и языку». Вся современная формальная логика дѣлается достояніемъ первобытнаго человѣка, онъ руководился ея правилами. Процессы обобщенія и отвлеченія у творцовъ корней существовали не въ какой либо зачаточной формѣ, но были весьма значительно развиты, не только ровнялись силѣ нашихъ настоящихъ процессовъ, но и превосходили наши, такъ какъ прилагались къ самымъ разнообразнымъ и разнороднымъ предметамъ, входившимъ въ объемъ того или другаго корня, и которые мы и въ настоящее время не въ состояніи логически связать и объединить. Человѣчество начало свою мыслительную работу не робкими и не вѣрными шагами, не смутнымъ анализомъ частностей, а явилось сразу на высотѣ отчетливаго различенія, достаточно широкихъ и твердыхъ обобщеній и отвлеченій и вообще мышленія по правиламъ Аристотеля и Канта.

Все это совершенно невѣроятно. Далѣе мы укажемъ, что процессы отвлеченія и обобщенія весьма трудные процессы и развивались въ родѣ человѣческомъ очень медленно; будетъ выяснено, что правила формальной логики, всякія категоріи и апріорныя формы долгое время отсутствовали въ мышленіи, человѣческій умъ не зналъ ихъ и не руководился ими въ своей дѣятельности. Приписывать ихъ первобытному уму совершенно невозможно, это значитъ вполнѣ извращать исторію ума. Защитники строго логическаго характера всего языка, полнаго соотвѣтствія частей рѣчи логическимъ категоріямъ, полагали, что первый человѣкъ говорилъ и думалъ согласно правиламъ формальной логики, такъ что послѣдніе анализы логическихъ понятій даютъ намъ не только мысли первобытнаго и даже перваго человѣка, но и основы его рѣчи, а анализъ рѣчи даетъ элементарныя формы логическаго мышленія. Что логически прежде, то прежде и исторически и въ языкѣ, что намъ теперь кажется наиболѣе простымъ и естественнымъ, тоже было наиболѣе просто и естественно и для дикаря и для первобытнаго человѣка. Дантъ напр. совершенно искренно думалъ и доказывалъ, что первое слово, сказанное Адамомъ, первымъ человѣкомъ, было еврейское El, имя Бога, отца всего.

Едвали нужно говорить, что подобныя идеи совершенно несостоятельны и противорѣчатъ всякой исторіи. Ими отрицается развитіе ума, все, чѣмъ владѣетъ нынѣшній умъ, было уже по существу въ умѣ перваго человѣка, развитія нѣтъ, а есть только обна-

руженіе того, что отъ начала было заложено въ умѣ. Приступать къ изслѣдованію происхожденія и развитія мышленія и языка съ твердою вѣрою, что кантовскія формы и аристотелевскія категоріи суть «условія, предваряющія языкъ и мысль», значитъ разрушать свою задачу, противорѣчить ей. Подобные взгляды могли держаться только до тѣхъ поръ, пока еще не было серьезно приступлено къ историческому изученію мышленія и языка, въ настоящее время подобные взгляды полный анахронизмъ.

III.

Первоначальный языкъ былъ далекъ отъ логической стройности и обобщеній и отправлялся не отъ общихъ понятій къ конкретнымъ; первоначальный языкъ былъ грубъ и несовершенъ съ внѣшней стороны, чуждъ логики внутри и на половину состоялъ изъ жестовъ и мимики. По своей фонетикѣ первоначальный языкъ былъ весьма бѣденъ, количество звуковъ въ немъ было весьма ограниченное и увеличивалось медленно, путемъ созданія новыхъ и дифференціаціи старыхъ. Во многихъ языкахъ уже развитыхъ и давно существующихъ недостаетъ многихъ звуковъ, напр. въ мексиканскомъ языкѣ совершенно отсутствуютъ b, d, g, f, r, s; въ языкѣ кора d, g, s, въ языкѣ тотонака b, d, f, v, k, въ другихъ только губные звуки и т. д. Особенно скудна фонетика маорисовъ въ Новой Зеландіи, у нихъ нѣтъ b, c, d, f, g, dsch, l, q, s, v, x, y, z, а языкъ фуеджіанъ едва ли заслуживаетъ названія членораздѣльнаго. Капитанъ Кукъ сравнилъ звуки этого языка съ звуками откашливающагося человѣка, но только ни одинъ европеецъ не можетъ откашливаться такими сиплыми, гортанными и трещащими звуками Въ индоевропейскихъ языкахъ звуки e и o неодинаковой древности съ другими гласными: какъ короткіе звуки, они отсутствуютъ въ санскритѣ, какъ долгіе, они звучали у индійцевъ во время составленія пѣсней Ведъ подобно двугласнымъ ai и au, изъ которыхъ они и произошли. Множество согласныхъ появилось въ санскритѣ (именно 18) послѣ отдѣленія его отъ европейскихъ языковъ. Существующіе въ языкахъ звуки нерѣдко произносятся весьма нераздѣльно, напр. нѣкоторыми кавказскими племенами звуки k, ch, h, n, t, m, z, tsch произносятся горломъ и такъ нераздѣльно, что непривычное ухо едва можетъ уловить ихъ, а звуки a, o, u не отличаются другъ отъ друга и поэтому въ различныхъ діалектахъ замѣняются одинъ другимъ [1]).

[1]) Julius Lippert, Kulturgeschichte der Menschheit, t. 1, 142; Spencer, Descriptive Sociology, Types of lowest Races, p. 44; Pott, Etymologische Forschungen, t 11, zweite Abtheilung, S. 63—9; Geiger, Ursprung und Entwickelung, 1, 146, 166, 178.

Предполагать, что первоначальный языкъ фонетически былъ богаче многихъ нынѣшнихъ, нѣтъ основаній. Точно также едвали справедливо думать, что звуковая сторона первобытнаго языка была постоянна и неизмѣнна, такъ какъ произношеніе словъ управляется сложными мускулами голосоваго и слуховаго аппаратовъ, опредѣленное сочетаніе которыхъ для согласной дѣятельности дается не сразу, а путемъ долгаго упражненія. Дѣти произносятъ слова на свой собственный ладъ и долгое время не могутъ попасть въ колею обычнаго произношенія; обучить глухонѣмаго правильной комбинаціи различныхъ частей голосоваго аппарата, чтобы въ результатѣ получились болѣе или менѣе опредѣленные и чистые звуки, дѣло громадной трудности. Творцы же корней были первые люди, создававшіе членораздѣльную рѣчь, заставлявшіе свой голосовой органъ дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ. Опыта позади себя они не имѣли и вокругъ себя не слышали правильнаго произношенія, какое слышатъ наши дѣти. Поэтому ихъ произношеніе было шаткое, колеблющееся, одинъ и тотъ же корень произносился различно, сообразно личнымъ свойствамъ говорившаго, его способности управлять своимъ голосовымъ аппаратомъ, тонкости слуха, отчетливости припоминанія слышаннаго названія, силѣ подражательности и т. п. Однообразное произношеніе корней устанавливалось медленно подъ вліяніемъ множества ризличныхъ причинъ.

Что первоначальный языкъ по своему внутреннему складу былъ чуждъ логической стройности и начиналъ совсѣмъ не отвлеченіями и обобщеніями, на это есть указанія у самихъ защитниковъ логико-философскаго пониманія языка, напр. у М. Мюллера. «Хотя въ теченіе времени, когда ростъ языка дѣлается историческимъ и наиболѣе доступнымъ такимъ образомъ нашему наблюденію, навѣрное существовало стремленіе отъ общаго къ спеціальному, я не могу не поддаться убѣжденію, что прежде этого времени былъ допсторическій періодъ, въ теченіе котораго языкъ слѣдовалъ противоположному направленію. Въ теченіе этого періода корни, начиная спеціальными смыслами, становились болѣе и болѣе общими и что только послѣ достиженія этого состоянія они снова развѣтвились на спеціальные каналы». Это первое самоопроверженіе. Второе: «мы нашли, что то, что мы называемъ демонстративными корнями или элементами, должно быть разсматриваемо какъ остатки раннѣйшаго и почти пантомимическаго состоянія языка, въ которомъ

языкъ однако былъ не совсѣмъ тѣмъ, что мы разумѣемъ подъ языкомъ, именно логосомъ, собираніемъ, но только указываніемъ (pointing)» *).

Приведенныя оговорки М. Мюллера въ высшей степени важны, онѣ приподнимаютъ уголокъ завѣсы, скрывающей совершенно иную картину положенія первобытнаго языка и мышленія, чѣмъ какую рисуютъ защитники логико-философскаго направленія. Оказывается, что не общее, а частное служитъ исходнымъ началомъ рѣчи и мышленія; что языкъ въ своемъ началѣ осуществляетъ не кантовскія и аристотелевскія метафизическія формы и категоріи, а есть ничто иное, какъ простое указываніе, т. е. нѣчто наглядное, частное, конкретное, свидѣтельствующее не о философскомъ разсужденіи, а о дѣятельности органовъ внѣшнихъ чувствъ и прежде всего зрѣнія и органа движеній — мускульнаго аппарата. Что указанныя оговорки М. Мюллера не случайныя обмолвки, не имѣющія значенія и совершенно несправедливыя, что, напротивъ, въ нихъ то и выраженъ болѣе правильный, подходящій къ истинѣ взглядъ на состояніе первоначальныхъ мышленія и языка, это, кромѣ всего преждесказаннаго, подтверждается широкимъ участіемъ тоновъ, жестовъ и мимики въ первоначальномъ членораздѣльномъ языкѣ.

Языкъ первобытнаго человѣчества не ограничивался одними словами, въ немъ весьма видное мѣсто занимали интонація и жесты съ мимикой. Въ корневыхъ односложныхъ языкахъ интонаціи очень обычны, съ ихъ помощію одно и тоже слово произносится нѣсколько различно и, сообразно съ различіемъ произношенія, получаетъ различныя значенія. Въ аннамитскомъ языкѣ такихъ интонацій шесть, въ сіамскомъ четыре, въ китайскомъ и бирманскомъ языкахъ также есть тоны. Въ китайскомъ мандаринскомъ діалектѣ насчитываютъ 4 тона, вообще же въ различныхъ провинціяхъ царства отъ 7 до 10. Въ аннамскомъ языкѣ одно и тоже ba, произнесенное съ надлежащими удареніями и интонаціей четыре раза подрядъ, будетъ значить: дама дала по оплеухѣ тремъ княжескимъ любимцамъ. Въ дагомейскомъ языкѣ (въ западной Африкѣ) so значитъ палка, só — лошадь, sò — громъ; въ сіамскомъ há — искать, hâ — чума, hà — пять. У готтентотовъ слово goaḃ, произнесенное высокимъ тономъ, значитъ начало дня, среднимъ — колѣно, низкимъ — ложка **). Въ дѣтскомъ языкѣ интонація играетъ также

*) The Science of Thought, p. 383—4, 241.

**) Овелакъ, Лингвистика, 37, 41—2; Pott, Etymologische Forschungen, t. 11, 1 Abth. 20; Тэйлоръ, Перв. кул. 1, 157; М. Мюллеръ, Наука о языкѣ, 29, 30; Пешель, Народовѣдѣніе, 105 — 6.

весьма важную роль, помощію ея дѣти даютъ тѣмъ же самымъ словамъ самыя различныя значенія. Въ языкѣ взрослыхъ и въ настоящее время интонированіе довольно важное средство для приданія рѣчи бо́льшой выразительности, понятности и силы. Безъ интонацій рѣчь бываетъ менѣе понятной.

Широкая распространенность тоновъ въ членораздѣльныхъ языкахъ, въ языкѣ взрослыхъ и дѣтей, указываетъ на полную естественность выраженія психическихъ состояній помощію тоновъ. У животныхъ также замѣчаютъ взаимное сообщеніе посредствомъ тоновъ. Первоначальный языкъ не только не былъ лишенъ этого элемента, но напротивъ имѣлъ его въ большей мѣрѣ, чѣмъ современные языки или рѣчь дѣтей, такъ какъ членораздѣльные звуки болѣе сложный и трудный продуктъ, чѣмъ простые тоны. Тоны суть своего рода междометія, показатели болѣе чувства, чѣмъ мысли, свидѣтельствуютъ о неясномъ, нераздѣльномъ мышленіи. Тоны, уступая членораздѣльнымъ звукамъ въ гибкости и опредѣлительности. не могли быть такими хорошими выразителями мыслей и чувствъ, какъ членораздѣльная рѣчь, они были въ пору только мышленію грубому, чувственному и ограниченному, чуждому тонкихъ различеній и отвлеченностей.

Другой важный дополнительный элементъ человѣческой членораздѣльной рѣчи — мимика и жесты. Рѣчь дѣтей есть собственно смѣсь словъ съ жестами и мимикой, при чемъ послѣдніе нерѣдко перевѣшиваютъ первые. Часто окружающія дѣтей лица понимаютъ ихъ не столько по словамъ, которыя дѣти произносятъ, сколько по жестамъ и мимикѣ, сопровождающимъ слова. Одно дитя сдѣлало движеніе и потомъ прибавило слово мама, чтобы разсказать, что мама сдѣлала это; сказало слово папа и ударило кулачкомъ по столу, какъ-бы говоря, что папа сдѣлалъ такъ. Взрослые также сопровождаютъ свою рѣчь жестами и мимикой. Нѣкоторые народы отличаются особенно живой, непрерывной и разнообразной жестикуляціей, каковы индусы, арабы, итальянцы (особенно неаполитанцы); другіе же болѣе полагаются собственно на членораздѣльную рѣчь. Между этими послѣдними первое мѣсто занимаютъ англичане. Что касается дикарей, то существуетъ не мало сказаній о такихъ племенахъ, которыя были или совсѣмъ безсловесны и владѣли только языкомъ жестовъ или у которыхъ была такая скудная членораздѣльная рѣчь, что они безъ помощи жестовъ не могли разговаривать о самыхъ обыденныхъ предметахъ, не могли поэтому говорить

въ темнотѣ и т. п. *). Подобныя сказанія, несомнѣнно, преувеличиваютъ дѣло и нѣсколько сомнительны, но самый фактъ существеннаго и большаго значенія жестовъ и мимики въ членораздѣльномъ языкѣ дикарей не подлежитъ никакому сомнѣнію. Напр. бразильскія племена знаками дополняютъ смыслъ своихъ скудныхъ рѣчей, придавая словамъ «лѣсъ, идти» значеніе: «я пойду въ лѣсъ», помощію указыванія ртомъ въ соотвѣтствующемъ направленіи; у племени гребо слова «пі пе» значатъ «я дѣлаю это» или «вы не дѣлаете», согласно жестамъ говорящаго. Мимика и жесты—это общечеловѣческій языкъ, понятный дикарю, образованному, глухонѣмому, дитяти, это естественный волапюкъ, которымъ пользуются всѣ люди, не учась ему. Членораздѣльная рѣчь первобытнаго человѣчества, несомнѣнно. въ изобиліи сопровождалась жестами. Сейсъ весьма справедливо замѣтилъ **): «достовѣрно, что въ исторіи рѣчи было время, когда членораздѣльные или получленораздѣльные звуки, произносимые первобытнымъ человѣкомъ, становились представителями мысли, имѣющими значеніе, при помощи жестовъ, которыми эти звуки сопровождались, и такое сочетаніе звука и жеста — сочетаніе, въ которомъ, нужно помнить, звукъ не имѣлъ смысла отдѣльно отъ жеста — было раннѣйшимъ сужденіемъ». Языкъ же жестовъ былъ и есть языкъ живописный, наглядный, малоспособный, въ своемъ естественномъ видѣ, выражать отвлеченности.

Большое значеніе жестовъ въ первоначальномъ членораздѣльномъ языкѣ открывается и изъ того, что нѣкоторые корни и слова суть какъ бы словесные жесты, членораздѣльныя пантомимы, напр. нѣкоторыя нарѣчія, мѣстоименія, указывающія мѣсто, дѣйствіе, лицо дѣйствующее, такъ называемые М. Мюллеромъ демонстративные корни; измѣненіемъ звуковъ, растягиваніемъ ихъ нерѣдко выражаютъ въ членораздѣльномъ языкѣ долготу и краткость времени, силу и слабость дѣйствія, величину разстоянія и объема, какъ въ языкѣ жестовъ объемомъ движенія, быстротой жестовъ указываются объемъ предметовъ, продолжительность времени, скорость дѣйствія и т. п. Африканцы изъ племени бачапинъ растягиваніемъ звука слова указываютъ разстояніе: они призываютъ людей крикомъ hé!a! и, смотря по разстоянію, звукъ hêe!a! hê-ê-!a удлиняется; южному гваранійскому нарѣчію въ Южной Америкѣ обычно большее или

*) См. подборъ и оцѣнку такихъ сказаній у Тэйлора, Доисторич. бытъ человѣч. стр. 99 — 104.

**) Introduction, 1, 117.

меньшее растягиваніе суффикса прошедшаго времени (yma. y-ma) для означенія долготы или краткости времени, когда событіе имѣло мѣсто; подобный же способъ употребляется у первобытныхъ племенъ Индіи, гдѣ въ языкѣ хо будущее время образуется приставкой á къ корню и протяженіемъ его звука, kajee—говорить, amg kajééá «я буду говорить»; бразильскіе ботокуды словомъ ouatou обозначаютъ ручей, а море называютъ ouatou-ou-ou-ou; чаванты «я иду далеко» выражаютъ romo-wodi, а «я иду весьма далеко»—rom-o-o-o-o-wodi; у одного дикаго племени слово lawauugabi значитъ четыре, а произнесенное на распѣвъ значитъ пять, какъ-бы длинное четыре, у другого племени подобнымъ образомъ различаются названія шести и семи *) Мимическій, пантомимный характеръ подобныхъ словъ очевиденъ, такія слова суть членораздѣльные жесты

Тоже самое нужно сказать и про повторенія слоговъ и словъ для выраженія усиленія качества или дѣйствія. Слово sáma на негрскомъ языкѣ значитъ рано, утромъ; удвоенное значитъ очень рано, утроенное—необыкновенно рано. Чѣмъ выше степень качества, тѣмъ большее число разъ слово повторяется: ka значитъ у негровъ нѣкоторое время, но только короткое; káka — довольно продолжительное время, kákáká — долгое время и 4 ka и даже шесть разъ повторенное ka постоянно будутъ обозначать болѣе продолжительное время **). Такія слова недалеко ушли отъ жестовъ. Есть сходства и точки соприкосновенія между первоначальной грамматикой членораздѣльной рѣчи и сочетаніемъ и распорядкомъ жестовъ въ языкѣ глухонѣмыхъ, именно отсутствіе и въ жестахъ и въ первоначальныхъ словахъ различенія существительныхъ, глаголовъ и другихъ частей рѣчи, отсутствіе связи въ предложеніяхъ и замѣна ея простымъ сочетаніемъ словъ и жестовъ въ одно цѣлое, поставленіе въ рѣчи на первомъ планѣ наиболѣе важныхъ предметовъ и т. п., такъ что грамматика жестовъ и грамматика членораздѣльной рѣчи родня другъ другу. Наконецъ въ слѣдующемъ очеркѣ будетъ выяснено, что корни языковъ постоянно обозначали дѣйствія, движенія различныхъ органовъ тѣла, такъ что членораздѣльный языкъ первоначально, по содержанію и значенію словъ, былъ простымъ спутникомъ и отражателемъ движеній, подобно тому, какъ это бываетъ у глухонѣмыхъ. И глухонѣмые, особенно при сильныхъ возбуж-

*) Тэйлоръ, Первоб. кул. 1, 199 — 200.

**) Steinthal, Die Mande-Neger-Sprachen, S. 65, 224

деніяхъ, издаютъ звуки, хотя ихъ и не слышатъ, и эти звуки при одинаковыхъ возбужденіяхъ повторяются, такъ что звуки служатъ такими же знаками возбужденій, какъ и вызванныя возбужденіями движенія. Вообще же надо сказать, что первобытные люди были не философы, не мыслители логики, по категоріямъ и апріорнымъ формамъ обсуждавшіе разные философскіе и общественные вопросы, это были совершенно чувственныя существа, хотѣвшія ѣсть, пить, обладать женщинами, истреблять враговъ, боявшіяся дикихъ звѣрей и т. п., у нихъ на первомъ планѣ было дѣйствіе, а не слово, само дѣйствіе отлично показывало, что нужно, чего хочется, въ тонкомъ и выработанномъ языкѣ потребности еще не было. Было совершенно достаточно, что слово шло за дѣйствіемъ и отражало дѣйствіе, дѣйствіе было еще краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе слова.

На основаніи всего изложеннаго, то мнѣніе, что корни обозначали понятія, продукты различенія, отвлеченія и обобщенія, что языкъ и мышленіе начали съ общаго и что въ первобытномъ языкѣ и мышленіи осуществлялись философскія начала—логическія категоріи и апріорныя формы, мы признаемъ совершенно неправильнымъ и несоотвѣтствующимъ фактамъ. Корни имѣли значеніе обширное, но не общее, а обширное значеніе корней совсѣмъ не тоже, что общее. Общее значеніе есть значеніе совершенно точное и опредѣленное, оно можетъ быть только результатомъ трудныхъ и многихъ процессовъ — хорошаго различенія, отвлеченія и обобщенія. Всѣ эти процессы недоступны человѣческому уму на первыхъ порахъ его жизни, а потому и корни не могли имѣть общаго значенія, а имѣли значеніе неопредѣленное, разнородное и обширное. Обширное значеніе корней характеризуется отсутствіемъ тонкихъ различеній; отвлеченій и обобщеній въ корняхъ также нѣтъ, но за то есть совмѣстное мышленіе и называніе самыхъ различныхъ вещей. Развитіе мышленія по отношенію къ значеніямъ корней состояло въ томъ, чтобы придать корнямъ смыслъ болѣе опредѣленный и вмѣстѣ съ тѣмъ частный, выяснить и распредѣлить по группамъ заключенныя въ нихъ различія и противоположности, обособить и установить отдѣльныя явленія. Еслибы корни имѣли общее, а не обширное значеніе, то такое движеніе мышленія для выясненія и опредѣленія корней представлялось бы излишнимъ, корни и безъ того были ясны, опредѣленны, точны. Какъ же возникло, какими именно процессами создалось обширное, разнородное и неопредѣленное значеніе корней? Какъ психологически объяснить различные одновременные смыслы и значенія корня?

Мы признаемъ не только возможнымъ, но и правильнымъ приведенные факты относительно многозначимости корней и древнихъ словъ истолковать прежде всего слабою способностію различенія у творцовъ корней. Они называли совершенно различные предметы однимъ корнемъ или словомъ потому, что еще не замѣчали различія называемыхъ явленій, что ихъ различеніе отличалось отъ нашего не только количественно, меньшимъ числомъ различаемыхъ предметовъ, но и качественно-слабостію, грубостію, неумѣньемъ замѣтить очевидныя, по нашему мнѣнію, особенности предметовъ. Вселенная не казалась первобытному человѣку, какъ намъ теперь кажется, чрезвычайно разнообразной, пестрой, вещи и явленія многокачественными, человѣкъ еще не видѣлъ себя окруженнымъ массой всевозможныхъ различныхъ предметовъ—разныхъ формъ, величинъ, цвѣтовъ, степеней твердости и т. д. Вселенная представлялась первобытному человѣку довольно однообразной, сѣренькой, однотонной, для его ума предметы сливались въ одно сплошное цѣлое, въ которомъ раздѣлительныхъ и разграничительныхъ линій, для обособленія различныхъ круговъ явленій, было еще очень мало, да и существовавшія сходились и перекрещивались между собою, различные роды и классы вещей еще не были раздѣлены, наиболѣе несходныя вещи, противоположныя и разнородныя, спокойно относились къ одной группѣ и мыслились совмѣстно. Человѣкъ не могъ еще выдѣлить, особо мыслить и именовать дѣйствіе, лицо дѣйствующее, мѣсто и орудіе дѣйствія, время, способъ и т д., въ различеніи и обособленіи онъ былъ крайне слабъ и тупъ, сфера различаемаго была невелика и самое различеніе недостаточно.

Такое состояніе ума мы называемъ состояніемъ относительнаго неразличенія (не абсолютнаго), оно характеризуется неспособностію замѣтить особенности не только отдѣльныхъ предметовъ, но и цѣлыхъ группъ, родовъ, классовъ; разнородные по своей природѣ отдѣлы явленій кажутся однородными; такія различенія, которыя намъ совершенно обычны, такія отличительныя черты, которыя на нашъ взглядъ совершенно очевидны, сами бросаются въ глаза, такъ что ихъ незамѣтить, кажется, нельзя, еще недоступны. Относительное неразличеніе подобно видѣнію человѣкомъ предметовъ на большомъ разстояніи: качественная опредѣленность вещей тогда незамѣтна, очертаній ихъ точно разсмотрѣть нельзя, гдѣ кончается одна вещь и начинается другая—невидно, одинъ предметъ какъ будто непосредственно переходитъ въ другой и всѣ вмѣстѣ составляютъ одно сплошное цѣлое, въ которомъ ничего опредѣленно различить не-

возможно. Подобное состояніе относительнаго неразличенія и послужило исходнымъ началомъ умственнаго развитія человѣчества. Это состояніе было въ значительной степени пассивнымъ, не столько дѣятельностію, энергіей, сколько отсутствіемъ дѣятельности, слабостію энергіи, неумѣлостію наблюденія и мышленія.

Но неразличеніе не было единственною причиною многозначимости корней и древнихъ словъ, а только самою главною; неразличеніе само по себѣ, какъ замѣчено, есть состояніе пассивное, отсутствіе дѣятельности, но въ первоначальномъ состояніи ума была и дѣятельность. Кромѣ неразличенія въ произведеніи многозначимости корней участвовали и другія причины, именно одновременность или непосредственная послѣдовательность воспріятія различныхъ предметовъ, при близкомъ сосѣдствѣ ихъ по пространству и времени, и замѣчаніе нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе поверхностныхъ, сходствъ между различными предметами. Единство воспріятія различныхъ предметовъ весьма много содѣйствовало многозначимости корней, потому что въ корняхъ мы постоянно встрѣчаемъ смѣшанное обозначеніе предмета, дѣйствія, времени, способа и лица дѣйствующаго. Напр. санскритскій корень «da» одновременно значитъ и данное и дающаго и даваніе; въ китайскомъ корень «ly» значитъ орать, рало и волъ (оратай); въ египетскомъ корень «sem» можетъ значить слушаться, послушаніе и слушающійся. Почему возникли такія совмѣстныя, смѣшанныя обозначенія и лица дѣйствующаго и предмета и самого дѣйствія? Очевидно потому, что лицо дѣйствующее, самое дѣйствіе и предметъ дѣйствія составляли одно цѣлое, недостаточно различались, потому что выдѣленіе напр. дѣйствія отъ дѣйствующаго лица было еще невозможно, дѣйствіе само по себѣ еще не мыслилось, а только въ совокупности съ лицомъ дѣйствующимъ. — Замѣчаніе сходствъ также вліяло на многозначимость корней, потому что и теперь еще во многихъ корняхъ мы можемъ уловить связующее ихъ многоразличныя значенія сходство. Такъ напр. сфера санскритскаго корня vâ заключаетъ понятія плетенія, тканья, сочетанія, составленія плановъ, поэмъ, пѣсенъ и въ тоже время обозначаетъ тростникъ, ленъ, затканную матерію, загородку вчетверо и т. д. Объединяющее всѣ эти значенія сходство явно.

Указаніе причинъ разнообразнаго значенія корней служитъ совершенно достаточнымъ объясненіемъ, почему значенія нѣкоторыхъ корней довольно легко приводятся къ одному общему, тогда какъ другія не поддаются такому логическому объединенію. При образованіи значенія корня перевѣсъ могли получить разныя причины:

если преобладало сходство, то корень, не смотря на различія обозначаемыхъ имъ предметовъ, получалъ видъ цѣльности, органическаго единства и всѣ его значенія могутъ быть приведены къ одному главному и общему, конечно не безъ натяжекъ и усилій, потому что въ образованіи значенія корней дѣйствовала не одна причина, а всѣ указанныя совмѣстно; если же при образованіи значенія корня преобладали простое неразличеніе или одновременность воспріятія, то корень получалъ совершенно различныя значенія, несводимыя къ одному и необъединяемыя никакимъ высшимъ понятіемъ. Думать, что въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ однимъ корнемъ, а со многими, что здѣсь встрѣчаются и соединяются звуковое тожество и мыслевое различіе — совершенно ошибочно. Корень одинъ и по звуку и по смыслу, но этотъ смыслъ обширенъ и разнообразенъ, потому что сознаніемъ не были еще замѣчены различія предметовъ, а одновременностію воспріятія эти различія были сближены и закрѣплены. Логическая нить, связывающая всѣ значенія корня и необходимо будто бы присущая каждому корню, не затеряна нами, а очень часто никогда не существовала, и потому въ настоящее время не можетъ быть найдена и возстановлена. Попытки непремѣнно логически объединить всѣ значенія каждаго корня могутъ вести только къ крайне фальшивымъ и искусственнымъ взглядамъ на развитіе ума и языка. Отсюда же понятно, что корнямъ не принадлежало и не могло принадлежать какого либо неизмѣннаго значенія, оно постоянно измѣнялось, колебалось, первоначальныя смутныя и крайне неопредѣленныя обозначенія постепенно становились ясными и раздѣльными, позднѣйшія генераціи словъ мало похожими на своихъ отдаленныхъ предковъ и по звуку и по смыслу. Корни по своему значенію — это бѣлый свѣтъ до раздѣленія его на призматическіе цвѣта.

IV.

Въ исторіи развитія дѣтскаго языка и мышленія мы можемъ найти много аналогичнаго съ изложенными фактами относительно состоянія различенія у первобытнаго человѣчества. Наблюденія надъ дѣтьми несомнѣнно показываютъ, что ихъ различащая способность наростаетъ и развивается постепенно. Первоначально у нихъ бываютъ недоразвиты и нервная система и органы внѣшнихъ чувствъ, такъ что надлежащее различеніе для нихъ физически невозможно; а позднѣе слабость различенія является чисто психическимъ фактомъ,

неспособностію ума охватить всѣ особенныя свойства предметовъ. Мы не имѣемъ въ виду представить здѣсь полную исторію развитія различающей способности у дѣтей, а приведемъ только факты, параллельные вышеозначеннымъ въ состояніи различенія у первобытнаго человѣчества.

Слова дѣтей многозначимы и многозначимость ихъ словъ возникаетъ отъ тѣхъ же причинъ, что и у творцовъ корней, именно отъ недостатка различенія и замѣчанія сходства въ предметахъ съ одной стороны и одновременности или непрерывной послѣдовательности въ воспріятіи различныхъ явленій съ другой. Приведемъ примѣры дѣйствія въ дѣтскомъ языкѣ той и другой причины.

Мальчикъ одного года часто ѣздилъ по желѣзной дорогѣ. Его поразила машина съ ея свистомъ, дымомъ и шумомъ, сопровождающими поѣздъ. Первое слово, которое онъ сталъ говорить, было «фаферъ» (chemin de fer). Потомъ пароходъ, спиртовая кофейница, всѣ предметы, которые свистятъ, производятъ шумъ и выбрасываютъ дымъ, были фаферы. Такое неразличеніе намъ можетъ казаться удивительнымъ и невѣроятнымъ: поѣздъ, быстро катящійся по чугуннымъ рельсамъ, и спиртовая кофейница, спокойно стоящая на одномъ мѣстѣ, слишкомъ различны для нашего взгляда, такъ что не различить кофейницу отъ поѣзда намъ кажется невозможнымъ при всемъ желаніи. Но нужно помнить, что изъ всѣхъ признаковъ, характеризующихъ желѣзную дорогу, дитя усвоило только слѣдующіе: машина шумитъ, свиститъ, дымитъ; другихъ оно не замѣтило, пораженное шумомъ и свистомъ желѣзнодорожнаго поѣзда, они для его сознанія не существовали. Пароходъ, спиртовая кофейница и другіе подобные предметы также поражали дитя своимъ дымомъ и свистомъ, другихъ ихъ признаковъ оно пока не замѣтило. Поэтому съ точки зрѣнія дитяти было совершенно естественно не различить ихъ, такъ какъ для него совершенно пропадали ихъ видовыя особенности.—Инструментъ, очень непріятный дѣтямъ (клизопомпа), произвелъ на того же ребенка, какъ и естественно, очень сильное впечатлѣніе. Инструментъ, по причинѣ своего звука, былъ названъ «зизи». До двухъ лѣтъ съ половиною всѣ предметы длинные, полые и тонкіе, какъ то футляръ, трубочка для сигаръ, труба были для него «зизи» и онъ приближался къ нимъ съ недовѣріемъ — явный знакъ, что мальчикъ не отличалъ ихъ отъ клизопомпы *). — Тринадцатимѣсячное дитя называло словомъ «по-по» (второй слогъ chapeau) головно

*) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, 1, 19.

уборъ всякаго рода: шляпу, фуражку, войлочную шляпу и надѣвало ихъ на голову. Но оно надѣвало на голову и всякій другой предметъ, болѣе или менѣе похожій на головной уборъ и потому принимаемый за послѣдній: ручной мѣшокъ няни, бумажный мѣшокъ, крышку отъ блюда, абажуръ отъ лампы, маленькую косынку, платокъ, картонный дискъ и тысячу разныхъ предметовъ. — Ребенокъ двухъ лѣтъ съ половиною называлъ уа-уа всѣхъ собакъ, кромѣ Камби, собаки дѣда, которую онъ не умѣлъ еще называть по имени, но которая была для него незаурядная уа-уа. Онъ называлъ еще уа-уа всѣхъ маленькихъ деревянныхъ животныхъ своей коллекціи игрушекъ: собаку, козу, волка, гіену, льва. Но онъ выразилъ на лицѣ удивленіе, когда, увидѣвъ чучело льва, услышалъ, что его называли также уа-уа: онъ поглядѣлъ такъ, какъ будто называвшій ошибался. Если онъ хорошо умѣлъ различать на улицѣ осла отъ лошади и въ особенности отъ быка, то въ его звѣринцѣ все это называлось му, т. е. быкъ *). Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ отношеніи, что онъ очень ясно указываетъ и на отсутствіе и на присутствіе различенія: дитя отказывается называть, на ряду съ другими вещами, тѣмъ же именемъ такую вещь, отличія которой отъ другихъ для него выяснились, каковы собака дѣда и чучело льва; какъ же скоро вещи недостаточно различаются—всѣ вообще собаки и фигурки коллекціи — оно преспокойнѣйшимъ образомъ называетъ ихъ однимъ и тѣмъ же словомъ.

Одновременность или непрерывная послѣдовательность воспріятія различныхъ явленій также вызываетъ многозначимость словъ у дѣтей. Одно дитя словомъ «квакъ» обозначало утку, муху, орла, вино, монеты, воду. Такая многозначимость слова «квакъ» насъ точно такъ же удивляетъ, какъ и многозначимость корней: слишкомъ уже различны обозначаемые этимъ словомъ предметы, неужели возможно не различать ихъ? Но происхожденіе многозначимости слова «квакъ» намъ извѣстно: дитя словомъ «квакъ» назвало первоначально утку, по звукоподражанію, и воду, по одновременности воспріятія; потомъ, по неразличенію и нѣкоторому сходству, оно назвало словомъ «квакъ» съ одной стороны всѣхъ птицъ и насѣкомыхъ, съ другой — всѣ жидкости; наконецъ монеты были названы также «квакъ», потому что на одной монетѣ дитя увидало изображеніе орла, напомнившее ему птицъ **). Такимъ образомъ всѣ эти разнообразные предметы: жидкости, птицы,

*) Пэре, Первые три года жизни ребенка. Стр. 177. 235.

**) Revue Philosophique 1878, № 11, p. 503. Note 1.

насѣкомыя, монеты образовали въ сознаніи дитяти какой то нераздѣльный клубокъ представленій, нѣчто цѣлое и единое, части котораго были сближены и объединены недостаточнымъ различеніемъ, единствомъ воспріятія и поверхностнымъ сходствомъ. Понять со стороны единство и цѣлостность этого клубка различныхъ представленій рѣшительно невозможно, а между тѣмъ при словѣ «квакъ» въ сознаніи дитяти проносились и утка и орлы и вода и монеты, все это было связано, существовало вмѣстѣ, нераздѣльно.

Мальчикъ, году съ четвертью, видалъ ежедневно зимой, какъ зажигаютъ на улицѣ фонари. Неожиданное появленіе въ фонарѣ газоваго пламени удивляло его и онъ восклицалъ при видѣ пламени· «свѣтъ!» Но вотъ однажды около полудня пришелъ фонарщикъ съ лѣстницей, чтобы вычистить фонарь, и дитя, завидя его, воскликнуло· «свѣтъ» *). Само собою разумѣется, отсюда, изъ этого восклицанія, нельзя заключить, что дитя не въ состояніи было отличить фонарщика или его лѣстницу отъ газоваго пламени въ фонарѣ; приведенный фактъ показываетъ, что фонарщикъ, его лѣстница, фонарь и пламя въ фонарѣ образовали въ умѣ дитяти одну твердую ассоціацію, одинъ клубокъ представленій, который дитя еще не умѣло размотать, т. е. разложить на составляющія его части и каждую часть мыслить особо, какъ первобытное человѣчество не умѣло мыслить дѣйствіе отдѣльно отъ лица дѣйствующаго и предмета дѣйствія. Всѣ члены разсматриваемой ассоціаціи представлялись дитятей совмѣстно, нераздѣльно, не имѣли отдѣльнаго существованія и потому всѣ обозначались однимъ именемъ «свѣтъ», именемъ наиболѣе поразительнаго элемента ассоціаціи.

Вообще на первыя слова дѣтскаго языка нельзя смотрѣть только какъ на отдѣльныя слова, они суть предложенія, заключающія въ себѣ цѣлыя мысли, хотя и неясныя, спутанныя. Говоря «амъ-амъ», дитя обозначаетъ этимъ не только лай собаки, но и самую собаку и ея конуру и что собака кусается и ея внѣшній видъ и все, что касается собаки. Самыя простыя слова, произносимыя дѣтьми, выражаютъ нерѣдко различныя предложенія. Напр. слово папа у одного дитяти значило: приди, играй со мной, помоги мнѣ влѣзть на стулъ, дай мнѣ это и пр.; слово стулъ значило: у меня нѣтъ стула, стулъ сломался, я хочу, чтобы меня посадили на стулъ и др. **).

---

*) Steinthal, Abriss der Sprachwissenschaft, erster Theil, S. 402; подобный же фактъ см. Steinthal, Ursprung d. Sprache, S. 280.

**) Preyer, Die Seele des Kindes, 1882, S. 279 — 280, 313 — 314.

Точно также и корни, образуя нѣкогда живой языкъ, были цѣлыми предложеніями, обозначали сложныя мысли. Рѣчь опредѣленная, съ выдѣленными частями предложенія, есть позднѣйшее явленіе. Одно изъ первыхъ словъ, произнесенныхъ одной дѣвочкой, было «темъ». Слово первоначально не имѣло никакого значенія и произносилось ради забавы; потомъ оно получило слѣдующія одновременныя значенія: дай, возьми, вотъ, смотри *).

На основаніи приведенныхъ фактовъ о характерѣ дѣтскихъ словъ, мы признаемъ неправильнымъ не одинъ разъ высказанное мнѣніе, что исходный пунктъ дѣтскаго языка — собственныя имена, а дѣтскаго мышленія — отдѣльные предметы въ ихъ индивидуальной особенности; слово мать обозначаетъ на дѣтскомъ языкѣ будто бы только одну родную мать, а столъ—извѣстный опредѣленный столъ. Позднѣе эти представленія и слова обобщаются и расширяются.—Дитя, подобно человѣчеству, начинаетъ говорить словами съ обширнымъ (но не общимъ) значеніемъ и до различенія и выдѣленія отдѣльныхъ лицъ и явленій, до знанія ихъ индивидуальныхъ примѣтъ и особенностей доходитъ путемъ долгаго наблюденія и практики. Слово мать для него на первыхъ порахъ есть обозначеніе не индивидуума, а нѣсколькихъ человѣческихъ чертъ, которыя встрѣчаются въ самыхъ различныхъ женщинахъ, старыхъ и молодыхъ, полныхъ и худыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, великорослыхъ и малорослыхъ и даже не только въ женщинахъ, но и въ мужчинахъ; пробуждающееся дѣтское различеніе начинаетъ точно такъ же, какъ, по наблюденіямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, дѣйствуетъ различеніе пробуждающагося отъ гипноза: видя липо, пробужденные гипнотики воспринимаютъ сначала только твердое тѣло, потомъ человѣка и наконецъ опредѣленную личность **). Отъ обширныхъ и неопредѣленныхъ обозначеній цѣлыхъ группъ различныхъ предметовъ къ обозначенію отдѣльныхъ явленій идутъ и дѣтская мысль и дѣтскій языкъ, а не отъ собственныхъ именъ и индивидуальныхъ предметовъ къ общимъ терминамъ и классамъ фактовъ. Да такой ходъ мысли и языка самый простой и естественный: природа и человѣческая жизнь состоятъ, конечно, изъ отдѣльныхъ явленій. Но каждое отдѣльное явленіе есть соединеніе признаковъ двухъ категорій общихъ, родовыхъ, свойственныхъ данному явле-

*) Revue philosophique, 1876, janvier, ст. Тэна.

**) Binet, La Psychologie du raisonnement. Paris, 1886, p. 69 и сл. Такой порядокъ узнаванія замѣчается именно въ случаяхъ систематической анестезіи.

нію со многими другими того-же класса и даже другихъ классовъ, и частныхъ индивидуальныхъ, свойственныхъ только этому существу или явленію и никому больше. Первая группа свойствъ есть самая основная, существенная и въ тоже время наиболѣе бросающаяся въ глаза; вторая менѣе важна и менѣе замѣтна. Мы прежде всего и больше всего живыя одушевленныя существа, а не мертвые бездушные предметы; потомъ люди. а не животныя, бѣлые, а не негры, такіе то индивидуумы, а не другіе; глядя на что-то издали, мы прежде всего опредѣляемъ, что это что-то есть живое существо, потомъ что оно есть животное, собака, пудель, знакомая намъ Амишка, а не наоборотъ. Начинающая мысль и останавливается прежде всего на общихъ признакахъ явленій, какъ наиболѣе выдающихся, оставляя въ сторонѣ частные, и ихъ называетъ. Начинающее различеніе имѣетъ дѣло на первыхъ порахъ и называетъ, конечно, отдѣльные предметы, въ которыхъ встрѣтились замѣченныя свойства, но называетъ по общимъ признакамъ, вслѣдствіе чего названіе, безъ всякой натяжки и усилія, прилагается къ огромной массѣ самыхъ различныхъ вещей, въ которыхъ есть замѣченное общее свойство. Такимъ образомъ, вслѣдствіе неразличенія и замѣчанія нѣкотораго сходства, у дѣтей на первыхъ же порахъ ихъ мышленія и рѣчи появляются слова съ обширнымъ и расплывчатымъ значеніемъ и не могутъ появиться слова съ значеніемъ частнымъ, личнымъ и опредѣленнымъ.

Для правильной оцѣнки данныхъ, представляемыхъ языкомъ дѣтей, относительно положенія ихъ способности различенія, нужно имѣть въ виду, что состояніе относительнаго неразличенія свойственно дѣтямъ въ самое первое время ихъ жизни (до 2—2½ лѣтъ), что затѣмъ развитіе различенія опережаетъ развитіе рѣчи, такъ что одно и тоже наименованіе различныхъ вещей перестаетъ служить показателемъ неразличенія, о чемъ нерѣдко дитя и заявляетъ какимъ либо внѣшнимъ знакомъ. Одинъ мальчикъ трехъ лѣтъ называлъ каждаго мужчину папой и каждую женщину мамой, но сопровождалъ эти названія трясеніемъ головой, т. е. отрицательнымъ движеніемъ, онъ какъ-бы называлъ посторонняго мужчину не-папа и постороннюю женщину не-мама. Настоящіе же папа и мама назывались папой и мамой безъ трясенія головой *). Для рѣшенія вопроса: называніе различныхъ предметовъ однимъ именемъ свидѣтельствуетъ ли за неразличеніе ихъ? нужно искать, въ сомни-

*) Steinthal, Der Ursprung der Sprache, S. 208.

тельныхъ случаяхъ, какихъ либо внѣшнихъ знаковъ, движеній, въ которыхъ бы прямо выражалось, что дитя или различаетъ или не различаетъ одинаково называемые предметы. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ фактовъ такія движенія и указаны *).

Многозначимость словъ довольно обычна и языкамъ дикарей. Спутники Кука были очень удивлены невѣроятнымъ невѣжествомъ одного дикаго племени, члены котраго называли увидѣнныхъ ими на кораблѣ барановъ и козловъ птицами. Слово, произносимое дикарями для наименованія невиданныхъ до сихъ поръ животныхъ, было manu, что значитъ живая вещь, двигающаяся по землѣ или по воздуху. Это наименованіе обозначало не только птицъ, но и людей. Оно же сдѣлалось обозначеніемъ барановъ и козловъ и только съ теченіемъ времени къ нему стали прибавлять нѣкоторыя отличительныя дополнительныя наименованія **). Очевидно, что дикари первоначально въ людяхъ, птицахъ, баранахъ и козлахъ подмѣтили только движеніе, далѣе ихъ различающая способность еще не шла. Какъ же скоро были замѣчены другія особенности, отличающія поименованныхъ существъ другъ отъ друга, были дополнены и оттѣнены и самыя названія. На языкѣ племенъ золотаго берега Африки одно и тоже слово значитъ дорога, случай, свобода, позволеніе; другое слово значитъ дерево, растеніе, шестъ, втыкать, стебель. Поставленное послѣ слово «животное», оно значитъ «хвостъ», послѣ слова «ружье» — «стволъ», послѣ слова «человѣкъ»—«фигура, форма» Таковы же и другія слова ***). На языкѣ негрскихъ племенъ зозо, манде, ваи слово ba значитъ дѣлать, приготовлять, но употребляется въ крайне разнообразныхъ значеніяхъ: рѣзать траву, гресть на лодкѣ, чистить башмаки, снимать шляпу; корень ban значитъ оканчивать, прекращать, задерживать, отбрасы-

---

*) Опредѣленіемъ времени неразличенія дѣтьми предметовъ, указаніемъ движеній, несомнѣнно свидѣтельствующихъ объ этомъ неразличеніи, и единствомъ воспріятія различныхъ предметовъ устраняются всѣ фактическія возраженія Штейнталя противъ существованія разсматриваемаго явленія въ исторіи дѣтскаго ума; теоретическія же его замѣчанія направлены противъ взглядовъ Гейгера относительно процесса смѣшенія. Объ этомъ послѣднемъ процессѣ у насъ будетъ еще рѣчь ниже. Steinthal, Ursprung der Sprache, S. 205 — 212

**) M. Muller, The Science of Thought, p. 53.

***) Ellis, The Tshi—speaking peoples of the gold coast of west Africa. London, 1887, p. 320; см. также Шерцль, О словахъ съ противоположными значеніями. Стр. 9, 10, 77; Спенсеръ, Основанія соціологіи. Т. I, стр. 148, 364, 365, 387.

вать не желать, воспрещать, быть злымъ; корень ко значитъ слово, споръ, предметъ спора, вещь, дѣло, причина, мнѣніе и др.; слово banda знач. небо, облако, воздухъ, время, время года; частичка го имѣетъ значеніе пространственное, временное и причинное, причемъ пространственное обнимаетъ слѣдующія значенія: нахожденіе внутри, подъ, между, также движеніе внутрь и отвнутри ко внѣ. У манденговъ небо, облака, воздухъ, дождь образуютъ одно понятіе, тоже встрѣчается и у племени зозо *).

V.

Выше было замѣчено, что вселенная первоначальнаго человѣчества была однотонной, сѣренькой и очень узкой, что очевидныя различія явленій не были доступны первобытному уму. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны наблюденія надъ числомъ корней и ихъ ближайшимъ значеніемъ.

Количество корней опредѣляли разно, какъ указано въ первомъ очеркѣ. Среднимъ числомъ можно принять 500—1000 корней для языка. Этой цифрой и выразится приблизительный размѣръ различающей способности творцовъ корней. Но указанная цифра въ примѣненіи къ первобытному человѣчеству очень велика. нельзя же предполагать, чтобы 500—1000 корней были созданы разомъ или очень быстро одинъ за другимъ, чтобы между первымъ и тысячнымъ или пятисотымъ корнями не протекло значительнаго времени. При томъ сферы значенія корней въ эпоху первоначальнаго развитія языка не отдѣлялись строго одна отъ другой, перекрещивались и даже отчасти покрывались, поэтому корней съ отдѣльными, болѣе или менѣе обособленными, значеніями на самомъ дѣлѣ было гораздо меньше 500—1000. Въ санскритѣ М. Мюллеръ считаетъ около 800 корней, а болѣе или менѣе отдѣльныхъ понятій, обозначаемыхъ корнями, 121, да и это число, по его же замѣчанію, довольно легко можетъ быть сокращено на значительно меньшее. Эти 121 понятіе составляютъ исходное начало всей нашей культуры: «все, чему мы удивляемся, все, чѣмъ мы гордимся, наши идеи поэтическія, философскія, религіозныя, вся наша литература, вся наша интеллектуальная жизнь построены на этихъ 121 кирпичѣ... Каждая мысль, которая когда либо возникала въ человѣ-

*) Steinthal, Die Mande — Neger — Sprachen. S. 187, 188, 195, 208, 245, 166, 211.

ческомъ умѣ, можетъ быть приведена къ 121 простому понятію» *). Что это за понятія?

По значенію, они могутъ быть распредѣлены на три группы: физіологическія понятія, обозначающія дѣятельности, совершаемыя естественными органами тѣла, напр. царапать, трясти, гнуть, бить, дуть, лизать, сосать, пить, ѣсть, блевать, кашлять, зѣвать, дышать, потѣть, обонять, слышать, видѣть, говорить и т. д. Такихъ понятій большинство, приблизительно около 70; общественныя понятія, обозначающія дѣятельности, совершеніе которыхъ предполагаетъ общественную жизнь, напр. красть, украшать, сражаться, плясать. стеречь, нападать и т. д. Такихъ понятій около 10, психическія отвлеченныя понятія, обозначающія психическія явленія и отвлеченія, напр. думать, знать, желать, бояться, ненавидѣть, быть, жить и т. п. Такихъ понятій около 20. Остальныя изъ остающихся 121 понятія суть тожественныя или близко сходныя съ указанными и потому въ счетъ идти не могутъ. Дѣйствительно различныхъ понятій оказывается около 100.

Едвали нужно распространяться о томъ, что въ то время, когда создавались понятія кусать, царапать, кашлять, сосать и подобныя, въ это же самое время не могли создаваться понятія быть, думать, знать, желать, и даже такія, какъ красть, плясать, украшать. Между возникновеніемъ корней первой группы и возникновеніемъ второй и особенно третьей протекло, несомнѣнно, много времени, это не одновременныя понятія, это два совершенно различные и далеко отстоящіе другъ отъ друга періода въ исторіи цивилизаціи. Такимъ образомъ первоначальныхъ различеній, выразившихся въ языкѣ, было около 70, не считая тѣхъ, которыя выражались различными интонаціями, мимикой и жестами, составлявшими существенную часть членораздѣльнаго языка. Удивляться такому малому количеству различеній, выразившихся въ членораздѣльномъ языкѣ первобытнаго человѣчества, нѣтъ особенныхъ основаній: наблюдатели лексическаго матеріала, находящагося въ распоряженіи современныхъ людей различныхъ степеней образованія, утверждаютъ, что англійскій поденщикъ довольствуется въ своемъ ежедневномъ обиходѣ тремя стами словъ и даже одною сотнею **). Количество различныхъ словъ въ языкѣ племенъ, живущихъ на золотомъ берегу западной Африки, Эллисъ приблизительно считаетъ отъ 350 до 400,

*) M. Muller, The Science of Thought, p. 404—406, 418.

**) Romanes, Mental evolution in man, p. 280.

которыя, разнообразно сочетаясь, и служатъ средствами сообщенія для племенъ. Количество же корней, къ которому съ вѣроятностію могутъ быть приведены всѣ эти слова, менѣе 70 *).

Представляется весьма вѣроятнымъ — и такое предположеніе было высказано не одинъ разъ, — что первымъ предметомъ, привлекшимъ вниманіе человѣка, была внѣшняя природа: ея явленія такъ поразительны, грозны, она такъ глубоко вліяетъ на человѣка, человѣкъ въ зависимости отъ нея на каждомъ шагу, въ каждый моментъ своего бытія. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то: прямыя наименованія внѣшнихъ предметовъ отсутствуютъ между корнями, появленіе въ языкѣ обозначеній внѣшнихъ предметовъ относится къ послѣ—корневой эпохѣ. Первоначально природа обозначалась лишь косвенно, по связи съ человѣческою дѣятельностію, насколько природа служила объектомъ человѣческихъ дѣйствій: въ корняхъ предметъ дѣйствія, самое дѣйствіе, условія и обстоятельства дѣйствія мыслились совмѣстно, нераздѣльно. Но главнымъ моментомъ было самое дѣйствіе, по нему называются всѣ прочія обстоятельства и условія. Напримѣръ въ китайскомъ языкѣ слово, обозначающее палку, одновременно и даже первоначальнѣе значитъ· держать палку въ рукѣ, опираться на палку, бить палкой. Корни называютъ преимущественно движенія, т. е. дѣятельность осязательно-мускульнаго аппарата, при томъ совершаемую и при помощи и нерѣдко безъ помощи орудій, однимъ естественнымъ органомъ. Названій дѣйствій другихъ органовъ мало. Большинство корней — около 50 — значитъ царапать, кусать. разсыпать, бросать, лить, гнуть, сжимать, толкать, жевать, нести, вести, держать и т. д. и меньшинство—около 20—говорить, видѣть, слышать, обонять, потѣть, зѣвать, блевать и т. д. По исчисленію индійскихъ грамматиковъ, число индійскихъ корней составляетъ почти 2000, а число выражающихъ понятіе движенія болѣе 500, т. е. болѣе $^1/_4$ всѣхъ корней.

Значеніе движеній въ развитіи человѣческаго ума оказывается такимъ образомъ громаднымъ. Но оно велико не только по большому числу корней, обозначающихъ движенія, но и потому, что наименованія цвѣтовъ, звуковъ и вкусовъ въ концѣ концовъ суть названія движеній. Слово цвѣтъ въ санскритѣ происходитъ отъ корня var, значащаго покрывать и такимъ образомъ цвѣтъ перво-

*) Ellis, The Tshi — speaking peoples of the gold coast of west Africa p. 318 — 319.

начально былъ понимаемъ какъ результатъ покрыванія, мазанія и самая краска обозначалась движеніемъ (мазаніемъ), а не зрительнымъ ощущеніемъ; мускульное чувство, а не зрѣніе дало первоначальное содержаніе понятію цвѣта. Названія цвѣтовъ, какъ зрительныхъ эффектовъ, позднѣйшаго происхожденія. Звукъ точно также понимался первоначально какъ движеніе и обозначался или указаніемъ причины звука—натягиваніе (напр. струны), крутящееся движеніе, дуновеніе, ударъ, или описаніемъ его внѣшняго явленія —какъ стрѣла, какъ изліяніе, открытіе, или его дѣйствіемъ—онъ проникаетъ. Коренныя значенія словъ, обозначающихъ вкусы, осязательныя: острый вкусъ значитъ рѣжущій, горькій—ѣдкій, горячій—жгущій, сладкій—нѣжный, мягкій. Поэтому первоначально значили: дерево нѣчто лишенное коры, земля—нѣчто растертое, зерно, на ней выросшее—нѣчто лишенное оболочки. Самыя же движенія корнями обозначаются далеко не всегда опредѣленно. Есть корни съ обозначеніемъ движеній опредѣленнаго вида, напр. падать, летать, бросать, катить, но большинство корней выражаетъ неопредѣленное понятіе движенія, которое можетъ быть передано словами moveri, ire (двигаться, идти). По органамъ движеніе также далеко не всегда различается: mordeo на латинскомъ значитъ кусать, но въ санскритѣ корень mrid значитъ тереть руками, натирать, крошить, разбивать, растаптывать; корень, соотвѣтствующій въ латинскомъ и санскритскомъ слову кусать, значитъ разрывать, разбивать, раскалывать. При обозначеніи движеній одни и тѣже слова безразлично прилагаются и къ человѣку и къ животнымъ*), потому что самыя первоначальныя движенія совершаются одними естественными органами, безъ помощи орудій, орудія возникаютъ позже.

Такимъ образомъ сфера различеній первобытнаго человѣчества оказывается весьма небольшой и узкой, а самое различеніе очень тупымъ. Первобытное человѣчество не различало и не выдѣляло еще явленій духовной и общественной жизни; природа точно также прямо еще не называлась и сама по себѣ представляла мало привлекательнаго для человѣческаго ума; вниманіе и различеніе человѣка были сосредоточены на собственныхъ дѣйствіяхъ—органовъ внѣшнихъ чувствъ. Между этими послѣдними преобладающее положеніе

*) M. Muller, The Science of Thought, p. 302—306; L. Geiger, Ursprung der Sprache, 91—99, 103—105; Ursprung und Entwickelung t. 1., S. 21—24; t. 11, 47—49; Bechtel, Uber die Bezeichnungen der sinnlichen Wahrnemungen in den indogermanischen Sprachen. 1879, S. IX, XI и вся книга; Becker, Das Wort in seiner organischen Verwandlung, S. 95, 102.

занималъ осязательно-мускульный аппаратъ: большая часть корней относится къ его дѣятельности, смыслъ названій дѣятельностей другихъ органовъ оказывается еще не спеціальнымъ—зрительнымъ, слуховымъ, вкусовымъ, эти спеціальныя ощущенія еще не были достаточно различены и выдѣлены,— а общимъ наименованіемъ движеній. Самыя же движенія обозначаются корнями не совсѣмъ опредѣленно: виды и частныя формы движеній еще вполнѣ и достаточно не различаются, движенія не обозначаются по органамъ, одни и тѣже слова именуютъ безразлично движенія и людей и животныхъ. Сфера различаемаго была очень мала, а различеніе слабо: внѣшняя природа, психическія явленія, общественныя отношенія, цвѣта, тоны, вкусы—все это было еще въ туманѣ, неясно, все сливалось въ одно, только движенія начали обособляться и выдѣляться въ сознаніи изъ моря неопредѣленностей. Не заливало ли это море нѣкогда сознаніе вполнѣ? Не началось ли умственное развитіе человѣчества съ хаотическаго состоянія, съ полнаго неразличенія и темноты? Вопросъ очень естественный, возникающій самъ собою и Гейгеръ отвѣчаетъ на него утвердительно.

По взгляду Гейгера, необходимой связи между отдѣльными словами и отдѣльными понятіями не существуетъ, только на поверхности языка наблюдается законъ, что каждому звуку отвѣчаетъ опредѣленное понятіе и обратно. На большей глубинѣ такой законъ языка исчезаетъ, тамъ оказывается, что каждый звукъ можетъ обозначать каждое понятіе и каждое понятіе можетъ быть обозначаемо любымъ звукомъ. Корни чрезвычайно многозначимы, такъ что весь языкъ можно вывести изъ одного корня, изъ одного первозвука, который выражалъ безконечно малое. Многозначимость корней при началѣ языка переходитъ во всезначимость (.....aus der Vieldeutigkeit der Wurzeln, welche sich gegen den Anfang der Sprache hin in Alldeutigkeit auflost...). Въ духовномъ отношеніи, со стороны содержанія, развитіе языка началось почти ничѣмъ, была величайшая бѣдность по части понятій, при началѣ языка существовало всего на всего одно понятіе и даже понятія отсутствовали совсѣмъ—были абсолютное смѣшеніе и хаосъ. Анализъ корней приводитъ къ указанію на такое состояніе ума, что мы видимъ осуществленнымъ изреченіе римскаго поэта о хаосѣ первобытнаго времени: «нѣкогда все было соединено и смѣшано въ безформенной массѣ, одинъ видъ имѣли земля, небо и море». Въ тѣ далекіе дни существовалъ хаосъ понятій, о которомъ можно сказать: «тамъ, гдѣ была земля, тамъ же были море и

небо». Понятія земли и моря, посредствомъ понятій облака и часто даже неба, происходятъ изъ одинаковаго основнаго представленія чего то растертаго, намазаннаго, полужидкаго, похожаго на глину *).

Выведеніе всего языка изъ одного звука и всего мышленія изъ одного понятія или изъ первичнаго хаотическаго состоянія ума встрѣчаетъ многія затрудненія. Когда въ словахъ отыскиваются корни и эти корни признаются живой рѣчью первобытнаго человѣчества, то уже такой процессъ считается многими филологами искусственнымъ, школьнымъ, путемъ котораго рѣшительно невозможно подойти къ дѣйствительной первоначальной человѣческой рѣчи. Корни, говорятъ, суть грамматическія отвлеченія, а не живые факты первоначальнаго языка. Что же теперь сказать о такомъ процессѣ, которымъ сотни корней приводятся къ десяткамъ, десятки къ единицамъ, единицы къ одному корню—можно ли такимъ путемъ логическаго анализа и обобщенія значенія корней придти къ исходному началу человѣческаго языка и ума? Теоретически, можетъ быть, и удастся построить такую систему корней и словъ, что въ концѣ концовъ все будетъ держаться на одномъ корнѣ, всѣ понятія будутъ сведены къ одному понятію или хаосу понятій и мысли, но будетъ ли подобная система вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительнаго развитія языка и мышленія? Логическое развитіе, отвлеченная систематизація идей нетожественны съ фактическимъ развитіемъ ума; во всякомъ случаѣ предполагаемое тожество нужно доказать, а факты говорятъ не о тожествѣ, а о различіи.

Факты говорятъ о множествѣ корней, о цѣлыхъ десяткахъ различеній, а не объ одномъ корнѣ и одномъ понятіи; факты говорятъ, что корни были многозначимы, а не то, чтобы любое понятіе могло обозначаться каждымъ звукомъ и каждый звукъ значить всякое понятіе. Корни были широки по своему значенію, захватывали каждый въ свою сферу много самыхъ различныхъ предметовъ, иногда покрывали другъ друга, но это совсѣмъ не значитъ, чтобы корни не имѣли никакого опредѣленнаго смысла. Правда Гейгеръ не безосновательно замѣтилъ, что извѣстные намъ корни не суть первоначальные корни (Urwurzeln), что о первоначальныхъ кор-

*) Ursprung der Sprache, zweite Auflage, 1878 г., S. 31—58, 79—82, 100 и сл.; Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft, t. 1 S. 133—134, 189, 218, 219.

няхъ и ихъ первоначальныхъ значеніяхъ (Urbedeutung) мы въ настоящее время и понятія не имѣемъ. Все это, можетъ быть, и очень справедливо, но тѣмъ не менѣе фактически далѣе нынѣшнихъ корней мы въ настоящее время идти не можемъ, Urwurzeln неизвѣстны. Притомъ не нужно забывать двухъ обстоятельствъ: а) первоначальный языкъ состоялъ не изъ однихъ членораздѣльныхъ корней, но и изъ тоновъ, жестовъ мимики, что самые членораздѣльные корни были только спутниками движеній. Стремиться вывести всѣ корни изъ одного корня не значитъ еще выводить весь языкъ изъ одного корня, нетронутыми останутся обширные и существенно важные элементы языка—мимика, жесты, тоны. Да и какъ представить одинъ звукъ въ основѣ языка—вѣдь этотъ звукъ былъ рефлективенъ, а неужели первобытный человѣкъ былъ способенъ рефлективно издавать только одинъ звукъ? ; б) человѣка нужно признать въ извѣстной степени существомъ различающимъ по самой его природѣ. Если органическое существо не выбираетъ пищи, не отличаетъ яда отъ питательнаго вещества, не умѣетъ распознать самца и самку, врага, угрожающаго жизни, и мирное животное, то оно неизбѣжно погибнетъ. Каждое органическое существо, въ томъ числѣ и человѣкъ, необходимо должно различать, чтобы жить, жизнь въ нѣкоторомъ смыслѣ есть процессъ различенія. О полномъ отсутствіи различеній у человѣка, объ умственномъ хаосѣ не можетъ быть и рѣчи, Гейгеръ зашелъ слишкомъ далеко. Если первоначальныя значенія корней, обозначавшихъ дѣятельности зрѣнія, слуха и осязанія, сводятся на движенія, то это значитъ, что дѣятельность осязательно-мускульнаго органа преобладала надъ другими, что ощущенія другихъ органовъ слабо различались и не обособились еще отъ движеній; но этотъ фактъ совершенно невозможно истолковать такъ, чтобы первобытный человѣкъ былъ абсолютно слѣпъ, глухъ и лишенъ вкуса. Были внѣшнія чувства, была ихъ и дѣятельность, хотя бы еще слабая, плохо различаемая и сознаваемая, подавляемая дѣятельностію могущественнаго органа.

VI.

Относительно развитія различенія въ сферѣ одной группы ощущеній, именно зрительныхъ, существуетъ въ настоящее время цѣлая литература. Вопросъ былъ поставленъ такъ: способность ощущать цвѣта развилась въ человѣчествѣ мало по малу, постепенно достигла своего нынѣшняго состоянія или же она такою сущест-

вовала искони, отъ самаго начала бытія человѣка? Въ сочиненіяхъ одной группы изслѣдователей проводится мысль о первоначальной слѣпотѣ человѣка къ цвѣтамъ и о постепенномъ возникновеніи и развитіи зрительной цвѣтовой способности; въ сочиненіяхъ другой группы изслѣдователей проводится мысль прямо противоположная, именно что человѣку всегда была присуща способность ощущать цвѣта, его зрительный органъ по строенію и отправленіямъ не измѣнялся.

Въ настоящее время можно уже подвести итогъ по основной идеѣ спора, которая достаточно выяснилась, именно въ спорѣ нужно тщательно различать двѣ стороны дѣла: анатомо-физіологическое развитіе сѣтчатки, обусловливавшее возможность новыхъ, не испытывавшихся прежде, цвѣтовыхъ ощущеній, и психическое различеніе цвѣтовъ, всегда ощущавшихся, но по разнымъ обстоятельствамъ остававшихся незамѣченными и неразличенными.

Развитіе сѣтчатки есть объективная основа развитія цвѣтовой способности, въ силу которой ощущенія, бывшія прежде физически невозможными для человѣка, сдѣлались съ теченіемъ времени ему доступными; психическое различеніе цвѣтовъ есть субъективное развитіе, усовершенствованіе психическихъ дѣятельностей, въ силу котораго замѣчается и выдѣляется въ ощущеніи то, что существовало и прежде, но не замѣчалось и пропадало для сознанія. Объективное развитіе сѣтчатки не доказано и маловѣроятно, хотя не невозможно; психическое развитіе способности различать цвѣта несомнѣнно имѣло мѣсто. Представимъ краткій очеркъ споровъ по означенному вопросу и тѣ факты, которые ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія психическое развитіе различенія цвѣтовъ.

Первый толчекъ къ спорамъ далъ Гладстонъ своими изысканіями о пониманіи и употребленіи названій цвѣтовъ Гомеромъ *). Онъ замѣтилъ, что воспріятіе призматическихъ цвѣтовъ у поэта было недостаточно опредѣленно, такъ какъ онъ употреблялъ одинаковыя выраженія для обозначенія совершенно различныхъ цвѣтовъ и наоборотъ, къ одному и тому-же предмету, для обозначенія его цвѣта, прилагалъ различные эпитеты, обозначающіе совершенно различные цвѣта. Отсюда Гладстонъ заключилъ, что Гомеръ былъ слѣпъ по отношенію къ цвѣтамъ и въ свѣтовыхъ ощущеніяхъ различалъ «не ихъ качество, но только ихъ количество». Позднѣе Гладстонъ еще писалъ **) по вопросу о развитіи

*) Studies on Homer and the Homeric Age. Vol. III, Sect. IV, 1858 г.

**) Nineteenth Century, 1877, October, The Colour Sense.

цвѣтовыхъ ощущеній и рѣшительно высказался за то, что эта способность постепенно наростала въ родѣ человѣческомъ. Первоначально существовала абсолютная слѣпота къ цвѣтамъ; потомъ способность ощущенія цвѣтовъ послѣдовательно развилась въ такомъ порядкѣ: красный цвѣтъ, зеленый, фіолетовый. Взглядъ Гладстона встрѣтилъ поддержку со стороны другихъ изслѣдователей. Между ними особенно слѣдуетъ поименовать Лазаря Гейгера, поддержавшаго гипотезу Гладстона своей громадной филологической эрудиціей *), офталмолога Гуго Магнуса, написавшаго нѣсколько брошюръ **) для подтвержденія теоріи развитія цвѣтовыхъ ощущеній у человѣка, и извѣстнаго эволюціониста Гэккеля ***). По мѣрѣ распространенія гипотезы о развитіи цвѣтовыхъ ощущеній въ родѣ человѣческомъ, она находила и противниковъ, которые выступили противъ нее съ доводами всевозможныхъ категорій. Между ними мы имѣемъ въ виду слѣдующихъ: Гранта Аллена ****), Марти *****), Краузе ******) и Гохеггера *******). Кромѣ перечисленныхъ есть много и другихъ, высказавшихся за или противъ по обсуждаемому вопросу; мы назвали главныхъ. Изложимъ сначала взглядъ защитниковъ гипотезы развитія способности цвѣтовыхъ ощущеній, основываясь главнымъ образомъ на сочиненіяхъ Магнуса, а потомъ посмотримъ, какія препятствія встрѣчаетъ эта гипотеза.

Было время, когда человѣкъ не могъ видѣть цвѣтовъ, когда краски для его сѣтчатки почти не существовали и онъ различалъ только степени свѣтлаго и темнаго. Въ свѣтовомъ лучѣ онъ воспринималъ количество, но его качества, его цвѣта не ощущалъ. Въ ученіи древнихъ греческихъ писателей о томъ, что изъ чернаго

---

*) Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit Vortrage. 1877, III Vortrag— Uber den Farbensinu und seine Entwickelung; Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft. Zweiter Band, 1872 г., drittes Buch.

**) Die geschichtliche Entwickelung des Farbensinnes, 1877; Untersuchungen uber den Farbensinn der Naturvolker, 1880; Uber ethnologische UnterSuchungen des Farbensinnes, 1883; Jarbe und Schopfung, 1881.

***) Gesammelte populare Vortrage aus dem Gebiete der Entwickelungslehre. Heft II, 1879 г.—Uber Ursprung und Entwickelung der Sinneswerkzeuge.

****) Grant Allen, The Colour Sense: its origin and development An essay in comparative Psychology. 1879.

*****) Anton Marty, Die Frage nach der geschichtlichen Entwickelung des Farbensinnes, 1879.

******) E. Krause, Kosmos, 1 Jahrg. Heft 3, 5, 6.

*******) Rudolf Hochegger, Die geschichtliche Entwickelung des Farbensinnes. 1884.

и бѣлаго слагаются всѣ прочіе цвѣта, заключается отзвукъ подобнаго состоянія. Да и настоящее положеніе сѣтчатки даетъ нѣкоторыя указанія на нѣкогда бывшую давнюю слѣпоту человѣка къ цвѣтамъ. Способность ощущать краски свойственна и нынѣ не всѣмъ частямъ сѣтчатки одинаково, но ограничена центральною ея частью, периферіи же сѣтчатки туго воспринимаютъ цвѣтовыя возбужденія, такъ что каждая краска, дѣйствующая на такія части, кажется сѣрой. Напр. послѣдній поясъ сѣтчатки чувствителенъ только къ синему. Чувствительность къ другимъ цвѣтовымъ возбужденіямъ въ этомъ поясѣ существуетъ, но скрытно и можетъ быть вызвана. Первоначально чувствительность всей сѣтчатки къ цвѣтовымъ возбужденіямъ была одинакова, такъ же неразвита, какъ нынѣ въ периферіи; но подвергаясь непрерывно дѣйствію свѣтовыхъ лучей, сѣтчатка мало по малу усовершенствовала свою дѣятельность, утончила и возвысила способность реакціи. Вмѣстѣ съ этимъ усовершенствованіемъ она получила способность въ свѣтовомъ возбужденіи воспринимать не только силу, количество, но и качество, цвѣтъ. Такимъ образомъ первоначальная слѣпота человѣка къ цвѣту была собственно скрытымъ состояніемъ ощущать цвѣта, потому что при настоящей слѣпотѣ, общей или частной, развитіе цвѣтовыхъ ощущеній невозможно.

Первоначально ощущеніе цвѣтовъ человѣкомъ было очень несовершенно, ограничивалось неопредѣленнымъ воспріятіемъ цвѣтнаго; постепенно оно развилось. Тѣ краски, которыя энергически, сильно потрясаютъ сѣтчатку, которыя владѣютъ большею живою силою, воспринимались, ощущались и выдѣлялись ранѣе; которыя же владѣютъ меньшею живою силою, тѣ ощущались и выдѣлялись позднѣе, такъ что время выдѣленія ретиной въ свѣтовыхъ лучахъ качества обратно пропорціонально величинѣ живой силы краски. Порядокъ выдѣленія красокъ былъ такой: прежде всѣхъ другихъ выдѣлилась красная. Но первоначально ощущеніе краснаго не было чистымъ и опредѣленнымъ, а еще смѣшивалось съ ощущеніемъ свѣтлаго, такъ что бѣлое и красное строго не различались. Потомъ красное обособилось отъ бѣлаго и стало восприниматься чисто. Къ нему присоединилось ощущеніе желтаго. Ощущенія краснаго и желтаго—первыя самостоятельныя и характерныя цвѣтовыя ощущенія. Къ этимъ двумъ краскамъ, наиболѣе свѣтлымъ и сильнымъ, присоединились понемногу другія, краски средней силы, каковы различные оттѣнки зеленаго, и наконецъ слабыя краски, каковы синяя и фіолетовая. Такимъ образомъ послѣдовательность въ раз-

личеніи красокъ отвѣчаетъ послѣдовательности спектральныхъ или призматическихъ цвѣтовъ, усвояются сначала наиболѣе свѣтлыя краски, потомъ среднія и наконецъ слабыя, развитіе цвѣтовыхъ ощущеній идетъ отъ одного конца спектра къ другому.

Гдѣ же доказательства, что способность зрительныхъ ощущеній развивалась и развивалась именно такимъ образомъ? По самому существу дѣла, доказательства слѣдовало бы приводить изъ области анатомо-физіологической, изъ изслѣдованія зрительнаго органа дикарей и дѣтей. Но такихъ доказательствъ нѣтъ. Правда Гэккель (въ вышеназванномъ сочиненіи) утверждаетъ, что современные образованные люди владѣютъ болѣе тонкимъ строеніемъ улитки, лабиринта и сѣтчатки по сравненію съ дикарями и дѣтьми; но основа этого утвержденія весьма шаткая, именно большая сложность и отчетливость ощущеній цвѣта и звука у современнаго образованнаго человѣка по сравненію съ дикаремъ и даже отчасти съ средневѣковыми людьми (имѣется въ виду позднее развитіе ландшафтной живописи). У дикаря, по мнѣнію Гэккеля, зрительный и слуховой органы дѣйствуютъ съ значительною количественною силою и энергіею, у культурнаго человѣка ихъ дѣятельность качественно выше. Выводить изъ подобныхъ различій въ ощущеніяхъ дикаря и культурнаго человѣка объективное различіе въ анатомическомъ строеніи ихъ зрительнаго и слуховаго органовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ физіологическихъ функціяхъ органовъ—дѣло рискованное, потому что указанную разницу легко объяснить большимъ развитіемъ психическихъ процессовъ, связанныхъ съ ощущеніемъ, различенія, запоминанія, чувства. Вообще не представлено никакихъ прямыхъ анатомо-физіологическихъ доказательствъ за то, что человѣкъ получилъ за время своего существованія новую зрительную способность, сталъ видѣть (а не различать) такой цвѣтъ, котораго прежде физически, по свойству своего зрительнаго органа, не могъ видѣть.

Доказательства, приводимыя защитниками теоріи развитія въ человѣчествѣ зрительныхъ ощущеній, двухъ родовъ: этнографическія и филологическія. Этнографическія состоятъ въ томъ, что у дикарей замѣчается очень часто сильное развитіе ощущенія краснаго и весьма малая острота въ воспринятіи и различеніи зеленаго и синяго. Сообразно съ этимъ и названія для краснаго гораздо опредѣленнѣе, нежели для зеленаго и синяго. Слѣдуетъ отмѣтить и ту особенность цвѣтовой способности у дикарей, что она оказывается иногда наиболѣе чувствительной къ

различенію яркости краски, чѣмъ качеству ея. Чукчи, зрѣніе которыхъ было подвергнуто тщательному изслѣдованію, обнаружили склонность различные по яркости оттѣнки одного цвѣта относить къ различнымъ цвѣтамъ, а одинаково яркіе различные цвѣта группировать въ одинъ классъ, какъ напр. синій и зеленый. Жители золотаго берега Африки всѣ темные оттѣнки цвѣтовъ, напр. темносиній, темнокрасный и др. просто считали темнымъ и разсматривали какъ черное. О нубійцахъ извѣстенъ подобный же фактъ. Такимъ образомъ у нѣкоторыхъ дикарей классификація цвѣтовъ является въ слѣдующемъ видѣ: а) красный съ оттѣнками до желтаго—преимущественно качественное различеніе цвѣта; б) свѣтлый, обнимающій всѣ яркіе оттѣнки различныхъ цвѣтовъ. кромѣ краснаго; в) темный, обнимающій всѣ неяркіе оттѣнки различныхъ красокъ. Въ послѣднихъ двухъ группахъ ощущеній различеніе цвѣта преимущественно количественное.

Но главнѣйшіе доводы защитниковъ развитія цвѣтовыхъ ощущеній въ родѣ человѣческомъ суть филологическіе, ихъ началъ собирать Гладстонъ, пополнили Гейгеръ, Магнусъ и др. въ вышеназванныхъ сочиненіяхъ. Сущность ихъ заключается въ томъ, что а) Гомеръ и другіе классическіе писатели очень мало говорятъ о краскахъ и когда говорятъ, обозначаютъ ихъ очень неопредѣленно. У Гомера небо нигдѣ не называется синимъ, но характеризуется словами «звѣздное» или «безоблачное»; лѣсъ называется не зеленымъ, а тѣнистымъ, луга и долины не зеленѣютъ, не блестятъ красными и синими цвѣтами, но поэтъ обозначаетъ ихъ свойства словами: богатые травой, роскошные, обильные цвѣтами; растенія и цвѣты не характеризуются по своему цвѣту, деревья описываются со стороны своей величины и т. д. Когда же поэтъ говоритъ о цвѣтѣ, то говоритъ спутанно, неопредѣленно и даже. на нашъ взглядъ, неправильно, самые различные по цвѣту предметы называетъ одинаково, напр. къ растеніямъ, землѣ, водѣ, кораблямъ, облакамъ, ночи, желѣзу, вину, кожѣ и др. прилагаетъ одно и тоже наименованіе темный и наоборотъ тѣже самые предметы обозначаетъ множествомъ наименованій, выражающихъ различные цвѣта. Теокритъ называетъ фіалку черной, Виргилій тоже говоритъ о гіацинтахъ и фіалкахъ, Гомеръ называетъ радугу красной. Зеленой и синей красокъ древніе классическіе писатели какъ будто совсѣмъ не знали: б) въ другихъ древнихъ памятникахъ также поражаетъ отсутствіе упоминанія о синей и зеленой краскахъ. Въ Ригъ - Ведѣ небо ни разу не названо синимъ или голу-

бымъ, хотя ему приписывается множество всякихъ другихъ эпитетовъ. Тоже самое замѣчается въ Зендавестѣ, въ Коранѣ, въ пѣсняхъ Эдды. О зеленой краскѣ не упоминается ни въ Ригъ-Ведѣ, ни въ Зендавестѣ. Въ нихъ говорится о деревьяхъ, о вѣтвяхъ, о травѣ, но не упоминается о зеленомъ цвѣтѣ. Наибольшее пристрастіе древность обнаруживала къ двумъ краскамъ—желтой и красной.

На основаніи подобныхъ доказательствъ сдѣлано было заключеніе, что люди временъ Гомера были въ значительной степени слѣпы къ цвѣтамъ, что ихъ спектръ былъ гораздо скуднѣе нашего, именно имъ недоставало ощущеній зеленаго и синяго, способность воспріятія которыхъ возникла и развилась такимъ образомъ уже на памяти исторіи.

По существу дѣла, вся изложенная гипотеза о развитіи въ человѣчествѣ способности ощущать цвѣта разбивается о два, неподлежащіе сомнѣнію, факта: а) животныя способны къ воспринятію цвѣтовыхъ возбужденій, въ частности зеленаго, синяго и фіолетоваго; б) всѣ дикари способны ощущать всѣ цвѣта радуги. Соотвѣтствующіе факты о зрительной способности животныхъ находятся въ сочиненіяхъ многихъ противниковъ гипотезы развитія, преимущественно же у Гранта Аллена и Грабера. Сочиненіе послѣдняго, какъ имѣющее своимъ спеціальнымъ предметомъ изслѣдованіе способности животныхъ воспринимать цвѣта и ихъ яркость, какъ основанное на многихъ опытахъ, произведенныхъ авторомъ надъ многими животными, получаетъ въ данномъ случаѣ особенное значеніе. Граберъ говоритъ напр., что свинья и собака способны различать качество синяго по сравненію съ краснымъ и другими цвѣтами. Отсюда становится затруднительнымъ предполагать, чтобы горилла или орангъ, болѣе близкія къ человѣку по строенію своего организма, были слѣпы къ синему. Вообще Граберъ держится такого мнѣнія: нельзя оспаривать возможности, что воспріятіе цвѣта и яркости есть общая функція каждаго настоящаго зрительнаго органа, хотя съ другой стороны невозможно и утверждать, чтобы вообще каждый животный глазъ былъ въ состояніи различать качественныя свѣтовыя разности *). А если многія животныя владѣютъ достаточно опредѣленною цвѣтовою способностію, то трудно предполагать ея отсутствіе у людей, да еще людей временъ Гомера. Леббокъ на основаніи своихъ наблюденій и опытовъ надъ муравьями,

*) Graber, Grundlinien zur Erforschung der Helligkeits und Farbensinnes der Thiere. 1884. S. 284, 274.

пчелами и осами, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно ихъ цвѣтовой способности: 1) муравьи, пчелы и осы обладаютъ способностію распознаванія цвѣтовъ; 2) муравьи очень чувствительны къ фіолетовому цвѣту; 3) пчелы предпочитаютъ одинъ цвѣтъ другому и особенно любятъ синій *).

Современные дикари владѣютъ способностію ощущать цвѣта вполнѣ. Для рѣшенія вопроса о состояніи способности дикихъ ощущать цвѣта, Грантъ Алленъ собралъ большое количество свидѣтельствъ путешественниковъ и изслѣдовалъ ихъ съ этой стороны. Потомъ онъ составилъ особые вопросы относительно состоянія способности дикарей ощущать цвѣта и разослалъ ихъ миссіонерамъ, правительственнымъ и другимъ лицамъ, живущимъ среди нецивилизованныхъ націй. Вопросы были въ такомъ родѣ: какъ много красокъ различаетъ такое-то племя? Различаетъ ли синюю и зеленую? Синюю и фіолетовую? Сколько наименованій имѣетъ для цвѣтовъ? Есть-ли у него особыя названія для зеленаго цвѣта, синяго, фіолетоваго, и т. п. Онъ получилъ множество отвѣтовъ изъ всѣхъ пяти частей свѣта и общій смыслъ отвѣтовъ оказался слѣдующій: «цвѣтовое чувство въ цѣломъ совершенно тожественно во всемъ человѣчествѣ». Названій для цвѣтовъ имѣется также достаточно, но иногда названій меньше, чѣмъ ощущеній. Наиболѣе ясно различаемыя краски имѣютъ особыя названія, другія же не имѣютъ, напр. фіолетовая, хотя ее и ощущаютъ. Самъ Магнусъ совершенно согласенъ съ такимъ результатомъ изслѣдованій Аллена, потому что его собственныя, подобныя изысканія дали такой же результатъ. Онъ получилъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о зрительной способности очень многихъ дикихъ племенъ и пришелъ къ выводу, что объемъ дѣятельности зрительнаго органа кажется одинаковымъ у самыхъ различныхъ племенъ. У всѣхъ изслѣдованныхъ племенъ существовало ощущеніе всѣхъ, такъ называемыхъ, семи радужныхъ цвѣтовъ; спектръ въ своихъ главныхъ краскахъ, отъ красной до фіолетовой, повсюду былъ извѣстенъ и каждая изъ его главныхъ красокъ была воспринимаема. Наиболѣе необразованныя племена, стоящія на самой низкой ступени развитія, и тѣ признавали каждую отдѣльную главную краску спектра **).

Если животныя способны различать цвѣта, дикари, даже грубѣйшіе, ощущаютъ и различаютъ всѣ главнѣйшіе цвѣта спектра,

*) Муравьи, пчелы и осы. Пер. Аверкіева, Спб., 1889 г. стр. 197, 297, 307, 317.

**) Uber Ethnologische Untersuchungen des Farbensinnes S. 7—8.

то, имѣя въ виду полное отсутствіе какихъ либо прямыхъ анатомо-физіологическихъ доказательствъ о неспособности древняго человѣчества ощущать какой либо цвѣтъ, мы должны признать, что гипотеза анатомо-физіологическаго развитія способности ощущенія (а не различенія) цвѣтовъ въ родѣ человѣческомъ — не говоримъ уже со временъ Гомера, но и въ предъисторическія времена, какъ позднѣе исправилъ гипотезу Магнусъ—по существу своему оказывается совершенно несостоятельной.

Что касается доказательствъ, приводимыхъ въ подтвержденіе развитія цвѣтовыхъ ощущеній у человѣка, то они неубѣдительны. Защитники гипотезы считаютъ возможнымъ раздѣлять въ ощущеніи интенсивность или количество отъ качества или цвѣта и утверждать, что человѣкъ первоначально ощущалъ при свѣтовомъ возбужденіи одно количество безъ качества. Но не приведено достаточныхъ доказательствъ въ подкрѣпленіе такого предположенія. Объективно интенсивность свѣтоваго ощущенія зависитъ отъ амплитуды эфирныхъ волнъ, а качество отъ длины волнъ. Въ каждой волнѣ есть непремѣнно и амплитуда и длина, вслѣдствіе чего интенсивность и качество въ свѣтовомъ ощущеніи представляются въ дѣйствительности соединенными, раздѣляются же они только умственнымъ анализомъ. Въ мнѣніи, что человѣкъ первоначально могъ различать только степени свѣтлаго и темнаго, Марти усматриваетъ спутанность понятій, потому что сѣрое, бѣлое, черное или свѣтлое и темное суть качественныя, а не количественныя различія. Черное или темное есть такое же дѣйствительное ощущеніе, какъ бѣлое или свѣтлое, а не отсутствіе ощущенія.

Предполагаемый порядокъ развитія—отъ краснаго конца спектра къ фіолетовому — цвѣтовой способности также не вполнѣ согласуется съ фактами. Нерѣдко наблюдается слѣпота къ красному цвѣту и очень рѣдко къ другимъ цвѣтамъ. Но невѣроятно, чтобы способность ощущать красный цвѣтъ, пріобрѣтенная раньше всѣхъ и слѣдовательно прочнѣе всѣхъ, чтобы эта способность терялась раньше другихъ зрительныхъ способностей, вопреки обыкновенному и общему ходу забвенія. Периферическія части сѣтчатки, обнаруживающія вообще малую чувствительность къ цвѣтамъ, особенно слѣпы къ красному и зеленому. Слѣпота къ красному цвѣту встрѣчается гораздо чаще между цивилизованными людьми, чѣмъ дикарями, она есть болѣзнь цивилизаціи, что опять является страннымъ при раннемъ возникновеніи способности ощущать красный цвѣтъ.

Этнологическія доказательства, послѣ того какъ убѣдились, что всѣ дикари способны ощущать всѣ цвѣта, не могутъ подтверждать то, что ими хотѣли доказать. Такимъ образомъ остаются одни филологическія соображенія — главная твердыня защитниковъ развитія цвѣтовыхъ ощущеній. Но враги гипотезы дружно напали и на этотъ послѣдній оплотъ ея и въ значительной степени лишили его силы.

Изслѣдованіе различныхъ художественныхъ памятниковъ древнихъ цивилизованныхъ народовъ — живописи, остатковъ цвѣтныхъ декорацій, древнихъ храмовъ и др. — приводитъ къ тому несомнѣнному убѣжденію, что древніе образованные народы, египтяне, ассиріяне, китайцы, индійцы, задолго до эпохи Иліады, имѣли способность ощущать всѣ цвѣта радуги, въ томъ числѣ синій и фіолетовый. Доказательства этого рода особенно тщательно собраны Грантомъ Алленомъ и Марти. Даже по отношенію къ Гомеру противники гипотезы развитія цвѣтовыхъ ощущеній пытаются доказать, что синяя и фіолетовая краски были ему извѣстны, были вообще извѣстны въ концѣ эпическаго періода, когда баллады Одиссеи были собираемы въ одно цѣлое.

Неопредѣленность обозначенія цвѣтовъ древними зависѣла отъ многихъ причинъ. Обращая вниманіе на настоящія названія цвѣтовъ въ современныхъ языкахъ, мы замѣчаемъ, что одни наименованія суть абстрактныя, наименованія качествъ, а другія явно заимствованы отъ наименованій цѣлыхъ предметовъ. Къ первой категоріи относятся синій, зеленый, желтый, ко второй — лиловый, оранжевый, розовый. Въ дѣйствительности же различіе между обѣими категоріями словъ зависитъ отъ времени: нѣкогда и абстрактныя названія цвѣтовъ были обозначеніемъ конкретныхъ предметовъ, но только ихъ первоначальное значеніе въ настоящее время забыто. Первобытный человѣкъ не владѣлъ отвлеченными названіями цвѣтовъ, онъ обозначалъ ихъ конкретно по тому предмету, который былъ окрашенъ соотвѣтственнымъ цвѣтомъ; а такія обозначенія обыкновенно неточны, такъ какъ цѣлые предметы имѣютъ различные цвѣта и оттѣнки. Вообще положеніе большинства полуобразованныхъ народовъ, всѣхъ дѣтей и большой массы необразованныхъ взрослыхъ по отношенію къ запасу словъ, обозначающихъ краски, таково: красная, ранѣе другихъ употреблявшаяся для украшеній, имѣетъ абстрактное названіе; всѣ же прочіе цвѣта обозначаются конкретно, вслѣдствіе чего ихъ обозначеніе по необходимости бываетъ неточно. Неопредѣленность названій цвѣ-

товъ весьма много зависитъ отъ нѣкоторой неопредѣленности самыхъ цвѣтовыхъ ощущеній. Солнечный спектръ содержитъ безконечное множество оттѣнковъ цвѣтовъ, незамѣтно переходящихъ одинъ въ другой. Невозможно переименовать всѣхъ ихъ и мы вынуждены, согласно съ практическими потребностями, изобрѣтать названія только для выдающихся цвѣтовъ. Что древними авторами земля и деревья не называются зелеными, а небо синимъ, для пониманія этого явленія мы должны припомнить, что древнѣйшія письменныя произведенія возникли подъ вѣчно синимъ небомъ и среди вѣчно зеленѣющей природы, а потому вниманіе древнихъ пѣснопѣвцевъ и не могло быть привлечено такими явленіями. Для насъ, сѣверныхъ жителей, разсматриваемая сторона природы поразительна, для туземца же юга она слишкомъ обыкновенное явленіе. Наконецъ нужно припомнить, что пѣсни Гомера и подобныя произведенія слагались въ то время, когда человѣкъ не интересовался множествомъ такихъ вещей, которыя для насъ въ высокой степени интересны. Человѣкъ того времени былъ полудикій, для котораго война, убійство, лошади, скотъ были самыми привлекательными явленіями. Предметы, его интересовавшіе, были предметы неопредѣленнаго, не чистаго цвѣта, индивидуально весьма различные и по цвѣту и по другимъ качествамъ. Каковъ цвѣтъ лошади, коровы, человѣка, воды, корабля подъ парусами? Красный, черный, бѣлый, сѣрый, какой угодно. Обозначеніе, которое годилось для моря въ одномъ отношеніи, годилось для неба въ другомъ. Большая точность въ названіяхъ цвѣтовъ возникла тогда, когда того потребовали обстоятельства, развитіе роскоши въ одеждѣ, въ жилищѣ, когда появились моды и т. п.

VII.

Если гипотеза анатомо-физіологическаго развитія способности зрительныхъ ощущеній оказалась несостоятельной, то гипотеза психическаго развитія способности различенія въ сферѣ зрительныхъ ощущеній совершенно справедлива. Развитіе зрительныхъ ощущеній нужно понимать какъ развитіе психическое, субъективное — способности различенія, а не объективное — сѣтчатки. Разница между этими двумя видами развитія, какъ мы говорили, заключается въ томъ, что у человѣка всегда была физическая возможность видѣть всѣ цвѣта, но не было только психической возможности ихъ различать. Сходство между гипотезами

состоитъ въ томъ, что и въ первомъ (объективная невозможность видѣть всѣ цвѣта) и во второмъ (субъективная невозможность) случаѣ для сознанія пропадали нѣкоторыя группы ощущеній, почти не существовали за ихъ невыдѣленностію, за отсутствіемъ вниманія къ нимъ. Такую психическую невозможность видѣть всѣ цвѣта при физической къ тому возможности мы можемъ сравнить съ неспособностію обыкновеннаго человѣка замѣтить, такъ называемыхъ, «летающихъ мухъ», свойственныхъ каждому здоровому глазу, и двойныя изображенія предметовъ при обыкновенномъ смотрѣніи двумя глазами. Указанные факты, по свидѣтельству физіологовъ, постоянно имѣютъ мѣсто при видѣніи, а между тѣмъ весьма многіе люди и не подозрѣваютъ ихъ существованія, потому что при видѣніи вниманіе бываетъ отклонено отъ нихъ. Такимъ образомъ физическая объективная возможность видѣть на лицо, отсутствуетъ психическая возможность и фактъ теряется для обыкновеннаго сознанія, какъ бы совсѣмъ не существуетъ. Тоже самое было нѣкогда и съ ощущеніями цвѣтовъ. Если въ настоящее время предъ облаками, окрашенными заходящимъ солнцемъ, мы поставимъ живописца и не живописца, то первый въ цвѣтѣ облаковъ будетъ видѣть много такого, чего совсѣмъ не увидитъ второй. Физическая возможность видѣть есть равно и у того и у другого; но у перваго къ физической возможности присоединяется развитая упражненіемъ и навыкомъ сосредоточивать вниманіе на извѣстныхъ явленіяхъ психическая способность различенія; у втораго способность различенія въ данной сферѣ, отъ недостатка упражненія и вниманія, очень слаба. Поэтому онъ, имѣя очи и глядя, не видитъ того, что вполнѣ отчетливо видитъ другой.

Что, при возможности ощущать всѣ цвѣта, люди часто были не въ состояніи хорошо различать ощущаемое, за это могутъ быть приводимы многочисленные и разнообразные факты изъ положенія цвѣтовой способности у современныхъ дикарей и дѣтей.

Хотя дикари могутъ ощущать всѣ цвѣта радуги и такимъ образомъ ихъ цвѣтовая способность по существу одинакова съ цвѣтовою способностію культурныхъ націй, тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя отличія въ воспріятіяхъ цвѣтовъ дикарями и образованными народами. Они состоятъ въ томъ, что одни цвѣта—бѣлый, черный, красный, желтый,—различаются дикарями легко, свободно и обозначаются отдѣльными словами, другіе различаются съ трудомъ, меньше привлекаютъ къ себѣ вниманія и особыхъ названій не имѣютъ. Д-ръ Алмквистъ обстоятельно изслѣдовалъ зрительную способность

чукчей и нашелъ, что они точно различаютъ красный цвѣтъ и его оттѣнки, со включеніемъ желтаго; въ различеніи же зеленаго и синяго у нихъ обнаруживается значительная неувѣренность. Когда ихъ просятъ на изображеніи спектральныхъ цвѣтовъ указать границу красокъ, то большинство ихъ значительную часть синяго обозначаетъ какъ зеленое, а иногда они и зеленое называютъ синимъ. Поэтому они совершаютъ и практическія ошибки въ различеніи зеленаго и синяго: нанизывая зеленый или синій бисеръ, они иногда въ коллекцію синяго бисера помѣщаютъ зеленый бисеръ, если послѣдній имѣетъ одинаковую степень яркости съ первымъ. Центръ тяжести ихъ цвѣтовыхъ ощущеній, очевидно, лежитъ въ красномъ цвѣтѣ. По сообщенію миссіонеровъ, на Нилѣ есть племена, владѣющія отчетливыми различеніями только чернаго, бѣлаго и краснаго, ко всѣмъ же другимъ цвѣтамъ относящіяся въ высшей степени равнодушно. Вирховъ замѣтилъ о нубійцахъ. «большинство ихъ съ извѣстною увѣренностію могло различать и называть только четыре верхніе цвѣта магнусовской скалы, именно черный, сѣрый, бѣлый и красный. Отсюда начинались затрудненія не только въ обозначеніи, но также въ признаніи прежде обозначенной краски. Позднѣе были принесены большіе листы окрашенной бумаги, чтобы представить воззрѣнію большую плоскость и чистотою цвѣтоваго впечатлѣнія достигнуть сильнѣйшаго возбужденія. При этомъ оказалось, что люди не имѣли вообще никакого недостатка въ цвѣтовой способности» *). Мы упоминали уже о той особенности цвѣтовой способности у дикарей, что она оказывается иногда наиболѣе чувствительной къ различію яркости краски, чѣмъ качества краски. Упомянутые чукчи были склонны различные по яркости оттѣнки одного цвѣта относить къ различнымъ цвѣтамъ, а одинаково яркіе различные цвѣта группировать въ одинъ классъ, какъ напр., синій и зеленый. Жители золотаго берега Африки имѣютъ раздѣльныя обозначенія для трехъ цвѣтовъ: чернаго, краснаго и бѣлаго, причемъ слово черный обозначаетъ всѣ темные цвѣта, напр., синій, пурпурный, коричневый и др.; слово красный прилагается къ розовому, оранжевому и желтому; сѣрый цвѣтъ у нихъ можетъ быть названъ только описательно, именно какъ «древесный пепелъ», зеленый—какъ «дерево» или «листъ» **). О нубій-

*) Приведенные факты заимствованы изъ брошюръ Гуго Маргнуса Ueber ethnologische Untersuchungen d. Farbensinnes и Untersuchungen uber den Farbensinn der Naturvolker.

**) Ellis, The Tshi—speaking peoples of the gold coast of west Africa. P. 318.

цахъ извѣстенъ подобный же фактъ. Негрскія племена зозо, манде, ваи и др. различаютъ цвѣта крайне неудовлетворительно: черный и бѣлый у нихъ суть собственно темный и свѣтлый; красный и желтый, синій и зеленый не различаются и синее не выдѣляется отъ чернаго *).

Указанному характеру различенія цвѣтовъ отвѣчаетъ и наименованіе ихъ. Уже Грантъ Алленъ отмѣтилъ недостаточность названій цвѣтовъ у дикарей, причемъ указалъ, что хорошо различаемыя краски имѣютъ особыя названія, а другія не имѣютъ. Вообще нужно сказать, что наименованія красокъ отстаютъ отъ ощущеній, болѣе или менѣе опредѣленно ощущаемое иногда не находитъ соотвѣтствующаго выраженія въ словѣ Чаще всего въ наименованіяхъ смѣшиваются краски, стоящія въ спектрѣ рядомъ: красная съ оранжевой и желтой, желтая съ зеленой, зеленая съ синей, синяя съ фіолетовой. По наблюденіямъ Гуго Магнуса, подкрѣпляемымъ и наблюденіями другихъ изслѣдователей, чаще всего смѣшивается зеленая съ синей. Одинъ изслѣдователь, особенно внимательно занимавшійся этимъ вопросомъ, говоритъ слѣдующее (нѣкто Andree): «во всякомъ случаѣ это фактъ поразительный и требующій объясненія, что находятся разсѣянные по всему земному шару многочисленные народы, которые смѣшиваютъ синее съ зеленымъ и обозначаютъ ихъ однимъ словомъ. Какъ удостовѣряютъ собранныя доказательства, это есть случай поразительно согласный у народовъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга и этнически и пространственно». Отдѣльныя обозначенія зеленаго и синяго цвѣтовъ позднѣйшаго происхожденія. Нѣкоторымъ изъ дамаровъ казалось даже смѣшнымъ, что и синій и зеленый цвѣта также должны имѣть особыя названія. Нѣкоторыя племена даже и желтый цвѣтъ обозначаютъ такъ: «не черный и не бѣлый». Во многихъ языкахъ встрѣчаются иностранныя слова для обозначенія нѣкоторыхъ цвѣтовъ, чаще всего такія заимствованія касаются обозначеній зеленаго и синяго цвѣтовъ.

Въ разсматриваемомъ отношеніи значительные интересъ и важность имѣютъ наблюденія д-ра Котельмана, изслѣдовавшаго зрѣніе 22 калмыковъ, прибывшихъ въ Гамбургъ, 23 сингалезовъ и 3 индусовъ. Общій его выводъ о различеніи и называніи цвѣтовъ калмыками слѣдующій: черный цвѣтъ былъ названъ всѣми одинаково; потомъ наибольшее согласіе встрѣтилось при называніи желтаго и

*) Steinthal, Die Mande-Neger-Sprachen, 208.

краснаго; менѣе согласно были называемы бѣлый и зеленый цвѣта; смѣшанныя и переходныя краски — сѣрая, оранжевая, фіолетовая, коричневая — назывались еще съ меньшимъ согласіемъ, чѣмъ бѣлая и зеленая. При названіи смѣшанныхъ и переходныхъ красокъ наступало очень часто продолжительное размышленіе, чтобы подыскать правильное обозначеніе. Подобный же фактъ замѣченъ надъ 9 лапландцами и 3 патагонцами, которымъ каждый разъ нужно было болѣе времени, чтобы обозначить оранжевую, фіолетовую и коричневую краски *). О названіи цвѣтовъ сингалезами и индусами Котельманъ пришелъ къ слѣдующему выводу: названіе цвѣтовъ сингалезами и индусами оказалось совершенно согласнымъ только по отношенію къ черному, бѣлому и желтому цвѣтамъ; зеленый цвѣтъ назывался различно; болѣе многочисленныя названія получалъ коричневый, потомъ фіолетовый и еще разнообразнѣе назывался розовый. Вавилонское же почти смѣшеніе языка началось при названіи оранжеваго. Обозначеніе смѣшанныхъ красокъ, какъ и у калмыковъ, было наиболѣе колеблющимся. При названіи коричневаго, фіолетоваго, розоваго и оранжеваго цвѣтовъ наступало продолжительное размышленіе, что замѣчено одинъ разъ при названіи синяго и зеленаго. Въ двухъ случаяхъ для коричневаго и розоваго совсѣмъ не найдено никакого имени **).

Приведенные факты показываютъ, что дикарями ощущаются всѣ цвѣта, но они узнаются и называются не одинаково: одни цвѣта узнаются легко и скоро, называются согласно, другіе распознаются съ трудомъ, требуютъ времени и значительнаго раздраженія для распознаванія и называются не согласно, различными именами. Особенно дикарей затрудняютъ смѣшанныя и переходныя краски. Очевидно, что, ощущая всѣ цвѣта, дикари далеко не одинаково различаютъ и выдѣляютъ ощущаемое: одно хорошо, другое плохо, одно сознается ими отчетливо, другое смутно. Какіе именно цвѣта различаются вообще лучше и какіе хуже — на это довольно опредѣлительно указываютъ приведенные факты. По различнымъ условіямъ своей жизни, побуждающимъ сосредоточивать вниманіе на извѣстныхъ цвѣтахъ и ихъ выдѣлять, по различнымъ пріятнымъ и непріятнымъ чувствамъ, возбуждаемымъ цвѣтами, различныя дикія расы наиболѣе отчетливо различаютъ не одинаковые цвѣта; но

*) Zeitschrift für Ethnologie, 1884 г. Ст. Die Augen von 22 Kalmucken. S. 82, 83.

**) Ibidem, Die Augen von 23 Singalesen und 3 Hindus, S. 170, 171.

тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что цвѣта яркіе, сильные — бѣлый, красный, желтый — различаются, вообще говоря, ранѣе и отчетливѣе и называются правильнѣе, чѣмъ цвѣта менѣе сильные и яркіе — зеленый, фіолетовый, оранжевый. Различеніе идетъ отъ одного конца спектра къ другому, отъ краснаго къ фіолетовому. Главнѣйшая причина, опредѣляющая именно такой порядокъ различенія цвѣтовъ, заключается въ большемъ, сильнѣйшемъ дѣйствіи, въ большей живой силѣ краснаго и желтаго цвѣтовъ по сравненію съ зеленымъ и фіолетовымъ, вслѣдствіе чего они ранѣе и отчетливѣе различаются и выдѣляются въ сознаніи отъ другихъ цвѣтовъ. Смѣшанныя и переходныя краски, какъ дѣйствующія наиболѣе слабо, различаются и выдѣляются всѣхъ позже и называются наиболѣе неправильно. Въ этомъ заключается истина взглядовъ Гейгера и Магнуса о развитіи зрительныхъ ощущеній въ родѣ человѣческомъ и эту заслугу признаютъ за ними и ихъ противники *). Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть и на тотъ фактъ, что у древнихъ писателей почти совсѣмъ отсутствуютъ наименованія зеленой и синей красокъ.

Наконецъ нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, что съ ощущеніями цвѣтовъ соединяются различныя чувствованія, изъ нихъ возникающія и съ ними такъ или иначе связанныя, вслѣдствіе чего названіе извѣстнаго цвѣта будетъ иногда обозначать не столько самый цвѣтъ, сколько тѣ чувствованія, которыя съ цвѣтомъ связаны. Напр., пурпурный въ грекоримской литературѣ одновременно обозначаетъ красный, бѣлый, прекрасный, многоцѣнный; зеленымъ называются самыя различныя вещи и сырое мясо и кости и радость, говорится, что день зеленѣетъ предъ нашею душею, добрыя дѣла зеленѣютъ предъ Богомъ и т. д.; синимъ называется не только синее, но и прекрасное, одушевленное, сѣрыми называются иногда слезы (у Гете), зависть — желтой и т. п. **). Такія крайне разнообразныя значенія названій цвѣтовъ суть отчасти результатъ недостаточнаго обособленія ощущеній отъ связанныхъ съ ними, но совершенно различныхъ отъ нихъ, душевныхъ состояній, а отчасти суть метафорическія выраженія.

Способность дѣтей распознавать цвѣта наростаетъ также постепенно. Точно опредѣлить состояніе чувства цвѣта въ первые

---

*) Напр. Hochegger, S. 115, 116.

**) Bruchmann, Psychologische Studien zur Sprachgeschichte. Leipzig. 1888 г., S. 103 — 127.

дни жизни ребенка трудно, но, по всей вѣроятности, оно слишкомъ слабо. По тѣмъ обнаруженіямъ, которыя наблюдаются у новорожденнаго, можно заключить, что его глазъ въ первое время различаетъ только свѣтъ и тьму. Грантъ Алленъ говоритъ, что онъ опытами установилъ слѣдующее: дѣти реагируютъ на свѣтовое раздраженіе прежде, чѣмъ ощущаютъ раздраженіе цвѣта и что между цвѣтами красный прежде всего привлекаетъ ихъ вниманіе *). Фактъ извѣстный, что дѣтямъ болѣе всего нравятся яркіе цвѣта, болѣе привлекаютъ къ себѣ ихъ вниманіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ранѣе выдѣляются въ ихъ сознаніи изъ массы другихъ цвѣтовыхъ ощущеній. Наиболѣе внимательно изслѣдованіемъ цвѣтовыхъ ощущеній у дѣтей занялся Прейеръ. Онъ сдѣлалъ очень много наблюденій и опытовъ надъ своимъ сыномъ, чтобы опредѣлить порядокъ распознаванія имъ цвѣтовъ. Его общій выводъ таковъ: лучше всѣхъ и раньше всѣхъ узнаются, т. е. правильно называются, цвѣта желтый и красный, хуже и позже всѣхъ — зеленый и синій. Полная послѣдовательность правильнаго называнія цвѣтовъ такая: прежде всѣхъ желтый, потомъ красный, лиловый, зеленый и позже всѣхъ синій. Синій обыкновенно смѣшивался съ фіолетовымъ, а также съ зеленымъ. Всѣ очень блѣдныя краски смѣшивались съ сѣрой, всѣ темныя съ черной. Научившись, вслѣдствіе спеціальныхъ упражненій, различать и правильно называть цвѣта, ребенокъ снова сталъ ихъ путать вслѣдствіе прекращенія упражненій на два мѣсяца: синій овалъ онъ уже почти совсѣмъ не могъ правильно назвать, даже красный и тотъ былъ называемъ ошибочно, желтый же правильно. Такъ быстро и глубоко упала способность различенія и называнія цвѣтовъ. По мнѣнію Прейера, «вѣроятно, что синее и зелено-синее первое время ощущаются не какъ синее и зелено-синее, а какъ сѣрое и черное». Причину путаницы въ обозначеніи синяго и зеленаго онъ не относитъ къ простому неумѣнью правильно называть цвѣта при полной отчетливости ощущеній. «Еслибы зеленое и синее ощущались такъ же ясно, какъ желтое и красное, тогда не было бы ни малѣйшаго основанія называть ихъ неправильно (потому что желтое и красное называются правильно нѣсколькими мѣсяцами раньше) и во всѣхъ случаяхъ предпочитать имъ красное и желтое. Дитя еще не знаетъ, что значитъ зеленое и синее, когда оно знаетъ уже желтое и красное» **).

---

*) Der Farbensinn S. 217, примѣчаніе.

**) Preyer, Die Seele des Kindes. S. 10, 11, 16, 17. (Изд. 1882 г.).

Наблюденія другихъ изслѣдователей надъ развитіемъ цвѣтовой способности у дѣтей въ общемъ согласны съ наблюденіями Прейера. Такимъ образомъ различеніе цвѣтовъ дѣтьми представляетъ полную аналогію различенію цвѣтовъ дикими племенами *).

Развитіе различенія въ сферѣ зрительныхъ ощущеній мы можемъ слѣдить не только по отношенію къ цвѣтамъ, но и по отношенію къ изображеніямъ и зрительной наблюдательности вообще. Въ этихъ сторонахъ развитія различенія еще отчетливѣе обнаруживается, что причина болѣе остраго и отчетливаго видѣнія заключается не въ физической силѣ и совершенствѣ органа, а въ развитіи душевныхъ процессовъ, связанныхъ съ ощущеніемъ, и прежде всего различенія.

Понять рисунокъ, сказать, что онъ изображаетъ: человѣка, животное или городъ, казалось бы, дѣло въ высшей степени нехитрое, каждый, имѣющій глаза, долженъ бы быть способенъ къ этому. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то люди, не видавшіе изображеній, не практиковавшіе своей различающей способности на такого рода явленіяхъ, при полной нормальности глаза, даже при его остротѣ, совсѣмъ не въ состояніи видѣть, т. е. понять, различить, самыя живыя и наиболѣе искусно и отчетливо выполненныя изображенія. По свидѣтельству Ольдфильда, когда нѣсколькимъ австралійцамъ показали большую раскрашенную гравюру, представляющую туземца Новой Голландіи, то одинъ изъ нихъ ска-

---

*) У взрослыхъ, не только у отдѣльныхъ лицъ, но даже у цѣлыхъ народовъ, мы встрѣчаемъ далеко не одинаковое развитіе способности различенія цвѣтовъ. Воспитаніе, навыкъ, упражненія имѣютъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно большое значеніе. Англійскія лэди, по свидѣтельству Абеля (Linguistic Essays, p. 17 — 18), удивляютъ иностранца своимъ точнымъ различеніемъ цвѣтовъ. Въ Германіи женщины довольствуются замѣчаніемъ значительныхъ различій между цвѣтами, любимые оттѣнки между ними выражаютъ немногими иностранными словами, и только артисты, фабриканты и модистки выражаютъ болѣе тонкія различія. Для массы, обыкновенно слѣпой къ цвѣтамъ, казалось бы жеманствомъ изобиловать словами для обозначенія цвѣтовъ. Совсѣмъ иное дѣло въ Англіи, англійскіе писатели болѣе точны въ обозначеніи цвѣтовъ, чѣмъ нѣмецкіе. Цвѣта, которые въ Германіи можетъ различить только тотъ, кто имѣетъ особенный глазъ для цвѣта и можетъ описать ихъ при помощи парафраза, въ Англіи обыкновенно различаютъ болѣе или менѣе всѣ и потому называютъ спеціальными словами. Въ этомъ отношеніи нѣмецкій словарь очень недостаточенъ по сравненію съ англійскимъ.

Нѣкто Пуше (Pouchet) изложилъ въ Revue Scientifique (1888 г. 13 октября) результаты своихъ изысканій относительно количества названій цвѣтовъ у нѣсколькихъ авторовъ различныхъ эпохъ. Взяты были: небольшое произведе-

залъ, что это корабль, другой—что это кенгуру и никто изъ десятка бывшихъ людей не призналъ въ портретѣ какого либо отношенія къ своей личности. Кое какъ они могутъ понять грубый рисунокъ, въ которомъ всѣ отдѣльныя части сильно увеличены. Такъ напр. чтобы дать имъ понятіе о человѣкѣ, надо нарисовать его съ непропорціонально у величенною головою. О кибаланахъ Формозы д-ръ Коллингвудъ свидѣтельствуетъ, что ихъ невозможно было заинтересовать самыми поразительными картинами, которыхъ они, казалось, вовсе не понимали. Денгэмъ, въ своихъ «Путешествіяхъ по средней Африкѣ», говоритъ, что Букгелумъ, человѣкъ вообще достаточно смышленый и незатруднявшійся въ распознаваніи фигуръ, не могъ понимать ландшафтовъ. «Я никакъ не могъ растолковать ему гравюру, на которой былъ очень хорошо изображенъ ураганъ. Онъ держалъ ее низомъ кверху и когда я два раза перевернулъ ее у него въ рукахъ, онъ воскликнулъ: зачѣмъ? зачѣмъ? Вѣдь это все равно!» Верблюдъ или человѣческая фигура—вотъ все, что было доступно его пониманію и при видѣ этихъ изображеній онъ приходилъ въ величайшее волненіе и восторгъ, восклицая: «джибъ! джибъ! чудесно, чудесно!» Его вниманіе прежде всего привлекали къ себѣ глаза, а потомъ уже и другія черты лица. При взглядѣ на саблю онъ воскликнулъ. «Аллахъ, Аллахъ!», а увидя ружья, немедленно спросилъ: «гдѣ же порохъ?» *) Индійцы и персы, тамулы и мусульмане, очень разумные въ другихъ дѣлахъ, ничего не понимаютъ въ

ніе современнаго французскаго писателя Гюи де-Мопассана «На водѣ» (Sur l'eau), «Поль и Виргинія» (конца прошлаго столѣтія повѣсть Бернардена де-Сенъ-Пьера), I и VII книги Телемака Фенелона (XVII в.), главы XIV — XXII второй книги Пантагрюэля Рабле (XVI в.) и «Оселъ» Апулея. Результаты слѣдующіе: въ «Ослѣ» называется только одна краска, именно красная и притомъ одинъ разъ; у Рабле 14 названій различныхъ цвѣтовъ, причемъ черный цвѣтъ названъ 1 разъ, бѣлый — 3, оттѣнки краснаго — 7, зеленый — 2, синій — 1; въ Телемакѣ всего 14 названій цвѣтовъ, изъ нихъ краснаго цвѣта — 6, желтаго — 2, зеленаго — 2, бѣлаго — 2, чернаго — 2. Синій цвѣтъ не названъ, «Поль и Виргинія» заключаютъ 58 названій цвѣтовъ, причемъ оттѣнковъ синяго названо 7, зеленаго — 8, черный цвѣтъ имѣетъ 15 названій и т. д.; у Мапассана находится 96 названій цвѣтовъ, причемъ красный названъ 26 разъ, синій — 17, зеленый — 6, желтый — 5, фіолетовый 3 раза. Такое увеличеніе числа названій цвѣтовъ въ произведеніяхъ писателей различныхъ эпохъ едва-ли можетъ быть достаточно объяснено одною случайностію, внѣ всякаго отношенія къ большей впечатлительности, къ болѣе тонкому различенію цвѣтовъ и ихъ оттѣнковъ позднѣйшимъ человѣчествомъ по сравненію съ раннѣйшимъ. Большая впечатлительность и лучшее различіе, по связи ума и языка, вызвали и увеличеніе числа названій цвѣтовъ.

*) Леббокъ, Начало цивилизаціи. Русск. пер. стр. 34—35.

нашихъ портретахъ, рисункахъ и фотографіяхъ, обнаруживая въ этомъ отношеніи удивительную неумѣлость. Одинъ ученый браминъ, которому показали изображеніе лошади, побѣдившей въ Дерби на скачкахъ, спросилъ, по видимому чрезвычайно серьезно: на этомъ рисункѣ изображенъ королевскій городъ Лондонъ? *). Самоѣды Новой земли съ любопытствомъ разсматривали, по наблюденіямъ одного изслѣдователя, рисунки, хотя часто большаго напряженія воображенія стоило самоѣду понять, что такое изображаетъ какой нибудь рисунокъ, «Какъ сейчасъ представляется мнѣ, разсказываетъ этотъ изслѣдователь **), скуластое, съ отвислыми губами, лицо старика Семена, который повертываетъ поясную фотографическую карточку, напрасно стараясь уразумѣть, что это такое. Наконецъ, повернувъ ее вверхъ ногами и заглядывая на одного изъ участниковъ экспедиціи, онъ пробуетъ сказать наугадъ и спрашиваетъ: «это—ты?» Но получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ отдаетъ карточку назадъ и сознается, что не знаетъ. Другой русскій изслѣдователь ***) сообщаетъ о пермякахъ, что они совсѣмъ не интересуются нераскрашенными картинами, почти не глядятъ на нихъ, вопросовъ о картинахъ не предлагаютъ, хотя въ большинствѣ случаевъ совершенно не понимаютъ ихъ. Многіе изъ пермяковъ буквально не могли отличить на картинахъ лошадь отъ собаки.

Едвали кто будетъ утверждать, что въ приведенныхъ фактахъ сказывается недостатокъ способности зрѣнія (ощущенія), а не различенія видимаго.

Обыкновенно превозносятъ остроту и силу органовъ внѣшнихъ чувствъ дикарей по сравненію съ внѣшними чувствами культурныхъ націй, говорятъ, что у многихъ дикарей зрѣніе телескопично, слухъ тонкій, обоняніе острое и т. д. Къ такимъ сужденіямъ слѣдуетъ вообще относиться съ осторожностію, потому что развитіе органа состоитъ не столько въ способности замѣчать самыя малыя и издалека исходящія раздраженія, чѣмъ именно и характеризуется острота чувствъ дикарей, сколько въ тонкой чувствительности къ измѣненію среднихъ степеней раздраженія и ихъ сочетанію. Живописецъ, необычайно воспріимчивый къ оттѣнкамъ цвѣтовъ и распознаванію формъ, вовсе не владѣетъ способностію дикаря видѣть въ сумерки, или очень далеко, или выносить яркій солнеч-

*) Elie Reclus, Les primitifs. Paris, 1885, p. 54.

**) Г. Кривошея. Вѣстникъ Европы 1886 г. № 8 (августъ) ст. Новая Земля.

***) Г. Добротворскій. Вѣстн. Евр. 1883 г. № 3. Ст. Пермяки.

ный свѣтъ, равно какъ и музыкантъ, чуткій ко всякимъ измѣненіямъ звуковъ, ихъ ослабленію, усиленію и сочетанію, не владѣетъ особою чувствительностію, какъ дикарь, къ слабымъ звукамъ или къ такимъ, источникъ которыхъ далеко. Притомъ острота чувствъ дикарей есть не столько острота самыхъ физическихъ органовъ, сколько изощренность различенія и сужденія въ извѣстной спеціальной сферѣ, тонкая наблюдательность и разсужденіе о предметахъ своего ежедневнаго обихода и интереса. Обычную дичь, за которой дикарь привыкъ охотиться, онъ замѣтитъ издалека, а покажите ему новый предметъ, напр. фотографическую карточку, гравюру, и онъ на ней почти ничего не увидитъ. Словомъ перенесите дикаря въ новую страну, поставьте въ новыя жизненныя условія, и его острые органы окажутся тупыми, болѣе тупыми, чѣмъ органы культурнаго человѣка, потому что на новомъ мѣстѣ дикарь не будетъ въ состояніи дѣлать обычныхъ выводовъ, умозаключеній, потому что его умъ еще плохо различаетъ новые предметы, мало помогаетъ органамъ внѣшнихъ чувствъ въ ихъ дѣятельности и дикарю дѣйствительно приходится въ своихъ отношеніяхъ къ новымъ предметамъ довольствоваться тѣмъ, что онъ видитъ, слышитъ и т. д., а всего этого очень мало. *)

О развитіи способности различенія въ сферѣ другихъ органовъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній **). Наблюденія надъ дѣтьми обна-

*) Какъ велика бываетъ въ изощренной наблюдательности дикарей примѣсь къ дѣятельности органовъ внѣшнихъ чувствъ дѣятельности ума, объ этомъ ясное представленіе даетъ слѣдующій фактъ: у одного индійца изъ хижины украли дичь. Онъ тотчасъ началъ искать вора и сказалъ: я знаю, что воръ былъ маленькаго роста, потому что онъ нагромоздилъ каменьевъ, чтобы взобраться туда, гдѣ я положилъ дичь; я знаю, что онъ старикъ, потому что слѣды его въ лѣсу показываютъ, что онъ дѣлалъ маленькіе шаги, и знаю, что онъ бѣлый, потому что ставитъ ноги носками взрозь, чего не дѣлаютъ индійцы; по слѣду, который оставило дуло ружья на корѣ дерева, къ которому оно было прислонено, я знаю, что его оружіе коротко; по слѣдамъ лапъ я знаю, что его собака маленькая, а по слѣду, оставленному ею на пескѣ, на которомъ она сидѣла, пока хозяинъ ея воровалъ дичь, я знаю, что у ней короткій хвостъ. Слѣдовательно воръ былъ старикъ, маленькаго роста, бѣлаго племени, вооруженный короткимъ ружьемъ и сопровождаемый короткохвостой собакой (Шаффгаузенъ, Бытъ дикихъ народовъ. СПБ, 1867 г., стр. 13). Въ такомъ наблюденіи, очевидно, гораздо больше дѣятельности ума, чѣмъ внѣшнихъ чувствъ. И вообще изощренная наблюдательность дикарей и совершенство ихъ зрѣнія, слуха и т. д. очень часто суть ничто иное, какъ изощренность различенія и тонкость вывода въ нешироко спеціальной сферѣ, хорошо знакомой дикарю.

**) Нѣкоторыя замѣчанія о развитіи различенія въ сферѣ обонятельныхъ и слуховыхъ ощущеній дѣлаетъ Гейгеръ. Zur Entwickelungsgeschichte der Men-

руживаютъ такую же постепенность въ развитіи различенія и прочихъ ощущеній, какъ и зрительныхъ. Вообще принципъ, достаточно прочно установленный изслѣдованіемъ различительной способности зрительныхъ ощущеній, долженъ прилагаться, по однородности явленій, и къ другимъ классамъ ощущеній, а этотъ принципъ можно формулировать такъ: сильнѣйшія ощущенія различаются и выдѣляются въ сознаніи ранѣе и опредѣленнѣе слабѣйшихъ; они же получаютъ прежде и особыя наименованія въ языкѣ. Всѣ ощущенія, которыя имѣютъ смѣшанный характеръ, выражаютъ оттѣнки и переходы главнѣйшихъ видовъ ощущеній, различаются и выдѣляются слабо, неясно, поздно и въ языкѣ часто не имѣютъ опредѣленныхъ и отвлеченныхъ обозначеній.

Съ этой основной формулой развитія способности различенія въ сферѣ ощущеній мы встрѣтимся и при изслѣдованіи развитія различенія въ сферѣ мышленія.

VIII.

Такъ какъ при первоначальномъ состояніи ума—относительномъ неразличеніи—самые разнородные предметы собирались въ одну группу и объединялись, получая одно наименованіе, то развитіе различенія въ сферѣ мышленія выразилось выдѣленіемъ и особымъ обозначеніемъ того, что прежде мыслилось и называлось вмѣстѣ. Клубки разнородныхъ представленій, заключенныхъ въ каждомъ корнѣ, постепенно начали развертываться и распредѣляться по болѣе частнымъ и однороднымъ отдѣламъ. Это выдѣленіе и обособленіе спутанныхъ представленій совершалось прежде всего подъ давленіемъ контраста.

Въ сферѣ ощущеній различающая дѣятельность ума прежде всего выдѣлила ощущенія наибольшей силы. Естественно, что и въ сферѣ мышленія прежде всего выдѣлились такіе факты, которые наиболѣе поражали умъ, невольно привлекая къ себѣ различающую дѣятельность. А противоположности именно и владѣютъ указан-

---

schheit S. 56; ср. оглавленіе къ неоконченной третьей книгѣ Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft, 11, 244. Въ негрскихъ языкахъ Банту вкусовыя ощущенія, какъ сладкое, кислое, горькое обозначаются однимъ и тѣмъ-же наименованіемъ, которое значитъ нѣчто пикантное и прилагается къ наименованію ощущеній отъ сахарнаго тростника, соленаго и т. п. Allgemeine Naturkunde. Volkerkunde, Ratzel. Leipzig, 1885. 4 Lieferung, S. 234.

нымъ свойствомъ. Крайнія точки, предѣлы, обозначающіе наивысшее и наименьшее развитіе явленія, тѣ границы, среди которыхъ проходятъ жизнь и дѣятельность существа и силы, наиболѣе поражаютъ умъ, замѣчаются быстрѣе и отличаются отчетливѣе; среднія же состоянія, выражающія переходъ отъ одного положенія къ другому, ускользаютъ отъ вниманія, какъ менѣе эффектныя, менѣе поразительныя, не замѣчаются, не различаются, а потому долгое время отсутствуютъ въ сознаніи. Способность замѣчать, различать и именовать слабое, тихое, кроткое, нѣжное, непоразительное пріобрѣтается и развивается гораздо позже воспріимчивости къ контрастамъ; наблюденіе среднихъ степеней развитія явленій требуетъ гораздо большей умственной зрѣлости и опытности, чѣмъ крайнихъ. Первобытному человѣку нужно было отмѣтить состояніе своего соплеменника при встрѣчѣ съ опасностію, въ битвѣ напр. со врагомъ, съ дикимъ животнымъ. Безумная отвага и непомѣрная трусливость бросались въ глаза, сами неизбѣжно отмѣчались различающею способностію, всѣ же среднія состоянія между отвагою и трусостью не замѣчались, какъ непоразительныя сами по себѣ. У грековъ было первоначально только два времени года: лѣто и зима, причемъ послѣдняя включала всю дождливую и холодную часть года. Потомъ зима была подраздѣлена на зиму собственно и весну, а лѣто менѣе опредѣленно раздѣлено на лѣто и осень. Тацитъ говоритъ, что германцы не знали ни пріятностей, ни названія осени (autumni perinde nomen ac bona ignorantur *).

Поразительностію, самонапечатлѣваемостію противоположностей и объясняется широкое приложеніе контрастовъ въ объясненіи и запоминаніи явленій. Какъ скоро мы хотимъ изобразить свои понятія съ надлежащею ясностію, мы обыкновенно сопоставляемъ ихъ съ противоположными. Желая начертить яркую картину лѣта, мы невольно, для поясненія, сопоставляемъ лѣто съ зимою; сѣверную, унылую и бѣдную растительность мы сопоставляемъ съ южной, богатой и разнообразной, болѣзнь съ цвѣтущимъ здоровьемъ и т. д. Чѣмъ большее значеніе мы придаемъ контрасту въ объясненіяхъ, тѣмъ отчетливѣе бываютъ представленія. Дѣти постоянно прибѣгаютъ къ этому пріему для лучшаго опредѣленія своихъ мыслей. Одно дитя, въ началѣ третьяго года, имѣло привычку составлять положеніе и затѣмъ дополнять его отрицаніемъ, напр. N (имя дитяти) войдетъ въ воду—нѣтъ; два другія, по третьему же году,

*) Уэвель, Исторія индуктивныхъ наукъ. 1, 158.

часто соединяли утвердительныя положенія съ отрицательными, напр. это моя чашка, а не мамина; это хорошая собака, а не дрянная собака. Нѣкоторыя негрскія племена къ качественному предикату постоянно прибавляютъ противоположный отрицательный, который обыкновенно и предпосылается, напр. моя птица не умерла, она жива; ты недобрый человѣкъ, ты дурной человѣкъ и т. п. *) Живой и мертвый, правый и неправый и т. д. одно безъ другаго неграми мыслятся не легко. Взрослые поступаютъ подобно дѣтямъ, постоянно сопоставляя органическій міръ съ неорганическимъ, растительный съ животнымъ, мужской умъ съ женскимъ, истину съ ложью и т. д. А Платонъ въ діалогѣ Гиппій младшій утверждалъ, что лгать можетъ только человѣкъ правдивый, потому что для лжи нужно знаніе истины; точно также при научномъ изслѣдованіи только понимающій дѣло можетъ ошибаться; въ искусствѣ кто дѣлаетъ ошибки нарочно, искуснѣе того, кто дѣлаетъ ихъ ненамѣренно, а въ сферѣ нравственности намѣренно несправедливый человѣкъ лучше ненамѣренно несправедливаго **).

Такимъ образомъ вселенная, въ періодъ неразличенія бывшая для человѣческаго сознанія однообразной, сѣренькой, начинаетъ постепенно разцвѣчаться различными свойствами: выясняются противоположности, вслѣдствіе чего каждая изъ помѣченныхъ прежде группъ явленій распадается на двѣ противоположныя части и весь міръ въ глазахъ человѣка какъ бы раскалывается, на одной сторонѣ стоятъ сила, энергія, обиліе, свѣтъ, на другой — слабость, вялость, скудость, тьма. Но противоположности сначала не мыслятся раздѣльно, а совмѣстно, вызываютъ другъ друга и обозначаются однимъ словомъ. Только съ теченіемъ времени и развитіемъ мышленія онѣ раздѣляются и получаютъ возможность особаго самостоятельнаго существованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особаго наименованія. Приведемъ нѣсколько фактовъ для поясненія высказанной мысли.

---

*) Селли, Основныя начала психологіи. Спб. 1888, стр. 237; Steinthal, Die Mande-Neger-Sprachen, 222.

**) Вполнѣ цѣня важное значеніе противоположностей въ развитіи различающей дѣятельности ума, мы не признаемъ правильнымъ стремленіе изъ противоположностей вывести все развитіе ума и даже существованіе индивидуальныхъ вещей. Нуаре говоритъ: «изъ противоположности истекаютъ всякое ощущеніе, всякое познаніе, все мышленіе, даже наконецъ каждое индивидуальное существованіе» (Logos. Ursprung und Wesen der Begriffe. Leipzig, 1885. S. 288). Едва-ли необходимо доказывать, что противоположность есть одно изъ различій и что всякое различіе свести на противоположность невозможно. Нашъ умъ вообще развивается отъ замѣчанія различій, а не только противоположностей. Притомъ развитіе различеній есть лишь одна сторона ума, другая—связываніе различаемаго.

Древнее индійское aktu означало, между прочимъ, свѣтлый цвѣтъ (свѣтъ, лучъ) и темный цвѣтъ (мракъ, ночь); древнее индійское ĥar означало подносить, дарить, а также отнимать; ведаическое san означаетъ пріобрѣтать, получать въ добычу и дарить, отдавать, надѣлять. Въ индоевропейскихъ языкахъ предлоги древнихъ эпохъ заключали въ себѣ противоположныя значенія (отъ и до, вмѣстѣ съ и изъ). Подобное же явленіе замѣчается и въ другихъ языкахъ: въ египетскомъ древнемъ языкѣ kef значило брать и оставлять, ken — сильный и слабый, tua — почитать и презирать и т. д. Латинское слово altus значитъ высокій и глубокій: римляне говорили и altus mons (высокая гора) и altus puteus (глубокій колодезь). Персидское слово ĥâchter значило востокъ и западъ и т. п. Нерѣдко въ языкѣ слова съ противоположными значеніями получали только особенную интонацію, напр., на языкѣ мпонгве mi tonda значитъ я люблю, а mi tônda — я не люблю, mi kámba — я говорю, а mi kâmba — я не говорю; у ашантіевъ kakra значитъ ничтожный, малый, kakrâ — большой, огромный. Въ Суданѣ арабскими племенами очень часто употребляется своеобразное щелканіе, которое посредствомъ разнообразныхъ, иногда крайне незначительныхъ, трудно уловимыхъ и едва замѣтныхъ модуляцій можетъ выражать совершенно различныя и даже прямо противоположныя понятія: да и нѣтъ, это легко и это невозможно, очень хорошо и очень скверно, я это знаю очень хорошо и я ничего не знаю. Слова съ противоположнымъ значеніемъ нерѣдко оттѣняются въ произношеніи не только интонаціей, но измѣненіемъ одного или двухъ звуковъ и перестановкой звуковъ, напр. греческія makrós— большой. mikrós—малый, египетскія sos—соотвѣтствующій, ses— несоотвѣтствующій, ĥen—связывать, neĥ—раздѣлять *).

Въ поясненіе приведенныхъ фактовъ нужно сказать нѣсколько словъ.

Въ настоящее время необособленіе противоположностей, постоянное соединеніе ихъ и называніе однимъ именемъ могутъ поражать. Намъ, у которыхъ способность различенія ушла срав-

*) Шерцль, О словахъ съ противоположными значеніями, 1, 14, 42—45, 55—60, 63—65; Abel, Linguistic Essays, 236, 239, 240; Тэйлоръ, Антропологія, 125—126: Sayce, Introduction, vol 1, p. 384—385; богатый подборъ словъ съ противоположными значеніями находится еще въ брошюрѣ Carl Abel, Uber den Gegensinn der Urworte, 1884 г. и въ статьѣ Herbert Baynes'a Die Psychologische Methode in ihrer Anwendung auf die Sprache въ Zeitschrift fur Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1884 г.

нительно очень далеко въ своемъ развитіи, у которыхъ и понятія, вслѣдствіе многовѣковой работы надъ ними человѣчества и унаслѣдованія ея нами въ языкѣ и памятникахъ культуры, сдѣлались болѣе или менѣе устойчивыми и опредѣленными, необходимость сопоставленія противоположностей въ каждомъ актѣ мышленія кажется малопонятнымъ фактомъ и мышленіе, постоянно прибѣгающее къ такому пріему, страннымъ. Различать контрасты намъ кажется нечего. они явно различны, иное дѣло отличеніе и обособленіе явленій тонкихъ и мелкихъ, среднихъ степеней развитія. Но непосредственно за эпохой относительнаго неразличенія различительная способность человѣчества была еще настолько слаба, что сопоставленія противоположностей были необходимы для сколько нибудь раздѣльнаго пониманія явленій. Желая представить верхъ, человѣкъ нѣкогда долженъ былъ воспроизводить и низъ; думая о свѣтѣ, имѣть въ мысли и представленіе тьмы. Противоположности дополняли другъ друга; вмѣстѣ воспроизведенныя, онѣ давали цѣлостное и отчетливое представленіе о явленіи, какъ указывавшія два крайніе пункта его развитія, совмѣщавшія двѣ совершенно различныя его стороны; взятыя же отдѣльно, онѣ были неясны, малопонятны, односторонни и начинающему уму говорили мало. Для первоначальнаго мышленія было удобно и цѣлесообразно соединеніе противоположностей подъ однимъ словомъ.

Нужно впрочемъ имѣть въ виду и то, что нераздѣльное мышленіе и называніе противоположностей дѣло вполѣ простое и естественное: многія противоположности относительны, а съ другой стороны онѣ логически связаны между собою, такъ что ихъ объединеніе указываетъ на стремленіе ума выдѣлять изъ разнороднаго логически связное. Совмѣстное мышленіе и именованіе пространственныхъ противопололжностей—верхъ и низъ, правое и лѣвое, большой и малый, къ и отъ—легко объясняются относительностію обозначаемыхъ ими положеній къ говорящему: то, что теперь верхъ и правое, то, при измѣненіи положенія говорящаго, будетъ низъ и лѣвое, одинъ и тотъ же предметъ кажется большимъ на маломъ разстояніи и малымъ на большомъ, одно и тоже движеніе, судя по точкѣ зрѣнія, можетъ быть обозначено и отъ (если наблюдается отдѣленіе движущагося предмета отъ того мѣста, отъ той группы, къ которой онъ принадлежалъ) и къ (если отмѣчается прибытіе на новое мѣсто, присоединеніе къ новой группѣ). Съ другой стороны соединеніе противоположныхъ значеній подъ однимъ словомъ выражаетъ явное стремленіе ума привести представленія къ нѣкото-

рой ясности и единству, выражаетъ борьбу ума съ неразличеніемъ Соединеніе въ корнѣ разнородныхъ явленій, т. е. такихъ, которыя принадлежатъ не къ одному классу, а къ нѣсколькимъ различнымъ, есть наибольшая степень неразличенія въ мышленіи. Умъ тогда легко переходитъ отъ одной группы къ другой различной, онъ какъ будто не встрѣчаетъ никакого препятствія, которое остановило бы его въ его примѣненіи одного и того же наименованія къ кучѣ наиболѣе несходныхъ вещей. Какъ же скоро слово начинаетъ обозначать только такія явленія, которыя противоположны, однородное отдѣляется отъ разнороднаго и составляетъ особое образованіе, такъ какъ противоположности суть однородное, относящееся къ одному и тому же классу явленій и представляющее конечные пункты, границы даннаго класса (умъ—глупость, богатство—бѣдность и т. д.).

Въ оттѣненіи словъ съ противоположными значеніями различной интонаціей, перемѣной одного или двухъ звуковъ, перемѣщеніемъ звуковъ выразился новый успѣхъ различающаго мышленія. Изъ массы разнороднаго сначала было выдѣлено однородное—получились изъ многозначимыхъ корней слова съ противоположными значеніями; потомъ самыя противоположныя значенія были отличены другъ отъ друга легкими измѣненіями въ именахъ. Тѣсная связь противоположныхъ смысловъ оставалась по прежнему незатронутой, потому что ихъ наименованія были очень сходны и легко вызывали въ умѣ другъ друга; но въ виду сознаннаго ихъ различія, они были отдѣлены другъ отъ друга и получили, хотя и близко сходныя, но все же различныя обозначенія. Понятія опредѣлялись такимъ образомъ точнѣе и классифицировались систематичнѣе, первоначальное неразличеніе понемногу исчезало. Отъ соединенія разнородныхъ группъ явленій въ одномъ многозначимомъ корнѣ до обозначенія противоположностей слегка измѣненными словами—весьма большой шагъ, совершеніемъ котораго выразился значительный прогрессъ въ развитіи различающей способности человѣческаго ума.

Различеніе среднихъ степеней, переходныхъ состояній довольно долго отсутствуетъ въ сознаніи, какъ это видно изъ языка многихъ дикарей. Для обозначенія такихъ среднихъ состояній весьма важны степени сравненія, помощію которыхъ мы обыкновенно выражаемъ большую или меньшую сравнительную силу явленія, качества, напряженности энергіи, дѣйствія. А между тѣмъ въ языкахъ многихъ дикарей степени сравненія какъ разъ и отсутствуютъ,

ихъ языку и уму доступны только противоположности, утвержденія и отрицанія, да и нѣтъ, переходныя же состоянія, немного больше и немного меньше, состоянія неувѣренности, колебанія, недоконченнаго развитія и формулировки отсутствуютъ въ ихъ мышленіи и языкѣ. У дамаровъ въ языкѣ нѣтъ сравнительной степени, такъ что вы не можете спросить ихъ: «которая изъ двухъ станцій больше —слѣдующая или уже пройденная?» Вы должны сказать: «послѣдняя невелика, слѣдующая большая?» Вамъ не отвѣтятъ, что она немного больше или гораздо больше, а просто: «она такая же» или «не такая» *) У племенъ, живущихъ на золотомъ берегу западной Африки, прилагательныя не имѣютъ степеней сравненія и замѣняются существительными и глаголами. Въ ведаическомъ языкѣ сравненіе «какъ» передается отрицаніемъ «не» (па) и оказывается еще простымъ отрицаніемъ. Вмѣсто того, чтобы сказать: «твердый какъ скала», ведаическіе поэты говорили: «твердый не скала». Частица па ставилась за тѣмъ словомъ, которое служитъ для сравненія, такъ что упомянутый оборотъ первоначально имѣлъ смыслъ: «онъ скала— нѣтъ» т. е. онъ не совсѣмъ, но только до извѣстный степени скала. Точно также ведаическіе поэты говорили: «рѣка не быкъ», т. е. не совсѣмъ быкъ (обращалось вниманіе на шумъ и ревъ рѣки) **). На языкѣ телугу выраженіе: «мы были полумертвы» передается такъ; «мы жили какъ мертвые», т. е. схвачена противоположность состояній жизнь и смерть, но среднія—полужизнь и полусмерть—отсутствуютъ еще въ сознаніи и языкѣ. На томъ же языкѣ телугу выраженіе: «можетъ быть, онъ придетъ» передается такъ: «онъ придетъ, не придетъ»; выраженіе «полусвареный» словами «свареный, несвареный»; выраженіе «дѣло почти окончено» словами: «дѣло, которое окончено, не окончено»; выраженіе: «едва видно» словами: «впередъ видно, не видно»; выраженіе «онъ понимаетъ мало потамульски» словами: «онъ знакомъ съ тамульскимъ языкомъ, онъ незнакомъ»; выраженіе «зубы у дитяти еще не всѣ» словами: «дѣтскіе зубы пришли, не пришли»; на языкѣ бурма неувѣренность выражается такъ: «которые идутъ—идутъ, которые не идутъ—не идутъ», т. е. можетъ быть они придутъ ***).

Замѣчательно, что въ мышленіи и языкѣ глухонѣмыхъ степени

*) Леббокъ, Начало цивилизаціи, стр. 320.

**) Шерцль, О словахъ съ противоп. знач. 11—12; Леббокъ, Начало цивилизаціи, стр. 320; Ellis, The Tshi — speaking peoples of the gold coast of west Africa. 1887 p. 309.

***) Zeitschrift fur Volkerpsychologie, ст. Baynes'a, S. 285. (1884 г.).

сравененія, условныя и среднія состоянія также отсутствуютъ, глухонѣмые прибѣгаютъ къ контрастамъ, къ утвержденію и отрицанію, чтобы пояснить свою сравнительную мысль. Условную фразу: «я былъ бы наказанъ, если бы былъ лѣнивъ и упрямъ», глухонѣмой выразитъ такъ: «я лѣнивый, упрямый—нѣтъ! лѣнивый, упрямый, я наказанъ, да!» Обязанность выражается подобнымъ же образомъ. Сужденіе: «я долженъ любить и уважать своего учителя» глухонѣмой выразитъ такъ: «учитель, я бью, обманываю, ругаю—нѣтъ! я люблю, уважаю да!» Даже такую простую фразу: «я долженъ идти въ садъ» глухонѣмой передаетъ такъ: «я, да я, идти садъ, ты нѣтъ» *).

Такимъ образомъ всѣ среднія, переходныя состоянія, неувѣренность, условность положенія и мышленія, колебанія долгое время сознаются и различаются плохо и выражаются простымъ утвержденіемъ и отрицаніемъ. Противоположности различены, а что лежитъ между ними и связываетъ ихъ—то еще различается слабо, посредствующія между противоположностями звенья еще не схвачены умомъ и потому явленіе не представляется уму въ своемъ развитіи, во множествѣ своихъ переходныхъ формъ и послѣдовательныхъ ступеней, а только какъ начало и конецъ, какъ двѣ крайнія противоположныя точки и стороны явленія. Пора историческаго, генетическаго пониманія явленій еще не наступила для ума, ей не пришелъ еще чередъ въ умственномъ развитіи человѣчества.

Кромѣ среднихъ степеней и разныхъ условныхъ положеній и состояній есть еще другія обстоятельства, съ которыми приходится бороться способности различенія и которыя составляютъ болѣе или менѣе значительныя препятствія на пути ея развитія. Эти обстоятельства заключаются въ различнаго рода связяхъ между явленіями, предметами и ихъ свойствами, вслѣдствіе чего, представляясь уму часто вмѣстѣ, они и мыслятся вмѣстѣ же, не поддаются раздѣльному представленію, не обособляются. Различеніе такихъ связанныхъ явленій и свойствъ существуетъ, но весьма слабое, мыслить отдѣльно связанныя явленія оказывается невозможнымъ. Многіе дикари затрудняются иногда привести имя какого либо предмета внѣ поставленія его въ отношеніе съ какимъ либо другимъ. Дикарь, который снабжалъ д-ра Сандвича словаремъ діалекта заза, не былъ въ состояніи понять такія слава, какъ «голова, отецъ, волоса» са-

*) Тэйлоръ, Доисторическій бытъ, стр. 35; Steinthal, Gesammelte kleine Schriften, 1880 г. ст. Uber die Sprache der Taubstummen.

михъ по себѣ, внѣ отношенія ихъ къ себѣ или къ кому либо другому, но соединялъ ихъ постоянно съ какимъ либо мѣстоименіемъ, почему говорилъ: «моя голова, мой отецъ, мои волоса». Словари другихъ племенъ (hoopah и navaho), опубликованные Скулькрафтомъ, подобнымъ образомъ предпосылаютъ притяжательное мѣстоименіе (h', hut) всѣмъ такимъ словамъ, какъ «лицо, глазъ, рука». Точно такіе же факты извѣстны и о словаряхъ еще нѣсколькихъ дикихъ племенъ, которыя наши слова: голова, ротъ постоянно передаютъ выраженіями: «моя голова, мой ротъ» *). Въ языкахъ односложныхъ и даже въ языкахъ болѣе сложнаго строенія, каковъ языкъ дайяковъ, замѣчается неспособность обозначать дѣятельности безъ опредѣленнаго объекта. Мы говоримъ видѣть, чтобы обозначить дѣятельность глаза, а дайякъ говоритъ: «можешь ли ты видѣть вещи?»; вмѣсто нашего: я послалъ къ нему, дайякъ говоритъ: «я послалъ людей къ нему»; мы говоримъ: растеніе. дайякъ—«онъ раститъ сѣмена вещей въ своемъ саду»; мы—онъ убитъ, обокраденъ, дайякъ прибавляетъ къ этому слово «людьми»; мы говоримъ: паръ, дайякъ—«испареніе вещей» и т. д. **). Въ различныхъ языкахъ нерѣдко обозначаются однимъ словомъ приглашеніе и пиръ, забеременѣть и рожать, постоянное употребленіе и злоупотребленіе, хозяинъ и гость, пчела и медъ, грудь и молоко, мочевой пузырь и моча; даже иногда однимъ словомъ обозначаются громъ и молнія, ѣсть и пить, боль и лекарство, мужчина и женщина, отецъ и мать, мужъ и жена и т. д., словомъ всѣ тѣ существа, предметы и явленія, которые соотносительны, близки другъ къ другу какъ органъ и продуктъ, причина и дѣйствіе, связаны родственными отношеніями, близостію по времени и пространству ***).

Другое препятствіе развитію способности различенія заключается въ тѣсной связи свойствъ какого либо одного предмета другъ съ другомъ или съ цѣлымъ предметомъ. Представленія цвѣтовъ у многихъ дикарей соединены съ представленіемъ или предметовъ даннаго цвѣта — лиловый, оранжевый розовый, фіолетовый или окрашивающаго вещества, какъ напр. у насъ индиговая краска; нерѣдко представленія цвѣтовъ соединяются съ представленіями формъ и фигуръ. У гастмановъ названіе для цвѣта равнозначительно съ формой, свойствомъ; у баттасовъ названіе кра-

*) Sayce, Introduction to the Science of language. Vol. 1 p. 120—121.

**) Steinthal, Charakteristik der hauptsachlisten Typen des Sprachbaues S. 176; ср. Steinthal, Die Mande-Neger Sprachen, S. 221.

***) Шерцль, О словахъ съ противоп. знач. 24—62.

ски значитъ собственно фигура; на Борнео одно и тоже слово употребляется одновременно для цвѣта, формы, фигуры, вида: канаки Сандвичевыхъ острововъ называютъ краску просто видъ, наружность, между тѣмъ какъ чинеги золотаго берега словомъ ani обозначаютъ и цвѣтъ и поверхность; большинство арабскихъ племенъ пользуется однимъ и тѣмъ же словомъ для цвѣта и фигуры и т. д. На Магадаскарѣ племя hova пользуется для обозначенія цвѣта словомъ волоса. Каффрскія племена для обозначенія краски употребляютъ слово пятно и имъ выражаютъ не столько цвѣтъ, сколько отмѣтину на своемъ скотѣ. Одинъ изъ пастушескихъ народовъ южной Африки—овагереро—главнѣйшимъ предметомъ своего попеченія имѣетъ скотъ и цвѣта онъ можетъ различать настолько, насколько онъ различаетъ быковъ, овецъ и козъ. Названіе для цвѣта у него заимствовано отъ слова считать скотъ, потому что по цвѣту онъ отличаетъ свой скотъ отъ чужаго. Слово цвѣтъ значитъ столько же пятно, полоса, какъ и цвѣтъ, и европейцамъ можетъ показаться, что племя больше интересуется формой пятна, чѣмъ цвѣтомъ *).

Бываетъ и такъ, что извѣстное свойство собственно уже достаточно различено и можетъ мыслиться отдѣльно отъ другихъ, но для него нѣтъ соотвѣтствующаго отвлеченнаго слова и оно выражается описательно, вслѣдствіе чего возникаетъ ассоціація этого свойства съ другими свойствами и даже съ цѣлыми предметами. У нѣкоторыхъ негрскихъ племенъ нѣтъ словъ для выраженія понятій каждый, только, когда, послѣ того и т. п., а всѣ такія понятія выражаются описательно, напр. слово каждый передается такъ: «этотъ мужчина беретъ дитя женскаго рода (слово дитя у нихъ есть, но сынъ и дочь нѣтъ, а для обозначенія пола дитяти ставится слово, значащее полъ), этотъ беретъ дитя женскаго пола», т. е. каждый беретъ свою дочь; понятіе «только»: мой отецъ не любитъ насъ, но Боа Кари, т. е. онъ любитъ только Боа Кари **). Китайцы, чтобы выразить какое либо отвлеченное понятіе, часто прибѣгаютъ къ описанію его и нанизываютъ, для его обозначенія. три, четыре, даже шесть и семь корней. Такъ понятіе добродѣтель выражается четырьмя корнями: вѣрность, благочестіе, умѣренность, справедливость; понятіе не постоянно, прихотливо словами: утромъ

*) Gugo Magnus, Untersuchungen uber den Farben-Sinn der Naturvolker S, 15, 16, 25, 26.

*) Steinthal, Mande-Neger-Spachen, 223, 209.

три, вечеромъ четыре; бережливость—имѣющій маленькіе сосуды; несоглашаться—ты востокъ, я западъ; болтать—ты спрашивать, я отвѣчать; разстояніе—близко-далеко; вѣсъ—легко-тяжело; родители —отецъ-мать и т. д. Подобныя описанія отвлеченныхъ понятій могутъ быть дѣлаемы на разные лады, вслѣдствіе чего для понятія изслѣдовать существуетъ до 27 синонимовъ и 11 для говорить. Только не во всемъ Китаѣ всѣ эти синонимы употребительны *). Тасманійцы не могли выразить качества вещей, въ родѣ твердый, мягкій, теплый, холодный, длинный, короткій, круглый и т. д. Вмѣсто твердый они говорили «какъ камень», вмѣсто высокій—«длинныя ноги», вмѣсто круглый—«какъ шаръ, какъ мѣсяцъ» и т. п. У чукчей, пешересовъ, у обитателей Таити недостаетъ словъ для обозначенія отвлеченныхъ идей вообще и въ частности для передачи истинъ нашей религіи, переводъ «Отче нашъ» и десяти заповѣдей оказывается совершенно непонятнымъ на такихъ языкахъ **). Въ сіамскомъ нарѣчіи плодъ называется «сынъ + дерево», потокъ «мать + вода», въ бирманскомъ мальчикъ «конь + юный», въ малагезскомъ шелковичный червь «мать + шелкъ», пчела «мать + медъ» ***).

Мало по малу были различены переходныя степени явленій, предметы отдѣлены другъ отъ друга, свойства предметовъ умственно обособлены и получили особыя наименованія; различеніе продолжало развиваться въ данномъ направленіи и, подъ вліяніемъ спеціальнаго интереса, отмѣтило массу особенностей въ предметахъ, составлявшихъ ближайшую обстановку, богатство, въ любимыхъ, дорогихъ вещахъ. Отсюда возникла масса синонимическихъ выраженій, поражающихъ въ нѣкоторыхъ языкахъ изобиліемъ. Въ санскритѣ слонъ имѣлъ 23 названія, лошадь 14, верблюдъ 18, корова 16, буйволъ 15, левъ 14, вода 34, море 21, молнія 15, вѣтеръ 26, лѣсъ 14, богъ любви Кама 20. Въ арабскомъ языкѣ насчитывается для названія верблюда 5744 слова, для льва 500, для змѣи 200 и т. д. Допуская въ этомъ показаніи значительное преувеличеніе, все же мы получаемъ обиліе словъ для обозначенія одного и того же предмета ****).

*) Steinthal, Charakteristik der hauptsächlisten Typen des Sprachbaues. S. 123, 124, 132.

**) Леббокъ, Доисторическія времена, стр. 456, 457.

***) Sayce, Jntroduction, vol. 11 p. 226.

****) Jnternationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft, Techmer. Land 1, Heft 1, 1884 S. 30; М. Мюллеръ, Лекціи по наукѣ о языкѣ, стр. 293; Ренанъ, О происхожденіи языка, 70. На эротическомъ языкѣ 16 в. венерическій актъ имѣлъ 300 синонимовъ, половыя части 400, проститутка 103. (Lombroso, l'Bhomme criminel, 1887, p. 477—478.

Причина образованія огромнаго количества синонимовъ въ нѣкоторыхъ языкахъ заключалась въ чрезвычайно подробномъ и мелочномъ различеніи свойствъ отдѣльныхъ вещей: отмѣчались не только свойства, но и всякіе ихъ оттѣнки и видоизмѣненія, обозначеніе которыхъ служило нерѣдко наименованіемъ самымъ вещамъ. Въ обиліи синонимовъ мы имѣемъ явленіе прямо противоположное первоначальному состоянію мышленія и языка: нѣкогда явленія такъ плохо различались, что для обозначенія массы самыхъ различныхъ вещей пользовались однимъ и тѣмъ же словомъ; а наконецъ пришло время, когда стали такъ подробно и отчетливо различать свойства вещей, что отдѣльной вещи была дана масса самыхъ различныхъ наименованій. Конечно, тонкое различеніе одного интересовавшаго предмета легко уживалось въ умѣ съ самымъ тупымъ различеніемъ цѣлыхъ сферъ и областей казавшихся неинтересными явленій, какъ это сплошь и рядомъ случается и нынѣ.

IX.

Съ постепеннымъ развитіемъ различенія умъ дѣлаетъ новый значительный шагъ въ расширеніи мышленія: онъ открываетъ духовное бытіе и образуетъ изъ него обширную сферу новыхъ фактовъ, задачъ и вопросовъ для изслѣдованія. Собственно чисто духовнаго бытія мы въ опытѣ не знаемъ, оно постоянно является намъ въ связи съ матеріальнымъ. Нужно немалое умственное развитіе и именно способности различенія, чтобы замѣтить присутствіе этого духовнаго (психическаго) міра на ряду съ матеріальнымъ; нужна значительная энергія ума, чтобы сосредоточиться на духовномъ бытіи, понять его своеобразный характеръ, отмѣтить его особенности. Естественно поэтому, что, при слабости различенія и мышленія, духовное бытіе всецѣло отсутствовало въ сознаніи людей, было имъ совершенно неизвѣстно.

Вообще разсвѣтъ умственной жизни человѣчества характеризовался полнымъ сліяніемъ человѣка съ внѣшней матеріальной природой. Сначала человѣкъ не замѣчалъ въ себѣ ничего особеннаго по сравненію съ окружающей средой, не противопоставлялъ себя природѣ; фактъ мышленія ускользалъ отъ его наблюденія, какъ отъ одного мольеровскаго героя ускользало то обстоятельство, что онъ говоритъ прозой, а не стихами. Человѣкъ такъ непосредственно и глубоко погружался въ настоящее, въ переживаніе получаемыхъ впечатлѣній, что не замѣчалъ своихъ психическихъ явленій,

отражавшихъ внѣшній міръ, не замѣчалъ, что посредникомъ между нимъ и природой служитъ познавательная дѣятельность. Рефлексіи, направленной на самого себя, на свои психическія состоянія еще не было, я, какъ своеобразная индивидуальность, не противопоставлялась не—я, внѣшнему міру. Изслѣдованіе словъ, обозначающихъ ощущенія различныхъ органовъ—видѣніе, слышаніе, осязаніе, обоняніе, вкусъ—показываетъ, что самыя ощущенія никогда не назывались, о способности ощущенія и воспріятія совсѣмъ нѣтъ рѣчи, а ощущенія назывались по предметамъ ощущенія или по дѣятельности, слѣдующей за ощущеніемъ. Что что-то движется, что-то пахнетъ, шумитъ, что наступаетъ день или ночь—это человѣкъ зналъ, но что онъ видитъ, обоняетъ, слышитъ—на это онъ еще не обращалъ вниманія. Субъективная сторона явленій совсѣмъ еще исчезала и какъ бы не существовала для сознанія человѣка *). Первоначальное состояніе относительнаго неразличенія (см. 111 очеркъ) простиралось не только на отдѣльныя группы явленій, но и на основныя представленія о внѣшнемъ мірѣ и нашемъ я: они не различались и не обособлялись, природа и человѣкъ были еще одно. Человѣкъ жилъ какъ тѣлесный организмъ, совершенно однородный со всей остальной природой. Если же человѣкъ первоначально именовалъ главнымъ образомъ свои дѣйствія, то таксе обстоятельство вызывалось не тѣмъ, чтобы человѣкъ выдѣлялъ себя изъ природы и противопоставлялъ ей, а тѣмъ, что онъ прежде всего въ массѣ явленій природы и своей собственной жизни различилъ свои дѣйствія, какъ маленькую часть большаго цѣлаго. Первоначально человѣкъ больше разсматривалъ себя со стороны объективной, какъ предметъ среди другихъ, чѣмъ субъективной, какъ лицо. Личное мѣстоименіе «я» въ рѣчи каждаго отдѣльнаго человѣка появляется не рано, долгое время дитя говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ или просто называетъ себя по имени; въ языкѣ человѣчества замѣчается тоже явленіе—объективные падежи древнѣе субъективныхъ, а въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. малайскомъ и кави, «я» значитъ и досихъ поръ или прямо человѣкъ или не можетъ быть отдѣлено отъ понятія человѣкъ по своему значенію **).

На мысль о томъ, что существуетъ своеобразный, отличный

---

*) Филологическія доказательства этой мысли см. у Bechtel'я, Uber die Bezeichnungen der Sinnlichen Wahrnemungen in den indogermanischen Sprachen. 1878.

**) Sayce, Introduction, 11, 26.

отъ матеріальнаго, психическій міръ, человѣкъ могъ быть наведенъ припоминаніями, мечтой или размышленіемъ и сновидѣніями. Вслѣдствіе совершенія указанныхъ процессовъ, человѣку умственно являются лица и предметы, которыхъ у него нѣтъ предъ глазами, которые не воспринимаются ни однимъ изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ; благодаря этимъ процессамъ, человѣкъ вновь переживаетъ событія давно минувшія или такія, которыхъ никогда и не было. Все это невольно привлекаетъ вниманіе человѣка къ своеобразному міру психическихъ явленій, изображающихъ дѣйствительность при отсутствіи дѣйствительности. Но при началѣ умственной жизни человѣчества припоминанія людей бываютъ слишкомъ коротки и отрывочны, а міръ мечты и размышленія совершенно недоступенъ и неизвѣстенъ. Первобытный человѣкъ жилъ настоящимъ, а не мечтами о будущемъ или припоминаніемъ прошлаго. Если же ему и приходилось припоминать или размышлять, то это было припоминаніе или размышленіе живое, наглядное, рельефное, незамѣтно сливавшееся съ дѣйствительностію.

У культурнаго человѣка между субъективнымъ міромъ мысли и объективнымъ внѣшнимъ міромъ существуетъ большая и весьма замѣтная разница: міръ мысли отвлеченъ, общъ, блѣденъ, міръ внѣшній конкретенъ, ярокъ, состоитъ изъ отдѣльныхъ явленій. Безконечное множество отдѣльныхъ впечатлѣній отъ различныхъ предметовъ міра мы не можемъ удерживать въ своемъ умѣ отдѣльно, но соединяемъ ихъ и образуемъ изъ нихъ цѣлыя сложныя сочетанія. Эти цѣлыя мы переработываемъ постепенно въ новыя, болѣе отвлеченныя, образованія, такъ что различіе между дѣйствительнымъ міромъ и его отображеніемъ въ нашемъ умѣ увеличивается, съ развитіемъ мыслительной дѣятельности, все больше и больше. Отдѣльныя ощущенія соединяются въ представленія, единичныя и общія, представленія въ понятія не одинаковой степени общности; изъ отдѣльныхъ понятій возникаютъ цѣлыя системы понятій. Чѣмъ серьезнѣе и глубже человѣкъ мыслитъ, тѣмъ больше и тоньше онъ различаетъ, тѣмъ отвлеченнѣе и общѣе его мысль; чѣмъ меньше онъ мыслитъ, тѣмъ его мышленіе конкретнѣе, живѣе, ближе подходитъ къ самому внѣшнему міру, о которомъ онъ мыслитъ. Наблюденіями надъ различными лицами выяснено, что люди умственнаго труда, занятые отвлеченною мыслительностію, отличаются блѣдностію и тусклостію припоминаемыхъ представленій, у лицъ же, привязанныхъ къ внѣшнему міру и не живущихъ сильно умомъ, образы памяти достигаютъ чувственной живости, чело-

вѣкъ какъ бы видитъ припоминаемые предметы. Способностію умственнаго видѣнія красокъ и формъ и живаго зрительнаго представленія ученые владѣютъ въ весьма слабой степени, люди же, занимающіеся другими профессіями, особенно женщины, мальчики и дѣвочки, владѣютъ въ значительной степени. У одной дѣвушки слово «лодка» сейчасъ же вызвало представленіе о большой, отплывающей отъ берега, лодкѣ, наполненной мужчинами и дамами, при чемъ дамы были въ бѣломъ и голубомъ; у мужчины же, нѣсколько наклоннаго къ философскимъ сужденіямъ, слово «лодка» не вызвало никакого опредѣленнаго образа, это лицо даже намѣренно старалось воздержать свой умъ отъ какого либо конкретнаго представленія лодки *).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первобытное человѣчество, по характеру своего мышленія, гораздо ближе подходило къ дѣтямъ, женщинамъ и вообще лицамъ, не занимающимся спеціально умственнымъ трудомъ, чѣмъ къ ученымъ. О нѣкоторыхъ дикаряхъ извѣстно, что они владѣютъ чрезвычайно живыми и отчетливыми представленіями нѣкоторыхъ предметовъ, напр. бушмены и эскимосы прекрасно на память чертятъ фигуры знакомыхъ животныхъ и карты окружающей мѣстности (эскимосы). Поэтому мы можемъ сказать, что въ сознаніи первобытнаго человѣчества субъективный и объективный міры были еще слиты, опредѣленно не различались и не раздѣлялись, представленіе и ощущеніе, дѣйствительный фактъ и припоминаемый достаточно не разграничивались, образуя одно сплошное цѣлое.

Сновидѣнія рано привлекаютъ къ себѣ вниманіе людей, но долгое время понимаются ими не какъ явленія субъективныя, психическія. а какъ дѣйствительныя происшествія, совершенно одинаковыя по своей природѣ съ явленіями бодрственной жизни. Многіе дикари относятся къ сновидѣніямъ весьма внимательно и руководствуются ими въ своихъ поступкахъ. Негры южной Гвинеи едва могутъ отличить сонъ отъ дѣйствительности, мысли во снѣ отъ мыслей наяву и потому они часто безсознательно говорятъ неправду, увѣряя, что видѣли вещи, которыя никогда не существовали. Дайяки вѣрятъ, что все, что живо представлялось имъ въ сновидѣніяхъ, имѣло мѣсто въ дѣйствительности. Дѣти, какъ извѣстно, подобнымъ же образомъ относятся къ сновидѣніямъ.

---

*) Объ упомянутыхъ изслѣдованіяхъ см. Francis Galton, Inquiries into human faculty and its development. London, 1883 г. p. 83—96 и сл.; Fechner, Elemente der Psychophysik. Zweiter Theil, S. 468—491 (по перв. изд.).

Приравненіе сновидѣній къ дѣйствительности повело не къ признанію особаго психическаго внутренняго міра, а къ признанію двойственности человѣческой жизни, въ бодрственномъ состояніи и во снѣ. Начало оживляющее человѣка, служащее въ немъ источникомъ жизни, было признано матеріальнымъ, имѣющимъ тѣлесныя потребности и наслажденія, ведущимъ по временамъ, именно во время сна, самостоятельную, отдѣльную отъ тѣла, жизнь, но такую же, какую оно ведетъ и въ соединеніи съ тѣломъ. Жизнь человѣка раскололась, но отъ этого раздѣленія еще не только не получилось противопоставленія матеріальнаго духовному, но даже и субъективнаго объективному, міра мысли, мечты и сновидѣнія міру дѣйствительныхъ фактовъ; и бодрственная жизнь и жизнь во снѣ были равно объективны и дѣйствительны, это было одна одинаково реальная и матеріальная жизнь, своихъ психическихъ явленій человѣкъ все еще продолжалъ не замѣчать, сливая ихъ съ внѣшними событіями.

Нѣкоторые языки мало способны выражать психическія явленія въ ихъ чистомъ видѣ, но постоянно прибѣгаютъ для выраженія духовнаго къ физическому. Таковъ напр. еврейскій языкъ, обозначающій душевныя чувствованія сопутствующими имъ органическими перемѣнами. Гнѣвъ обозначается на еврейскомъ цѣлой массой метафоръ, заимствованныхъ то отъ быстраго дыханія, то отъ жара, кипяченія, то отъ дѣйствія, готоваго какъ бы разгромить что нибудь, то отъ дражанія, наконецъ отъ пѣны, падающей изо рта бѣшенаго животнаго. Унынie, отчаяніе выражаются на еврейскомъ словами, обозначающими расплавливаніе, раствореніе сердца; боязнь —словами, обозначающими ослабленіе почекъ; гордость обрисовывается поднятіемъ головы, высокой и мощной осанкой. Вздернуть голову, смотрѣть то на то, то на другое, опустить руки и т. д. —вотъ обороты, которые предпочитаются евреями чисто психологическимъ выраженіямъ для опредѣленія презрѣнія, нерѣшительности, изнеможенія. Можно даже сказать, что въ еврейскомъ языкѣ чувствуется совершенный недостатокъ въ подобнаго рода психологическихъ выраженіяхъ. Употребляя подобные термины, еврей любитъ прибавлять къ нимъ обрисовку нѣкоторыхъ физическихъ обстоятельствъ: «онъ разгнѣвался и его лицо воспламенилось», «онъ открылъ уста и сказалъ». Дѣлать или создавать первоначально означало рубить, рѣзать; рѣшить что нибудь—отсѣкать, думать—говорить, какъ у нѣкоторыхъ океанійскихъ племенъ, которыя вмѣсто «думать» выражаются: «говорить въ своемъ животѣ»*). На

*) Ренанъ, О происхожденіи языка, стр. 60—62.

еврейскомъ мысль не можетъ освободиться отъ матеріальнаго образа, ее покрывающаго; библейскій языкъ, весьма живописный и поэтическій, совершенно не въ состояніи выразить чистую идею въ полной ея отвлеченности. Вообще замѣчаютъ, что если сравнивать метафору въ индоевропейскихъ языкахъ и симитическихъ, то въ первыхъ основной физическій смыслъ метафоры уже забытъ и слово сдѣлалось соотвѣтственнымъ для выраженія отвлеченной мысли, между тѣмъ какъ въ послѣднихъ метафора еще ясна, ея первоначальный смыслъ еще не утраченъ.

Въ разсматриваемомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія латышскій языкъ. Онъ богатъ названіями такихъ предметовъ, которые входятъ въ составъ ежедневной обстановки. Сознаніе латыша не только выдѣлило ихъ, но и отмѣтило ихъ различныя частныя свойства, создавъ для каждаго множество особыхъ наименованій. Напр. слово «куча» имѣетъ свыше десятка названій сообразно съ тѣмъ, что это за куча—народа, соломы, песку, дровъ и т. д. Въ противоположность такимъ тонкимъ отличительнымъ наименованіямъ обыденныхъ матеріальныхъ предметовъ, въ латышскомъ языкѣ есть только неопредѣленныя и смутныя обозначенія психическихъ процессовъ. Такъ одно и тоже слово prahts (разсудокъ) обозначаетъ все, относящееся къ мыслительной и желательной способностямъ, разсудокъ разумъ, вниманіе, желаніе, мужество, намѣреніе, чувство, удовольствіе, совѣсть и внѣшнія чувства; слово sirds—сердце значитъ также совѣсть, настроеніе, а иногда внутренности. Когда у крестьянина болитъ животъ, онъ говоритъ· сердце болитъ. Также выражаются и швейцарскіе крестьяне *). Въ новой Гвинеѣ, наоборотъ, человѣкъ, жалѣющій кого либо, говоритъ, что ради такого—то у него болитъ животъ.

Вообще строгое разграниченіе матеріальнаго и духовнаго было затруднительно даже для грековъ, и не только для греческой толпы, но и для греческихъ поэтовъ и философовъ. Пиндаръ говорилъ: «люди и боги образуютъ одинъ родъ, и они и мы обязаны одной и той же матери дыханіемъ жизни»· «Мы подобны богамъ, говорилъ еще Пиндаръ, по нашему существу, по нашей природѣ, именно умомъ». По Гомеру, одно живое тѣло есть человѣческая личность, avtós, истинное я; душа есть жизненное дыханіе, предметъ

*) Pott, Etymologische Forschungen, 2 Auflage, t. 11, Zweite Abtheilung, S. 128—131.

дыхательной функціи *). По словамъ Целлера **), вся древняя греческая философія характеризуется отсутствіемъ строгаго и яснаго разграниченія и противопоставленія внѣшнаго и внутренняго, субъективнаго и объективнаго, матеріальнаго и духовнаго; природа психическихъ процессовъ не была еще понята древними греками въ ея полной своеобразности, сознательное и безсознательное, личное и безличное, внѣшній міръ и міръ сознанія—все это еще не было рѣзко противопоставляемо, все это сглаживалось и объединялось въ недостаточно строго выясненныхъ и различенныхъ общихъ понятіяхъ. Строгихъ спиритуалистовъ у грековъ не было даже между философами. Понятно поэтому, что долгое время нравственныя, юридическія и другія отвлеченныя, духовно—общественныя отношенія не понимались внѣ какихъ либо физическихъ обнаруженій и знаковъ, напр. дружба, миръ, единеніе безъ совмѣстной ѣды, питья, питья крови другъ друга, куренія изъ одной трубки и т. п. Безъ подобнаго внѣшняго знака отсутствовало и нравственное отношеніе ***).

X.

Высшая ступень основной дѣятельности нашего ума—различенія есть отвлеченное мышленіе. Отвлеченіе (абстракція) есть выдѣленіе, обособленіе какого либо свойства изъ ряда другихъ, съ нимъ связанныхъ; отвлеченное мышленіе есть разсужденіе о такихъ обособленныхъ сторонахъ, свойствахъ и признакахъ явленій, поставленіе ихъ предъ умомъ и разсматриваніе ихъ какъ бы цѣлыхъ и самостоятельныхъ фактовъ. Чтобы было возможно отвлеченное мышленіе, для этого необходимо предварительно различать признаки явленій; если признакъ еще не различается отъ другихъ, сливается съ ними, то и обособленіе его отъ другихъ невозможно. Обособленіе признака отъ другихъ слѣдуетъ признавать высшею ступенью различенія потому, что только при отвлеченіи различеніе достигаетъ полной своей силы: пока признаки явленій не обособлены, вниманіе легко переходитъ отъ одного свойства къ другому, связанному съ нимъ, къ цѣлому предмету, которому принадлежатъ данные признаки, далѣе къ другому подобному или смежному предмету, къ цѣлой группѣ родственныхъ или смежныхъ и т. д. Вслѣд-

*) Chaignet, Histoire de la psychologie des Grecs, Paris, 1887 г. p. 6.

**) Zeller, Die Philosophie der Griechen. Erster Theil, 4 Auflage, 1877, S. 121 - 131.

***) См. нѣкоторыя подробности объ этомъ въ книгѣ Кулишера, Очерки сравнительной этнографіи и культуры. Спб., 1887.

ствіе такого перехода вниманія отъ свойства къ свойству, отъ предмета къ предмету, вниманіе слабѣетъ, его острота теряется, оно становится шаткимъ, колеблющимся, неопредѣленнымъ; обо собленіе же свойства отъ связанныхъ съ нимъ даетъ полное и чистое впечатлѣніе уму отъ уединеннаго свойства, безъ примѣси впечатлѣній отъ другихъ свойствъ, свойство созерцается умомъ безпрепятственно въ его ничѣмъ невозмущаемой сущности и такимъ путемъ лучше понимается и отличается, своеобразный характеръ свойства выступаетъ во всей силѣ и чистотѣ. Потому отвлеченіе есть вершина различенія.

Изъ тѣсной внутренней связи между различеніемъ и отвлеченіемъ, повидимому, слѣдуетъ, что отвлеченіе развивается столь же необходимо и легко, какъ и различеніе. Когда предъ различающимъ умомъ человѣка открылись наконецъ, вмѣсто первоначальныхъ неопредѣленныхъ, обширныхъ и смутныхъ воспріятій, два особенные міра: матеріальный и духовный, причемъ каждый распался на классы и группы явленій, на отдѣльныя явленія, свойства явленій и оттѣнки свойствъ, тогда, казалось бы, не стоило большаго труда сдѣлать еще одинъ шагъ дальше и уже различенныя свойства выдѣлить изъ ассоціацій. Это, повидимому, такъ просто, легко, естественно и даже необходимо. Но на самомъ дѣлѣ отвлеченное мышленіе не легко, а съ трудомъ возникаетъ и развивается изъ различенія; есть естественныя причины, его вызывающія, но есть и весьма серьезныя препятствія къ его быстрому развитію при наличности достаточно развитаго и разнообразнаго различенія.

Нерѣдко бываетъ, что предметы производятъ очень сильное впечатлѣніе какой либо одной стороной, однимъ свойствомъ: горькимъ или сладкимъ вкусомъ, отвратительнымъ запахомъ, пріятнымъ цвѣтомъ. Умъ вынуждается тогда къ сосредоточенію на извѣстномъ свойствѣ, причемъ всѣ другія ассоціированныя съ нимъ на нѣкоторое время устраняются и забываются, какъ будто бы ихъ и не было; преобладаніе, большія сила и острота какого либо внѣшняго органа—у многихъ зрѣнія, у многихъ слуха, у нѣкоторыхъ осязанія или обонянія—влекутъ болѣе отчетливое усвоеніе свойствъ, воспринимаемыхъ сильнѣйшимъ органомъ, выдѣленіе и обособленіе этихъ свойствъ изъ ряда другихъ, характеристику ими предмета; задержка вниманія на извѣстномъ свойствѣ можетъ обусловливаться и разнообразными личными вкусами, профессіональными занятіями, временными интересами; наконецъ, забвеніе ведетъ къ тому, что предметъ припоминается все съ меньшимъ и меньшимъ числомъ чертъ и въ заключеніе остается при одной, становящейся по необходимости отвлеченной.

Дѣйствіемъ такихъ неизбѣжныхъ естественныхъ причинъ вызывается процессъ отвлеченія. Онъ не есть спеціальная принадлежность только человѣческаго ума или существа, владѣющаго членораздѣльною рѣчью; первыя начала отвлеченія свойственны животнымъ и дѣтямъ до овладѣнія рѣчью. Когда быка раздражаютъ предметомъ краснаго цвѣта, а расплакавшееся дитя успокоиваютъ сладкой конфектой, тогда вниманіе и животнаго и маленькаго человѣка бываетъ сосредоточено нѣкоторое время на одномъ свойствѣ предметовъ — красномъ цвѣтѣ и сладости, при чемъ другія качества какъ бы совсѣмъ исчезаютъ, не существуютъ. Пройдетъ малое время и вниманіе перейдетъ на другія свойства и другіе предметы. Въ подобныхъ случаяхъ, несомнѣнно, совершается процессъ отвлеченія, но въ весьма несовершенной формѣ: на очень короткое время и подъ сильнымъ давленіемъ пріятнаго или непріятнаго чувства, при чемъ спокойное воспріятіе обособленнаго на время свойства бываетъ невозможнымъ. Нужно бы подольше удержать предъ умомъ выдѣленное свойство, нужно бы спокойно, объективно отнестись къ нему, чтобы вполнѣ усвоить его особенности и отличить отъ другихъ. Но этихъ благопріятныхъ условій для развитія и укрѣпленія процесса отвлеченія обыкновенно и недостаетъ; напротивъ, лишь только едва-едва начался процессъ отвлеченія, какъ сейчасъ же онъ наталкивается на могущественныя затрудненія, задерживающія его ростъ и развитіе.

Ничего отдѣльнаго, обособленнаго мы не видимъ и не знаемъ, мы все наблюдаемъ въ связи, во взаимномъ вліяніи и измѣненіяхъ. Мы хотимъ изучить какое либо одно свойство явленія; но явленіе состоитъ не изъ одного свойства, а изъ многихъ. Воспринимая данное свойство зрѣніемъ, мы не можемъ заткнуть уши и носъ, чтобы какъ нибудь не отвлечься слуховыми и обонятельными свойствами предмета, не можемъ подавлять движенія, чтобы какъ нибудь не дотронуться до предмета и не получить новый, совершенно иной, рядъ возбужденій. Даже то самое свойство, которое мы хотимъ изучить, легко можетъ оказаться зависимымъ отъ другаго свойства, а то и другаго предмета, такъ что волей-неволей, въ интересахъ поставленной задачи, приходится прекратить обособленіе изучаемаго свойства отъ связанныхъ съ нимъ другихъ. Въ психическихъ явленіяхъ также все сложно и связано: отдѣльныя явленія составлены изъ множества различныхъ элементовъ; отдѣльныя явленія сопутствуются и смѣняются непрерывно другими. Словомъ міровыя явленія, въ какой бы уголокъ міра мы ни обра-

тились. представляютъ перепутанную сѣть и изъ этой ткани мы не можемъ вынуть одну петлю, одну ниточку, не задѣвъ другія; одна петелька тянетъ за собой другія.

Поэтому естественное мышленіе есть мышленіе ассоціонное, представленіе одного свойства вмѣстѣ съ другимъ, одного явленія послѣ другаго, одновременное воспроизведеніе сходныхъ фактовъ; отвлеченное же мышленіе противорѣчитъ такому естественному связному мышленію и потому должно быть признано, не смотря на нѣкоторыя естественныя побужденія къ нему, по существу искусственнымъ, плодомъ культуры, результатомъ особыхъ упражненій, усилій, выдержки. Различать намъ естественно: мы имѣемъ различные органы, приспособленные къ воспріятію именно извѣстныхъ только свойствъ; различеніе не противорѣчитъ связи между явленіями, оно только проясняетъ наши ассоціированныя впечатлѣнія. Отвлеченіе же требуетъ отъ насъ борьбы, усилій, вноситъ раздоръ съ самими собой. Все существуетъ въ связи, подъ взаимнымъ вліяніемъ, все измѣняется параллельно, одно вмѣстѣ съ другимъ, и вдругъ задача: выдѣляй явленія, обособляй свойства, вмѣсто ассоціоннаго развивай отвлеченное, уединяющее мышленіе. Понятно, что такое требованіе идетъ въ разрѣзъ съ естественными стремленіями ума и можетъ быть выполняемо съ крайнею медленностію и трудомъ; оно предполагаетъ несомнѣнно постоянную отрицательную дѣятельность, постоянное устраненіе изъ сознанія напирающихъ на него и врывающихся ассоціированныхъ свойствъ, оно ставитъ умъ и всего человѣка въ напряженное состояніе, въ боевое положеніе: удерживай изо всѣхъ силъ одно свойство и гони прочь всѣ другія, хотя бы и тѣсно связанныя съ первымъ.

Первобытному уму отвлеченное мышленіе совершенно чуждо, онъ не только не способенъ отвлеченно разсуждать, но слабъ въ дѣятельности болѣе элементарной—въ различеніи. Да и въ настоящее время даже у такъ называемыхъ образованныхъ людей отвлеченное мышленіе есть явленіе сравнительно рѣдкое: едва-едва человѣкъ уединитъ какое либо свойство явленія, какъ сейчасъ же переходитъ къ представленію цѣлаго предмета. Отвлеченіе въ мышленіи обыкновеннаго человѣка подобно взлету брошеннаго вверхъ камня: отдѣлившись отъ земли на нѣсколько мгновеній, достигнувъ нѣкоторой обособленности отъ нея, поднявшись въ воздухѣ, брошенный камень стремительно падаетъ на землю. Отвлеченное мышленіе кажется намъ слишкомъ одностороннимъ, сухимъ, безжизненнымъ, мы стремимся къ большему богатству, содержательности и разнообразію

мышленія, къ большей колоритности мыслей, а потому постоянно переходимъ отъ отвлеченій къ цѣльнымъ представленіямъ. Науки строго отвлеченныя, напр. математика, считаются самыми трудными, многіе объявляютъ себя неспособными къ занятіямъ математикой, предполагая, что для ея усвоенія требуется особенный врожденный талантъ; а занимающіеся математикою постоянно прибѣгаютъ къ наглядным пособіямъ, разъясненіямъ и доказательствамъ. такъ что и отвлеченныя науки изучаются ассоціонно; тоже самое бываетъ съ наиболѣе отвлеченными частями во всѣхъ другихъ наукахъ, напр. съ формулами. Даже сильные философскіе умы подлежатъ тому же упреку, отвлеченія часто мыслятся ими образно. Едва-ли въ настоящее время возможно сомнѣваться, что всякаго рода идеи, родовыя и видовыя понятія суть отвлеченія въ соединеніи съ обобщеніями, а между тѣмъ долгое время они представлялись не только самостоятельными и внѣ ума существующими сущностями, но даже существами, которыя имѣли многія свойства, вели свою особую жизнь, имѣли разнообразныя взаимныя отношенія и вліянія, а иногда представлялись занимающими пространство, помѣщаясь гдѣ-то въ надзвѣздныхъ мірахъ. Если въ умахъ философовъ обобщенія довольно легко принимали видъ чуть-ли не миѳологическихъ существъ, то что же говорить про умы обыкновенныхъ образованныхъ людей, юношества, дѣтей, дикарей, первобытнаго человѣчества?

Малая фактическая доступность отвлеченнаго мышленія человѣческому уму естественно возбуждаетъ теоретическій вопросъ о тѣхъ границахъ, въ которыхъ можетъ совершаться развитіе отвлеченнаго мышленія.

Въ развитіи отвлеченнаго мышленія слѣдуетъ различать двѣ главныя ступени: чисто отвлеченное мышленіе и отвлеченіе въ соединеніи съ обобщеніемъ. Предѣлы чисто отвлеченнаго мышленія, безъ всякой помощи символовъ и какихъ либо внѣшнихъ знаковъ, очень необширны. Отвлеченіе есть высшее различеніе. А мы различаемъ классъ отъ класса, группу отъ группы, предметъ отъ предмета, свойство отъ свойства. Обособленіе классовъ, группъ, отдѣльныхъ предметовъ не можетъ считаться настоящимъ отвлеченіемъ, потому что все это сложные факты, предполагающіе ассоціацію, а отвлеченіе есть именно разрѣшеніе ассоціаціи, всецѣлое уединеніе мыслимаго предмета. Поэтому на долю чисто отвлеченнаго мышленія остаются только свойства отдѣльныхъ явленій, подлежащихъ воспріятію органами внѣшнихъ чувствъ. Наблюдая, что окружающіе предметы и явленія образуютъ совокупности свойствъ и различая

эти послѣднія, мы можемъ обособлять ихъ и мыслить о нихъ, какъ о самостоятельныхъ предметахъ, разумѣется, при наличности мотивовъ, вызывающихъ сосредоточеніе вниманіе на данныхъ свойствахъ. Отвлеченіе въ такихъ случаяхъ является совершенно чистымъ, потому что для своего существованія не нуждается ни въ какомъ внѣшнемъ знакѣ, напр. словѣ. Если мы въ данномъ предметѣ различаемъ оригинальную форму, своеобразныя очертанія, то мы можемъ отвлеченно представлять эту форму, не обозначая ее словомъ, живое отчетливое воспроизведеніе ея можетъ имѣть мѣсто безъ всякой помощи какого либо внѣшняго выраженія.

Что касается психическихъ, духовныхъ явленій, то они доступны для чисто отвлеченнаго мышленія только въ предѣлахъ личной психической жизни человѣка, насколько эта жизнь познается путемъ самонаблюденія. Отдѣльныя душевныя явленія мы можемъ разлагать на элементы, и эти элементы мыслить самостоятельно, отвлеченно, хотя отвлеченное мышленіе о свойствахъ психическихъ фактовъ труднѣе отвлеченій въ сферѣ матеріальныхъ предметовъ, такъ какъ въ психическомъ анализѣ отсутствуетъ всякая наглядность и самыя психическія свойства тѣснѣе, ближе сливаются и соединяются при образованіи отдѣльныхъ душевныхъ явленій, чѣмъ свойства матеріальныхъ предметовъ. Психическіе же факты изъ жизни другихъ лицъ совсѣмъ недоступны въ строгомъ смыслѣ слова отвлеченному мышленію, потому что психическую жизнь другихъ мы можемъ познавать только въ ея обнаруженіяхъ вовнѣ, т. е. ассоціонно, внѣ же ассаціацій она вполнѣ недоступна. Отвлеченное мышленіе о душевныхъ состояніяхъ другихъ возможно путемъ полнаго уподобленія другихъ намъ самимъ, когда мы совершенно переносимся въ *я* другаго и забываемъ, что мы не столько наблюдаемъ и разсуждаемъ о душевномъ состояніи другаго, извѣстномъ намъ чрезъ внѣшніе знаки, сколько анализируемъ свои собственные психическіе факты.

Другой видъ отвлеченнаго мышленія есть сочетаніе отвлеченія съ обобщеніемъ. Когда мы различаемъ и затѣмъ обособляемъ свойства отдѣльныхъ явленій. физическихъ и духовныхъ, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя свойства въ явленіяхъ повторяются, извѣстное свойство есть принадлежность не одного, а многихъ фактовъ. Повторяющееся свойство указываетъ на общность природы тѣхъ фактовъ, въ которыхъ свойство повторяется. Повторяющееся свойство выдѣляется изъ другихъ и составляетъ одно особое психическое образованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ объединяются (обобщаются) факты, въ которыхъ данное свойство присутствуетъ. Обобщенія въ свою очередь могутъ имѣть различныя степени.

Какъ скоро начинается обобщеніе, строгое отвлеченное мышленіе въ чистомъ своемъ видѣ прекращается, отвлеченіе, соединяясь съ обобщеніемъ, требуетъ на помощь себѣ символовъ, внѣшнихъ знаковъ или увеличенія числа общихъ явленіямъ чертъ. Мы встрѣчаемъ въ предметахъ розовый цвѣтъ, красный цвѣтъ, кровавокрасный цвѣтъ, блѣднорозовый и т. д. Всѣ эти цвѣта мы можемъ представлять отдѣльно, отвлеченно и для представленія ихъ намъ не нужно никакихъ внѣшнихъ знаковъ. Но вотъ мы начинаемъ обобщать, мы замѣчаемъ, что всѣ перечисленные красные цвѣта не особые, а оттѣнки одного цвѣта, что все это красный цвѣтъ въ своихъ видоизмѣненіяхъ. Тогда мы обобщаемъ отдѣльные красные цвѣта въ одномъ психическомъ образованіи — красный цвѣтъ, въ которомъ есть элементы всѣхъ перечисленныхъ оттѣнковъ краснаго, и который есть слѣдовательно обобщенное отвлеченіе. Можно ли мыслить этотъ красный цвѣтъ строго отвлеченно? Нельзя, красный цвѣтъ вообще непредставляемъ. Можно представлять или розовый или кровавокрасный или блѣднорозовый, словомъ любой изъ оттѣнковъ краснаго, но красный вообще представлять и мыслить нельзя, потому что это не есть свойство какого либо предмета, а обобщеніе и вмѣстѣ уже отвлеченіе, произведенныя нашимъ умомъ. Какъ же теперь мыслить о красномъ цвѣтѣ, если о немъ нельзя мыслить отвлеченно? Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что мы мыслимъ о немъ. Мышленіе о красномъ цвѣтѣ вообще возможно не отвлеченное, а ассоціонное, въ связи съ какимъ либо внѣшнимъ знакомъ, напр. съ словомъ красный. И вообще всѣ тѣ обобщенныя отвлеченія, которыя имѣютъ въ своемъ содержаніи только одинъ признакъ, указываютъ на сродство явленій только по одному свойству, представляющемуся при одинаковой сущности нѣсколько видоизмѣненнымъ въ предметахъ (красный, зеленый, сладкій, соленый, цвѣтъ вкусъ, твердость и т. д.), не могутъ мыслиться безъ внѣшнихъ знаковъ. Что общаго между блѣднорозовымъ и кровавокраснымъ, между горькимъ и сладкимъ? Это общее несомнѣнно есть, а между тѣмъ мыслить его само по себѣ для насъ очень трудно, почти невозможно, оно есть результатъ какого-то темнаго, неяснаго намъ процесса. Слово—и вообще внѣшній знакъ—запечатлѣваетъ этотъ темный процессъ, фиксируетъ его, налѣпляетъ на него какъ бы мѣтку, какой-то ярлычекъ. Поэтому всякаго рода внѣшніе знаки и символы, а между ними преимущественно членораздѣльная рѣчь, имѣютъ большое значеніе для развитія отвлеченнаго мышленія въ связи съ обобщеніями. Чтобы сколько нибудь свободно держаться

въ сферѣ обобщенныхъ отвлеченій, человѣческому уму необходимы вспомогательныя средства, внѣшніе знаки. Слово, какъ рядъ опредѣленныхъ членораздѣльныхъ звуковъ въ извѣстной послѣдовательности, какъ внѣшнее явленіе, имѣетъ устойчивость, болѣе или менѣе прочное существованіе. Конечно, слово само подлежитъ измѣненію и развитію, но тѣмъ не менѣе имѣетъ опредѣленное существованіе. Отвлеченіе, ассоціировавшись съ словомъ, закрѣпляется и получаетъ возможность отдѣльнаго существованія отъ той совокупности образовъ, изъ которой оно взято. Оторвавшись отъ одной ассоціаціи, обобщенное отвлеченіе не остается одинокимъ душевнымъ фактомъ, но вступаетъ въ новую ассоціацію со словомъ и отъ его устойчивости и само дѣлается устойчивѣе. И еслибы ему снова пришлось погрузиться въ ту ассоціацію, изъ которой оно взято, оно не погибнетъ безслѣдно, — послѣ него останется слово, какъ памятникъ его самостоятельнаго, отдѣльнаго существованія, которое, чтобы не быть безсмысленнымъ рядомъ звуковъ, будетъ опять вызывать на совершеніе подобной же работы отвлеченія. Наиболѣе общія отвлеченія, каковы бытіе, нѣчто, ничто, качество, отношеніе и т. п., безъ словъ мы совсѣмъ мыслить не можемъ, для подобныхъ отвлеченій слово, имя—половина дѣла. Оно даетъ имъ нѣкоторую опредѣленность и какъ бы внѣшній обликъ. Заключая въ себѣ, въ своемъ содержаніи, всего на всего одну черту, а подъ собою, въ своемъ объемѣ, неисчислимое множество предметовъ и явленій, такія обобщенныя отвлеченія представляются нашему уму очень смутно и неясно, легко исчезаютъ, теряются, такъ что въ памяти у насъ остается одно слово.

Вслѣдствіе тѣсной связи между развитіемъ обобщенно-отвлеченнаго мышленія и языка, развитіе того и другаго идетъ параллельно, общія отвлеченія мало по-малу вызываютъ возникновеніе въ языкѣ словъ съ отвлеченнымъ и общимъ значеніемъ и грамматическаго характера; языкъ же, создавъ новыя отвлеченныя и общія выраженія, тѣмъ самымъ помогаетъ мысли подниматься на большія высоты отвлеченія и обобщенія, закрѣпляя, давая устойчивость первымъ шагамъ ея въ этомъ направленіи. Такимъ путемъ умъ все больше и больше сосредоточивался на свойствахъ и отношеніяхъ, общихъ многимъ явленіямъ, разсматривая ихъ какъ самостоятельные предметы мышленія; въ умѣ мало по малу образовывался навыкъ въ совершеніи процесса отвлеченія, самое отвлеченіе со временемъ стало производиться легче и быстрѣе, постепенно развился интересъ къ отвлеченному изслѣдованію, съ точки зрѣнія одного какого либо общаго свойства, и наконецъ возникла способность абстрактнаго мышленія,

какъ ее описываютъ логики, т. е. способность сознательнаго и намѣреннаго выдѣленія одного свойства изъ многихъ другихъ.

Общія отвлеченія мы можемъ еще мыслить и такимъ образомъ, что увеличимъ ихъ содержаніе, вмѣсто одной черты возьмемъ нѣсколько. Въ такихъ общихъ отвлеченіяхъ, какъ цвѣтъ, вкусъ, бытіе, нѣчто, всего на всего заключается по одной чертѣ и ихъ безъ словъ мыслить нельзя; но въ такихъ отвлеченіяхъ, какъ человѣкъ, дерево, городъ, находится въ содержаніи нѣсколько чертъ, нѣсколько свойствъ, соотношеніе между которыми и можетъ быть мыслимо помимо внѣшнихъ знаковъ. Человѣка вообще, дерево вообще и т. д. мы можемъ мыслить и безъ словъ, именно представлять соотношеніе между частями человѣческаго тѣла (головой, туловищемъ, конечностями) безотносительно къ полу, возрасту, племени, соотношеніе между корнемъ, стволомъ, вѣтвями безотносительно къ частнымъ различіямъ отдѣльныхъ породъ деревьевъ и т. д. Такія психическія образованія суть, во-первыхъ, отвлеченія, такъ какъ для созданія ихъ отъ многихъ представленій отдѣльныхъ людей и деревьевъ извлечены черты ихъ общаго строенія, ихъ существенной организаціи, и, во-вторыхъ, обобщенія, такъ какъ отвлеченныя черты слиты въ одно новое явленіе, которое есть общее по отношенію къ отдѣльнымъ, давшимъ ему свои элементы и свойства. Но слѣдуетъ помнить, что разсматриваемыя обобщенныя отвлеченія не суть продуктъ чистаго абстрактнаго мышленія, а представляютъ собою мышленіе ассоціонное, такъ какъ въ нихъ находится въ связи нѣсколько свойствъ, мыслится взаимоотношеніе между различными соединенными признаками. Отвлеченіе же есть обособленіе одной черты, одного свойства. Такимъ образомъ обобщенныя отвлеченія представляютъ собою сочетаніе двухъ совершенно противоположныхъ умственныхъ процессовъ: обособленія и уединенія свойствъ, ихъ различенія и раздѣленія (отвлеченіе) и сочетанія и сліянія отвлеченныхъ свойствъ въ одно цѣлое, построенія новаго факта изъ нѣсколькихъ данныхъ (обобщеніе). Первое умственное направленіе можетъ быть названо аналитическимъ, второе синтетическимъ.

Послѣ изложенныхъ теоретическихъ замѣчаній о сущности и главныхъ видахъ отвлеченнаго мышленія, обратимся къ фактамъ, представляемымъ лингвистикой, относительно развитія отвлеченій въ родѣ человѣческомъ.

Существованіе въ языкахъ прилагательныхъ, качественныхъ существительныхъ и вообще такихъ словъ, которыя обозначаютъ

отдѣльныя свойства предметовъ и явленій, кажется, свидѣтельствуетъ за наличность въ умѣ соотвѣтственныхъ, т. е. чистыхъ, отвлеченій. Но такой выводъ былъ бы не совсѣмъ правиленъ. Слова, обозначающія отдѣльныя свойства, несомнѣнно свидѣтельствуютъ только за то, что обозначенныя свойства были различены отъ другихъ; но мыслились-ли эти свойства отвлеченно отъ другихъ или въ связи съ другими— объ этомъ слова ничего не говорятъ. А между тѣмъ при наличности обозначеній отдѣльныхъ свойствъ и ихъ достаточномъ различеніи способность отвлеченнаго мышленія можетъ и отсутствовать. Вообще изъ данныхъ, представляемыхъ языками, невозможно убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи строго отвлеченнаго мышленія, хотя въ тоже время нѣтъ основаній и къ его отрицанію, особенно на короткое время и подъ вліяніемъ сильныхъ чувствованій.

Языки даютъ намъ за то множество фактовъ относительно развитія отвлеченій въ связи съ обобщеніями. Мы укажемъ нѣсколько для характеристики роста отвлеченія въ мышленіи вообще и потомъ въ частности отвлеченія въ сферѣ счета и вычисленій.

Корни языковъ имѣли слитное значеніе, одновременно именовали и дѣйствіе и лицо дѣйствовавшее и всѣ обстоятельства совершенія дѣйствія. Такое значеніе корней свидѣтельствуетъ за отсутствіе не только отвлеченій, но и достаточныхъ различеній. Постепенное развитіе языка, образованіе, выдѣленіе и опредѣленіе частей рѣчи съ ихъ особеннымъ назначеніемъ указываютъ на значительный ростъ способности различенія и отвлеченія, потому что каждая категорія словъ именовала въ предметахъ свои особыя стороны. Возникновеніе словъ съ чисто грамматическимъ характеромъ, такихъ словъ, которыя сами по себѣ пусты, безсодержательны, а только помогаютъ другимъ словамъ, опредѣляя ближе ихъ смыслъ, значеніе и отношенія, было дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи отвлеченія. Понятно, что обогащеніе языка отвлеченными словами съ общимъ значеніемъ совершалось весьма медленно и постепенно; не вдругъ, а мало-по-малу исчезалъ чувственный характеръ языковъ и рѣчь получала отпечатокъ иного, болѣе высокаго, склада мышленія.

Грамматическія отвлеченныя слова образовались такъ: корень или слово мало-по-малу теряли свое прежнее самостоятельное значеніе, а употреблялись въ рѣчи для того, чтобы придать болѣе опредѣленный смыслъ другому слову, съ которымъ его ставили рядомъ. Отъ такого несамостоятельнаго положенія первоначальное

значеніе слова постепенно забывалось, оно пріобрѣтало смыслъ только выразителя отношенія другаго слова и нерѣдко совсѣмъ соединялось съ этимъ другимъ, измѣнялось, сокращалось и превращалось въ простое окончаніе болѣе счастливаго слова, не только сохранившаго свою самостоятельность, но и поглотившаго другія слова. То, что въ настоящее время составляетъ въ словахъ маленькія приставки—префиксы, суффиксы, не имѣющіе никакого самостоятельнаго значенія, то нѣкогда было самостоятельнымъ, полнымъ жизни и содержанія, словомъ, мало-по-малу потерявшимъ свое значеніе и самостоятельность и изъ отдѣльнаго слова превратившимся въ простое окончаніе другаго. Окончаніе глагола такого то лица или прилагательнаго въ такомъ-то падежѣ есть нерѣдко остатокъ цѣлаго слова, потерпѣвшаго крушеніе, измѣнившагося и теперь приставшаго къ другому слову, въ видѣ его флексіи.

Китайцы очень хорошо замѣтили переходъ словъ отъ ихъ полнаго и самостоятельнаго значенія къ значенію отвлеченному, несамостоятельному, помогающему только опредѣлять значенія другихъ словъ. Свои слова-корни они раздѣляютъ на двѣ группы: на слова полныя и слова пустыя. Подъ первыми они разумѣютъ корни, значеніе которыхъ сохранилось во всей полнотѣ и независимости, тѣ корни, которые мы въ нашихъ переводахъ называемъ именами и глаголами; пустыми же словами они называютъ корни, собственное значеніе которыхъ мало-по-малу затемнилось и которые постепенно получили назначеніе опредѣлять и дѣлать болѣе точнымъ смутный смыслъ полныхъ словъ, первоначальное значеніе которыхъ вполнѣ сохранилось. «Что такое грамматика?» спрашиваетъ китайскій учитель ученика. «Это очень полезное искусство, отвѣчаетъ тотъ, научающее насъ отличать полныя слова и пустыя.» Въ китайскомъ языкѣ слова, значащія собственно «число, куча, множество», употребляются для обозначенія множества вообще, а слово, значащее «дитя», имѣетъ вообще уменьшительный смыслъ. Покитайски kuo chung буквально значитъ «королевство середина», но употребляется въ смыслѣ «въ королевствѣ» и sha jin i thing буквально» убить человѣкъ употребить палка» выражаетъ «убить человѣка посредствомъ палки» *).

Въ индоевропейскихъ языкахъ встрѣчается тоже самое явленіе. Англійскій глаголъ be (быть) имѣетъ смыслъ чисто формальный

*) Овелакъ, Лингвистика, 36; Whitney, Die Sprachwissenschaft, 482; Тэйлоръ, Антропологія, 136; Шерцль, 43 — 44.

или грамматическій — соединять субъектъ съ предикатомъ. Спряженіе этого глагола образовано изъ многихъ различныхъ частей, которыя однако всѣ происходятъ отъ корней, имѣющихъ опредѣленный физическій смыслъ: am (я есмь), is (онъ есть), are (они суть) происходятъ отъ as, что значитъ дышать и сажать; was, were (былъ, были) происходятъ отъ vas = жить; be, been (быть, бывшій) отъ bhu — рости. Французскій языкъ образовалъ спряженіе этого глагола отъ латинскаго stare — стоять. На языкѣ африканскаго племени борну tando = ткать превратилось въ общій глаголъ дѣлать, а въ древнееврейскомъ bârâ — рѣзать или рубить дошло до примѣненія къ созданію неба и земли.

Окончаніе hood въ англійскомъ языкѣ, напр. въ словахъ womanhood = женственность, женскій полъ, priesthood = священство, духовенство, представляющее теперь простой грамматическій суффиксъ, въ старинномъ англійскомъ языкѣ составляло самостоятельное слово hâd, означавшее «форму, порядокъ, состояніе», а суффиксъ англійскихъ нарѣчій и прилагательныхъ ly нѣкогда былъ отдѣльнымъ словомъ like = подобный, какъ это видно изъ англосаксонскаго рѣченія cwen — lic = королевѣ подобная, между тѣмъ какъ современные англичане говорятъ queenly. Французское будущее время donnerai, donneras (я дамъ, ты дашь) представляетъ глаголъ donner (давать) съ вспомогательнымъ глаголомъ ai, as, (я имѣю, ты имѣешь), которые и пишутся и произносятся слитно, такъ что je donnerai оказывается въ сущности цѣлымъ предложеніемъ, въ родѣ «я имѣю дать». Множественное donnerons, donnerez, (мы дадимъ, вы дадите) уже не можетъ быть раздѣлено подобнымъ образомъ на части, такъ какъ остатки вспомогательнаго глагола здѣсь превратились въ лишенныя значенія грамматическія приставки ons, ez. Есть основаніе предполагать, что многія изъ приставокъ въ греческой и латинской грамматикахъ возникли тѣмъ же путемъ, т. е. путемъ сочетанія отдѣльныхъ словъ и послѣдующаго сокращенія *). Въ нѣмецкомъ ich liebte (я любилъ), конечный слогъ te есть знакъ прошедшаго времени, приставленный къ корню lieben и не имѣющій въ настоящее время никакого значенія. Между тѣмъ прежде это окончаніе te имѣло полное значеніе, именно оно есть ничто иное, какъ измѣненное и сокращенное that (дѣлалъ), такъ что ich liebte собственно значитъ ich that lieben (я дѣлалъ любовь). Нѣмецкое слово also, кажущееся простымъ, составлено изъ двухъ

*) Тэйлоръ, Антропологія, 136, 134, 141.

словъ: ganz и so и значитъ «совершенно такъ, точно такъ»; слово Mann собственно значитъ «человѣческій индивидуумъ мужскаго пола», но этотъ смыслъ уже улетучился въ словахъ Jemand и Niemand (кто нибудь и никто) и наконецъ слово становится совершенно безцвѣтнымъ и грамматическимъ въ частичкѣ man, которую приставляютъ къ глаголу (man weiss, man begreift) и которая уже не исключаетъ никого изъ слушающихъ или читающихъ лицъ, будетъ ли то мужчина, женщина или дитя *).

Вотъ интересные факты постепеннаго развитія отвлеченія и обобщенія изъ каффрскаго языка **): beta — буквально значитъ бить, въ переносномъ смыслѣ наказывать; dhelana—буквально вмѣстѣ ѣсть, въ переносномъ смыслѣ—быть съ кѣмъ въ сношеніяхъ; ihlati буквально кустарникъ, въ переносномъ смыслѣ убѣжище; in ja буквально собака, въ переносномъ смыслѣ зависимый; mnandi буквально сладкій, въ переносномъ смыслѣ пріятный; umsila буквально хвостъ, въ переносномъ смыслѣ придворный посолъ; ukudhla umntu буквально ѣсть кого нибудь, въ переносномъ смыслѣ брать, отнимать чужое имущество. Подобныя измѣненія въ значеніи словъ указываютъ на цѣлые особые періоды въ умственномъ и общественномъ развитіи племенъ и, конечно, могли совершиться только въ весьма значительные промежутки времени. А между тѣмъ приведенныя переносныя значенія первоначальныхъ чувственныхъ словъ еще не особенно отвлеченны.

Развитіе понятія о числѣ и счетѣ представляетъ много данныхъ для пониманія первыхъ шаговъ въ исторіи обобщеннаго отвлеченія.

Понятіе о числѣ первоначально совсѣмъ не имѣло отвлеченнаго характера, а было лишь простымъ различеніемъ пространственно отдѣльныхъ предметовъ. У насъ понятіе числа и счетъ находятся въ самой тѣсной связи съ представленіемъ времени. Нумерація и счисленіе суть какія-то безконечно длинныя нити, ряды какихъ-то точекъ, которымъ и конца нѣтъ. Всякое чувственное содержаніе, всякая наглядность изъ нашего понятія о числѣ исчезли, счетъ есть такой мыслительный актъ, въ которомъ обращается исключительно вниманіе на самое счисленіе, на повтореніе акта

*) Die Sprachwissenschaft. Whitney's Vorlesungen, S. 91 — 92; 180 — 181. Нужно впрочемъ замѣтить, что филологи въ настоящее время еще далеки отъ окончательнаго соглашенія по вопросу объ образованіи грамматическихъ окончаній и словъ. См. Max. Müller, The Science of Thought, p. 223—225 и слѣд.

**) М. Мюллеръ, Наука о языкѣ, 324.

во времени, всѣ же качества считаемыхъ предметовъ даже самыя яркія и бросающіяся въ глаза, оставлены въ сторонѣ, какъ будто считаемые предметы совершенно однородны и сходны и ихъ можно различить только численно. Первоначальные число и счетъ были различеніемъ фигуръ, цвѣтовъ, величинъ, находящихся въ данномъ пространствѣ, были счетомъ и пониманіемъ дѣйствительныхъ наличныхъ предметовъ со всею совокупностію ихъ особенностей, а не отвлеченной группировкой предметовъ по ихъ числу; предметы однородные, сходные первоначально не могли быть считаемы, они сливались, для ума не было опоры къ ихъ различенію, ихъ чисто численная сторона еще не воспринималась. Что одна группа однородныхъ предметовъ занимаетъ больше пространства, а другая меньше—это давало первобытному человѣку только мысль о томъ, что предметовъ въ одной группѣ больше, въ другой меньше; но насколько именно первая группа была больше второй—оставалось совершенно неизвѣстнымъ и неразрѣшимымъ вопросомъ. Чтобы считать предметы группъ, для этого первобытному человѣку нужно было различать считаемые предметы по фигурѣ, величинѣ и другимъ признакамъ; какъ скоро эти признаки отсутствовали—исчезала и возможность счисленія, и предметы сливались въ одну нераздѣльную группу.

Такимъ образомъ первоначальное понятіе о числѣ и счетъ были прямо и непосредственно связаны съ представленіемъ пространства, а не времени, счетъ былъ различеніемъ предметовъ по ихъ наличнымъ дѣйствительнымъ особенностямъ,—фигурѣ, величинѣ, цвѣту, мѣсту и пр., а не по ихъ количеству, считаемые предметы должны были быть на лицо, находиться въ данномъ пространствѣ, а не припоминаться только. Многочисленные и разнообразные факты подтверждаютъ такое первоначальное понятіе о числѣ.

Объ абипонахъ сообщаютъ, что когда они возвращаются домой съ ловли лошадей, то остававшіеся дома никогда не спрашиваютъ возвратившихся: какъ много лошадей они привели домой? Но какъ велико пространство, занимаемое приведенными лошадьми? Отвѣтъ бываетъ такой: если приведенныхъ лошадей поставить въ одинъ рядъ, то они сполна займутъ такое-то мѣсто или вытянутся отъ этого лѣса до берега рѣки. Такой отвѣтъ удовлетворяетъ всѣхъ, изъ него выводится заключеніе, что лошадей много, а сколько именно,—никто не знаетъ. Иногда они берутъ въ руки горсть травы или песку, чтобы дать надлежащее понятіе о множествѣ считаемыхъ вещей. Вообще въ счетѣ они не свѣдущи, память ихъ

въ этомъ отношеніи очень невѣрна, да они и заклятые враги счисленія. Дамары крайне затрудняются въ счетѣ, перешедши за пять, такъ какъ не остается свободной руки, чтобы отбирать пальцы и, такъ сказать, обезпечивать за ними роль требуемыхъ единицъ. Тѣмъ не менѣе они рѣдко теряютъ быковъ; способъ, которымъ они открываютъ пропажу какого либо изъ нихъ, заключается не въ замѣчаніи уменьшенія числа особей въ стадѣ, но въ отсутствіи нѣкоторой, знакомой имъ, фигуры. Когда совершается мѣна, за каждую овцу нужно платить особо. Такъ, напр., если мѣновая цѣна овцы — двѣ пачки табаку, то любой дамара, конечно, придетъ въ большое затрудненіе, если взять у него двѣ овцы и дать четыре пачки табаку. Изслѣдователь (Гальтонъ) разъ поступилъ такъ и видѣлъ, какъ продавецъ отложилъ особо двѣ пачки и глядѣлъ чрезъ нихъ на одну изъ овецъ, которыхъ онъ продавалъ. Убѣдившись, что за эту было честно заплачено, и найдя, къ своему удивленію, что въ рукахъ у него остались именно двѣ пачки въ уплату за другую овцу, онъ начинаетъ мучиться сомнѣніями. Для полной правильности, дѣлу, казалось, слѣдовало произойти въ два пріема, и вотъ онъ снова обращается къ первой парѣ пачекъ. Затѣмъ въ головѣ его становится туманно и смутно, онъ переходитъ мысленно отъ одной овцы къ другой и наконецъ отказывается отъ сдѣлки, пока ему не были вложены въ руку двѣ пачки и уведена одна овца и затѣмъ даны другія двѣ пачки и уведена другая овца. Когда умъ дамара обращаетъ свои силы на процессъ вычисленія, то онъ уже слишкомъ занятъ этимъ, чтобы въ тоже время обращать вниманіе на количество. Если напр., покупается у человѣка телка за 10 пачекъ табаку, то его широкія руки нужно растопырить на землѣ, и на каждый палецъ положить по связкѣ табаку. Онъ собираетъ табакъ, объемъ всего количества ему нравится и сдѣлка заключена. Вы хотите затѣмъ пріобрѣсти другую телку; прежній процессъ повторяется отъ начала до конца, но вы кладете на пальцы вмѣсто цѣлыхъ пачекъ половинки. Продавецъ одинаково доволенъ въ данный моментъ, но случайно открываетъ штуку и на слѣдующій день жалуется. Д-ръ Рэ, извѣстный своимъ расположеніемъ къ эскимосамъ, увѣряетъ, что если спросить отца семейства, сколько у него дѣтей, то можно часто привести его въ большое затрудненіе. Посчитавъ нѣсколько времени по пальцамъ, онъ, по всей вѣроятности, долженъ будетъ посовѣтоваться съ женой, причемъ оба супруга могутъ придти къ различному результату даже въ томъ случаѣ, если дѣтей всего

только четверо или пятеро. Пироговъ въ своей автобіографіи разсказываетъ, что въ тридцатыхъ годахъ настоящаго стотѣтія эсты чрезвычайно плохо умѣли считать. Яйца, раки и т. п. покупались у крестьянъ на рынкѣ не иначе, какъ съ отсчитываніемъ за каждую штуку по одной мѣдной монетѣ. Куплены яйца по копѣйкѣ за штуку: покупатель беретъ одно яйцо и кладетъ копѣйку, беретъ потомъ другое и опять выкладываетъ копѣйку. Это я и самъ видалъ, прибавляетъ Пироговъ *).

Такіе факты покажутся совершенно странными, невѣроятными и непонятными, если ихъ будутъ разсматривать съ точки зрѣнія того отвлеченнаго понятія о числѣ, которое теперь имѣется. Но они становятся совершенно понятными и естественными, когда имѣютъ въ виду первобытное понятіе о числѣ, какъ различеніи дѣйствительныхъ, сейчасъ на лицо присутствующихъ предметовъ, понятіе, находившееся въ неразрывной связи съ представленіемъ о пространствѣ, а не о времени. Нужно при этомъ замѣтить, что даже у Эвклида число является постоянно въ сопровожденіи понятія величины; число онъ понимаетъ повсюду геометрически, какъ мѣру величины. Числа чистаго, отвлеченнаго Эвклидъ еще не знаетъ и всѣ числовыя операціи (въ 7-й книгѣ элементовъ) основываетъ на измѣреніи величинъ одна другой) **). При такихъ обстоятельствахъ будетъ ясно, отчего дикарь не умѣетъ сосчитать число отсутствующихъ дѣтей, отчего онъ замѣчаетъ пропажу штуки скота не по уменьшенію головъ стада, а по отсутствію знакомой фигуры, отчего, мѣняя вещь на вещь, онъ долженъ имѣть на глазахъ обѣ вещи и т. д. Все это совершенно понятно и естественно при первоначальномъ понятіи о числѣ и состояніи способности счета.

Тоже самое явленіе замѣчается и у дѣтей, счетъ и величина находятся у нихъ въ самой тѣсной связи. Дитя четырехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ можетъ считать отвлеченно только до трехъ, дальше оно путается: если ему показать группу изъ четырехъ предметовъ и спросить, сколько ихъ, оно отвѣчаетъ случайно, одинъ разъ говоритъ 6, другой—12 и т. п. Если же взять число не отвлеченное, а въ связи съ величиной, напр. въ одной группѣ 14 предме-

*) Geiger, Ursprung und Entwickelung, 11, 227 — 8 и сл.; Леббокъ, Начало цивилизаціи, 320 — 1; Доисторическія времена, 410. Сочиненія Пирогова, т. 1, стр. 371.

**) Wundt, Philosophische Studien, 6 Band, 1 Heft. Der Mathematische Zahlbegriff und Seine Entwickelungsformen. Von Walter Brix. Drittes Kapitel.

товъ, а въ другой такихъ же по величинѣ 18 и спросить, въ которой группѣ больше предметовъ, дитя отвѣтитъ правильно. Правильный отвѣтъ получается и при сравненіи группъ изъ 15 и 18 предметовъ и даже изъ 16 и 18. Дитя начинаетъ ошибаться при сравненіи группъ изъ 17 и 18 предметовъ и часто ошибается при группахъ изъ 21 и 22 предметовъ. Такимъ образомъ способность отвлеченнаго счета очень слаба, а способность различенія величинъ довольно тонка.

Если составить группы не изъ одинаковыхъ по величинѣ предметовъ, а изъ разныхъ, тогда вліяніе величины на счетъ будетъ еще яснѣе. Можно составить группу изъ 18 маленькихъ предметовъ и другую изъ 14 большихъ. На вопросъ, гдѣ больше предметовъ, дитя указываетъ на послѣднюю группу. Можно группу большихъ предметовъ уменьшить до 10 и все же дитя будетъ признавать число предметовъ въ этой группѣ большимъ, чѣмъ въ первой изъ 18 предметовъ. Правильный отвѣтъ получается только тогда, когда группа большихъ предметовъ уменьшается до 9. А между тѣмъ вниманіе дитяти было напередъ привлечено къ разной величинѣ предметовъ, изъ которыхъ составлялись группы, и оно хорошо различало, въ которой группѣ больше предметовъ, въ той ли, въ которой было 4 маленькихъ предмета или въ той, въ которой было 3 большихъ. Дитя правильно отвѣчало на вопросъ о числѣ предметовъ даже и въ томъ случаѣ, когда группа маленькихъ предметовъ состояла изъ 5, а группа большихъ изъ 4 вещей. Выше этихъ предѣловъ дитя ошибалось. Такимъ образомъ отвлеченная отъ величины численность предметовъ возникаетъ въ сознаніи дитяти съ большимъ трудомъ и очень медленно *).

Для характеристики первоначальнаго понятія о числѣ и способности счисленія весьма важное значеніе имѣютъ числительныя имена; ихъ смыслъ, по филологическому анализу, оказывается грубо чувственнымъ и конкретнымъ, а не отвлеченнымъ. У негрскихъ племенъ мано и гіо одинъ называется do, а у племени вай dondo. Dondo есть удвоеніе отъ do, а do значитъ маленькій, дитя. При счетѣ негры прежде всего считаютъ пальцы лѣвой руки, потому что правая есть схватывающая и считающая; счетъ начинается съ мизинца лѣвой руки, потому что при свободномъ поднятіи внутренняя сторона руки обращается къ груди и мизинецъ становится

*) Revue philosophique, 1890, № 7, juillet, art. Binet, La Perception des longueurs et des nombres chez quelques petits enfants.

ближе всего къ правой считающей рукѣ, къ ея большому пальцу. Для числительнаго два у африканскихъ племенъ зозо, манде и вай первоначальная форма есть реге. Съ этимъ числительнымъ находятся въ связи и приводятся къ одному корню слова, обозначающія «также, и, одинаковое, товарищъ, вмѣстѣ». Названіе пяти у зозо есть обычное наименованіе для пальцевъ *). Порядковыя числительныя происходятъ обыкновенно отъ количественныхъ, но иногда образуются независимо и притомъ наглядно. Такъ гренландцы не дѣлаютъ изъ своего одинъ порядковаго числительнаго первый, а называютъ его «передній», изъ два не дѣлаютъ втораго, а называютъ «его товарищъ» и только съ третьяго производятъ порядковыя числительныя отъ количественныхъ. Въ индоевропейскихъ языкахъ порядковое protos, primus, first (первый) не имѣетъ никакой связи съ количественнымъ одинъ, но съ предлогомъ рга «впереди» и значитъ просто «передній». Одно африканское племя число четыре выражаетъ словами «страусовы пальцы», такъ какъ страусъ имѣетъ три пальца обращенные впередъ и одинъ назадъ **).

Дальнѣйшія числительныя имена такого же чувственнаго, нагляднаго характера. У многихъ дикарей число пять выражается словами «цѣлая рука», шесть—«одинъ на другой рукѣ», десять—«обѣ руки», 11—«одинъ на одной ногѣ», 15—«цѣлая нога», 16—«одинъ на другой ногѣ» 20—«одинъ индѣецъ», 21—«одинъ на рукѣ другаго индѣйца», 40—«два индѣйца» и т. д. На одномъ меланезійскомъ языкѣ (маре) число 38 выражается фразою: «одинъ человѣкъ и обѣ стороны (т. е. обѣ руки), пять и три». Иногда для означенія числительныхъ избираются другіе предметы—пучки, связки разной величины, но смыслъ всѣхъ такихъ знаковъ постоянно остается наглядным. Вообще при счетѣ дикари очень охотно прибѣгаютъ къ помощи пальцевъ и разныхъ тѣлодвиженій, хотя и могли бы считать словесно, говорятъ: дай мнѣ два, пять и при этомъ подымаютъ два пальца, всю руку и. т. д. Негры, напр., считаютъ очень быстро, но постоянно пользуясь пальцами рукъ и ногъ, безъ каковаго пособія они сейчасъ же спутываются въ счетѣ. Незнакомые со стульями, они бросаются на цыновку и такимъ путемъ при счетѣ легко имѣютъ въ своемъ распоряженіи пальцы рукъ и ногъ.

---

*) Steinthal, Die Mande-Neger-Sprachen. S. 71, 72, 76.

**) Тэйлоръ, Первоб. культ. 1, 236, 238.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О РАЗВИТІИ СВЯЗЫВАНІЯ.

XI.

Одно различеніе не составляетъ еще мышленія. Мыслить значитъ не только различать, но и объединять различаемое какою либо связью, постигать соотношенія различаемыхъ предметовъ, свойствъ, цѣлыхъ группъ явленій; безсвязныя различенія, какъ бы отчетливы они ни были, теряютъ половину своей цѣны и суть только матеріалъ для постройки, кирпичи, а не самое зданіе. Истинное мышленіе предполагаетъ постоянное связываніе, объединеніе, гармонію, систему.

Связываніе и объединеніе различаемаго столь же необходимы для человѣка, какъ и различеніе, связываніе соотносительно съ различеніемъ и развивается параллельно съ нимъ. Когда предметы различаются, тогда съ одной стороны замѣчаются ихъ особенности, несходства, ихъ своеобразная природа, а съ другой невольно отмѣчаются сходства, связи и всякія взаимоотношенія, при чемъ въ различеніи выдвигается впередъ первая половина работы, а вторая отступаетъ на задній планъ; въ связываніи же она получаетъ первенствующее значеніе.

Побужденія къ связыванію человѣкъ получаетъ съ различныхъ сторонъ. Прежде всего внѣшнія явленія связаны между собою, представляютъ перепутанную ткань, природа есть масса самыхъ разнообразныхъ одновременныхъ и послѣдовательныхъ фактовъ. Облегая человѣка со всѣхъ сторонъ, она одновременно возбуждаетъ различные чувствительные центры нервной системы, возбуждаетъ и послѣдовательно органы внѣшнихъ чувствъ. Возникшія вслѣдствіе такихъ возбужденій душевныя состоянія слагаются изъ нѣсколькихъ одновременныхъ и непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ и соприкасающихся элементовъ.

Самъ человѣкъ есть органически цѣлостное существо, въ которомъ различные жизненные процессы связаны между собою. Цѣльность человѣка съ органической стороны представляется въ двухъ видахъ: сосѣдства и связности различныхъ органовъ и процесса уподобленія. Различные органы человѣческаго тѣла связаны и составляютъ одинъ организмъ. Это связь сосѣдствомъ, смежностію. Различные члены одной общины сосѣдствомъ, принадлежностію къ одному извѣстному мѣсту объединяются, не смотря на различіе своихъ стремленій. У членовъ одной общины есть нѣкоторые общіе интересы, они поддерживаютъ другъ друга, такъ какъ неблагосостояніе одного отражается и на другихъ. Сосѣдство, принадлежность къ одной общинѣ налагаютъ нѣкоторыя обязанности по отношенію къ сосѣдямъ, ставятъ въ зависимость отъ нихъ. Такимъ же сосѣдствомъ связаны и различные органы тѣла, они, не смотря на все различіе своихъ функцій, составляютъ одинъ организмъ. Это связь механическая, по смежности.

Каждый организмъ окруженъ различной средой. Онъ можетъ жить, только уподобляя себѣ среду и самъ приспособляясь къ ней. Организму нужно дышать, питаться; но онъ не можетъ прямо и непосредственно воспринимать въ себя чуждыя тѣла, онъ долженъ ихъ переработать, переварить, уподобить себѣ. Внѣшнее тѣло, приходя въ соприкосновеніе съ организмомъ, должно сдѣлаться одно съ нимъ, потерять свой особенный характеръ, не нарушать цѣльности и единства организма. Поэтому процессъ уподобленія есть существенный процессъ организмовъ при соприкосновеніи ихъ съ внѣшней средой.

Тѣже самыя объединяющія начала, которыя замѣчаютсл въ человѣкѣ какъ физическомъ организмѣ, имѣютъ мѣсто и въ психической жизни человѣка. тѣми же средствами—сосѣдствомъ и уподобленіемъ—достигаются и душевныя цѣлостность и единство. Если психическія явленія не расползаются и не разлетаются въ разныя стороны, если они представляютъ не кусочки, а нѣкоторое цѣлое, то именно благодаря сосѣдству и уподобленію.

Конечно, такими путями, безъ всякой дальнѣйшей обработки ихъ и развитія, можетъ быть достигнуто только слабое и несовершенное объединеніе душевныхъ явленій. Для большей твердости, широты и систематичности связыванія нужны слѣдующія благопріятныя условія: положительные интересы, которые могли бы служить объединяющими центрами для различныхъ душевныхъ явленій, и способность задерживать не относящіеся къ извѣстному центру

психическіе факты. Положительные интересы есть у каждаго, самого грубаго и неразвитаго, дикаря, но эти интересы крайне узки и мелочны, направлены на удовлетвореніе главнѣйшихъ физическихъ потребностей; между интересами нѣтъ надлежащаго подчиненія и гармоніи, вслѣдствіе чего какой либо ничтожный скоропроходящій интересъ легко можетъ взять верхъ надъ постоянными и существенными. Въ вспышкѣ гнѣва, въ запальчивости дикарь можетъ убить свое дитя, хотя вообще его и нельзя, можетъ быть, обвинять въ недостаткѣ родительской любви. Несоподчиненіе интересовъ, недостатокъ порядка и гармоніи между ними, ничтожность и ограниченность самыхъ интересовъ естественно отражаются неблагопріятными слѣдствіями на связываніи душевныхъ фактовъ, лишая душевную жизнь цѣльности и единства, дѣлая ее простымъ переживаніемъ разрозненныхъ состояній, какими то клочками и обрывками вмѣсто стройной системы.

Способность задержки неподходящихъ мыслей, разстроивающихъ цѣльность и гармонію даннаго состоянія, въ свою очередь весьма важна, такъ какъ каждый знаетъ по опыту, что всякія сторонніе мысли и впечатлѣнія постоянно примѣшиваются къ нашимъ размышленіямъ и если эти разсѣевающія наше вниманіе впечатлѣнія и представленія не устранять, то ничего путнаго изъ нашего мышленія никогда не выйдетъ, твердой связи между душевными состояніями будетъ очень мало. Нѣкоторая концентрація мысли достигается энергіей владѣющихъ нами интересовъ, необходимо устраняющихъ на время сторонніе впечатлѣнія; но для этого нужна значительная сила интересовъ, ихъ напряженное состояніе, которое не можетъ быть продолжительнымъ; самое устраненіе сторонніхъ впечатлѣній не бываетъ абсолютнымъ, а потому и состояніе достаточно объединеннымъ и гармоничнымъ; наконецъ интересы смѣняются и слѣдовательно основы связыванія также измѣняются. Для прочнаго и систематическаго объединенія душевныхъ явленій нужны твердые, широкіе принципы и главенствующіе надъ всею психическою жизнію интересы, а для большей цѣльности и единства душевныхъ состояній способность задержки сторонніхъ впечатлѣній и мыслей. Ни того, ни другаго у дикарей не имѣется и то и другое пріобрѣтается долгимъ трудомъ, разнообразной и вѣковой практикой мышленія и развитіемъ общественной жизни и культуры.

Въ развитіи связыванія мы различаемъ поэтому двѣ главныя ступени: а) простѣйшія формы связыванія по одновременности, по-

слѣдовательности, элементарному сходству и апперцепціи. Первыя три формы были уже намѣчены при изслѣдованіи значенія корней; б) болѣе сложныя формы связыванія: образное и отвлеченное связыванія и обобщеніе душевныхъ явленій, основывающіяся на запоминаніи различеній и элементарныхъ связей.

Душевныя явленія объединяются одновременностію и послѣдовательностію безъ всякой логической связи, чисто механически: если извѣстныя душевныя состоянія составляли нѣкогда одно сложное, хотя бы и разнородное, цѣлое, то они связываются между собою, щука, ракъ и лебедь впрягаются въ одну колесницу, разъ они встрѣтились вмѣстѣ. Прочность этой связи бываетъ весьма различна и зависитъ отъ многихъ причинъ; иногда такое связываніе бываетъ очень твердымъ, иногда очень слабымъ. И до настоящаго времени въ господствующихъ среди насъ обычаяхъ, суевѣріяхъ, церемоніяхъ, предразсудкахъ сохраняются отголоски стариннаго первобытнаго мышленія по одновременности и послѣдовательности связыванія душевныхъ явленій, подкрѣпляемые и освѣжаемые новыми случаями совпаденія связанныхъ механически фактовъ.

Въ частности о связываніи одновременностію слѣдуетъ замѣтить, что это самый несовершенный видъ связыванія не только по отсутствію какого либо логическаго соотношенія между одновременно существующими явленіями, но и по неясности ихъ сознаванія, такъ какъ изъ всей объединяемой одновременностію группы различныхъ явленій отчетливо сознается какое либо одно, наиболѣе сильно дѣйствующее, наиболѣе эффектное, всѣ же прочія неотчетливо. Поэтому связываніе одновременностію даетъ въ результатѣ нѣчто не совсѣмъ ясное и опредѣленное, клубокъ разнородныхъ фактовъ, въ которомъ есть хорошо освѣщенный центръ, но остальныя части котораго лежатъ въ полутѣни и въ полной тѣни.

Памятниками связыванія явленій по одновременности въ исторіи умственнаго развитія человѣчества служатъ три ряда фактовъ: корни, агглютинативные языки и различные предразсудки, обычаи и суевѣрія. О корняхъ было уже достаточно говорено; теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ остальныхъ двухъ выразителяхъ связыванія одновременностію.

Слова агглютинативныхъ языковъ обыкновенно состоятъ не изъ одного, а нѣсколькихъ корней, причемъ полное и дѣйствительное значеніе сохраняетъ только одинъ главный корень, составляющій центръ слова, значеніе же остальныхъ ослаблено, сдѣлано второстепеннымъ, дополнительнымъ. Эти дополнительные корни сокра-

щаются въ словѣ нерѣдко до одной буквы и служатъ для опредѣленія вида бытія или дѣйствія главнаго корня, выраженія понятія прошедшаго, будущаго, условнаго, сослагательнаго и пр. Вслѣдствіе такого строенія словъ въ агглютинативныхъ языкахъ, слова бываютъ подчасъ очень длинны и обыкновенно выражаютъ не отдѣльныя понятія, но цѣлыя мысли, слова и предложенія въ агглютинативныхъ языкахъ одно и тоже. Не только такія выраженія, какъ «можетъ велѣть часто запирать», «приведите намъ лодку» составляютъ всего два слова, но даже и такія: «о, отецъ мой, божественный покровитель, чтимый и уважаемый» или: «онъ поспѣшилъ отправиться на рыбную ловлю» также составляютъ только два слова. Первое слово состоитъ изъ пяти, а второе изъ трехъ частей, но есть слова, состоящія изъ семи, восьми и болѣе элементовъ. Напр. уолофское слова «mâc—âgu—ну—уонъ—сопâ—сопâ—лу»—мы еще не притворялись любящими—есть одна форма, составленная изъ разныхъ агглютинативныхъ словъ такъ, что образуетъ одно цѣлое. Послѣдніе три элемента значатъ не притворяться любящими, mâc—обозначаетъ самое дѣйствіе, âgu—что дѣйствіе еще не начато, ну—личный элементъ, уонъ—знакъ несовершенно прошедшаго*). Такимъ образомъ въ агглютинативныхъ языкахъ множество понятій сливается вмѣстѣ, образуетъ одинъ клубокъ и выражается однимъ длиннымъ и сложнымъ словомъ. Но это связываніе одновременностію является степенью выше подобнаго связыванія въ отдѣльныхъ корняхъ: тамъ еще было сильно простое неразличеніе, тамъ нерѣдко трудно узнать основное центральное значеніе корня, тамъ анализъ почти совсѣмъ отсутствуетъ; въ агглютинативныхъ же языкахъ одинъ корень въ словѣ всегда занимаетъ центральное первенствующее положеніе, а всѣ другіе—служебное, здѣсь есть уже нѣкоторый анализъ, болѣе или менѣе отчетливое различеніе корней и ихъ значеній, здѣсь однимъ словомъ больше порядка, больше логики и самая связь между значеніями корней, соединенныхъ въ одно слово, является болѣе тѣсной и живой.

Предразсудки, обычаи, суевѣрія суть обломки нѣкогда живаго и стройнаго міровоззрѣнія, которое было столько же дѣйствительно и вліятельно для людей извѣстной эпохи и развитія, сколько наше для насъ. Эти обломки стараго и давняго міровоззрѣнія мы называемъ суевѣріями и предразсудками, потому что они представляются намъ ложными и странными при нашихъ взглядахъ, но

*) Овелакъ, Лингвистика, 43—150.

въ свое время они были не странны, а разумны. Они возникали вслѣдствіе того, что нѣкоторые факты нѣсколько разъ встрѣчались вмѣстѣ, существуя или параллельно или же въ непосредственной послѣдовательности, такъ что конецъ одного явленія сочетался, былъ одновременен съ началомъ другаго. Такого рода сочетанія образуютъ ассоціацію, члены которой мыслятся связанными, когда на лицо присутствуетъ одно явленіе, тогда возникаетъ умственно и другое. Если ассоціированнымъ возбужденіямъ въ дѣйствительности соотвѣтствуютъ цѣлые факты, то появленіе одного вызываетъ вѣру въ присутствіе или близкое наступленіе другаго. Факты признаются не могущими существовать одинъ безъ другого. Чѣмъ сильнѣе поразили умъ одновременные факты каждый въ отдѣльности, тѣмъ крѣпче бываетъ связь между ними, тѣмъ тверже вѣра въ наступленіе втораго факта, разъ на лицо первый. Подъ нависшей скалой стояли дикари и свистѣли; скала обвалилась и придавила нѣсколькихъ человѣкъ и вотъ все племя получаетъ твердое убѣжденіе, что возлѣ этой скалы свистѣть нельзя, иначе она обвалится и убьетъ. Одинъ путешественникъ, пріѣхавъ къ дикарямъ, при наступленіи дождя раскрывалъ свой зонтикъ. Одновременность этихъ фактовъ поразила дикарей и у нихъ возникла вѣра въ причинную связь дождя и раскрытія зонтика. Но только они полагали, что не дождь есть причина раскрытія зонтика, а наоборотъ, раскрытіе зонтика есть причина дождя. Поэтому, при наступленіи засухи, они обратились къ путешественнику съ просьбой—раскрыть зонтикъ и произвести дождь.

Такимъ образомъ основа ассоціаціи смежности не внѣшняя, а внутренняя, субъективная, важно не то, что событія слѣдовали въ такомъ то порядкѣ, а то, что человѣкъ обратилъ вниманіе на эту послѣдовательность, поразился ею и запечатлѣлъ ее въ своемъ умѣ. При одновременности опредѣленіе порядка членовъ ассоціаціи зависитъ также отъ человѣка и потому иногда можетъ быть совершенно обратнымъ дѣйствительности. Горькое лекарство дитяти давали заѣдать сладкимъ вышневымъ вареньемъ. Эти два ощущенія отчасти были одновременны, а отчасти послѣдовательны. Достигнувъ зрѣлаго возраста, бывшее дитя не переставало при горькомъ лекарствѣ вспоминать о вишневомъ вареньи, а вишневое варенье всегда вызывало припоминаніе горькаго лекарства. Изъ субъективнаго основанія закона смежности слѣдуетъ, что каждая новая встрѣча ассоціированныхъ фактовъ будетъ весьма сильно поддерживать существующую ассоціацію, а отсутствіе одного члена ассоціаціи будетъ

ослаблять ассоціацію весьма мало, такъ какъ, и при отсутствіи одного члена, ассоціація все же умственно повторяется, недостающее въ дѣйствительности звено разсматривается какъ отсутствующее случайно или даже просто какъ ускользнувшее отъ наблюденія. Какъ же скоро ассоціированные факты встрѣчаются вновь, они, соотвѣтствуя уже существующей ассоціаціи, оживляютъ и подкрѣпляютъ ее. Поэтому, не смотря на милліонныя фактическія опроверженія, и до сихъ поръ держится вѣра въ тяжелые и легкіе дни, въ гибельность 13 за столомъ, до сихъ поръ многіе боятся тѣхъ мѣстъ, гдѣ случилось съ ними несчастье, тѣхъ именъ, съ которыми связаны какіе либо грустные факты, до сихъ поръ существуютъ разные заговоры болѣзней, чудесныя исцѣленія, гаданья и пр. И замѣчательно, что не только грубые и необразованные умы подвержены этой чарующей силѣ связыванія одновременностію, но и такъ называемые образованные и развитые: какъ скоро совпадаютъ два поразительные факта, то невольно въ умъ закрадывается мысль, что это совпаденіе случилось не спроста, хотя между совпавшими фактами рѣшительно незамѣтно никакой связи. Только строго научное, логическое развитіе ума можетъ предохранить отъ поползновеній къ образованію подобнаго рода случайныхъ ассоціацій.

Главнѣйшимъ выразителемъ связыванія по послѣдовательности можно признать языкъ, такъ какъ по самой сущности своей языкъ есть послѣдовательное явленіе и мысль, облекаясь въ форму языка, является какою то безконечною нитью, которую человѣкъ выматываетъ извнутри. Одновременно связанное языкъ не можетъ передать строго соотвѣтствующимъ образомъ, одновременность онъ превращаетъ въ послѣдовательность. Собака, говоримъ мы, есть животное млекопитающее, четвероногое, какъ будто собака есть нѣчто особое отъ млекопитающаго и четвероногаго, какъ будто это не одинъ цѣлый предметъ, состоящій изъ извѣстныхъ сосуществующихъ свойствъ, а нѣсколько особыхъ вещей, приводимыхъ въ послѣдовательную связь силою нашего сужденія Конечно, мы въ словахъ же выражаемъ, что всѣ послѣдовательно исчисленныя свойства предмета нужно понимать какъ сосуществующія, но въ этомъ случаѣ языкъ обращается къ синтетическому творчеству нашей мысли и предоставляетъ ей исправлять недостатки своего изложенія, я—языкъ—представляю дѣло послѣдовательнымъ, а ты, мысль, понимай его какъ одновременное. Всѣ вообще названія вещей, цѣлыхъ предметовъ, въ концѣ концовъ, по этимологическому анализу, оказываются обозначеніями какихъ либо отдѣльныхъ, еди-

ничныхъ свойствъ, а не цѣлыхъ вещей и явленій. Между тѣмъ именованія этихъ свойствъ вызываютъ обыкновенно въ нашемъ умѣ представленія цѣлыхъ предметовъ, т. е. многихъ свойствъ, одновременно сосуществующихъ, а не одного.

Отсюда открываются удобства и неудобства словеснаго выраженія мыслей. Не выражая одновременной связи явленій, языкъ вслѣдствіе этого становится вообще недостаточной формой выраженія нашихъ мыслей; въ слова мы обыкновенно вкладываемъ гораздо больше содержанія, чѣмъ сколько собственно въ нихъ есть, и вкладываемъ именно въ силу одновременной связи явленій. При словахъ млекопитающее, четвероногое мы никогда не ограничиваемся представленіемъ только млекопитанія и четвероногости, но соединяемъ съ ними и другія свойства, которыя обыкновенно въ нашемъ опытѣ сосуществуютъ съ названными. Такимъ образомъ хотя нашей мысли по природѣ и свойственна послѣдовательная форма развитія, но при послѣдовательности ей въ тоже время свойственна и одновременность, языкъ же только послѣдователенъ. Но этотъ недостатокъ языка—всѣ цѣлыя явленія представлять уму по кусочкамъ, по частичкамъ, послѣдовательно, одно сосуществующее свойство за другимъ—есть въ тоже время и его сила: языкъ много помогаетъ анализу мысли, разложенію цѣлыхъ явленій на составные элементы и уясненію элементовъ. Въ частности чисто отвлеченное мышленіе безъ языка было бы совершенно невозможно, о чемъ было уже говорено.

Развитіе послѣдовательнаго связыванія, выразившееся въ языкѣ, можно разсматривать въ предѣлахъ одного предложенія и въ предѣлахъ періода.

Первоначальное послѣдовательное связываніе было крайне слабо и неопредѣленно, оно состояло въ постановкѣ словъ другъ за другомъ безъ всякой связи между ними. Что такія съ виду безсвязныя слова имѣютъ внутреннюю связь, по смыслу, это видно изъ того, что слова выражаютъ одну мысль, слѣдуютъ порядку теченія представленій, произносятся однимъ духомъ, недостающая же филологическая связь между словами въ изобилии восполняется жестами и мимикой. Дитя прогуливалось съ отцомъ и увидало мать. Оно пожелало идти къ матери, а такъ какъ отецъ не торопился подвести его, то оно начало тащить отца, указывать на мать, простирать къ ней руки и потомъ, съ умоляющимъ видомъ, сказало нѣсколько разъ: «папа — мама», т. е. папа, веди меня къ мамѣ. Слово веди дитя научилось говорить позднѣе. Другое дитя при

видѣ отца и матери, грѣющихся у камина, сказало· «папа—мама—жарко» *). Подобнымъ образомъ можетъ быть составлена и произнесена цѣлая рѣчь, имѣющая нѣсколько предложеній. Вотъ какъ дитя 20 мѣсяцевъ разсказывало своему отцу: «Atten, Beene, Titten, Bach, Eine, Puff, Anna». Дитя говорило съ довольно длинными паузами и оживленными жестами. Эта рѣчь значила: wir waren heute im Garten, haben Beeren und Kirschen gegessen, dann in den Bach Steine geworfen, und sind der Anna begegnet (сегодня мы были въ саду, ѣли ягоды и вишни, потомъ бросали въ ручей камни и встрѣтились съ Анной **).

Во всѣхъ языкахъ находятся болѣе или менѣе ясные слѣды древнѣйшаго способа выраженія, именно поставленія соединенныхъ понятій безъ какой либо связи между ними. При длинномъ рядѣ понятій такое ихъ простое поставленіе другъ за другомъ обычно и теперь, при чемъ съ предыдущими соединяется только одинъ послѣдній членъ, а при сильномъ возбужденіи и онъ не соединяется, напр. «отцы, матери, братья, сестры, дочери, дѣти, отроки». У еврейскихъ пророковъ и въ пѣсняхъ Ведъ подобные ряды понятій безъ всякой связи встрѣчаются нерѣдко. Да и вообще различнаго рода связи и сочетанія корней для образованія изъ двухъ понятій третьяго встрѣчаются не особенно рано въ языкѣ, напр. сочетаніе глаголовъ съ частичками въ одно слово въ Ригъ-Ведѣ и у Гомера находится почти только въ зародышѣ ***).

Высшаго развитія въ предѣлахъ одного предложенія послѣдовательное связываніе достигло въ китайскомъ языкѣ. Въ немъ слова не различаются какъ части рѣчи, не склоняются и не спрягаются, а вслѣдствіе этого являются весьма безсвязными и неопредѣленными. Китайскія слова получаютъ опредѣленный смыслъ отъ того порядка, въ которомъ они слѣдуютъ, съ измѣненіемъ мѣста слова мѣняются его смыслъ и значеніе. Поэтому въ китайскомъ языкѣ синтаксисъ хорошо разработанъ и строго опредѣленъ, порядокъ въ разстановкѣ словъ не измѣняется, но постоянно соблюдается одинъ и тотъ же. Внѣ синтаксической связи китайскія слова разсыпаются, всякія отношенія между ними прекращаются и они являются крайне неопредѣленными, многозначимыми и совершенно безсвязными.

---

*) Perez, Les trois premieres années, 229; Неккеръ-де-Соссюръ, Постепенное воспитаніе, 1, 212.

**) Сигизмундъ, Дитя и міръ, стр. 197—8. Подобная безсвязная рѣчь, безъ склоненій и спряженій, наблюдается у людей, только начинающихъ говорить на иностранномъ языкѣ, но не овладѣвшихъ имъ.

***) L. Geiger, Ursprung und Entwickelung, 1, 184—5, 207—9.

Порядокъ постановки словъ въ предложеніи, дѣлаясь съ теченіемъ времени болѣе опредѣленнымъ и твердымъ, является не случайнымъ, но раціональнымъ, соотвѣтствующимъ ходу мысли, потребностямъ наблюденія и сообщенія, слова одной категоріи произносятся прежде, а слова съ другимъ значеніемъ послѣ. Возникаетъ расцѣнка словъ по ихъ смыслу и значенію, слова, обозначающія наиболѣе важныя вещи и интересныя положенія, ставятся впереди, слова съ менѣе важнымъ значеніемъ позади. Такой порядокъ въ существѣ дѣла замѣчается и въ языкѣ жестовъ у глухонѣмыхъ и въ языкѣ членораздѣльномъ. Нашу обычную фразу: «разгнѣванный человѣкъ ударилъ мальчика» глухонѣмой на своемъ языкѣ передастъ такъ: «человѣкъ—гнѣвъ—мальчикъ—бить». Какъ скоро событіе передается жестами, то ставить въ началѣ изображеніе гнѣва неудобно, потому что непонятно, къ чему тутъ гнѣвъ? Совсѣмъ иное дѣло, если указать сначала на человѣка. а потомъ изобразить гнѣвъ, тогда будетъ ясно, что рѣчь идетъ о разгнѣванномъ человѣкѣ. Точно также по синтаксису глухонѣмыхъ, нужно сначала поименовать мальчика, а потомъ битье, иначе опять будетъ неясно, кого же били или бьютъ. Впрочемъ порядокъ жестовъ будетъ измѣняться въ зависимости отъ того, на что собственно желательно привлечь вниманіе собесѣдника: на обидчика, на страдающаго мальчика или на причину страданія—удары. Поэтому и въ передачѣ факта первое мѣсто можетъ занять жестъ, указывающій на обидчика, на мальчика и на удары. Вообще же по синтаксису глухонѣмыхъ предметъ ставится прежде его качества, результатъ прежде дѣйствія, опредѣляющее прежде опредѣляемаго, знакъ для дѣйствія прежде знака для лица.

Естественный распорядокъ словъ въ членораздѣльномъ предложеніи въ сущности таковъ же, какъ и въ знакахъ глухонѣмыхъ. Изслѣдователи синтаксиса различаютъ два порядка въ расположеніи словъ: естественный, общій болѣе или менѣе всѣмъ народамъ, и традиціонный, различный у отдѣльныхъ народовъ. Основной законъ естественнаго порядка таковъ. «каждая часть предложенія, которая по смыслу должна быть сильнѣе выражена, подвигается впередъ». Въ основѣ традиціоннаго порядка въ расположеніи словъ лежитъ главное начало естественнаго порядка, но традиціонный порядокъ болѣе или менѣе значительно уклоняется отъ естественнаго и измѣняется подъ вліяніемъ жизни и міровоззрѣнія народовъ *).

*) О распорядкѣ словъ въ предложеніи см. Delbruck und Windisch, Syntaktische Forschungen, III, S. 13, 76—78 и слѣд.; Georg Gabelentz, Jdeen zu einer vergleichenden Syntax (Zeitschrift fur Volkerpsychologie, t. 7, 1869) и Weiteres

За сочетаніемъ членовъ предложенія въ одно цѣлое, начинаютъ мало по малу сочетаться между собою и самыя предложенія. Конечно, это сочетаніе идетъ сначала не быстро, соединительныхъ частицъ бываетъ мало и рѣчь легко распадается на предложенія, какъ цѣлыя. Только постепенно и съ трудомъ вырабатывается стройная періодическая рѣчь. Но она есть принадлежность не всѣхъ народовъ. Самыя частички, связывающія понятія и предложенія, первоначально не имѣли своей задачей связывать, но употреблялись для сравненія или противоположенія и по большей части парами. Въ пѣсни о Нибелунгахъ «и» значитъ также «какъ», «который» (Гейгеръ). У нѣкоторыхъ негрскихъ племенъ связываніе предложеній едва встрѣчается, союзъ и повторяется утомительно часто и замѣняетъ всѣ другія средства подчиненія предложеній. Вмѣсто подчиненія предложеній негры просто ставятъ предложенія одно за другимъ, при чемъ нѣкоторыя часто повторяются. Они говорятъ: «ты приди, дай мнѣ семь кусковъ золота, приди, дай мнѣ семь кусковъ серебра, приди, дай мнѣ семь овецъ, приди, дай мнѣ семь красныхъ быковъ». Негръ не можетъ сказать: онъ пошелъ отъ А къ Б, но онъ тронулся отъ А, онъ пошелъ къ Б. Всякаго рода предлоговъ, союзовъ, словъ связывающихъ и соподчиняющихъ предложенія, у негровъ очень мало, поэтому они такъ говорятъ: «онъ пришелъ ко мнѣ, онъ встрѣтилъ этого мужчину», пропуская въ началѣ слово когда, «онъ встрѣтилъ свою жену, она ѣла рисъ» — во второмъ предложеніи пропущены слова между тѣмъ какъ *). У семитовъ соединеніе словъ въ предложеніе — высшіе усиліе ума въ построеніи рѣчи, они не умѣютъ сочетать предложенія въ періоды, все ихъ искусство въ этомъ отношеніи ограничивается союзомъ и, составляющимъ тайну ихъ періода и замѣняющимъ почти всѣ другіе союзы. Семитическіе языки почти совсѣмъ не знаютъ искусства взаимнаго подчиненія членовъ предложенія **).

Языкъ жестовъ также представляетъ отсутствіе подчиненія предложеній, въ немъ одно предложеніе просто присоединяется къ другому. Выраженіе: «если будетъ дождь, то земля сдѣлается плодородной», глухонѣмой можетъ выразить такъ: «дождить, растенія расти»; выраженіе: «если скоро будетъ холодно, то растенія замерзнутъ»

---

zur vergleichenden Syntax (ibid. t. 8, 1883 г. S. 335—6 и др.), о синтаксисѣ глухонѣмыхъ Oehlwein, Die naturliche Zeichensprache der Taubstummen und ihre psychische Bedeutung. 1884; Тэйлоръ, Доисторич. бытъ, гл. о языкѣ жестовъ.

*) Steinthal, Die Mande-Neger-Sprachen, S. 247, 249.

**) Ренанъ, О происхожденіи языка, 98.

глухонѣмой выразитъ такъ: «1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 дней готово (прошли, миновали) — холодно, растенія мертвы». Одинъ пожилой, но совершенно необразованный, глухонѣмой разсказывалъ: «я курить, 6, 7 монета, хорошо пахнущій, жена моя, хорошо, комната оставаться—я курить, 2, 3 монета, жена моя, браниться, языкъ, глаза кусать, дурно пахнуть, окно открывать, вонъ». Этимъ онъ хотѣлъ сказать. «если я курю дорогой табакъ, то онъ хорошо пахнетъ и жена моя тогда довольна и позволяетъ мнѣ оставаться въ комнатѣ, но если я курю дешевый табакъ, то онъ ѣстъ мнѣ языкъ, моя жена находитъ его дурно пахнущимъ, онъ ѣстъ ей глаза. Тогда моя жена бранится, открываетъ окно и высылаетъ меня изъ комнаты» *).

Высшаго развитія періодическая рѣчь достигла въ нѣкоторыхъ флексивныхъ языкахъ, напр. въ латинскомъ, въ которыхъ соотношенія между предложеніями являются крайне разнообразными, рѣчь становится богато разчлененной, обильной по содержанію и въ тоже время сжатой и стройной.

XII

Связываніе сходствомъ первоначально совершается не вслѣдствіе сознательнаго и разумнаго сопоставленія явленій, а безсознательно, органически, подобно связыванію одновременностію и послѣдовательностію. Наблюдая зарожденіе какой либо сходной ассоціаціи, мы не можемъ прослѣдить того момента, когда сопоставлялись два въ чемъ либо сходныя представленія, почему они сопоставлялись и какъ; мы встрѣчаемъ ихъ уже сопоставленными. Изслѣдуя критически отношеніе сопоставленныхъ представленій, мы только или подтверждаемъ сдѣланное органически, безсознательно сопоставленіе, или же находимъ его неправильнымъ, вслѣдствіе преобладанія различій надъ сходствами. Бываетъ иногда даже, что по поводу какого либо представленія мы говоримъ, что нѣчто подобное мы слыхами или видали, но что именно — въ данный моментъ припомнить не можемъ. Слѣдовательно здѣсь мы имѣемъ одну чисто органическую ассоціацію сходства безъ всякаго разсужденія и сопоставленія, потому что на лицо только одно представленіе, другаго мы припомнить не можемъ, а потому не можемъ и сопоставить его съ первымъ. Самое же признаніе сходства между сходными представленіями объясняется возбужденіемъ однихъ и тѣхъ

*) Oehlwein, Die naturliche Zeichensprache der Taubstummen, 41—43.

же нервныхъ элементовъ. Нѣкогда были возбуждены такіе то нервные элементы и такъ то; теперь они снова возбуждаются подобнымъ же образомъ. Получается такимъ образомъ сознаніе подобія возбужденія въ обоихъ случаяхъ, хотя одинъ изъ подобныхъ случаевъ и могъ позабыться въ своихъ частныхъ чертахъ.

Наблюдая дѣтей, мы замѣчаемъ въ ихъ сходныхъ ассоціаціяхъ такой же безсознательный, органическій характеръ. Извѣстно, что дѣти нерѣдко очень удачно острятъ, т. е. какъ будто бы обнаруживаютъ значительную силу умственныхъ способностей. Но сказавъ хорошую остроту, дѣти вслѣдъ за тѣмъ нерѣдко говорятъ великую глупость, т. е. обнаруживаютъ какъ будто бы слабость умственныхъ способностей. На самомъ дѣлѣ въ подобныхъ случаяхъ нельзя видѣть ни силы, ни слабости умственныхъ способностей, а здѣсь есть простыя органическія сходныя ассоціаціи, которыя въ однихъ случаяхъ бываютъ удачны (остроты), а въ другихъ неудачны (глупости). Припомнимъ, что и между взрослыми остряки не всегда бываютъ умные люди. Остроты дѣтей, очень часто и взрослыхъ, не суть плодъ сознательнаго, разсудочнаго сопоставленія и сравненія представленій, а суть результатъ невольнаго соединенія ихъ подъ вліяніемъ поразившаго сходства. И дитя и взрослый, невольно пораженные какой либо сходной чертой представленій, увлекаются иногда потокомъ сходства, сочетаютъ представленія, а между тѣмъ въ нихъ, по изслѣдованіи, оказывается гораздо больше различія, чѣмъ сходства, сходство оказывается ничтожнымъ. Безсознательный органическій характеръ многихъ остроумныхъ сопоставленій тѣмъ и обнаруживается, что сопоставленія бываютъ иногда слишкомъ уже смѣлы, рискованы, что разница между сопоставляемыми представленіями совсѣмъ пренебрегается, вслѣдствіе чего сопоставленіе нерѣдко бываетъ вполнѣ неудачнымъ, самъ авторъ остается имъ очень недоволенъ и сожалѣетъ, что оно имъ сдѣлано и высказано.

Изъ изложенныхъ замѣчаній о связываніи сходствомъ слѣдуетъ, что оно имѣетъ два вида: совершенно органической и невольной дѣятельности, совершаемой такъ же необходимо, какъ и связываніе по одновременности и послѣдовательности, и дѣятельности болѣе сознательной, рефлективной, сопровождаемой критикой и провѣркой. Въ настоящемъ очеркѣ мы будемъ разсматривать преимущественно первый видъ связыванія сходствомъ. Изъ органическаго характера связыванія сходствомъ, изъ необходимаго притяженія подобнаго подобнымъ слѣдуетъ еще, что связываніе сход-

ствомъ является не позже связыванія по сосуществованію и послѣдовательности, но одновременно съ нимъ и что нельзя вывести этотъ второй видъ связыванія изъ перваго. Оба они равно первоначальны и самостоятельны, равно участвуютъ въ образованіи отдѣльныхъ формъ душевной жизни *).

Такъ какъ нахожденіе сходствъ тѣсно связано съ замѣчаніемъ различій, то развитіе связыванія сходствомъ существенно опредѣляется отношеніемъ способности различенія къ способности нахожденія сходствъ. Инымъ бываетъ связываніе сходствомъ, когда различеніе очень слабо, еще почти не дѣйствуетъ, и инымъ, когда сходство постоянно должно считаться съ различіемъ, побѣждать его, становиться выше его. При отсутствіи или слабой дѣятельности различенія, сходство, конечно поверхностное, находится легко всюду и имъ связываются самыя различныя вещи; при надлежащемъ различеніи отысканіе сходствъ крайне затрудняется и нерѣдко совсѣмъ останавливается. Съ этой точки зрѣнія можно указать два частные вида связыванія сходствомъ: уподобленіе явленій и апперцепированіе.

Уподобленіе есть связываніе отдѣльныхъ явленій поверхностнымъ сходствомъ при незамѣчаніи существенныхъ различій. Связанныя уподобленіемъ явленія обозначаются однимъ и тѣмъ же именемъ или близко сходнымъ. Связываніе уподобленіемъ есть связываніе крайне слабое, шаткое, готовое распасться при нѣкоторомъ изощреніи способности различенія; разумныхъ и твердыхъ основаній въ немъ мало, оно по своей сущности, по своему характеру, механично и довольно случайно. Уподобленіе больше касается отдѣльныхъ явленій, ихъ свойствъ, чертъ и сторонъ, чѣмъ цѣлыхъ группъ и классовъ фактовъ, хотя уподобленіе совершается въ сферѣ ощущеній одного органа, нѣсколькихъ различныхъ органовъ и различныхъ міровъ—чувственнаго и духовнаго. Въ первомъ случаѣ уподобляются однородныя ощущенія, т. е. дѣйствительно наиболѣе сходныя, во второмъ разнородныя, въ третьемъ—явленія совершенно различныхъ классовъ, т. е. наиболѣе различныя. Соотвѣтствующіе факты встрѣчаются у многихъ народовъ и во многихъ языкахъ.

Въ Индіи на кокчійскомъ языкѣ кики обозначаетъ какъ лай собаки, такъ и кукованіе кукушки; японское hoje выражаетъ какъ лай собаки, такъ и мычаніе коровы. Въ Ригъ-Ведѣ упоминается

*) Эта мысль нами развита въ Педагогической Психологіи, (2 изд. 1883 г.) стр. 153—189, 220—222 и слѣд.

о лягушкѣ, которая реветъ какъ корова и тамъ же говорится о другой лягушкѣ, которая блеетъ какъ коза. Красота пѣнія въ Ригъ-Ведѣ опредѣляется такъ: поетъ прекрасно, какъ мычащая дойная корова. Даже сами боги, въ видахъ почтенія къ нимъ, называются въ Ригъ-Ведѣ быками. Въ санскритѣ bhas значитъ лаять, а bhâs—говорить, барійскій корень jul служитъ для обозначенія какъ пѣнія, такъ и грома; въ стіенгскомъ языкѣ ономатопоическое miang означаетъ какъ кошку, такъ и сову; гельское meaghal и анетеумское ŋjau употребляются для означенія мяуканія кошки и лая собаки, въ орфакскомъ языкѣ лай собаки и хрюканье свиньи означаются однимъ и тѣмъ же кореннымъ звуковымъ комплексомъ. Манджуры дѣтскій плачъ и блеяніе овецъ равно называютъ ming miang. Латышскій глаголъ parkskêt означаетъ звуки, издаваемые лягушкой, дятломъ и аистомъ, гавайскій uhu uhu—стонъ человѣка и ржаніе лошади, турецкій okramak—кричать, ревѣть, блеять, ржать, kokremek употребляется для обозначенія крика, рева, мычанія. ржанія, хрюканія и даже раскатовъ грома, нубійское wîg употребляется объ овцѣ, пѣтухѣ и кабанѣ (собственно значитъ плакать), японское naki (плакать)—для обозначенія плача дѣтей, лая собаки, пѣнія птицы, кудахтанья курицы и т. д. Даже въ такихъ языкахъ, какъ латинскій и нѣмецкій, встрѣчаются подобные факты. Латинское canere (пѣть) употребляется не только о человѣкѣ и музыкальныхъ инструментахъ, но также о воронѣ, лягушкѣ, курицѣ, гусѣ. Аистъ у римлянъ назывался пѣвцемъ, а древніе египтяне корову называли пѣвицей. Кваканье лягушекъ и кряканье утокъ нѣмецъ совершенно одинаково передаетъ чрезъ quak quak; не только монотонное чирканье кобылки, докучливое трещаніе сверчка и однообразное жужжаніе комара нѣмцы называютъ пѣніемъ (singen), но также крикъ кукушки, орла, ворона, гуся, завываніе совы, а древніе нѣмцы называли пѣніемъ крикъ осла, вой волка и звуки, издаваемые шипящимъ и клокочущимъ кипяткомъ и трещащимъ огнемъ *).

Въ дѣтскомъ мышленіи и языкѣ уподобленія ощущеній одного органа нерѣдки. Дѣвочка (француженка) около года знала смыслъ словъ «сахаръ» и «черный», но могла произносить ихъ очень неудовлетворительно. Однажды вечеромъ она проснулась довольно поздно и послѣ криковъ вдругъ стола настойчиво повторять: suque

*) Филологическія Записки 1886 г. Вып. III, ст. Шерцля, Основные элементы языка и начала его развитія. Стр. 139—142; Bruchmann, Psychologische Studien, 277.

nar! suque nar! Ни родители, ни няня, бывшая и кормилицей, не понимали этихъ словъ. Сами они такихъ словъ не призносили и отъ дѣвочки прежде не слыхали. Чтобы успокоить дѣвочку, ей предлагали самыя разныя вещи, но она все отвергала, больше и больше раздражалась и громче кричала: suque nar! suque nar! Никто не понималъ смысла этихъ словъ и не могъ успокоить дѣвочку. Наконецъ случайно, прогуливаясь съ дѣвочкой, няня прошла мимо шкафа въ стѣнѣ. Дѣвочка сейчасъ же показала на него пальцемъ, повторяя свое требованіе, крича и плача. Открыли шкафъ, тамъ лежали плитки шоколада, который дѣвочкѣ давали наканунѣ или въ тотъ же день. Какъ только дѣвочка увидѣла шоколадъ, ея движенія показали, что это именно и есть вещь, которую она требуетъ. Имени шоколада она не знала и не замѣтили, чтобы она особенно любила шоколадъ. Такимъ образомъ suque nar значило sucre noir (черный сахаръ) *).

Уподобленія ощущеній въ предѣлахъ одного органа понятны, хотя намъ многія уподобляемыя ощущенія могутъ казаться больше различными, чѣмъ сходными. При недостаточномъ развитіи способности различенія и при однородности уподобляемыхъ ощущеній, указанныя уподобленія поражать не могутъ. Гораздо большая сила уподобленія и въ тоже время меньшая различенія обнаруживается въ уподобленіи ощущеній разнородныхъ органовъ, но и эти болѣе смѣлыя уподобленія будутъ понятны, если мы примемъ во вниманіе, что дѣйствительно можно указывать нѣкоторыя аналогіи между ощущеніями различныхъ органовъ, самый же процессъ, механизмъ ощущенія одинаковъ въ ощущеніяхъ всѣхъ органовъ. Приведемъ факты уподобленія разнородныхъ ощущеній.

Въ средневѣковомъ языкѣ нѣмецкое breheп совмѣщало значенія: 1) раздаваться, звучать, шумѣть, 2) блестѣть, свѣтить. Древне нѣмецкое hel значило только громкій, звучный, но въ средневѣковомъ языкѣ встрѣчаются уже значенія свѣтлый, ясный; современное нѣмецкое hell употребляется въ значеніи звучный и ясный, свѣтлый. Чешское kukati: значитъ куковать, но koukati, pokukovati— глядѣть, посматривать; чешское troubiti собственно значитъ трубить, въ простонародіи же часто употребляется въ значеніи глазѣть, пристально смотрѣть, заглядѣться на что. Древне англійское ріріп знач. пищать, но въ позднѣйшемъ языкѣ и въ настоящее время реер знач. посматривать, выглядывать, peeper означаетъ

*) Zaborowski, L'Origine du langage. 3 edition, 156—7.

цыпленка (пискуна), но также глазъ, зеркало, а разсвѣтъ весьма характерно называется «пискомъ дня»: the day begins to peep—разсвѣтаетъ. Санскритскій корень bha, въ расширенномъ видѣ bhas, соединяетъ въ себѣ значенія кричать и блестѣть, равно какъ и корень svar; ведаическое слово varna обозначаетъ какъ цвѣтъ, такъ и звукъ, персидское kôkâ значитъ шумъ и луна, ливонское kill—звучать, блестѣть, финское kajo—отголосокъ и свѣтъ и т. д. Клопштокъ говорилъ «о видящемъ, подсматривающемъ ухѣ», Гете—«о видящей рукѣ», у Гомера люди иногда видятъ шумъ и слышатъ свѣтъ, мы, русскіе, говоримъ: слышать запахъ, дымъ, вонь. Въ языкахъ есть слова, совмѣстно относящіяся къ зрѣнію и вкусу, зрѣнію и запаху, осязанію и запаху, слуху и вкусу, движенію, слуху, свѣту и т. д. въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ разнородныхъ ощущеній. У Теокрита есть мѣсто: «смотри, другъ, какъ пріятно пахнетъ». Туземцы маршальскихъ острововъ красивую дѣвицу называютъ «благовонная дѣвица». Персидское demîden значитъ дышать (основное значеніе), цвѣсти, пахнуть, гельское faicich—видѣть, пахнуть, чувствовать, нордское bragd—блескъ, вкусъ, запахъ, тагитское ite—слышать, нюхать, щупать, чувствовать, понимать, зырянское kylny можетъ относиться почти ко всѣмъ чувствамъ, совмѣщая въ себѣ значенія: звучать, раздаваться, чувствовать, слышать, нюхать, вкушать, отвѣдывать *).

Но всѣ приведенныя уподобленія относятся къ одному и тому же міру—чувственному и слѣдовательно въ широкомъ смыслѣ слова однородны. Уподобленіе можетъ принять новое направленіе, сдѣлаться еще болѣе смѣлымъ и сопоставлять явленія различныхъ міровъ: чувственнаго и духовнаго. Это уподобленіе и совершается въ метафорическихъ выраженіяхъ, которыми такъ обильны всѣ языки. Метафора сопоставляетъ духовный міръ съ чувственнымъ и обратно чувственный съ духовнымъ. По согласному признанію этимологовъ, древнѣйшія слова всѣхъ человѣческихъ языковъ суть обозначенія матеріальныхъ предметовъ и матеріальныхъ качествъ и современный языкъ дѣйствительно оказывается, какъ нѣкогда говорилъ о немъ Жанъ Поль Рихтеръ, ничѣмъ инымъ, какъ ein Worterbuch verblichener Metaphern. Развитіе метафоричности шло

*) Филологическія Записки 1887 г. Вып. V, ст. Шерцля, Основные элементы языка и начала его развитія, стр. 233—242; Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft, t. I. art. Tobler'a, Versuch eines Systems der Etymologie, S. 349—387.

двумя главнѣйшими путями: отъ человѣка къ внѣшнему міру и отъ внѣшняго міра къ человѣку. Одно изъ первоначальныхъ міровоззрѣній человѣка есть совершенно антропоморѳическое, когда человѣкъ явленія природы выражалъ въ терминахъ человѣческой дѣятельности, такъ что долгое время первый рядъ метафоръ—перенесеніе на природу человѣческихъ свойствъ—не былъ метафорами, а простымъ описаніемъ дѣйствительности. Съ развитіемъ различенія, эти первоначально точныя выраженія мало по малу превратились въ метафоры. Ознакомившись съ природой и ближе наблюдая себя, какъ психическое существо, и общественную жизнь, человѣкъ выразилъ эти новыя наблюденія, по недостатку вполнѣ подходящихъ словъ и по казавшемуся ему сходству, въ физическихъ терминахъ и такимъ путемъ на психическую природу человѣка и общество были перенесены свойства матеріальнаго и животнаго міра. Какихъ метафоръ больше—трудно сказать, почти весь языкъ состоитъ изъ метафоръ, но первая категорія, несомнѣнно, древнѣе, первоначальнѣе.

XIII.

Уподобленіемъ явленія приводятся въ слабую связь между собою, притомъ преимущественно отдѣльныя явленія. Но съ развитіемъ психической жизни у насъ образуются различные умственные центры, состоящіе изъ многихъ явленій, связанныхъ частію уподобленіемъ, частію одновременностію и послѣдовательностію. Такія группы представленій, разъ возникнувъ, оказываютъ весьма чувствительное вліяніе на всю дальнѣйшую умственную жизнь, внося въ нее довольно твердый порядокъ и нѣкоторую систематичность; онѣ становятся притягательными и классифицирующими центрами для вновь образуемыхъ душевныхъ явленій. Возникающее психическое явленіе тогда уже не существуетъ отдѣльно и самостоятельно, а примыкаетъ къ какому либо изъ наличныхъ центровъ, побуждаемое сходствомъ природы и другими причинами. Сливаясь съ апперцепирующимъ центромъ, новое явленіе усвояетъ и свойства центра. При недостаточномъ сравненіи и различеніи прежде возникшей группы и новаго явленія, присоединеніе послѣдняго къ центру можетъ оказаться неправильнымъ и результатомъ будетъ смѣшеніе, незнакомый человѣкъ пойдетъ за знакомаго, лицемѣръ сопричислится къ разряду искреннихъ людей, неодушевленное сочтется одушевленнымъ. Съ процессомъ апперцепціи возникаютъ первые на-

чала и очерки классификацій явленій, классификацій крайне грубыхъ и несовершенныхъ.

Гейгеръ признавалъ смѣшеніе первичнымъ умственнымъ процессомъ Это ошибка: смѣшеніе есть только результатъ апперцепированія, которое само не первичный процессъ, впереди его стоитъ болѣе простое уподобленіе. Дѣйствительно же первоначальное умственное состояніе есть относительное неразличеніе. Апперцепированіе и его результатъ—смѣшеніе есть болѣе дѣятельное и въ тоже время болѣе высокое, сложное и развитое состояніе ума, чѣмъ неразличеніе, неразличеніе пассивно, оно есть сознаніе невозможности отдать себѣ отчетъ въ признакахъ явленій и позади себя ничего не предполагаетъ, никакого предварительнаго психическаго опыта, никакого раннѣйшаго состоянія ума, между тѣмъ смѣшеніе предполагаетъ образованіе апперцепирующихъ центровъ и нѣкоторое развитіе различенія, безъ нихъ оно возникнуть не можетъ. Чтобы смѣшать что либо, нужно отнести явленіе не къ тому апперцепирующему центру, къ которому слѣдуетъ, а для этого новое явленіе нужно до нѣкоторой степени сопоставлять съ различными центрами, т. е. отмѣчать ихъ различія и сходства. Если вдали на морѣ что-то видно, но это видимое нельзя еще хорошенько разсмотрѣть, такъ что умъ остается въ неопредѣленномъ и спокойномъ положеніи подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, то такое состояніе есть неразличеніе, состояніе пассивное и отрицательное, если же, вглядѣвшись въ предметъ, различивъ и сравнивъ его очертанія съ имѣющимися уже у насъ очертаніями (апперцепирующими центрами) облака, корабля, птицы, миража, мы признаемъ, что это корабль и ошибемся, тогда возникаетъ смѣшеніе. Это состояніе активное и болѣе сложное и высокое, чѣмъ неразличеніе.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ случаевъ смѣшенія, т. е. неправильной апперцепціи, и въ исторіи умственнаго развитія всего человѣчества и отдѣльныхъ умовъ, есть смѣшеніе неодушевленнаго съ одушевленнымъ. Остановимся на анализѣ этого частнаго процесса ошибочной апперцепціи.

Можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ не могъ отличить на первыхъ же порахъ одушевленное отъ неодушевленнаго—отличій такъ много, они такъ замѣтны. Но въ этомъ случаѣ мы обманываемся легкостію и доступностію такого различенія для нашего ума, на самомъ же дѣлѣ понятіе о неодушевленномъ предполагаетъ позади себя долгую предварительную работу: нужно было сдѣлать много всякаго рода наблюденій и сопоставленій, чтобы

догадаться, что въ окружающемъ мірѣ есть одушевленныя существа и бездушные предметы и что между одушевленными существами первенствующее положеніе занимаетъ человѣкъ. Если есть много различій между неодушевленнымъ и одушевленнымъ, то есть много и сходствъ, особенно для неопытнаго наблюдателя и начинающаго мыслителя: всюду разлита жизнь, всюду совершаются измѣненія, происходитъ ростъ, то замѣчается періодъ разцвѣта, то періодъ упадка, совершаются разнообразныя движенія. Во всемъ этомъ много сходнаго съ человѣческою жизнью, напоминающаго свойства и дѣйствія человѣка. Въ сходныхъ чертахъ мертвой и живой природы нашъ современный умъ видитъ много оттѣнковъ, особенностей, своеобразныхъ качествъ; ничего подобнаго не замѣчалъ первобытный умъ, неспособный къ такимъ тонкимъ различеніямъ. Съ другой стороны однимъ изъ первыхъ и весьма сильныхъ апперцепирующихъ центровъ была группа представленій о личной человѣческой жизни. Когда прошло состояніе неразличенія и человѣкъ бросилъ болѣе или менѣе сознательный и различающій взглядъ на окружающій міръ и на себя, его вниманіе было привлечено его собственными состояніями удовольствія и страданія, голода и жажды, перемѣщенія имъ различныхъ предметовъ и т. п. Всѣ эти состоянія, какъ сознательныя, доходили до его свѣдѣнія и по уподобленію, одновременности и послѣдовательности соединялись между собою, сливались и образовали одну большую группу. Въ окружающей природѣ человѣкъ видѣлъ много различнаго отъ чисто человѣческаго образа жизни, но замѣчалъ многое и сходное. При наличности могучаго апперцепирующаго центра, образовавшагося изъ свойствъ и явленій личной жизни, и при относительной слабости другихъ центровъ, первобытный человѣкъ отнесъ и явленія внѣшней природы къ группѣ личной жизни, т. е. смѣшалъ неодушевленное съ одушевленнымъ, представлялъ себѣ внѣшнюю природу человѣкообразной. Справедливо сказалъ Лейбницъ: externa non cognoscit (mens) nisi per ea quae sunt in semetipsa.

Къ указанной психологической необходимости смѣшенія неодушевленнаго съ одушевленнымъ нужно прибавить еще вліяніе языка. Корни языковъ, какъ мы видѣли, служили прямымъ обозначеніемъ дѣйствій человѣка, языкъ первоначально образовался, имѣя матеріаломъ личное, человѣческое, и только косвенно обозначалъ предметы и явленія внѣшней природы. Естественно, что когда факты внѣшняго міра стали различаться лучше и заняли болѣе видное мѣсто въ сознаніи, внѣшній міръ былъ заключенъ въ термины

человѣческой дѣятельности и явленія природы получили названія, обозначавшія работу личныхъ существъ.

Стремленіе понимать природу устроенной и живущей по образу и подобію человѣка есть одно изъ основныхъ стремленій нашего ума, это стремленіе легко прослѣдить въ такихъ ученіяхъ, которыя, по видимому, не только совершенно чужды, но и противоположны первобытнымъ воззрѣніямъ человѣческаго ума. Не будемъ говорить о народныхъ массахъ, въ которыхъ и теперь еще, по отношенію ко многимъ явленіямъ, живетъ первоначальный грубый антропоморѳизмъ природы; возьмемъ науку, научные взгляды, въ нихъ, въ измѣненной формѣ, мы найдемъ тоже стремленіе — понимать природу, ея жизнь, ея законы какъ отраженіе жизни человѣка, законовъ его ума.

Извѣстны ученія, которыми признается, что настоящая дѣйствительность, истинное бытіе заключаются въ *идеяхъ*, земной же міръ есть простое отраженіе, копія самостоятельно и реально, внѣ ума, существующаго идеальнаго міра. Простой грубый антропоморѳистъ думалъ такъ: весь міръ таковъ же, какъ и я, владѣетъ тѣми же самыми свойствами, желаніями, чувствованіями, отвращеніями и т. д., какъ и я; идеологъ думалъ, что весь міръ таковъ, каковы идеи, и что самыя идеи составляютъ особый, болѣе существенный и реальный, міръ, чѣмъ обыкновенный. Потомъ было признано неудобнымъ приписывать идеямъ реальное существованіе внѣ насъ, онѣ были перенесены въ душу, получили субъективное значеніе и сдѣлались врожденными идеями, апріорными формами, врожденными способностями. Но міръ продолжалъ строиться согласно съ ними: самъ по себѣ міръ можетъ имѣть какія ему угодно качества, но намъ онъ долженъ необходимо представляться въ одеждѣ нашихъ, нашему уму принадлежащихъ, апріорныхъ формъ, подводиться подъ врожденныя идеи, разсматриваться согласно нашимъ способностямъ. Разсужденіе о мірѣ оставалось антропоморѳическимъ, вселенная строилась по законамъ ума. Наконецъ устраняются врожденныя идеи, апріорныя формы и способности; но въ тоже самое время признается — и необходимо должна признаваться — своеобразность всего психическаго міра, начиная съ элементарнаго ощущенія. Внѣшній міръ не входитъ, не вламывается въ нашу душу такъ, какъ онъ есть, со всѣми своими свойствами, онъ только стучится въ нашъ умъ, возбуждаетъ его къ дѣятельности, къ отвѣту, но самый отвѣтъ дается умомъ сообразно его собственной природѣ и строенію. Наше представленіе міра, наше міровоззрѣніе есть продуктъ

дѣятельности нашего ума, нашего творчества, а не самый міръ со своими свойствами. Въ нашемъ умѣ и душѣ нѣтъ оконъ и дверей и внѣшнему міру невозможно пройти въ нашъ умъ. И не только нашъ умъ или человѣческій организмъ усвояетъ все по своему, сообразно съ законами своихъ стремленій и дѣятельности, но и животный организмъ и растительный будутъ усвоять все также по своему. Одно и тоже впечатлѣніе, дѣйствующее на человѣка, животное и растеніе, на различные виды людей и животныхъ не дастъ одного результата, не вызоветъ во всѣхъ одинаковой дѣятельности; дѣятельность у каждаго существа будетъ особая, своеобразная, примѣнительная къ его природѣ. Такимъ образомъ грубый первобытный антропоморѳизмъ можетъ утончаться, принимать по видимому совершенно новыя формы, можетъ превратиться въ философскій субъективизмъ и относительность знанія; но въ концѣ концовъ весь этотъ субъективизмъ есть тотъ же по сущности антропоморѳизмъ: мы все мыслимъ и представляемъ согласно съ законами своей природы, вселенная для насъ— какова она сама по себѣ, намъ неизвѣстно—устроена по законамъ нашей мысли, нашего ума. Иное міровоззрѣніе невозможно. Антропоморѳизмъ въ самыхъ выработанныхъ философскихъ системахъ становится только частичнымъ и отвлеченнымъ, тогда какъ прежде онъ былъ цѣлостнымъ и конкретнымъ, но онъ не уничтожается и не можетъ уничтожиться: прежде всѣ свойства человѣка приписывали міру—и тѣлесную человѣческую форму и страсти и соображенія и чувствованія съ дѣйствіями, а теперь міру приписываютъ только существованіе по законамъ мысли; прежде признавали, что міръ есть или одно живое человѣкоподобное существо или множество такихъ существъ, а теперь признаютъ, что міръ есть выраженіе абсолютной *идеи*, міровой *воли*, какого нибудь *безсознательнаго* верховнаго начала.

Можетъ быть, замѣтятъ, что подобные явные слѣды первобытнаго антропоморѳизма встрѣчаются только въ метафизикѣ, которая есть своеобразная поэзія, и потому естественно, что она хранитъ остатки старыхъ олицетвореній природы; но въ чисто научномъ, механическомъ пониманіи міра, гдѣ допускаются только силы да матерія, атомы и законы, антропоморѳизмъ исчезъ совсѣмъ, его нѣтъ и слѣда и созданъ новый взглядъ на природу, даже прямо противоположный антропоморѳическому. Но и въ любомъ механическомъ міровоззрѣніи есть весьма существенные слѣды антропоморѳизма.

Основныя понятія каждаго механическаго міровоззрѣнія суть простыя видоизмѣненія антропоморѳическихъ представленій. Меха-

ническія міровоззрѣнія говорятъ намъ о силахъ, причинахъ, законахъ, мертвой инертной матери; но откуда и какъ получаются эти понятія, какимъ путемъ они образуются? Они возникаютъ первоначально изъ наблюденія надъ человѣкомъ и въ концѣ концовъ суть ничто иное, какъ антропоморѳическія представленія и понятія. Силу человѣкъ прежде всего знаетъ въ себѣ самомъ, силу личную, живую, сознательную и изъ представленія о такой силѣ исходитъ въ построеніи понятія о силѣ вообще. Силы физическія, химическія, жизненныя понимаются аналогично силѣ личной и первоначально просто считаются личными силами, а съ развитіемъ различенія мало по малу получаютъ свои особенныя свойства, выдѣляются изъ личной силы и образуютъ нѣчто самостоятельное. Но основной стержень въ представленіи силы заимствуется изъ понятія силы личной и безъ сопоставленія, хотя бы скрытаго и непрямаго, съ силой личной мы не можемъ и понять силы физическія, химическія и т. п.—Съ закономъ мы первоначально знакомимся изъ отношеній человѣческаго общества. Прежде чѣмъ былъ признанъ какой либо законъ природы, былъ признанъ законъ гражданскій, законъ общественной жизни. Не съ природы на общество было перенесено понятіе закона, а наоборотъ съ общества на природу. Въ общественной же жизни законъ былъ прежде и есть часто и въ настоящее время приказъ, исходящій или отъ одной личной воли или отъ многихъ. Такимъ образомъ самое ядро въ понятіи закона, подобно понятію силы, есть чисто антропоморѳическое. — Причинность, разсматриваемая объективно, есть постоянныя сходства, одновременность и смѣна явленій. Но въ понятіе причины мы обыкновенно вкладываемъ гораздо большее содержаніе, подъ причинностію мы разумѣемъ не простую одновременность, сходство и послѣдовательность явленій, но еще внутреннюю связь, внутреннее сцѣпленіе явленій, въ силу котораго причина непремѣнно влечетъ вслѣдъ за собою дѣйствіе. Такое представленіе о внутреннемъ сцѣпленіи причинъ и дѣйствій мы составляемъ, наблюдая поступки человѣка, мы замѣчаемъ, что желанія и дѣйствія, намѣренія и исполненія, планы и ихъ осуществленія не только слѣдуютъ другъ за другомъ, имѣютъ хронологическую связь, но и внутреннюю, живую, которая бываетъ невидна постороннему зрителю. Отсюда, по аналогіи, мы заключаемъ, что и въ причинной связи явленій внѣшней природы есть нѣчто большее, чѣмъ простыя смѣна, одновременность и сходство.—Наконецъ возьмемъ самое противоположное антроморѳическому міровоззрѣнію представленіе о мертвой, бездуш-

ной, инертной матеріи, какихъ либо атомахъ, частичкахъ и т. п. Какъ и изъ чего образуется такое представленіе? Изъ представленія о живомъ, одушевленномъ существѣ путемъ отрицанія и измѣненія его свойствъ. Подобно тому, какъ понятіе о богѣ составляется изъ понятія о человѣкѣ путемъ отрицанія конечности человѣческихъ психическихъ свойствъ и нѣкотораго измѣненія самыхъ свойствъ, а понятіе о смерти изъ понятія о жизни, такъ точно понятіе объ инертной бездушной матеріи возникаетъ изъ понятія о живомъ существѣ. Подъ вліяніемъ развивающейся различающей дѣятельности, свойства живаго существа, при распространеніи этого понятія на внѣшнюю природу, постепенно сокращаются, уничтожаются: сначала исчезаютъ чисто человѣческія разумность и цѣлесообразность, потомъ чувствованія и элементарная умственная дѣятельность, далѣе способность самопроизвольнаго движенія и мало по малу обѣднѣвшее содержаніемъ понятіе живаго существа приводится къ видимой своей противоположности—инертной бездушной матеріи. Но вполнѣ понимать и представлять бездушную матерію мы можемъ только, сопоставляя ее съ живымъ существомъ, возвращая свой умъ къ первоисточнику понятія о бездушной матеріи.

Такимъ образомъ каждое механическое міровоззрѣніе покоится на совершенно антропоморѳическихъ понятіяхъ. Оно можетъ представлять видимую противоположность антропоморѳизма, кажущееся отрицаніе всякаго слѣда его; но всмотритесь ближе въ его основныя понятія, поскоблите немножко ихъ абстрактную поверхность, загляните, что подъ ней находится, и вы увидите, можетъ быть, вывѣтрившіяся, полинялыя, измѣненныя, но тѣмъ не менѣе въ существѣ антропоморѳическія представленія. И такъ мы можемъ сказать, что вся наука, философія и логика суть ничто иное, какъ утонченный, сдержанный и умѣренный различеніями первоначальный антропоморѳизмъ нашего ума.

Не смотря на общеизвѣстность и многочисленность фактовъ, указывающихъ, что оживленіе и очеловѣченіе природы издавна присущи нашему уму, есть писатели, несогласные съ этою мыслію, напр. Спенсеръ и Ванъ-Енде. Общеизвѣстные факты смѣшенія дикарями и дѣтьми неодушевленнаго съ одушевленнымъ Спенсеръ и за нимъ Ванъ-Енде толкуютъ на свой собственный ладъ, стараясь доказать, что первобытному человѣку и вообще неразвитому, напр. дѣтскому, уму совершенно несвойственно смѣшивать одушевленое и неодушевленное и что въ исторіи развитія человѣческаго ума такое смѣшеніе появляется довольно поздно. Что

состояніе смѣшенія не есть первоначальное состояніе ума — объ этомъ уже было говорено, но тѣмъ не менѣе оно вполнѣ свойственно первобытному человѣку и всякому неразвитому уму, въ томъ числѣ и дѣтскому. Спенсеръ и Ванъ-Енде разсуждаютъ совершенно несправедливо, относя смѣшеніе неодушевленнаго съ одушевленнымъ, согласно другимъ своимъ взглядамъ, къ позднему сравнительно времени въ исторіи ума, приводимыя ими доказательства совершенно несостоятельны. Они заключаются въ слѣдующемъ *).

Животныя, даже простѣйшія, умѣютъ очень хорошо различать одушевленное и неодушевленное, а «можемъ ли мы сказать, что первобытный человѣкъ менѣе уменъ, чѣмъ низшія млекопитающія, чѣмъ птицы, чѣмъ даже насѣкомыя?» (Спенсеръ). Правда дикари принимаютъ иногда неодушевленныя вещи за одушевленныя существа, но это случается только тогда, когда онѣ по своему устройству и обнаруживаемымъ ими свойствамъ похожи на живыя существа. Таковы напр. всѣ автоматическіе инструменты, издающіе звуки. Классификація же естественныхъ предметовъ на одушевленные и неодушевленные у дикарей существенно правильна. — «Ребенокъ столь же мало склоненъ приписывать жизнь неодушевленнымъ вещамъ, какъ и щенокъ или котенокъ». (Спенсеръ). Несомнѣнные же факты смѣшенія дѣтьми неодушевленнаго съ одушевленнымъ Спенсеръ объясняетъ отчасти вліяніемъ внушеній взрослыхъ, а отчасти прямымъ и преднамѣреннымъ притворствомъ дѣтей. Припомнимъ только, говоритъ онъ, какъ часто случается видѣть, что когда ребенокъ ушибется о какой либо неодушевленный предметъ, мать или нянька, желая утѣшить дитя, притворяется, будто она принимаетъ сторону ребенка противъ этого предмета и говоритъ ахъ ты, дрянной стулъ! ушибъ бѣднаго мальчика! побей его, душенька! «Послѣ такихъ случаевъ мы имѣемъ право подозрѣвать, прибавляетъ Спенсеръ, что ребенокъ не сочинилъ самъ данное понятіе, но выучился ему отъ взрослыхъ». Дѣти надѣляютъ свои игрушки личною жизнью, говорятъ съ ними, ласкаютъ ихъ, какъ будто бы онѣ были живыя существа. По мнѣнію Спенсера, все это только преднамѣренная фикція со стороны дѣтей. «Ребенокъ хотя и утверждаетъ притворно, будто бы его игрушки живыя, но не думаетъ этого дѣйствительно. Еслибы кукла укусила его, онъ былъ бы из-

*) Спенсеръ, Основанія соціологіи, т. I, стр. 141—145; Van — Ende, Histoire naturelle de la croyance. Premiere partie. Paris, 1887 p. 10—22, 34, 65, 151, 320.

умленъ этимъ не менѣе, чѣмъ и взрослый». Только въ двухъ случаяхъ, по Спенсеру, дитя дѣйствительно смѣшиваетъ неодушевленное съ одушевленнымъ: а) когда неодушевленный предметъ имѣетъ большое сходство съ какимъ либо одушевленнымъ существомъ и б) когда неодушевленный предметъ обнаруживаетъ способность самопроизвольнаго движенія, свойственную живымъ существамъ. Очевидно, что эти два ряда случаевъ смѣшенія удобно приводятся къ одному: дитя смѣшиваетъ неодушевленное съ одушевленнымъ, когда оно въ неодушевленномъ замѣчаетъ болѣе или менѣе значительное сходство съ одушевленнымъ.

Доказательствамъ, что животныя хорошо различаютъ между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, Ванъ-Енде посвятилъ значительную часть своего сочиненія. По его мнѣнію, «положительныя данныя зоологіи всецѣло согласны съ тѣми, которыя мы могли извлечь изъ общихъ законовъ развитія воспріятія, чтобы побудить насъ считать различеніе одушевленнаго и неодушевленнаго столь же древнимъ въ животномъ сознаніи, какъ само сознаніе». Человѣческому сознанію различеніе между одушевленнымъ и неодушевленнымъ также присуще изначала, безраздѣльно съ нимъ, это различеніе перешло къ человѣку отъ животныхъ и человѣку врождено.

Психологія животныхъ — довольно шаткая почва для умозаключеній о человѣкѣ, такъ какъ очень трудно высказывать положительныя сужденія о томъ или другомъ фактѣ душевной жизни животныхъ. Въ частности относительно нераздѣльности съ животнымъ сознаніемъ различенія одушевленнаго и неодушевленнаго мы имѣемъ совершенно противоположное утвержденію Ванъ-Енде свидѣтельство итальянскаго изслѣдователя Тито Виньоли, который, на основаніи большого числа собственныхъ наблюденій и опытовъ, пришелъ къ тому заключенію, что животное, при воспріятіи всѣхъ, доступныхъ ему, вещей имѣетъ неопредѣленное представленіе о живомъ существѣ, что каждый предметъ, каждое явленіе есть для животнаго живое и желающее существо, подобное ему самому, а весь міръ—собраніе такихъ живыхъ и желающихъ существъ. Объективная простая реальность, какъ она представляется человѣческому изслѣдованію, для животнаго не существуетъ *). На основаніи показаній Тито Виньоли, у животныхъ нужно допустить апперцепирующій центръ живаго существа, подобный тому, какой имѣется

*) Tito Vignoli, Mythus und Wissenschaft. Autorisirte Ausgabe, 1880 г. S. 50, 58 и вся вторая глава.

у человѣка. Но онъ не исключаетъ умѣнья хорошо различать между живымъ и неживымъ. По мѣрѣ опыта и наблюденія, по мѣрѣ столкновеній съ другими существами и предметами, животное научается отличать, болѣе или менѣе опредѣленно, живое и неживое. Не замѣчая долго проявленій жизни у какого либо предмета, животное выдѣляетъ его изъ первоначальнаго апперцепирующаго центра живыхъ существъ; но лишь только снова замѣтится что либо, напоминающее жизнь у бездушной вещи, она опять возвращается на старое мѣсто въ классификаціи, относится къ прежнему апперцепирующему центру. Этимъ и объясняются факты смѣшенія животными неодушевленнаго съ одушевленнымъ, на которые указываетъ Виньоли, которые сообщалъ Романесъ и которые долженъ былъ признать и Ванъ-Енде (р. 190—192), не смотря на свое утвержденіе, что различеніе между одушевленнымъ и неодушевленнымъ неотдѣлимо отъ животнаго сознанія.

Впрочемъ Ванъ-Енде не только допускаетъ смѣшеніе животными одушевленнаго и неодушевленнаго, но онъ признаетъ еще существеннымъ принципомъ космологіи животныхъ слѣдующій: «живое существо есть единственная дѣятельная сила въ природѣ; всякое дѣйствіе имѣетъ начало въ живомъ существѣ или прямо или посредствомъ инертной матеріи, которая съ своей стороны есть только рама или инструментъ дѣятельности одушевленныхъ существъ» (р 74). Ванъ-Енде говоритъ, что то, «что мы можемъ уловить въ дѣйствіяхъ животнаго о его объективномъ пониманіи, кажется, указываетъ намъ, что для него природа есть прежде всего область живаго существа» (р. 65). Этими мыслями Ванъ-Енде много приблизился къ тому ученію о важномъ апперцепіонномъ значеніи представленій о живомъ существѣ, которое изложено выше, такъ что различіе хотя и остается, но очень сглаженнымъ. Оказывается, что за животными согласно признается способность различенія живаго и бездушнаго и ихъ коренное стремленіе понимать живое существо, какъ единственную дѣятельную силу въ природѣ; различіе между взглядомъ Ванъ-Енде и выше изложеннымъ состоитъ въ томъ, что Ванъ-Енде допускаетъ сначала различеніе, а потомъ смѣшеніе животными неодушевленнаго съ одушевленнымъ, мы же настаиваемъ на противоположной послѣдовательности поименованныхъ явленій, по нашему мнѣнію, болѣе естественной и логичной: сначала животныя смѣшиваютъ, а потомъ различаютъ одушевленное и неодушевленное. Въ основѣ этого различія взглядовъ лежитъ признаніе преобладанія въ животномъ сознаніи или процесса ап-

перцепціи помощію представленій о живомъ существѣ или неизвѣстно откуда взявшагося, отъ начала присущаго ему различенія одушевленнаго и неодушевленнаго.

Недостатокъ разграниченія у дикарей между одушевленнымъ и неодушевленнымъ не ограничивается искусственными предметами, нѣкоторые дикари и въ естественныхъ предметахъ видятъ жизнь и самопроизвольное движеніе тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Во многихъ сѣверо-американскихъ языкахъ различаются имена живыхъ и безжизненныхъ предметовъ, подобно тому, какъ мы различаемъ родъ существительныхъ. Но въ указаніи, что живо и что мертво, языки несогласны. Живыми у нѣкоторыхъ индійцевъ признаются деревья, звѣзды, золото и серебро, рожь и хлѣбъ и многіе механизмы, введенные европейцами, напр. часы, ружья, экипажи У другихъ же племенъ съ другой стороны не всѣ животныя считаются живыми, напр. не считаются живыми маленькія рыбки. Члены животнаго тѣла у однихъ племенъ считаются мертвыми, у другихъ живыми, если живо тѣло. Вообще о жизни и смерти существъ господствуетъ значительное разнообразіе мнѣній. Такъ земляника жива, а малина мертва; бобъ живъ, а горохъ мертвъ. При этомъ противоположеніе одушевленнаго и неодушевленнаго нерѣдко не сопровождается никакимъ дальнѣйшимъ дѣленіемъ, напр. одушевленныя существа не подраздѣляются по полу на мужскія и женскія (въ языкахъ черокезскомъ, тотонака, чиму, тараскишскомъ и др.) Въ единственномъ числѣ названій вещей нѣтъ никакихъ указаній на различіе одушевленнаго и неодушевленнаго, а различіе выражается только во множественномъ числѣ, именно тѣмъ, что неодушевленныя вещи или совсѣмъ не имѣютъ особаго множественнаго числа или же другое по сравненію съ одушевленными, напр. множественность неодушевленнаго выражается просто прибавкой слова много.—Жители острова Фиджи празднуютъ воскресеніе не только умершихъ людей, но и животныхъ, растеній, домашней утвари и камней. Вѣрованіе въ происхожденіе человѣка отъ растенія, отъ дерева было широко распространено и глубоко вкоренено въ народномъ сознаніи *).

Мысль о томъ, что человѣкъ, неразличающій неодушевленнаго отъ одушевленнаго, будетъ ниже элементарнаго животнаго, вла-

*) Steinthal, Charakteristik, 230 — 231; Winkler, Zur Sprachgeschichte. 1887 г. 226—7; 1889 г. 7—10, 16, 20; Мандельштаммъ, Опытъ объясненія обычаевъ. Спб. 1882 г. 24—32, 80—118.

дѣющаго способностію такого различенія, должна быть оставлена, такъ какъ и животныя начинаютъ съ того же, съ чего и человѣкъ, т. е. апперцепированіемъ всего неодушевленнаго какъ одушевленнаго; человѣкъ, подобно животному, долгимъ путемъ опыта и наблюденій постепенно приходитъ къ различенію неживаго отъ живаго, конечно, путаясь и сбиваясь на этомъ долгомъ пути. Въ концѣ концовъ онъ достигаетъ значительнаго разграниченія одушевленнаго и неодушевленнаго, хотя нѣтъ ничего удивительнаго въ той мысли, что то и другое дикое племя въ отдѣльныхъ случаяхъ хуже различаетъ неодушевленное отъ одушевленнаго, чѣмъ животное. Извѣстно, что нѣкоторыя животныя въ нѣкоторыхъ различеніяхъ превосходятъ не только дикаря, но и образованнаго человѣка; они могутъ видѣть, обонять, слышать на такихъ далекихъ разстояніяхъ, на какихъ образованный человѣкъ не можетъ, верблюды въ пустыняхъ и степныя лошади въ степяхъ не поддаются миражу морей и рѣкъ, которому поддаются люди, собаки въ Константинополѣ ночью распознаютъ христіанъ и турокъ, чего люди не могутъ сдѣлать. Притомъ какъ возможно считать унизительнымъ предположеніе, что человѣкъ на первыхъ порахъ своей умственной жизни смѣшивалъ неодушевленное съ одушевленнымъ, а предположеніе о позднѣйшемъ смѣшеніи при большемъ умственномъ развитіи, считать неунизительнымъ и естественнымъ?

Переходимъ къ разсмотрѣнію довода, заимствованнаго изъ дѣтской жизни.

Что неразумныя внушенія нѣкоторыхъ матерей и нянь объ одушевленности бездушныхъ предметовъ могутъ путать мысль дѣтей, давать имъ ложныя представленія, это безспорно, точно также справедливо, что дѣти извѣстнаго возраста уже знаютъ, что игрушки не суть живыя существа и, играя ими, въ нѣкоторомъ родѣ представляютъ комедію, являются маленькими артистами на домашней сценѣ, хотя, нужно прибавить, часто увлекаются игрой и принимаютъ игру за дѣйствительность. Но относительно приведенныхъ Спенсеромъ и Ванъ-Енде фактовъ слѣдуетъ замѣтить, что не во всѣхъ семьяхъ матери и няни внушаютъ дѣтямъ ложныя представленія объ одушевленности предметовъ, а дѣти одушевляютъ бездушное вездѣ. Прейеръ сообщаетъ *) что его мальчикъ, при видѣ разламываемаго сухаря, восклицалъ: «бѣдный сухарь»!, а при видѣ полѣна, бросаемаго въ печку «бѣдное дерево!», хотя

*) Die Seele des Kindes S. 321.

никто мальчика не училъ ничему подобному. Извѣстный Каспаръ Гаузеръ, также безъ ложныхъ съ чьей либо стороны внушеній, признавалъ одушевленными многія бездушныя вещи и долгое время не могъ напр. убѣдиться, что откатившіеся и неподвижно лежавшіе на землѣ яблоки безжизненны, онъ говорилъ: «они устали, они не могутъ бѣжать дальше».—Одно дитя, 24 мѣсяцевъ, нашло камешекъ въ своемъ ящикѣ съ кирпичиками. Мать спросила дитя, что тамъ дѣлаетъ камешекъ и дитя отвѣтило: «хочетъ играть съ кирпичиками». Впрочемъ, поглядѣвъ на камешекъ, дитя мудро замѣтило: «нѣтъ рукъ» *) —Плутархъ, утѣшая свою жену въ потерѣ двухлѣтней дочери, между прочимъ говоритъ о ней: «она хотѣла, чтобы ея кормилица давала грудь не только дѣтямъ, которыхъ она любила, но еще и игрушкамъ, которыми она забавлялась, приглашая также, по человѣколюбію, къ своему частному столу всѣ вещи, которыя доставляли ей удовольствіе, и желая удѣлить имъ часть того, что она считала лучшимъ» **). Дѣвочка, которую наблюдалъ Тэнъ ***), будучи $2^1/_2$ лѣтъ, говорила про свою коляску «моя коляска не хочетъ идти, она злая». Про каждый знакомый предметъ первый ея вопросъ былъ: «что онъ говоритъ?—Что говоритъ кроликъ?—Что говоритъ птичка?—Что говоритъ лошадь?—Что говоритъ большое дерево»? Дѣвочка относилась къ каждому предмету какъ къ лицу и хотѣла знать его мысли и слова.

Для убѣдительности своего объясненія, что единственно неразумныя внушенія матерей и нянь вызываютъ въ умѣ дѣтей ложную мысль объ одушевленности бездушнаго, Спенсеру слѣдовало бы доказать, что въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ нѣтъ ложныхъ внушеній матерей и нянь, тамъ дѣти не смѣшиваютъ бездушное съ одушевленнымъ, но Спенсеръ этого не сдѣлалъ, потому что это и невозможно сдѣлать. То обстоятельство, что матери и няни прибѣгаютъ для утѣшенія дѣтей къ представленію бездушныхъ вещей живыми, а дѣти очень легко усвояютъ такіе взгляды и поступаютъ согласно съ ними, не указываетъ ли, что дѣтской натурѣ свойственно антропоморѳическое пониманіе предметовъ и явленій, вслѣдствіе чего дѣти и соглашаются съ нимъ такъ легко и охотно?

Спенсеръ признаетъ, что дѣти и дикари смѣшиваютъ неоду-

*) Селли, Основныя начала психологіи. Стр. 238.

**) Perez, L'enfant de trois à sept ans. Paris, 1886. p. 249—250.

***) Revue philosophique, 1876, № 1.

шевленное съ одушевленнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда находятъ какое либо сходство неодушевленной вещи съ одушевленнымъ существомъ. Этой оговоркой, которую не сдѣлать было нельзя, Спенсеръ уничтожилъ, собственно говоря, все свое предшествующее разсужденіе, потому что указать границы сходнаго рѣшительно невозможно, а начинающему уму все казалось сходнымъ. И нашъ умъ подчасъ признаетъ сходнымъ то, что существенно различно, и мы нерѣдко дѣлаемъ въ этомъ отношеніи большія ошибки. Но нашъ умъ—умъ взрослыхъ, культурный, развитой, можетъ быть, наукой; что же сказать про отожествленія и аналогіи дѣтей и дикарей, которые не чувствуютъ никакой сдержки, никакой узды при сближеніяхъ предметовъ? И извѣстно, что дѣти и дикари легко видятъ близкое сходство тамъ, гдѣ умъ, сдерживаемый различеніями, рѣшительно отказывается замѣтить что либо сходное. Дѣвочка пяти лѣтъ однажды сказала своей матери· «мама, я думаю, что этотъ обручъ долженъ быть живой, онъ такъ чувствителенъ, что катится, куда я захочу» *) Слѣдующій разговоръ о затмеіяхъ солнца и луны происходилъ между алгонкинскими индѣйцами и отцемъ Ле-Женомъ, однимъ изъ первыхъ іезуитскихъ миссіонеровъ въ Канадѣ, въ XVII вѣкѣ: «я спросилъ у нихъ, отчего происходитъ затменіе солнца и луны; они отвѣчали мнѣ, что луна затмевалась или казалась черной отъ того, что она держала на рукахъ своего сына, который не давалъ видѣть ея свѣтъ.—Если у луны есть сынъ, стало быть, она замужемъ или была замужемъ, сказалъ я имъ.—Да, сказали они, ея мужъ—солнце, который ходитъ весь день, а она всю ночь; и если онъ затмевается или темнѣетъ, это значитъ, что онъ также беретъ на руки сына отъ луны.—Да, но ни луна, ни солнце не имѣютъ рукъ, говорилъ я имъ.—Ты ничего не понимаешь. они постоянно держатъ передъ собой натянутые луки—вотъ почему не видать ихъ рукъ.—Въ кого же они хотятъ стрѣлять?—А мы почему знаемъ»? **). Какъ же при такихъ условіяхъ можно указать какія либо границы сходствамъ, которыя представлялись первобытному уму или могутъ представляться нашимъ дѣтямъ?

Наконецъ, для правильнаго пониманія вопроса о смѣшеніи неодушевленнаго съ одушевленнымъ, нужно постоянно помнить, что смѣшеніе есть процессъ апперцепціи и вмѣстѣ классификаціи, что

*) Sully, Outlines of Psychology, London, 1885. p. 378, прим. 2.
*) Тэйлоръ, Первоб. культ. 1, 266, прим. 1.

онъ предполагаетъ дѣятельность различенія. Многіе, подобно Спенсеру и Ванъ-Енде, стараются какъ либо иначе, помимо смѣшенія, объяснить отсутствіе правильнаго разграниченія между неодушевленнымъ и одушевленнымъ у дѣтей и дикарей, потому что, говорятъ они, неужели дикарь не видитъ, что дерево не человѣкъ, что стрѣла бездушна, а дитя, напр. двухъ лѣтъ, неужели не замѣчаетъ, что игрушки не ѣдятъ, не пьютъ, не двигаются сами и т. п.? У дѣтей и дикарей есть органы внѣшнихъ чувствъ, способные къ воспріятію, слѣдовательно они должны видѣть различія между предметами, составляющія ихъ свойства. Но дѣти и дикари различаютъ отдѣльные предметы: поставьте предъ дикаремъ дерево и человѣка, предъ дитятей фарфоровую собачку и живую собаку, они ихъ различатъ, состояніе неразличенія они уже пережили, оно уже позади; дѣти и дикари смѣшиваютъ въ данномъ случаѣ не отдѣльные предметы, а смѣшиваютъ отдѣльный предметъ съ неподобающимъ ему классомъ. На ихъ взглядъ, для ихъ ума между неодушевленными вещами и живыми существами есть много сходствъ и они, различая въ отдѣльности живое и неживое, смѣшиваютъ ихъ при классификаціи, увлекаясь сходствомъ. Мальчикъ Прейера на 27 мѣсяцѣ горько плакалъ при вырѣзываніи человѣческихъ фигурокъ изъ бумаги, боясь, какъ бы не отрѣзали фигуркѣ голову *). Конечно, мальчикъ по третьему году уже замѣтилъ разницу между собой и бумажной фигуркой; но такъ какъ фигурка имѣла видъ человѣка, то мальчикъ невольно отнесилъ ее къ разряду живыхъ существъ и, при угрожавшей ей опасности, плакалъ, очевидно упуская изъ вида различія и приписывая фигуркѣ свойства класса, т. е. жизнь и чувство. И дитя разсуждало, строго говоря, совершенно здраво, потому что въ фигуркѣ для его наблюденія были два ряда свойствъ: отличавшія фигурку отъ человѣка—она изъ бумаги, мала и пр.—и сближавшія ее съ человѣкомъ—форма фигурки, сходство ея частей съ органами человѣческаго тѣла. На основаніи этихъ двухъ рядовъ свойствъ мальчикъ и понималъ фигурку. Для нашего ума первый рядъ свойствъ дѣлаетъ второй одною видимостію; но мальчикъ не умѣлъ еще оцѣнивать значеніе свойствъ и соподчинять одни другимъ; онъ усвоялъ ихъ безъ всякой критики и переработки и сообразно съ ними разсуждалъ, въ своемъ положеніи совершенно здраво. Жители Отаити, ознакомившись въ первый разъ съ лошадью,

*) Die Seele des Kindes, S. 321.

окрестили ее именемъ «свиньи, носящей человѣка», между тѣмъ какъ индійцы сіуссы назвали ее «магическою собакою»; въ тибетскомъ языкѣ слонъ называется «большой волъ» или просто «волъ»; аккадское левъ значитъ собственно «большая собака», манданцы свинью называютъ «медвѣдемъ бѣлаго человѣка»: эфикійцы въ Африкѣ называютъ лошадь «коровой великаго мужа», фулахи свинью называютъ «французскій оселъ». Гидатсы съ Миссури, ознакомившись съ желѣзомъ и мѣдью, назвали первое «черный камень», а вторую—«красный камень» *). — Различеніе отдѣльныхъ явленій и неправильная апперцепція, т. е. отнесеніе явленія не къ той группѣ, къ которой слѣдуетъ, въ приведенныхъ фактахъ очевидны. Что въ отдѣльности лошадь отличается отъ свиньи или собаки, свинья отъ медвѣдя, лошадь отъ коровы и т. д., это несомнѣнно и выразилось въ самыхъ названіяхъ: лошадь называется не просто собакой или свиньей, но магическою собакою и свиньею, носящею человѣка, левъ не просто собака и слонъ не просто волъ, а большая собака, большой волъ. Но при различеніи отдѣльныхъ явленій классификація все же оказывается неправильной и въ концѣ концовъ лошадь признается коровой, левъ собакой, желѣзо камнемъ и т. д., различенія касаются только внѣшности и довольно случайны (напр. свинья—французскій оселъ). Болѣе глубокихъ и внутреннихъ различій еще не замѣчается и потому для новыхъ явленій не образуется новыхъ апперцепирующихъ центровъ, а они спокойно пріурочиваются къ существующимъ прежнимъ.

Кромѣ апперцепирующихъ центровъ одушевленнаго и неодушевленнаго. границы между которыми долгое время были неясны и неопредѣленны, въ первоначальномъ сознаніи постепенно формировались и другіе центры, объединявшіе разрозненные психическіе факты. Таковы категоріи: высшія и низшія существа, разумныя и неразумныя, человѣческія и животныя, мужскія и женскія. Отчасти эти категоріи совпадали одна съ другой, отчасти развивались одна изъ другой. Онѣ отличаются своею спутанностію, смѣшеніемъ совершенно различныхъ для нашего ума явленій. Напр. къ высшему классу относятся мужскія существа и разнообразныя неодушевленныя вещи, къ низшему—женскія существа и большинство неодушевленныхъ предметовъ. Въ алгонкинской группѣ языковъ въ высшій классъ помѣщаются не только люди, но и большія животныя, важнѣйшія естественныя явленія—небо, луна, горы, рѣки—и даже необходимыя

*) Тэйлоръ, Антропологія, 133.

индійцу орудія, какъ то лукъ, стрѣлы, трубка, котелъ. Въ ирокезскомъ нарѣчіи къ низшему классу относятся женщины, всѣ низшія существа и все неодушевленное, а къ высшему — всѣ сверхчеловѣческія существа и мужскіе индивидуумы. Въ пульскомъ языкѣ, въ центральной Африкѣ, различаются два рода: человѣческій и скотской. Къ первому относится все принадлежащее къ человѣчеству, ко второму—все, что не принадлежитъ къ людямъ, животныя и неодушевленные предметы. Многія дикія племена ведутъ свое происхожденіе отъ животныхъ, они вѣрятъ въ близкое родство между людьми и животными, полагаютъ, что въ первоначальныя времена люди и животныя разговаривали между собою, такъ какъ имѣли общій языкъ и были другъ другу братьями. Дѣти относятся къ животнымъ по - человѣчески, по - братски, считаютъ ихъ близкими себѣ. Раздѣленіе по родамъ на мужской и женскій долгое время отсутствовало и замѣнялось вышеуказанными, довольно сбивчивыми и неопредѣленными, категоріями; оно развивалось и утверждалось постепенно и первоначально значило собственно: мужской—сильный, большой, а женскій—маленькій, слабый *). Такъ какъ апперцепированіе есть первоначальный процессъ классификаціи, а классификація развивается крайне туго, то удивляться недостаточной опредѣленности первыхъ апперцепирующихъ центровъ человѣческаго ума не приходится.

XIV.

Разсмотрѣнныя элементарныя формы связыванія: по одновременности, послѣдовательности, уподобленію и апперцепированію составляютъ достояніе всякаго человѣческаго ума. Невозможно найти такого грубаго и неразвитаго дикаря, у котораго не возникали бы эти простѣйшія сочетанія психическихъ элементовъ. Съ ихъ отсутствіемъ отсутствуютъ и умъ и психическая жизнь вообще. Дальнѣйшія болѣе высокія формы связыванія не составляютъ принадлежности, какъ мы увидимъ, всякаго ума, элементарное мышленіе возможно и безъ нихъ. Но эти высшія формы связыванія образнаго и логическаго непремѣнно предполагаютъ и основываются на запоминаніи. Даже апперцепированіе и уподобленіе предполагаютъ память, такъ какъ безъ памяти существованіе апперцепирующихъ центровъ и

*) Winkler, Zur Sprachgeschichte, 226—7 (1887 г.) и 7—20 (1889 г.), Овелакъ, Лингвистика, 64—65.

сопоставленіе сходныхъ ощущеній невозможны. Поэтому, прежде изслѣдованія возникновенія высшихъ формъ связыванія. мы остановимся на развитіи памяти.

Запоминаніе обусловливается различеніемъ и связываніемъ и въ свою очередь само обусловливаетъ ихъ дальнѣйшее развитіе: если ничего не различено и не связано или очень плохо и недостаточно, то и запоминать нечего; если изъ различеннаго и связаннаго ничего не запомнилось, то туже работу различенія и связыванія нужно производить снова и впередъ двигаться нельзя. Поэтому, пока процессы различенія и связыванія были слабы, и запоминаніе было слабо; пока запоминаніе было нетвердо, различеніе затруднялось, а творчество въ связываніи и совсѣмъ не могло обнаружиться, такъ какъ для него долженъ существовать опредѣленный матеріалъ.

Запоминаніе начинается собственно вмѣстѣ съ переживаніемъ душевныхъ состояній, каждое душевное явленіе носитъ въ себѣ и память о себѣ, такъ какъ возбужденіе, полученное нервными клѣтками, сохраняется неопредѣленно долгое время *). Основныя душевныя дѣятельности элементарнаго различенія и связыванія у первобытнаго человѣчества были неясны и нетверды, вслѣдствіе чего и память у первобытнаго человѣчества была слаба, оно не могло запомнить начала своей душевной исторіи; память душевныхъ процессовъ пришла лишь съ дальнѣйшимъ развитіемъ душевной жизни. И дѣйствительно мы видимъ, что какъ человѣчество въ цѣломъ, такъ и отдѣльныя племена и лица не помнятъ начала своей жизни. Человѣчество не помнитъ своихъ первыхъ шаговъ и дѣйствій, разсказы о происхожденіи перваго человѣка и судьбѣ первыхъ обитателей земли суть не припоминанія, а результаты творчества. Отдѣльные образованные народы обыкновенно имѣютъ о первыхъ временахъ своей жизни и своемъ происхожденіи довольно смутныя и фантастическія представленія и давнія времена бываютъ окутаны мракомъ, наполнены мало достовѣрными сказаніями. Что же касается дикарей, то они, не владѣя памятью прошлыхъ лѣтъ и не будучи сильны въ творчествѣ, иногда не имѣютъ никакихъ представленій о своемъ происхожденіи и своей исторіи. Веддахи ничего не знаютъ о своей исторіи. Единственное ихъ преданіе — что они происходятъ отъ какого то короля, а отъ какого — они и

*) Вопросъ объ органическихъ основахъ памяти обсуждался нами въ другомъ сочиненіи — Педагогической психологіи (2 изд.) стр. 313 — 333.

сами не знаютъ, да и не дѣлаютъ впрочемъ ни малѣйшей попытки начертить свою родословную. Команчи не имѣютъ никакой опредѣленной идеи о своемъ происхожденіи. «Я не вѣрю, говоритъ Скулькрафтъ, чтобы команчи имѣли сколько нибудь достовѣрныя преданія о дальнѣйшемъ времени, чѣмъ третья генерація. Ихъ средства знанія прошлаго исключительно устныя. Я сомнѣваюсь, чтобы они удерживали въ памяти имена вождей четвертой генераціи, я не могъ открыть у нихъ ни пѣсенъ, ни легендъ, ни чего либо подобнаго, чтобы увѣковѣчить торжество оружія или другіе славные подвиги ихъ предковъ» *).

Что касается отдѣльныхъ людей, то они начинаютъ свою жизнь безпамятствомъ, первые годы жизни бываютъ по большей части потеряны для самой обширной и твердой памяти. Событія первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ жизни обыкновенно припоминаются очень мало, многіе не помнятъ, какъ учились читать. Самыя раннія воспоминанія относятся ко второму году жизни или къ концу перваго, но это воспоминанія отрывочныя, какого либо одного факта. С. Т. Аксаковъ утверждалъ, что онъ помнитъ, какъ его отнимали отъ груди; но къ сожалѣнію, онъ не указалъ времени этого событія, а дѣтей кормятъ грудью весьма различное время, въ старину же кармливали гораздо дольше, чѣмъ нынѣ.

Между тѣмъ собственно первые годы жизни нельзя считать потерянными для нашего ума и памяти, потому что это есть періодъ образованія памяти. Когда мы начинаемъ себя помнить и относиться къ себѣ съ нѣкоторою долею сознательности, мы находимъ свою память снабженною цѣлой массой разнообразныхъ представленій объ окружающихъ лицахъ и предметахъ. Откуда взялись эти представленія? Очевидно, они постепенно складывались въ нашемъ умѣ, но процесса ихъ образованія мы не помнимъ, потому что различеніе и связываніе были очень слабы, смутны и вспомнить о нихъ нѣтъ возможности. Только нѣкоторые отдѣльные факты выплываютъ изъ этого темнаго времени на поверхность и припоминаются, потому ли, что они въ свое время потрясли насъ или по какимъ либо другимъ причинамъ. Пере сообщаетъ о себѣ самомъ, что онъ помнитъ, какъ грубая и невѣжественная нянька, въ концѣ перваго или въ началѣ втораго года его жизни, подержала его минутку за окошкомъ, показывая видъ, что хочетъ бросить его

*) Spencer, Descriptive Sociology. Types of lowest Races, p. 43; American Races, p. 38, 39.

внизъ *). Причина памятливости этого факта ясна, другія же ранія припоминанія объяснить труднѣе.

Другая главная причина слабости запоминанія дикарями и дѣтьми заключается въ недостаточномъ развитіи и опредѣленіи представленій времени и отчасти пространства. Память относится къ прошлому, мы припоминаемъ то, что съ нами было, что мы пережили и что мы сдѣлали. Поэтому для хорошаго запоминанія весьма важно владѣть выработаннымъ представленіемъ времени. Предположимъ, что мы слабо различаемъ между вчера и завтра, между нынѣ и завтра, между недѣлей и мѣсяцемъ, годомъ и столѣтіемъ и т. п.; естественно, что всѣ наши припоминанія будутъ крайне неточны, то, что было, представится только имѣющимъ быть, недавно бывшее—давно бывшимъ, а изъ всѣхъ бывшихъ событій, совершающихся явленій и предположеній и намѣреній о будущемъ образуется одна спутанная масса, хаосъ фактовъ. Естественно, что такіе спутанные факты долго помниться не могутъ и будутъ скоро исчезать изъ памяти. Представленіе пространства менѣе важно для запоминанія, но и оно имѣетъ значеніе, такъ какъ всѣ событія совершаются въ извѣстномъ пространствѣ, среди извѣстной пространственной обстановки, есть группа фактовъ, спеціально географическихъ, для правильнаго воспроизведенія которыхъ представленіе пространства существенно важно; чѣмъ болѣе обширный районъ занимаютъ припоминаемыя событія, тѣмъ нужнѣе хорошее представленіе пространства. Вообще можно сказать, что пространство и время (особенно послѣднее) суть тѣ рамки, въ которыя мы вкладываемъ всѣ свои воспоминанія. Если эти рамки тѣсны, невыработаны, если представленія о времени и пространствѣ неопредѣленны, смутны, то воспроизведеніе никогда не можетъ быть обширнымъ и точнымъ. А между тѣмъ на первыхъ порахъ умственной жизни и цѣлаго человѣчества и отдѣльныхъ лицъ представленія времени и пространства являются очень смутными

Антитеза прошедшаго, настоящаго и будущаго, столь существенная для правильнаго запоминанія и воспроизведенія, столь по видимому простая, дающаяся сама собою, отсутствуетъ не только у дикарей, но и въ языкахъ нѣкоторыхъ народовъ, игравшихъ

---

*) Perez, L'enfant de trois à sept ans. p. 3. Подобные же факты см. Carpenter, Principles of mental Physiology. Fourth edition, 1877, p. 430 — 1.

видную роль во всемірной исторіи. Вообще же она развивалась довольно медленно. Въ библіи формы, обозначающія прошедшее и будущее время, употребляются смѣшанно, нераздѣльно, одна и таже форма обозначаетъ то прошедшее, то будущее, при чемъ достаточно одного впереди поставленнаго и, чтобы прошедшее превратить въ будущее, а будущее въ прошедшее. Въ симитизмѣ не существуетъ антитезы настоящаго, прошедшаго и будущаго, симитическій языкъ знаетъ только два времени: совершенное, показывающее дѣйствіе совершившееся, и несовершенное, показывающее дѣйствіе несовершившееся. Арабскій языкъ имѣетъ оба времени общей симитической системы, совершенное и несовершенное. Наше настоящее время передается по-арабски то совершеннымъ, если настоящее время было уже прежде совершено, или если это дѣйствіе продолжающееся, если настоящее дѣйствіе связано съ дѣйствіемъ, о которомъ будетъ рѣчь вслѣдъ затѣмъ, то несовершеннымъ. Точно также выражается и наше будущее время· оно передается по-арабски совершеннымъ временемъ, если будущее дѣйствіе уже теперь разсматривается какъ несомнѣнный фактъ или если выражается желаніе, чтобы оно осуществилось; въ другихъ случаяхъ употребляется несовершенное. Въ ассирійскомъ же языкѣ не найдено совершеннаго времени, онъ представляетъ намъ только время несовершенное, гдѣ корень предшествуется личными суффиксами. Въ дравидійскихъ языкахъ три времени: настоящее, прошедшее и будущее, но будущее понимается весьма смутно и неопредѣленно, имъ, обозначается то, что дѣлается обыкновенно, и то, что было или будетъ дѣлаться обыкновенно. Между тѣмъ въ индоевропейской системѣ языковъ шесть временъ, четыре простыя: настоящее, несовершенно прошедшее, простой аористъ, совершенно прошедшее, и два сложныя: будущее и сложный аористъ. При нихъ три наклоненія: изъявительное, сослагательное и желательное *).

Поэтому въ различныхъ языкахъ мы находимъ слова съ такими обозначеніями времени: древне индійское usâ значило «на разсвѣтѣ, вечеромъ, ночью»; скандинавское aan означаетъ какъ годъ, такъ и часъ; патагонское nus значитъ «завтра» и «вчера» и эти же значенія заключаются въ готскомъ gistradagis, цыганскомъ deisa и въ нѣкоторыхъ словахъ другихъ языковъ. Джагатайское indi значитъ теперь или черезъ два дня; дакотцы подъ словомъ cang под-

*) Geiger, Ursprung und Entwickelung d. Sprache und Vernunft, I, 388; Овелакъ, Лингвистика. Стр. 154, 157, 164, 174, 196 -7, 85.

разумѣваютъ какъ день, такъ и ночь, въ пуйнипетскомъ языкѣ одно и тоже слово значитъ «день» и ночь»; въ языкѣ жителей побережья Маклая alin можетъ значить «третьяго дня» или «послѣ завтра», кореанское сак—kom можетъ означать «вчера» и «сегодня», «въ прошломъ году» или «въ этомъ году» *).

Удивляться отсутствію въ сознаніи первобытнаго человѣчества антитезы настоящаго, прошедшаго и будущаго и спутанному обозначенію періодовъ времени различными племенами нельзя, такъ какъ наше понятіе о времени и распредѣленіе его на настоящее, прошедшее и будущее, а равно и частнѣйшее дѣленіе его на періоды (годы, мѣсяцы, дни) есть совершенно отвлеченное, несвойственное уму на первыхъ порахъ его развитія. Не сразу возникаютъ представленія времени и пространства, мышленіе возможно и безъ этихъ представленій. взрослый образованный человѣкъ иногда такъ глубоко уходитъ въ свои думы, что совершенно не замѣчаетъ времени и не можетъ сказать, просидѣлъ ли онъ, задумавшись, пять минутъ, полчаса или часъ; строя воздушные замки, грезя на яву, мы забываемъ условія пространства и устраняемъ его изъ своихъ построеній. Пространство и время суть дополнительныя представленія къ фактамъ душевной жизни, совершающимся въ пространствѣ и времени; эти дополнительные факты возникаютъ не сразу, а образуются уже при наличности душевной жизни, при чемъ сначала бываютъ частными и раздѣльными. существуютъ сначала частныя пространства—осязальное, зрительное, можетъ быть обонятельное,—а общаго пространства нѣтъ; существуютъ отдѣльные періоды времени, и короткіе и болѣе длинные, но не связанные между собою, прерывающіеся, не составляющіе одного цѣлаго. А потомъ постепенно частныя и отдѣльныя пространства и времена сливаются въ одно общее пространство и время. Первоначальное представленіе времени есть не распредѣленіе его по отвлеченнымъ схемамъ настоящаго, прошедшаго и будущаго, а фактъ болѣе живой и наглядный, заключающійся въ утвержденіи, что событіе совершилось или не совершилось. Когда дѣйствіе совершается, тогда умъ бываетъ поглощенъ самымъ дѣйствіемъ, уносится его теченіемъ, ему нѣкогда обратиться съ анализомъ къ самому себѣ, къ переживаемому состоянію и помѣтить его. Разсказывая и слушая событіе, особенно поразительное, простой человѣкъ мало обращаетъ вниманіе на хронологическую помѣтку, онъ не замѣчаетъ про-

*) Шерцль, О словахъ съ противоположн. значеніями, 46—7.

межутка времени, протекшаго между событіемъ и разсказомъ, прошедшее и будущее у него сливаются, ему все равно, есть ли это событіе прошлое или оно только совершится въ будущемъ, для него важна не хронологическая его опредѣленность, а живой интересъ событія. Древній грекъ, слушавшій разсказы про троянскую войну или походъ аргонавтовъ, русскій крестьянинъ, слушающій разсказы про любимаго народнаго героя, дѣти, слушающія сказку— всѣ они равно мало заботятся о хронологическихъ помѣткахъ событія, о томъ, что оно было или будетъ или никогда не было и не будетъ, они просто переживаютъ съ героемъ разсказа его приключенія. Когда же они, по миованіи очарованія отъ разсказа, оглянутся назадъ, то они отмѣтятъ у себя въ умѣ не то, что извѣстное событіе относится къ прошедшему, настоящему или будущему, а то, что оно совершилось или не совершилось. Дѣйствіе совершилось, дѣйствіе не совершилось—это основные элементы представленія времени, его исходные пункты; дѣйствіе совершается—есть третій элементъ въ представленіи времени, привходящій позднѣе къ первымъ двумъ. Но когда умъ достигъ такого разчлененія времени: дѣйствіе совершилось, дѣйствіе не совершилось, дѣйствіе совершается, ему еще далеко до нашего отвлеченнаго обозначенія періодовъ времени: прошедшее, будущее, настоящее, потому что первое разчлененіе времени совершенно наглядное, а второе вполнѣ отвлеченное. Потому дѣти, дикари и простые люди довольно слабо и неопредѣленно представляютъ время въ его отвлеченномъ разчлененіи, обычныя хронологическія помѣтки у нихъ нетверды и они бываютъ склонны перемѣшивать настоящее, прошедшее и будущее, хотя и отлично знаютъ, совершилось или не совершилось интересующее ихъ событіе.

Дикари не мастера считать время и опредѣлять его періоды. Продолжительность человѣческой жизни для многихъ племенъ — періодъ слишкомъ длинный, чтобы они могли обнять его своею памятью; продолжительность одного дня — вотъ первоначальная мѣра величины времени. Выраженіе «цѣлый день» нѣкогда равнялось выраженію «долго», на что́, по мнѣнію Гейгера, указываютъ латинское слово diu и санскритское gioc, изъ которыхъ послѣднее употреблялось при просьбѣ о долгой жизни. Точно также слова, которыя первоначально означали цѣлую жизнь, съ теченіемъ времени стали обозначать болѣе длинные промежутки времени и, наконецъ, безконечно длинные, т.-е. вѣчность. Таковы нѣкоторыя слова еврейскія, греческія и латинскія. Летурно утверждаетъ, что у большинства первобытныхъ племенъ индивидуумъ не можетъ

сказать, сколько ему лѣтъ, не можетъ опредѣлить время событія, случившагося нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Въ частности онъ указываетъ на таитянъ, которые совсѣмъ не имѣютъ никакого представленія о своемъ возрастѣ; опредѣлить время событія, случившагося годъ или два тому назадъ, выше ихъ силъ. Періоды времени, воспроизводимые дикарями, бываютъ иногда очень коротки, обнимаютъ всего день да ночь, и по этимъ единицамъ ведется счисленіе времени. Нѣкоторые негры признаютъ безбожнымъ дѣломъ считать свои года, потому что это значитъ, по ихъ мнѣнію, недовѣрять божественной мудрости, управляющей человѣческими судьбами. Веддахи не имѣютъ идеи о времени и разстояніи, не имѣютъ именъ для часовъ, дней и годовъ. Они съ трудомъ считаютъ свои пальцы и знаніе времени у нихъ такое малое, что трудно дать имъ понять о необходимости держать обязательства на болѣе отдаленный періодъ времени, чѣмъ ближайшій день. Каффръ мало способенъ къ счисленію времени, періодъ, большій чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ не умѣетъ описать, возрастъ отсутствующаго ребенка опредѣляется указаніемъ его высоты. Ни одинъ бешуанъ не знаетъ своего собственнаго возраста. Если спрашиваютъ его о возрастѣ, онъ отвѣчаетъ другимъ вопросомъ: «развѣ человѣкъ можетъ припомнить, когда онъ родился?» Крики считаютъ годъ отъ роспусканія деревьевъ. Годъ они предполагаютъ состоящимъ изъ неопредѣленнаго количества мѣсяцевъ. Они не имѣютъ астрономическихъ знаній о продолжительности года, кромѣ двухъ общихъ обозначеній зима и лѣто. Мѣсяцъ и недѣля суть раздѣленія имъ неизвѣстныя; день не подраздѣляется на часы или на какія либо болѣе мелкія части. Число дней и годовъ они считаютъ десятками. Ни одинъ изъ всего племени не знаетъ своего собственнаго возраста. На многихъ островахъ малайскаго архипелага туземцы ведутъ свое лѣтосчисленіе по большимъ землетрясеніямъ. По нимъ вычисляются лѣта дѣтей и отмѣчаются эпохи важныхъ событій *).

Поэтому естественно. что дикари, плохо считающіе, затрудняются отвлеченно выражать самыя простыя сочетанія измѣненій времени и вынуждены для передачи такихъ понятій, какъ послѣ того, потомъ, впродолженіе, между тѣмъ какъ, когда, въ то время,

*) Spencer, Descriptive Sociology. American Races, p. 38, 39; African Races, p. 34, 35; Уоллась, Малайскій архипелагъ, часть I, стр. 5; Letourneau, La Sociologie, p. 560—566, 531; Geiger, Ursprung und Entwickelung, 11, 253 — 4; Bastian, Der Mensch in der Geschichte, 1, 5, 177.

прибѣгать къ описаніямъ. Понятіе «впродолженіе» передается примѣрно такъ: «они устроили праздникъ, праздникъ не кончился и онъ пришелъ» (вмѣсто — впродолженіе праздника), «на слѣдующій день» передается такъ: «они спали, это было и (потомъ) настало ясное утро, взошло солнце....»; «въ послѣднюю ночь декабря» передается такъ: «мать.... родила его ночью, мы спали; настало утро; мы провели день; пришелъ вечеръ и мы увидѣли великій мѣсяцъ». Слово годъ у нѣкоторыхъ негрскихъ племенъ значитъ птица въ небѣ или птица въ воздухѣ или дождь *).

Дальтонъ утверждаетъ, что дамарецъ, въ совершенствѣ знающій дорогу отъ А къ Б и затѣмъ отъ Б къ Д, не имѣетъ никакой идеи о дорогѣ напрямикъ изъ А въ Д. У него нѣтъ въ головѣ общаго плана своей страны, а лишь безконечное число мѣстныхъ подробностей. Народы нижняго Меррея также слабы въ представленіи пространства. Если вы скажете имъ: положимъ, мы выѣдемъ съ восходомъ солнца, гдѣ будетъ солнце, когда мы пріѣдемъ? Они указываютъ въ отвѣтъ на небѣ какія то фантастическія точки. Въ восточной Африкѣ, вслѣдствіе крайне низкой степени интеллигенціи жителей, очень трудно получить правильныя свѣдѣнія о туземцахъ, такъ какъ они сообщаютъ самыя запутанныя и противорѣчивыя свѣдѣнія о мѣстахъ, непосредственно сосѣднихъ съ ними. Каффры не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о величинѣ солнца, луны, земли и объ разстояніяхъ ихъ другъ отъ друга. Море они называютъ очень большой широкой рѣкой, описанія мѣстностей, сдѣланныя ими, всегда бываютъ неопредѣленными, такъ какъ они не могутъ разсчитывать разстояній. Когда таитяне нѣсколько ознакомились съ бѣлыми и начали составлять нѣкоторыя представленія объ ихъ далекихъ морскихъ путешествіяхъ, то они однажды спрашивали англичанина Блайга, не былъ ли онъ во время своего путешествія на солнцѣ и лунѣ. И хотя солнце и луна считаются и далеко отстоящими отъ мѣста обитанія того или другаго дикаго племени, но все же не настолько далеко, чтобы между ними и земными обитателями не были возможны никакія сношенія. Мѣстопребываніе душъ умершихъ нерѣдко полагается на солнцѣ, звѣздахъ, въ небѣ, а сношенія между живыми и умершими у дикарей бываютъ очень частыя. Когда Колумбъ прибылъ въ Америку, то онъ думалъ, что достигъ континента. Но на самомъ дѣлѣ онъ высадился на островъ. Туземцы не знали, что это островъ,

*) Steinthal, Die Mande-Neger-Sprachen, S. 213. 214, 210, 223.

они никогда не проходили его весь и считали безконечнымъ. У нѣкоторыхъ негрскихъ племенъ понятіе «предъ» выражается словомъ въ глазу, «позади» — словами въ спинѣ, въ слѣдъ, «при»— рука, «на, чрезъ»—затылокъ, направленія отвнутри и отвнѣ — въ животѣ, животъ; вправо и влѣво значатъ также югъ и сѣверъ *).

У дѣтей развитіе запоминанія также въ значительной степени затрудняется недостаточнымъ развитіемъ представленій времени и пространства, для дѣтей нѣтъ прошлаго и будущаго, всѣ событія разныхъ временъ сливаются у нихъ въ одну кучу и распредѣлять хронологически происшествія дѣти не могутъ. Дѣти постоянно смѣшиваютъ, что они сдѣлали и что хотѣли сдѣлать, что они видѣли и что имъ сказали и т. д. Настоящее и прошедшее напр явно сливаются. Мальчикъ двухъ съ половиною лѣтъ потерялъ свой мячъ, потомъ нашелъ его, разъ сто игралъ имъ и вдругъ совершенно искренно сталъ жаловаться, что потерялъ мячъ. Продолжительность времени въ три дня, смыслъ выраженій третьяго дня и даже вчера, соотносительность временъ и событій, слова. большой, громадное разстояніе, чрезвычайно длинный путь дѣти около трехъ лѣтъ понимаютъ съ большимъ трудомъ, а то и совсѣмъ не понимаютъ. Дитя двухъ съ половиною лѣтъ, понятливое, умѣло считать до 12, но не имѣло яснаго представленія о продолжительности времени въ три дня. «Я приду чрезъ три дня». сказалъ я ему. «Что это значитъ чрезъ три дня?», тотчасъ же спросило дитя. Я отвѣчалъ: «я приду не завтра утромъ, но завтра, завтра и еще завтра». Дитя, по видимому, удовлетворилось объясненіемъ. Другое дитя въ три года съ большимъ трудомъ понимало идеи третьяго дня и даже вчера. Мальчикъ Прейера въ три съ половиною года всѣ періоды прошедшаго обозначалъ общимъ названіемъ вчера, а всѣ періоды будущаго общимъ названіемъ завтра или скоро. Соотношенія различныхъ временъ и событія, въ нихъ совершающіяся, дѣти понимаютъ довольно плохо. Одна маленькая дѣвочка говорила, что она будетъ носить Эмиля, своего старшаго брата, когда онъ будетъ маленькимъ. Мальчикъ 4 лѣтъ, при видѣ проходившаго маленькаго старичка, сказалъ своему дядѣ: «когда я буду маленькимъ старичкомъ, ты будешь молодымъ?». Одинъ писатель по психологіи ребенка замѣтилъ о дитяти, котораго наблюдали онъ и другіе, что, при

*) Steinthal, Die Mande-Neger-Sprachen, 207, 245, Lippert, Kulturgeschichte der Menschheit, 11, 425; Леббокъ, Начало цивилизаціи, 320, Доистор. времена, 339.

всей способности живо припоминать видѣнное и слышанное, оно было неспособно локолизовать свои воспоминанія въ пространствѣ и времени и эти кантовскія апріорныя формы были у дитяти крайне несовершенны и неразвиты. Представленія о пространствѣ и объ отношеніи частей пространства одна къ другой развиваются у дѣтей также туго. Дѣвочка 4½ лѣтъ пожелала однажды знать, какая комната находится подъ гостинной въ томъ домѣ, въ которомъ она жила со дня рожденія. Ей предложили самой разрѣшить эту задачу и она сначала назвала ванную комнату, бывшую не только выше гостинной, но и на противоположной сторонѣ дома; потомъ дѣвочка назвала столовую, которая дѣйствительно была ниже гостинной, но на другой сторонѣ дома. Такимъ образомъ дѣвочка по пятому году не могла сама разрѣшить ею же поставленную задачу о пространственномъ соотношеніи комнатъ въ хорошо знакомомъ домѣ *).

При недостаткахъ, возникающихъ отъ слабости основныхъ умственныхъ процессовъ и неразвитости представленій пространства и времени, запоминаніе дѣтей и дикарей много еще страдаетъ отъ примѣси къ усвояемымъ фактамъ всякаго рода чувствованій, страстей, суевѣрій, предразсудковъ, вслѣдствіе чего усвоенный фактъ быстро искажается и дѣлается неузнаваемымъ. У дѣтей самый фактъ не отдѣляется отъ тѣхъ чувствованій, которыя онъ возбуждаетъ; позднѣйшія впечатлѣнія и всякаго рода вліянія и опыты не проходятъ безслѣдно для запаса памяти, но сильнѣйшимъ образомъ измѣняютъ его. Событіе, разсказанное дитяти и имъ воспроизведенное спустя нѣкоторое время, кажется не однимъ, а двумя различными. Тоже самое бываетъ у дикарей, даже относительно недавнія происшествія весьма быстро искажаются дикарями. Такъ напр. Нильсонъ приводитъ разсказъ Макензи, который сообщаетъ, что эскимосы описывали ему англичанъ какъ великановъ, снабженныхъ крыльями, убивающихъ однимъ взглядомъ и могущихъ проглотить цѣликомъ бобра. Полковникъ Дальтонъ также разсказываетъ, что хотя англичане извѣстны племени колей не болѣе 50 лѣтъ, тѣмъ не менѣе они занимаютъ весьма почетное мѣсто въ родословной этого племени. Въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Абиссиніи жители были твердо убѣждены, что нѣмецкіе миссіонеры

*) Perez, L'education dès le berceau. Paris, 1880, p 75—6; Les premiers trois années de l'enfant, p. 142, 184, 196 — 7 и др.; L'enfant de trois á Sept ans, p. 219; Romanes, Mental evolution in man, p 232.

въ нѣсколько дней сдѣлали туннель отъ Адова до Массова, на разстояніи болѣе 150 англійскихъ миль, для того, чтобы провести чрезъ этотъ тунель запасъ оружія, боевыхъ припасовъ и т. п. Объ обитателяхъ острова Ару Альфредъ Уоллесъ говоритъ слѣдующее: «я ничуть не сомнѣваюсь, что въ слѣдующемъ поколѣніи, или даже раньше, я самъ превращусь въ чародѣя или полубога, творца чудесъ, въ существо, одаренное сверхъестественными знаніями. Они уже и теперь вѣрятъ, что всѣ тѣ животныя, которыхъ я сохраняю въ своей коллекціи, оживутъ нѣкогда снова; а своимъ дѣтямъ они разскажутъ, что они дѣйствительно оживали. Необыкновенное наступленіе прекрасной погоды, случившееся какъ разъ во время моего прибытія къ нимъ, заставило ихъ вѣрить въ мою власть надъ погодой».

Въ виду короткости и нетвердости памяти дикарей, становятся понятными нѣкоторыя явленія въ ихъ жизни, поражающія на первыхъ порахъ своею странностію. По разсказамъ многихъ путешественниковъ, дикари отличаются крайнею непредусмотрительностію. Они живутъ, подобно дѣтямъ, совсѣмъ не заботясь о завтрашнемъ днѣ, какъ будто его и не будетъ или какъ будто онъ самъ принесетъ съ собою все необходимое для жизни. Беззаботность выражается прежде всего относительно средствъ пропитанія. Дикари не стараются запасти пищу на голодное время; если у нихъ пищи много, они наѣдаются до отвалу и болѣе ничего не дѣлаютъ. Заботы начинаются только тогда, когда пища вся съѣдена и голодъ даетъ себя чувствовать. Жизнь австралійца проходитъ между ѣдой и сномъ, голодомъ и охотой; забота о завтрашнемъ днѣ ему совершенно неизвѣстна; голодъ и половая потребность — единственные возбудители дѣятельности его ума. Краснокожіе въ Америкѣ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, спокойно уничтожаютъ стада бизоновъ, чтобы воспользоваться только языками животныхъ; зулусы истребляютъ безъ толку массу дичи. По замѣчанію одного путешественника, одной сотой всего количества убиваемой ими дичи было бы вполнѣ достаточно для ихъ пропитанія; нѣкоторые малайцы, живущіе единственно рыбною ловлею, изо дня въ день, начинаютъ заботиться о слѣдующемъ ближайшемъ обѣдѣ послѣ того, какъ у нихъ переварился предыдущій *). Без-

*) Спенсеръ, Основанія соціологіи, 1, 432. Muller, Allgemeine Ethnographie, zweite Auflage. S. 207. Letourneau, La Sociologie, p. 531 — 2; Waitz, Anthropologie, 1 Theil, s. 350.

печность готтентотовъ есть какая то болѣзнь, отъ которой единственное лекарство — чувство ужаса. Голодъ недостаточенъ для исцѣленія этой болѣзни. Вмѣсто того, чтобы работать подъ вліяніемъ голода и для его устраненія, они пытаются удалить его сномъ и въ такихъ случаяхъ охотно укладываются спать. Англійскій натуралистъ Ричардъ Оуэнъ, описывая туземцевъ адаманскихъ острововъ какъ наиболѣе грубыхъ, наиболѣе низко стоящихъ между всѣми существующими дикарями по своему развитію, говоритъ, что у нихъ нѣтъ ни преданій о прошломъ, ни идей о будущемъ и что они занимаются только настоящимъ интересомъ, именно добываніемъ себѣ пищи. О караибахъ одинъ путешественникъ разсказываетъ, что они гораздо охотнѣе и дешевле продаютъ свои койки (гамаки) утромъ, чѣмъ вечеромъ, и что для того, чтобы получить ихъ согласіе на продажу, нужно деньги разложить передъ ними въ одну длинную линію и затѣмъ купленную вещь, какъ скоро они согласились на ея продажу, по возможности быстро убрать у нихъ съ глазъ

Кажется страннымъ, что туземцы Аруанскихъ острововъ не сажаютъ кокосовыхъ орѣховъ, но причина заключается въ томъ, что они не могутъ рѣшиться закопать въ землю такую прекрасную вещь, имѣя въ виду собираніе плодовъ только чрезъ 12 лѣтъ. Кромѣ того если не сторожить плода днемъ и ночью, то его, вѣроятно, выроютъ и съѣдятъ. Если вы желаете, говоритъ Кеппель объ обитателяхъ индійскаго архипелага, чтобы туземецъ сдѣлалъ для васъ что нибудь такое, что, быть можетъ, займетъ у него 3 — 4 дня, то вы должны дать ему лишь столько рису и табаку, сколько достанетъ ему на одинъ день; если вы дадите ему больше, онъ не вернется, пока у него останется хоть кусочекъ. Но если вы дадите ему ровно столько, сколько нужно на день, то онъ явится на свой постъ на другой день. У туземцевъ Новаго Валлиса самая забота о существованіи не простирается дальше настоящаго момента; у нихъ нѣтъ завтрашняго дня; они ѣдятъ и спятъ, пробуждаются и ищутъ себѣ пищу — вотъ ихъ жизнь *).

Непредусмотрительность индѣйцевъ въ Парагваѣ и Перу не-

*) Spencer, African Races, p. 3; Friedrich Muller, Allgemeine Ethnographie, S. 100. Houzeau, Etudes sur les facultés mentales des animaux. T. II, p. 508. Waitz, 1, 351. Зиберъ, 166, 155, 161.

слыханна Еслибы іезуиты довѣрили имъ заботу о быкахъ, съ помощію которыхъ туземцы работали, ихъ лѣнивая беззаботность допустила бы оставить этихъ животныхъ запряженными въ плугъ до вечера. Часто индѣйцы разрубали быковъ на куски, чтобы поужинать ими, и варили ихъ на кострѣ, разведенномъ изъ дерева плуга. Когда индѣйцевъ укоряли за это, они извинялись, говоря, что были голодны. Миссіонеры были вынуждены посѣщать поселки, чтобы видѣть, чего недостаетъ жителямъ, такъ какъ сами индѣйцы и не думали заботиться о себѣ. Обыкновенно случается, что индѣйцы не запасаютъ для себя достаточнаго количества зеренъ для обсѣмененія полей. Что касается другихъ запасовъ, то если за туземцами не смотрѣть заботливо, то эти бѣдные люди скоро останутся безъ наиболѣе необходимыхъ вещей *).

Если дикари мало помнятъ прошлое и не заглядываютъ въ будущее, если они погружены въ настоящій моментъ, переживаютъ его всѣмъ своимъ существомъ, то они, въ силу именно такой ограниченности своего воспроизведенія, владѣютъ однимъ драгоцѣннымъ свойствомъ — жизнерадостнымъ веселымъ настроеніемъ, способностію отдаваться наслажденію всецѣло, безъ оглядки и сомнѣній. Дикари менѣе всего пессимисты. Они не отравляютъ себѣ прелесть настоящаго удовольствія горькою мыслію о прошлыхъ борьбѣ и печали, о будущихъ лишеніяхъ и страданіяхъ, не безпокоятъ себя меланхолическими разсужденіями о мимолетности настоящаго счастья, о горѣ въ прошломъ и будущемъ. По веселому жизнерадостному настроенію, по безпечности, по глубокому погруженію въ переживаемую минуту дикарь много походитъ на дитя, которое отличается подобными же свойствами. Особенно такое дѣтское жизнерадостное настроеніе обнаруживается неграми. Негры охотнѣе всего цѣлый день проводятъ въ ничего недѣланіи, въ занятіяхъ пустяками, въ безсмысленномъ разговорѣ и пѣніи, пока голодъ и половое чувство, сдѣлавшись достаточно сильными, не вырвутъ ихъ изъ этого состоянія. Они чрезвычайно склонны къ шумнымъ играмъ, танцамъ и зрѣлищамъ и подъ ихъ вліяніемъ легко забываютъ всякія заботы и огорченія, мирятся съ самымъ тяжелымъ жребіемъ **).

Дальнѣйшее развитіе памяти совершается подъ вліяніемъ возникающихъ спеціальныхъ интересовъ. Изъ массы окружающихъ

---

*) Muller, Allgemeine Ethnographie, S. 152 — 4.

**) Letourneau, L'evolution de la morale. P. 273 — 274.

явленій дикарю волей — неволей приходится обратить особенное вниманіе на нѣкоторыя, на животныхъ, если онъ звѣроловъ, на домашній скотъ, если отъ него питается, на силки для рыбъ и т. п. Подъ давленіемъ подобнаго спеціальнаго интереса у него постепенно развивается обширная и прочная специальная память, которая можетъ удивлять и для пониманія которой мы постоянно должны имѣть въ виду, что извѣстное дикое племя и ограничиваетъ весь свой умственный кругозоръ спеціальнымъ предметомъ интереса и болѣе ничего не помнитъ и мало чѣмъ еще интересуется. Есть въ Африкѣ дикое пастушеское племя гереро, которое изумительно памятливо до всего, что касается скота. Многіе изъ нихъ владѣютъ массой скота — въ этомъ все ихъ богатство, но каждый владѣлецъ знаетъ весь свой скотъ, такъ сказать, въ лицо, по формѣ роговъ и по безконечно большому числу другихъ мелкихъ признаковъ. Каждая штука скота среди тысячъ выискивается съ такою же вѣрностію, съ какою мы въ большой толпѣ людей всегда узнаемъ своихъ знакомыхъ. Стада составляются изъ скота, полученнаго по наслѣдству, въ даръ, во временное пользованіе и т. п. По смерти владѣльца, каждая штука скота возвращается къ своему первоисточнику. Если принять во вниманіе, что ничего не дѣлается на письмѣ, что имущество обнимаетъ иногда многія тысячи быковъ, овецъ и козъ и что весь порядокъ покоится только на точномъ закрѣпленіи въ памяти родословной этихъ тысячъ скота, то при мысли о регулированіи такого наслѣдства можетъ закружиться голова. За то смерть богача и производитъ сенсацію во всей странѣ, при могилѣ собираются сотни людей, надсмотрщики надъ скотомъ сгоняютъ сюда со всѣхъ сторонъ скотъ умершаго и тутъ во всеуслышаніе точнѣйшимъ образомъ опредѣляется родословная каждой отдѣльной штуки. По смерти вождя племени, старѣйшины цѣлые мѣсяцы сидятъ при раздѣлѣ наслѣдства. Происходящіе при этомъ споры отличаются такой глубиной и основательностію, что европеецъ, не имѣющій понятія о родословныхъ и исторіи быковъ, овецъ и козъ, не въ состояніи даже оцѣнить ихъ *).

Нужно впрочемъ замѣтить, что и у всѣхъ память бываетъ спеціальной. Наиболѣе разносторонней и энциклопедичной память бываетъ въ дѣтствѣ, но и въ это время сказываются уже спеціальныя склонности одно дитя легче и прочнѣе запоминаетъ одно, другое — другое. Въ зрѣломъ возрастѣ память прямо является спе-

*) Зиберъ, 401 — 404.

ціальной, соотвѣтственной избранному кругу занятій и врожденнымъ склонностямъ. Но эта спеціализація памяти отличается отъ спеціализаціи памяти у гереро своей относительной широтой, разносторонностію и логическою связностію.

Постепенно запоминаніе крѣпнетъ и расширяется, захватывая въ свою сферу, кромѣ настоящаго момента, болѣе или менѣе отдаленное прошедшее и кромѣ ближайшей обстановки всю родную страну и сосѣднія съ ней: у племенъ возникаютъ родословныя, миѳы, былины, легенды, словомъ всякаго рода сказанія, въ которыхъ изображаются происхожденіе племени и давняя жизнь, прославляются герои, воспѣваются ихъ подвиги и т. п. Какъ бы не преувеличивали миѳъ, былина, легенда дѣйствительность, сколько бы они не привносили къ историческимъ элементамъ вымышленныхъ, фантастическихъ, но все же это лучше полнаго отсутствія всякихъ представленій о началѣ племени и его древнѣйшей исторіи. Въ миѳахъ, легендахъ и другихъ баснословныхъ устныхъ сказаніяхъ племенъ начинается болѣе или менѣе систематическое воспроизведеніе пережитаго *).

Съ появленіемъ письменности, въ частности историческихъ записей, въ родѣ лѣтописей, а равно историческихъ памятниковъ всякаго рода совершается новый переворотъ въ развитіи памяти племенъ. Память получаетъ твердую опору и возможность провѣрки. Устный разсказъ легко искажается, переходя изъ устъ въ уста, и допскаться, что въ немъ правда, а что присочинено, обыкновенно бываетъ очень трудно; устный разсказъ легко можетъ совсѣмъ за-

---

*) Въ какомъ видѣ представляются первоначальныя, болѣе или менѣе связныя, родословныя племенъ, это достаточно извѣстно изъ разныхъ легендарныхъ сказаній народовъ о началѣ ихъ исторической жизни; въ какомъ видѣ представляются первоначальныя родословныя отдѣльныхъ лицъ, объ этомъ мы можемъ судить по слѣдующей автобіографіи одного зулуса: «что касается моего происхожденія, то я, какъ вы знаете, родился въ Умлалаци. И такъ случилось, что когда я былъ еще дитятей, я ушелъ и пришелъ въ хижину моей матери. Я пришелъ туда, когда она занималась посадкой (растеній); я провелъ лѣто: пришла зима, они сажали вновь и я остался тамъ. Случилось, когда пришла зима, что они были расположены взять меня. Я пришелъ домой, между тѣмъ какъ они сажали. Миновало лѣто. И послѣ другаго лѣта пришло извѣстіе, что король переходитъ рѣку. Дѣйствительно онъ перешелъ, а потомъ возвратился. Мы пришли и ѣли жатву, которую мы оставили посаженной; и опять они сажали и эту жатву мы также ѣли. Потомъ случилось, что король прислалъ вѣстника, который спрашивалъ: «куда ушелъ скотъ?» Въ домѣ было отвѣчено: «скотъ съѣденъ на другой сторонѣ рѣки, потому что король отдалъ

быться и затеряться. Письменныя повѣствованія представляютъ собою прочное достояніе племени, поддерживаютъ и укрѣпляютъ память и, сначала содержа много легендарнаго, будучи довольно отрывочными и безсвязными, постепенно превращаются въ подробное и систематическое изображеніе минувшей жизни племени. Не разъ высказанное мнѣніе, что письменность ослабляетъ память, давая возможность постоянно опираться на записываніе въ книжку, а не на твердое запоминаніе и отчетливое воспроизведеніе, имѣетъ весьма условную справедливость, именно по отношенію къ отдѣльнымъ немногимъ личностямъ, много работающимъ памятью (пѣвцамъ, разскащикамъ, хранителямъ древнихъ преданій и т. д.), но оно совершенно ложно въ отношеніи къ цѣлому племени и народу. Народы письменные гораздо памятливѣе неписьменныхъ, память первыхъ несравненно обширнѣе, связнѣе и точнѣе памяти послѣднихъ. Посредствомъ письменности мы можемъ постоянно увеличивать и контролировать запасъ памяти, что не такъ легко и удобно дѣлать при отсутствіи записей. У неписьменныхъ народовъ припоминанія бываютъ обыкновенно очень скудны и отрывочны (см. предыдущее примѣчаніе — автобіографію зулуса).

Послѣдній и высшій періодъ въ развитіи памяти наступаетъ съ появленіемъ науки и логическаго отвлеченнаго мышленія. Со стороны содержанія память обогащается въ это время новыми элементами — идеями, абстрактами. До сихъ поръ запасъ памяти состоялъ главнымъ образомъ изъ конкретныхъ и чувственныхъ данныхъ; теперь въ него вводится новый отвлеченный элементъ, ко-

---

его людямъ». Вслѣдствіе этого король взялъ весь краль. И народъ этого нашего краля былъ разоренъ. Но мы съ своей стороны оставались тамъ со скотомъ и пошли съ нимъ. Пришелъ король и взялъ 40 головъ. Потомъ мы возвратились и жили на томъ же самомъ мѣстѣ. Мы сажали; мы сажали опять и еще одинъ разъ. Случилось потомъ, что пришло извѣстіе: Нонгалаца убитъ» и т. д. въ томъ же самомъ родѣ. Allgemeine Naturkunde. Volkerkunde von Ratzel. Leipzig, 1885. 5 Heft. S. 258—259. Въ этой родословной опредѣленныя хронологическія указанія и внутренняя связь между передаваемыми событіями почти совершенно отсутствуютъ. Припоминаемые факты отрывочны, безсвязны и чисто внѣшняго характера. Они какъ будто выныриваютъ изъ какой то глубины, скудно освѣщая исторію лица. Это не исторія собственно, не автобіографія, а отрывочныя воспоминанія, соединенныя между собою почти исключительно силою послѣдовательности; изъ множества мелочныхъ фактовъ, пережитыхъ разскащикомъ, кое что, болѣе крупное, удержалось кое какъ въ его памяти и оно воспроизводится, какъ припомнилось, въ какой то архаической формѣ.

торый постепенно становится шире и шире и оттѣсняетъ прежній матеріалъ на задній планъ. Содержимое памяти мѣняется. Въ частности научное мышленіе снабжаетъ память выработанными и ясными представленіями времени и пространства, ихъ отчетливымъ раздѣленіемъ на періоды. Временныя и пространственныя представленія образованнаго человѣка весьма обширны и довольно точны, они захватываютъ всю землю, небо, цѣлую вселенную, ея минувшую исторію, исторію земли, появленіе органической жизни на землѣ и исторію человѣка. Наука даетъ не пустыя время и пространство, она наполняетъ ихъ разнороднымъ, богатымъ содержаніемъ, связаннымъ стройно, логично, удобнымъ и легкимъ для обозрѣнія и воспроизведенія. Стройность и твердость научныхъ связей и взаимоотношеній между фактами заслуживаетъ вниманія: памяти нечего бояться, что часть матеріала придется позднѣе бросить, какъ негодный балластъ, составившійся изъ фактовъ, искаженныхъ предразсудками и суевѣріями, это матеріалъ обработанный, провѣренный, выдержавшій испытаніе разносторонней критики. Въ школахъ мы мало по малу усвояемъ и развитыя представленія о времени и пространствѣ и массу стройно и крѣпко связанныхъ и провѣренныхъ разнообразныхъ фактовъ. Такимъ путемъ создается широкая и прочная опора для дальнѣйшей дѣятельности памяти, въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, и самая память у культурныхъ народовъ совершенствуется, развивается и наростаетъ. Наша настоящая память, сравнительно обширная, точная, объективная, есть результатъ длиннаго процесса развитія, вѣковаго наслоенія трудовъ и успѣховъ сотенъ предыдущихъ поколѣній, есть слѣдствіе культуры души.

Поэтому мы не можемъ признать правильнымъ мнѣніе, что будто бы память была очень развита у народовъ древняго міра. Основаніе этого мнѣнія заключается въ томъ, что различныя священныя преданія, напр. у индусовъ книги Ведъ, объемомъ не менѣе библіи, сохранялись, за отсутствіемъ письменности, въ памяти, что современныя низшія расы обладаютъ бо́льшею памятью, чѣмъ высшія и что вообще развитіе памяти далеко непараллельно развитію другихъ высшихъ сторонъ душевной дѣятельности *). Что въ памяти племени, а не одного лица конечно, сохранялись священныя книги, довольно объемистыя, это не можетъ убѣдить насъ въ превосходствѣ памяти

*) См. Корсаковъ, Болѣзненныя разстройства памяти. Москва, 1890 г., стр. 14 — 15.

даннаго необразованнаго племени надъ другимъ образованнымъ. Подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, спеціальная память, какое либо частное ея направленіе можетъ развиться высоко; все же прочее, лежащее внѣ круга спеціальнаго интереса, помнится плохо Такая память не можетъ быть названа хорошей, она слишкомъ односторонняя и спеціальна, она придаетъ всей умственной дѣятельности отпечатокъ крайней скудости и ограниченности, никакое широкое соображеніе при такой памяти невозможно. Хорошая память непремѣнно болѣе или менѣе разносторонняя, систематична, имѣетъ достаточное количество твердо установленныхъ связующихъ центровъ, широка въ пространственномъ и временномъ отношеніяхъ. Что это за хорошая память, если она удерживаетъ только священныя пѣснопѣнія или мельчайшія отмѣтины скота? Развѣ въ такомъ развитіи памяти ея сила и совершенство? Спеціальныя частныя изощренія памяти бываютъ даже у идіотовъ: одинъ мальчикъ едва могъ научиться читать, но имѣлъ удивительную способность удерживать въ памяти порядокъ буквъ на страницѣ. Ему достаточно было въ продолженіе двухъ-трехъ минутъ проглядѣть страницу книгу, написанную на непонятномъ ему языкѣ, и онъ могъ воспроизвести расположеніе словъ съ такою точностію, какъ будто книга была передъ нимъ. А одинъ взрослый идіотъ за цѣлые 30 лѣтъ слишкомъ помнилъ всѣхъ похороненныхъ на извѣстномъ кладбищѣ, помнилъ ихъ отпѣваніе, присутствовавшихъ на похоронахъ и все прочее, сопряженное съ этой печальной церемоніей, но кромѣ похоронъ ничего не помнилъ, не могъ даже самъ принимать пищу. Развѣ на основаніи такихъ фактовъ можно утверждать, что упомянутые идіоты превосходили своею памятью нормальныхъ людей, не могшихъ такъ хорошо запоминать похороны и порядокъ буквъ? Подобныя утвержденія довольно поверхностны и непсихологичны.

Непараллельность развитія памяти высшимъ формамъ психической дѣятельности нужно понимать относительно. Извѣстный минимумъ памяти есть необходимое условіе для высшаго развитія ума: высшая творческая дѣятельность есть дѣятельность новыхъ сочетаній имѣющагося матеріала, его сопоставленія, синтеза, связыванія на новые лады. Увеличить творчествомъ матеріалъ психической жизни невозможно. Поэтому для возникновенія и развитія высшихъ формъ психической жизни необходима хорошая память и человѣкъ совершенно безпамятный можетъ быть только дуракомъ; чтобы узнавать предметы, нужно относить ихъ къ

извѣстнымъ группамъ. т. е. апперцепировать, а для этого въ свою очередь необходимо удерживать въ памяти апперцепирующіе центры; чтобы обобщать, нужно удерживать въ памяти отдѣльныя сравниваемыя представленія и цѣлыя ихъ группы, смотря по степени обобщенія; чтобы сдѣлать открытіе въ наукѣ, создать новый законъ и т. д., нужно постоянно помнить тѣ факты, которые требуютъ объясненія. Безъ памяти психическая жизнь въ сколько нибудь сложной формѣ невозможна. Поэтому великіе дѣятели науки всѣ владѣли эрудиціей, т. е. памятью, въ большей или меньшей степени, а нѣкоторые, какъ напр. Аристотель, Лейбницъ, владѣли весьма обширными и притомъ энциклопедическими свѣдѣніями. Если великій дѣятель науки владѣетъ слабою памятью, то это всегда нужно понимать относительно, именно что у него способность творческихъ сочетаній преобладаетъ и даже господствуетъ надъ способностію простаго воспроизведенія и удерживанія, но онъ, несомнѣнно, знаетъ и помнитъ многое. Иначе что же онъ будетъ комбинировать, въ чемъ дѣлать открытія? Для совершенія открытій нуженъ матеріалъ — и непремѣнно обильный, достаточно разнородный и точный —, нужна подготовка, а изъ ничего, какъ извѣстно, ничего и не происходитъ.

XV.

Подъ воображеніемъ мы разумѣемъ такую умственную дѣятельность, самая существенная черта которой заключается въ наглядной построительности или образномъ творчествѣ. Припоминаніе, какъ бы оно живо и ярко ни было, будетъ все же простымъ припоминаніемъ безъ всякаго элемента построительности. Поэтому часто встрѣчающееся у психологовъ ученіе о «воспроизводительномъ (репродуктивномъ) воображеніи» заключаетъ въ самомъ существѣ грубое противорѣчіе; воображенію принадлежитъ не воспроизводительность, а творчество. Указанной своей существенной чертой воображеніе отличается и отъ отвлеченнаго мышленія, которое также есть творчество, построительность, но отвлеченная. Воображеніе можетъ быть опредѣлено какъ наглядное связываніе наличнаго матеріала на новые лады, такъ какъ создать новый психическій матеріалъ мы не можетъ ни помощію воображенія, ни какими либо другими средствами, мы можемъ только усвоять его путемъ опыта.

Развитіе воображенія у отдѣльной личности представляетъ пол-

ную параллель съ развитіемъ воображенія въ цѣломъ человѣчествѣ. Исторію этого развитія можно раздѣлить на четыре періода: 1) отсутствіе воображенія, какъ творческой дѣятельности, и замѣна его болѣе или менѣе живымъ припоминаніемъ (такъ называемое «воспроизводительное» воображеніе); 2) періодъ пробужденія творчества съ началомъ различенія вымышленнаго отъ дѣйствительнаго; 3) періодъ идеализаціи; 4) время гармонической дѣятельности воображенія съ научнымъ разсужденіемъ и логическимъ связываніемъ. Развитіе воображенія у отдѣльной личности мы разсмотримъ параллельно съ развитіемъ его въ цѣломъ человѣчествѣ.

Для возникновенія дѣятельности воображенія необходимы два условія: нѣкоторое накопленіе психическаго матеріала и недовольство тою связью его, которая возникаетъ естественно по одновременности, послѣдовательности и простому сходству. Пока психическій матеріалъ скуденъ, воображенія нѣтъ, потому что нечего связывать; пока человѣкъ довольствуется возникающими необходимо связями психическаго матеріала по законамъ ассоціаціи, творчества также нѣтъ, потому что нѣтъ никакихъ побужденій къ перестроиванію душевной жизни по новому. Первое же время жизни и отдѣльныхъ людей и цѣлаго человѣчества бываетъ именно занято накопленіемъ психическаго матеріала, воспріятіями новыхъ фактовъ, ихъ повтореніемъ и твердымъ усвоеніемъ въ ихъ естественныхъ связи и порядкѣ. Потребности въ новыхъ сочетаніяхъ фактовъ еще не чувствуется, всякія новыя сочетанія и выдумки представляются непонятными и излишними; онѣ даже кажутся слабому уму искаженіемъ дѣйствительности, такъ какъ и на самомъ дѣлѣ онѣ даютъ то, чего прямо въ дѣйствительности нѣтъ, что выше простыхъ ассоціацій по смежности и сходству. На первыхъ порахъ психическаго развитія точное, безъ всякихъ измѣненій, воспроизведеніе доставляетъ живое удовольствіе, а уклоненіе отъ него, нововведенія, творчество—явное неудовольствіе.

Маленькія дѣти любятъ повторять одно и то же дѣйствіе безъ всякаго измѣненія сотни и даже тысячи разъ: безчисленное количество разъ ребенокъ подниметъ крышку съ чайника и сейчасъ же опуститъ ее, сто разъ сподрядъ онъ будетъ съ удовольствіемъ бросать одну и ту же вещь на полъ, особенно если она катится по полу; если вы чиркнули на его глазахъ спичкой, то онъ будетъ требовать повторенія операціи до тѣхъ поръ, пока не истратится вся коробка спичекъ. Каковы причины безчисленнаго и неизмѣннаго повторенія дѣйствій, столь простыхъ и обыкновенныхъ, по-

вторенія, крайне скучнаго и утомительнаго для взрослаго и въ высшей степени интереснаго для ребенка? Онѣ заключаются въ новизнѣ для ребенка самаго дѣйствія, въ желаніи усвоить, изучить его и въ удовольствіи повторенія. Намъ уже прискучили извѣстныя дѣйствія, а для ребенка они новы и вотъ онъ ихъ изучаетъ, а для этого повторяетъ. Усвоивъ ихъ обстоятельно, онъ все же продѣлываетъ ихъ вновь и вновь, потому что ему нравится самое воспроизведеніе, совпаденіе того, что онъ уже знаетъ и представляетъ, съ дѣйствительностію. Пусть дѣйствіе, которое, по опыту ребенка, всегда кончалось извѣстнымъ образомъ, окончится по другому ребенокъ будетъ крайне удивленъ тѣмъ, что его представленіе не совпадаетъ съ дѣйствительностію, что въ образовавшейся ассоціаціи одно звено замѣнено другимъ, и его удивленіе часто будетъ имѣть непріятный характеръ.

Съ дальнѣйшимъ возрастомъ, уже запасшись довольно значительнымъ количествомъ знаній, дѣти являются великими любителями и мастерами подражать, но не создавать заново. Ихъ игры долгое время носятъ вполнѣ подражательный характеръ и разсчитаны на простое воспроизведеніе пережитыхъ фактовъ. Весьма медленно и съ большими затрудненіями входитъ въ дѣтскія игры творческій элементъ. Та же самая черта замѣчается и относительно разсказовъ и различныхъ исторій, пріятныхъ дѣтямъ: маленькія дѣти, около двухъ лѣтъ, еще не любятъ и не понимаютъ ни сказокъ, ни басенъ, ни какихъ либо другихъ выдуманныхъ исторій, но за то въ высшей степени охотно слушаютъ такіе разсказы, въ которыхъ изображены ихъ собственныя ощущенія, припоминаются недавно совершившіяся у нихъ на глазахъ событія, въ которыхъ словомъ передается дѣйствительно бывшее безъ всякихъ украшеній фантазіи. Одна маленькая дѣвочка чрезвычайно любила слушать вечеромъ разсказы своей матери о томъ, что маленькая дѣвочка и мама дѣлали и видѣли днемъ. «Мы ходили подъ большими деревьями Люксенбургскаго парка; собака была съ нами, она бѣжала возлѣ колясочки маленькой дѣвочки и иногда подбѣгала лизать ей руки и лицо... Пришелъ маленькій мальчикъ, котораго зовутъ Жозефомъ, онъ немного больше маленькой дѣвочки и очень ее любитъ... Потомъ мы ходили много, много, дошли до скамьи въ глубинѣ аллеи и встрѣтились съ госпожею Х, которая сказала дѣвочкѣ: когда же ты придешь ко мнѣ въ гости?» и т. д. Во время такихъ разсказовъ маленькая дѣвочка вся превращалась въ слухъ и зрѣніе, переживала всѣ впечатлѣнія, соотвѣтствующія

припоминаемымъ происшествіямъ, сопровождала разсказъ движеніями головы, рукъ, ногъ, подражая выразительной мимикѣ и жестамъ матери, въ особенности же ни разу не опускала случая подражать крику животныхъ, о которыхъ упоминалось въ разсказѣ *).

Не понимая вымысла, живя только въ мірѣ дѣйствительныхъ окружающихъ его фактовъ, дитя естественно считаетъ разсказываемыя ему дѣтскія исторіи также не вымысломъ, а дѣйствительностію, и потому, полюбивъ какую либо исторію въ извѣстной редакціи, требуетъ безчисленнаго повторенія понравившагося разсказа въ первоначальной же редакціи и на всякое отступленіе отъ нея, на ея видоизмѣненія и украшеніе цвѣтами фантазіи, смотритъ просто какъ на искаженіе и фальсификацію истинности происшествія. Одно дитя очень любило исторію о маленькой птичкѣ, вылетѣвшей изъ гнѣзда, не смотря на запрещеніе матери, сѣвшей на печную трубу, упавшей въ огонь и погибшей. Разъ ему сталъ разсказывать эту исторію такой разсказчикъ, который самъ не зналъ исторіи слово въ слово и потому прибѣгнулъ къ помощи своего воображенія и украсилъ разсказъ. Но дитя крайне огорчилось такимъ измѣненіемъ любимой исторіи. При первомъ же отступленіи, оно поправило разсказчика: «мать сказала вотъ это и сдѣлала вотъ это». Дальнѣйшихъ же отступленій отъ привычной редакціи, творчества разсказчика дитя совсѣмъ не перенесло: соскочивъ съ колѣнъ разсказчика, со слезами въ голосѣ и съ жестами негодованія, оно говорило: «это неправда. Маленькая птичка, передъ тѣмъ какъ упала въ огонь, сказала кви, кви, чтобы мать слышала ее, мать не услыхала и птичка сожгла себѣ крылья, и лапки и носикъ, бѣдняжка»! И ребенокъ ушелъ съ плачемъ **). Новыя вставки, опущенія, измѣненія любимой исторіи были такъ же непріятны ребенку, какъ непріятны точному и совѣстливому историку искаженія историческихъ фактовъ.

Что же касается «воспроизводительнаго воображенія» дѣтей, на основаніи котораго дѣтямъ и приписывается значительная сила творчества, то оно, при ближайшемъ изслѣдованіи дѣла, приводится къ слѣдующей особенности умственной жизни дѣтей. у дѣтей, равно какъ у первобытныхъ людей и дикарей, отсутствуютъ тѣ твердыя и опредѣленныя разграниченія явленій на царства, роды, виды, которыя присущи взрослому (болѣе или менѣе обра-

*) Perez. Les trois premières années de l'enfant. Paris, 1878, p. 163—165

**) Ididem p. 167—168.

зованному), дѣти вообще различаютъ гораздо слабѣе, чѣмъ взрослые. Взрослый (не дикарь) сравнительно рѣдко смѣшиваетъ сновидѣнія и дѣйствительныя событія, дитя же часто, такъ какъ въ его сознаніи сновидѣнія и дѣйствительныя приключенія еще недостаточно разграничены, недостаточно обособились; дитя, играя, легко забывается, увлекаясь игрой; оно довольно быстро начинаетъ принимать игру за дѣйствительность, даже при самой скудной наличной обстановкѣ игры, а иногда и полномъ отсутствіи всякихъ орудій игры, взрослый же увлекается игрой, до забвенія дѣйствительности, рѣдко и то при особенныхъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ напр. при сценической хорошей обстановкѣ, при художественномъ исполненіи пьесы; дѣти вообще недостаточно отличаютъ субъективный міръ отъ объективнаго, то, что они подумали, намѣревались сдѣлать, что имъ живо, ярко представилось, что только блеснуло въ ихъ умѣ, они всегда бываютъ готовы перенести и дѣйствительно часто переносятъ въ міръ внѣ себя, считаютъ внѣшними реальными фактами, чего здоровые взрослые совсѣмъ не дѣлаютъ *).

Указанная особенность дѣтскаго ума и служитъ источникомъ того, что называютъ необычайною силою «воспроизводительнаго воображенія» у дѣтей, отсюда, изъ весьма недостаточнаго различенія между субъективнымъ и объективнымъ міромъ и между различными классами, родами и видами субъективныхъ явленій, возникаютъ у дѣтей и легкое увлеченіе играми и вполнѣ жизненное отношеніе къ сказочнымъ героямъ, какъ къ живымъ людямъ, и легкое перенесеніе и зачисленіе своихъ намѣреній, представленій, разныхъ субъективныхъ образовъ въ разрядъ дѣйствительныхъ предметовъ и исполнившихся фактовъ и всѣ другія подобныя явленія. При слабости же и однообразіи внѣшнихъ впечатлѣній и при энергіи и силѣ какихъ либо представленій, внѣшняя жизнь, дѣятельность органовъ внѣшнихъ чувствъ вполнѣ отступятъ на задній планъ и представленія возьмутъ верхъ надъ ощущеніями. Человѣкъ погрузится тогда въ свои образы, будетъ грезить на яву, видѣть сновидѣнія съ открытыми глазами и считать ихъ дѣйствительностію. Любопытные факты съ разсматриваемой точки зрѣнія разсказываетъ о себѣ С. Т. Аксаковъ изъ времени своего пребыванія въ гимназіи.

По поступленіи въ гимназію, онъ страшно тосковалъ по матери, небольшіе же уроки оставляли ему много досуга и потому

*) О неразличеніи дѣтьми, дикарями и первобытными людьми субъективнаго міра и объективнаго была рѣчь въ IX очеркѣ.

его мысль постоянно устремлялась на воображеніе того, что дѣлается въ семьѣ, какъ тоскуетъ о немъ мать, на воспоминаніе о прежней блаженной деревенской жизни. Яркость припоминаемыхъ образовъ, отъ сосредоточенія на нихъ вниманія, возрастала съ каждымъ днемъ, а чтобы отчетливѣе воображать милую деревню, Аксаковъ закрывалъ на урокахъ глаза и получалъ толчки отъ сосѣдей, которые думали, что онъ спитъ. Впрочемъ онъ могъ съ большою живостію представлять свои любимые образы и съ открытыми глазами. Такое напряженіе вниманія на одной группѣ представленій, въ связи съ другими причинами, вызвало у Аксакова даже болѣзнь: на него стала нападать истерическая тоска, сопровождаемая столь тяжелыми слезами и рыданіями, что онъ впадалъ на нѣсколько минутъ въ безпамятство, а на лицѣ появлялись въ это время судорожныя движенія. Припадки всегда происходили отъ неожиданно возникавшаго воспоминанія изъ прошедшей жизни, которая вдругъ представлялась воображенію Аксакова съ живостію и яркостію ночныхъ сновидѣній. Иногда же онъ доходилъ до такихъ состояній сознательно, постепенно углубляясь въ неисчерпаемое хранилище памяти. «Случалось, что въ то время, когда я думалъ совсѣмъ о другомъ и даже когда былъ сильно занятъ ученьемъ— вдругъ какой нибудь звукъ голоса, вѣроятно похожій на слышанный мною прежде, полоса солнечнаго свѣта на окнѣ или стѣнѣ, точно такъ освѣщавшая нѣкогда знакомые дорогіе мнѣ предметы, муха, жужжавшая и бившаяся на стеклѣ окошка, на что я часто засматривался въ ребячествѣ — мгновенно и на одно мгновеніе, неуловимо для сознанія, вызывали забытое прошедшее и потрясали мои напряженные нервы. Впрочемъ нѣкоторые случаи объяснялись тогда же сами собою: одинъ разъ я сказывалъ урокъ, какъ вдругъ голубь сѣлъ на подоконную доску и началъ кружиться и ворковать — это сейчасъ напомнило мнѣ моихъ любимыхъ голубей и деревню: грудь моя стѣснилась и послѣдовалъ припадокъ». Въ другой разъ припадокъ былъ вызванъ липовымъ бѣлымъ столомъ въ классной, напомнившимъ Аксакову липовый столъ бабушки. «Я былъ пораженъ сходствомъ этихъ столовъ, прошедшее ярко блеснуло, ожило предо мною — сердце замерло и послѣдовалъ сильный припадокъ. Точно тоже случилось со мной при взглядѣ на кошку, которая спала, свернувшись клубкомъ на солнышкѣ. и напомнила мнѣ мою любимую кошку въ деревнѣ» *).

*) Семейная хроника и воспоминанія. Воспоминанія. Изд. 6, 1886 г., стр. 26 — 30.

Трудно отыскать другіе болѣе рельефные примѣры необычайно сильнаго дѣйствія воображенія въ дѣтствѣ. Но приведенные факты изъ жизни С. Аксакова несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что мы имѣемъ дѣло не съ воображеніемъ собственно, не съ творчествомъ, а съ живымъ припоминаніемъ. Но, можетъ быть, въ живости воспроизведенія и сказалась сила воображенія?

Мы опять повторимъ, что воспроизведеніе, какое бы оно ни было, отчетливое, живое, яркое или блѣдное, тусклое, есть только воспроизведеніе, не больше. Вслѣдствіе наличности живого воспроизведенія нельзя еще человѣку приписывать сильное воображеніе. Одни могутъ довольно отчетливо припоминать цвѣта, а другіе совсѣмъ не могутъ, какъ показалъ Фехнеръ въ своей психофизикѣ. Изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы припоминающіе цвѣта владѣли живой фантазіей, а не припоминающіе — не владѣли. Живость воспроизведенія образовъ какой либо группы зависитъ отъ точности наблюденія соотвѣтственныхъ образамъ предметовъ, прочности усвоенія, того интереса, который соединяется съ припоминаніемъ, обстоятельствъ, среди которыхъ совершается припоминаніе, общей силы и энергіи организма. Аксаковъ страстно любилъ свою родную деревню, тысячу разъ видалъ и самымъ тщательнымъ образомъ наблюдалъ и голубей и кошекъ и освѣщеніе различныхъ предметовъ; въ гимназіи ему было все противно, онъ тосковалъ по матери и деревенскомъ домѣ и тѣлесно пребывая въ казанской школѣ, умственно жилъ въ своемъ достолюбезномъ Багровѣ. Изо дня въ день, упорно сосредоточивая свою мысль на картинахъ прошлаго, онъ доводилъ эти образы, при скудости внѣшнихъ впечатлѣній, до яркости галлюцинаціи. Окружающая обстановка для него не существовала онъ или буквально закрывалъ на нее глаза, чтобы безъ помѣхи отдаться созерцанію своихъ дорогихъ, любимыхъ образовъ прошлаго или, по крайней мѣрѣ, отворачивался отъ нея умственно. Окружающее не имѣло для него ни малѣйшаго интереса, а картины прошлаго были крайне интересны; прошлое вставало передъ нимъ, онъ его видѣлъ, а окружающее тускнѣло и отходило на задній планъ. Если бы Аксаковъ въ гимназіи очень плохо припомнилъ какіе либо отвлеченные разговоры, которые онъ нерѣдко велъ дома съ своею матерью, то отсюда не слѣдовало бы, что онъ имѣетъ слабый разсудокъ; точно также если онъ отчетливо припоминалъ извѣстныя группы конкретныхъ образовъ, то нельзя изъ этого заключить къ наличности богатаго воображенія. Въ одномъ случаѣ плохое припоминаніе, въ другомъ — хорошее, въ томъ и

другомъ случаяхъ характеръ припоминанія обусловливался множествомъ причинъ. При общемъ слабомъ различеніи у дѣтей міра мысли и міра вещей, однообразная внѣшняя непривлекательная обстановка и живые образы памяти могутъ влечь полное преобладаніе субъективнаго надъ объективнымъ, представленій надъ ощущеніями. Человѣкъ при открытыхъ глазахъ будетъ грезить, будетъ видѣть припоминаемые предметы. Это не воображеніе, а совокупность иныхъ сложныхъ процессовъ. Во снѣ мы нерѣдко весьма живо припоминаемъ различные образы и событія и эти субъективныя припоминанія принимаемъ за дѣйствительныя событія. Ни одинъ психологъ не припишетъ живость припоминаній во снѣ и смѣшеніе субъективнаго съ объективнымъ силѣ воображенія. Увлеченіе дѣтей играми до полнаго забвенія дѣйствительности, увлеченіе какими либо припоминаніями до видѣнія ихъ на яву суть подобныя же состоянія преобладанія центральной мозговой дѣятельности надъ периферическою, представленій надъ ощущеніями. Силой воображенія подобныя явленія объяснить невозможно.

Человѣчество начало свою умственную жизнь, подобно отдѣльному человѣку, полнымъ отсутствіемъ творчества, потому что у него также не было никакихъ побужденій къ созданію новыхъ сочетаній психическаго матеріала, помимо естественнаго связыванія его по законамъ ассоціаціи. Человѣчество на первыхъ порахъ довольствовалось простымъ воспроизведеніемъ, такой картиной міра, которая слагалась сама собою по законамъ ассоціаціи, безъ всякой дальнѣйшей переработки и видоизмѣненія. Къ творчеству оно никакого стремленія не имѣло, а владѣло талантомъ, совершенно противоположнымъ творчеству,—большою способностію подражанія, которому и отдавалось очень охотно. Психическая жизнь даже современнаго взрослаго человѣка переполнена припоминаніемъ и подражаніемъ: взрослые подражаютъ другъ другу въ одеждѣ, образѣ жизни, рѣчи, характерѣ сужденій и т. д., оригинальнаго, творческаго и у взрослыхъ обыкновенно бываетъ очень мало. Люди, незанятые умственнымъ трудомъ, мало читающіе, наполняютъ свое время обычной, повторяющеюся изо дня въ день, рутиной жизни, подробнѣйшимъ пересказомъ пережитаго, всякихъ самыхъ ничтожныхъ событій, кто что сдѣлалъ, что подумалъ и т. п. Соображенія на счетъ будущаго у нихъ такія же мелочныя, ничтожныя, постоянно отзывающіяся припоминаніемъ. думаютъ сшить себѣ платье, какъ у такой-то, получить мѣсто такого-то, устроить праздникъ по примѣру видѣннаго и т. д. Творчество еле-еле проглядываетъ

въ этомъ дремучемъ лѣсу припоминаній. И такъ проходитъ вся жизнь. А вѣдь это жизнь членовъ образованнаго государства, христіанъ, жителей большого города. Что же сказать о дикаряхъ? Дикари очень любятъ подражать и совсѣмъ неохотники до творчества. Приведемъ соотвѣтствующіе факты.

Многіе дикари очень искусно подражаютъ пѣнію птицъ, вою волковъ, ржанію лошадей, движеніямъ страусовъ и другихъ животныхъ, вслѣдствіе чего могутъ приближаться къ нимъ днемъ и ночью, прекрасно передразниваютъ людей и животныхъ. Фуеджіане превосходные мимисты какъ скоро, говоритъ одинъ наблюдатель, мы зѣвали или кашляли или дѣлали какое нибудь необыкновенное движеніе, они непосредственно подражали намъ. Съ совершенною правильностію они повторяли каждое слово въ любомъ предложеніи и припоминали это слово спустя нѣкоторое время. Наклонность подражать у нихъ такъ велика, что отъ нихъ почти невозможно добиться отвѣта, потому что вмѣсто отвѣта они повторяютъ вопросъ. О жителѣ восточной Африки одинъ наблюдатель замѣтилъ, что «міръ мечты ему совсѣмъ неизвѣстенъ» *). У неразвитыхъ людей наклонность къ подражанію легко переходитъ даже въ болѣзнь—неудержимое подражаніе. Въ такомъ состояніи повторяются всѣ движенія присутствующихъ и выполняются безпрекословно всякія приказанія. Подобная болѣзнь встрѣчается у насъ въ Забайкальскомъ округѣ, находятъ ее и на нѣкоторыхъ островахъ, напр. филиппинскихъ.

Обращая вниманіе на развитіе различныхъ орудій въ человѣчествѣ, построекъ, наиболѣе необходимыхъ въ практической жизни дѣятельностей, мы всюду видимъ принципъ подражанія—органамъ тѣла, явленіямъ природы и ихъ дѣйствіямъ. Палка, одно изъ самыхъ первоначальныхъ и элементарнѣйшихъ орудій человѣка, есть удлиненная рука; камень, который человѣкъ бросалъ во врага, есть тотъ же кулакъ, только дѣйствующій на разстояніи; человѣкъ первоначально пилъ изъ горсти, потомъ сталъ пить изъ раковинъ, изъ кожи плодовъ и наконецъ сталъ искусственно приготовлять подобные же предметы. Уже во времена цивилизаціи черепъ превращался иногда въ чашу. Первоначальныя постройки — прямыя подражанія пещерамъ и дупламъ деревьевъ, въ которыхъ сначала жилъ человѣкъ; первоначальныя рѣжущія орудія были острые

*) Spencer, Descriptive Sociology. Types of lowest Races. p. 7; American Races, p. 4, 5; African Races, p. 3.

обломки камней, костей и потомъ искусственныя подражанія имъ, первый духовой инструментъ былъ подражаніемъ тростнику, издававшему звукъ отъ вѣтра. Когда камень и дерево стали понемногу замѣняться бронзой, то первыя орудія изъ бронзы оказались копіями каменныхъ орудій. Всюду подражаніе и отсутствіе творчества; творчество является значительно позднѣе.

Для характеристики воображенія на первой ступени его развитія, когда оно сливается съ припоминаніемъ, довольно любопытный вопросъ представляетъ вѣра въ загробную жизнь. Предметъ такого рода, что даетъ полную и широкую свободу дѣятельности воображенія, потому что какъ провѣрить подобнаго рода картины? Мертвые не возвращаются на землю и потому загробную жизнь, ея радости и печали, наслажденія и страданія можно представлять въ любомъ видѣ, не опасаясь изобличенія въ неправильности. Если есть творческая фантазія, то пусть она творитъ смѣло. Побужденія же къ творчеству всегда на лицо — боязнь смерти, прекращенія личнаго существованія, желаніе жить и за гробомъ въ томъ или другомъ видѣ. И такъ для самой яркой и фантастической разработки представленій о загробной жизни всѣ данныя на лицо — и весьма сильный мотивъ и полная свобода. Что же изъ этихъ благопріятныхъ условій сдѣлали дикари, какія картины создали?

Многія дикія племена совсѣмъ не вѣрятъ въ загробную жизнь, они полагаютъ, что существованіе человѣка вполнѣ оканчивается смертью, умирая, человѣкъ погибаетъ. Тасманійцы, особенно западной части острова, по свидѣтельству миссіонера Кларка, не имѣютъ ни малѣйшей идеи о будущей жизни. «Они умирали, говорили они, какъ кенгуру». Готтентоты также не имѣютъ никакой идеи ни о будущей жизни, ни о богахъ — мздовоздаятеляхъ. «Они думаютъ, что умираютъ совсѣмъ, какъ животныя», говоритъ Кампбелль. Племена экваторіальной Африки держатся подобныхъ же взглядовъ. «Все кончено навсегда», поютъ восточные африканцы по смерти родственника или друга. Въ Габонѣ женщины поютъ во время одного праздника: «пока живы и здоровы, будемъ веселы, будемъ пѣть, плясать, смѣяться, потому что за жизнью придетъ смерть, тогда тѣло сгніетъ, червякъ съѣстъ его, и все будетъ кончено навсегда». «Все кончено», печально говорятъ они по смерти одного изъ своихъ. Нѣкоторыя дикія племена вѣрятъ въ загробную жизнь, думаютъ, что есть и рай, но только этотъ рай и загробная жизнь существуютъ не для всѣхъ, а лишь для

нѣкоторыхъ: для вождей, великихъ воиновъ, вообще для людей богатыхъ и знатныхъ, простые же люди умираютъ совсѣмъ и больше уже не оживаютъ для новой жизни. Таково вѣрованіе на островахъ Тонга. Въ Америкѣ также не всѣ дикія племена имѣли убѣжденіе въ загробномъ существованіи: нѣкоторыя, какъ напр. жившія въ долинахъ Сакраменто, полагали, что будущая жизнь существуетъ только для бѣлыхъ. Что же касается ихъ самихъ, то они послѣ того, какъ тѣла ихъ будутъ сожжены, погибнутъ навсегда, совсѣмъ уничтожатся. На Суматрѣ, какъ и въ Полинезіи, въ народѣ господствуетъ убѣжденіе, что будущая жизнь есть привиллегія богатыхъ и знатныхъ, бѣдные же умираютъ совсѣмъ *).

Въ этихъ печальныхъ вѣрованіяхъ видѣнъ прежде всего недостатокъ воображенія. Если бы фантазія дикарей была въ состояніи нарисовать имъ яркую картину загробной жизни, то они несомнѣнно увѣровали бы въ ея реальность, потому что субъективныя представленія у нихъ, какъ и у дѣтей. легко принимаютъ видъ дѣйствительныхъ предметовъ и событій, особенно въ случаѣ живости, яркости образовъ. Отсутствіе такой вѣры — знакъ, что ихъ воображеніе было совершенно немощно, не могло перешагнуть дѣйствительность, не могло даже продолжить дѣйствительность за гробомъ. У могилы оно, вмѣстѣ съ жизнью соплеменника, кончало свой слабый полетъ, никакъ не могло разрѣшить вопроса: а что же дальше? Можетъ быть, будучи совершенно инертнымъ, пассивнымъ, точнѣе сказать, отсутствуя, оно и не задавалось такимъ вопросомъ. Что будетъ съ умершимъ? Да ничего, умеръ—значитъ погибъ, тѣло сгніетъ, съѣдятъ его черви и всему конецъ «Все кончено и навсегда». Одинъ старикъ дикарь на вопросъ: вѣритъ ли онъ въ жизнь по смерти? отвѣчалъ. «какъ мы можемъ что либо знать объ этомъ, когда до сихъ поръ ни одинъ мертвый не ожилъ вновь, чтобы разсказать намъ, что случилось съ нимъ по смерти»**)

Многія дикія племена вѣрятъ въ загробную жизнь. Какъ они ее себѣ представляютъ? Характерная черта представленій многими дикарями загробной жизни заключается въ томъ, что они смотрятъ на жизнь за гробомъ какъ на простое продолженіе земной жизни. За гробомъ человѣкъ будетъ имѣть тѣ же потребности, тѣ же радости и печали, ту же обстановку, какія онъ имѣлъ въ настоя-

*) Letourneau, Sociology, p. 236, 239, 240, 246, 249, 253.

**) Zeitschrift fur Ethnologie 1882 г. Art. Die Aenos auf der Insel Yesso. S. 180.

щей земной жизни, земныя дѣла и отношенія будутъ продолжаться и по смерти. Общественное положеніе за гробомъ будетъ то же самое, что и на землѣ: король тамъ будетъ королемъ, а рабъ — рабомъ, къ какому сословію человѣкъ принадлежалъ на землѣ, въ томъ онъ останется и по смерти. Семейныя отношенія также сохранятся. По свидѣтельству Кука, таитяне полагали, что усопшіе раздѣляются на тѣ же классы, какіе существуютъ между живыми на землѣ. На фиджійскихъ островахъ, на островѣ Тонга вѣрили тому же. Поэтому многіе народы и племена, погребая своихъ покойниковъ, снабжали ихъ пищей, одеждой, конемъ, оружіемъ, съ господиномъ погребали его жену, слугъ и т. д. У дикарей въ былое время встрѣчались люди, которые спускались чрезъ отверстія въ почвѣ въ подземный міръ и, по возвращеніи, сообщали соплеменникамъ свѣдѣнія о подземномъ мірѣ. Оказалось, по ихъ разсказамъ, что тамъ все устроено такъ же, какъ и у насъ. на землѣ. Племя зулу и теперь даже разсказываетъ о подобныхъ людяхъ. По свидѣтельству этихъ «свѣдущихъ людей», въ подземномъ царствѣ горы, рѣки и всѣ предметы такіе же, какъ и на поверхности земли, тамъ легко отыскать своихъ родныхъ, потому что мертвые живутъ въ селеніяхъ и доятъ своихъ коровъ, которыя были убиты на землѣ и воскресли къ новой жизни *). Вообще дикари на выдумки очень нехитры, это не ихъ дѣло.

Замѣчательно, что подобныя же воззрѣнія на загробную жизнь встрѣчаются у такихъ образованныхъ народовъ, которые извѣстны своимъ практическимъ направленіемъ и скуднымъ теоретическимъ творчествомъ, бѣдностію фантазіи, каковы римляне и китайцы. О взглядѣ римлянъ на загробную жизнь одинъ изслѣдователь говоритъ слѣдующее: «представляя себѣ загробную жизнь продолженіемъ настоящей, римляне считали, что формы ея соотвѣтственны прежнему существованію и потому придавали могиламъ часто видъ дома со всею его обстановкою. Сюда они сносили для покойниковъ мебель и разставляли ее иногда, слѣдуя въ этомъ буквѣ духовныхъ завѣщаній; деньги, одежду, пищу, всякую посуду для стола, а равно и аттрибуты званія и любимыя вещи умершаго: съ воиномъ клали его оружіе, съ врачемъ, ремесленникомъ и художникомъ — ихъ инструменты, съ земледѣльцемъ — его орудіе плугъ, съ дѣтьми—ихъ игрушки, съ женщинами — иглы и туалет-

*) Тэйлоръ, Первобытная культура. Т. 1, стр. 124, 125, 147—149; Спенсеръ, Основанія соціологіи. 1, 206 и слѣд.

ныя принадлежности: зеркала, гребенки, шпильки, различные флакончики, шкатулочки и т. п. Стѣны могилъ украшались живописью и лѣпными изображеніями. Фамильныя усыпальницы родовъ знатныхъ, богатыхъ и многочисленныхъ иногда занимали значительные участки земли съ полями, огородами и садами и въ этомъ случаѣ онѣ имѣли видъ какъ бы кладбищенскихъ помѣстій» *).

Подобныя вѣрованія были и еще теперь есть въ Китаѣ. Душа, по смерти тѣла, продолжаетъ свое самостоятельное существованіе со всѣми потребностями земной жизни—вотъ самое древнее вѣрованіе китайцевъ. Поэтому на усопшаго, при похоронахъ, они надѣвали по нѣскольку десятковъ одеждъ, наполняли гробъ драгоцѣнными камнями, золотомъ, серебромъ и тѣми мелкими вещами, которыя покойному нравились наиболѣе при жизни. Переселяясь въ могилу, покойникъ просто переѣзжалъ на новоселье, поэтому родственники и друзья дарили ему вещи, которыя клали въ гробъ и въ древнія времена, передъ самымъ выносомъ гроба, усопшему прочитывалась полная перепись подаренныхъ предметовъ, чтобы онъ зналъ, какіе получилъ презенты и отъ кого. Усопшихъ кормили, извѣщали о текущихъ событіяхъ, повышали въ чинахъ и т. п.**).

Скудость творчества, доходящая до полнаго почти его отсутствія, выражается у нѣкоторыхъ дикарей и другими фактами, кромѣ идей о загробной жизни и необычайной способности подражанія. По свидѣтельству Вайца, есть такія индійскія племена въ Америкѣ, пѣсни которыхъ заключаются всего въ одной строчкѣ. Эта строчка при пѣніи безконечно повторяется отдѣльными лицами и хоромъ. Напр. «если я иду противъ врага, то земля дрожитъ подъ моими ногами», или «голова врага отрѣзана и падаетъ къ моимъ ногамъ». У малайцевъ и новоголандцевъ пѣсни очень коротки и часто состоятъ всего изъ двухъ строкъ ***). Такова сила творчества! Кастренъ спросилъ однажды старую самоѣдку: молится-ли она? Женщина отвѣтила: «каждое утро я выхожу изъ моего жилища и воздаю поклонъ солнцу, говоря: когда ты встаешь, встаю также и я. А каждый вечеръ говорю: когда ты идешь спать, собираюсь ко сну и я». Это была ея молитва, можетъ быть, весь культъ, вся религія. Но женщина гордилась своею молитвою,

---

*) Русскій Вѣстникъ, 1887 г. № 3. Цвѣтаевъ, Погребальные обычаи древнихъ римлянъ.

**) Георгіевскій, Принципы жизни Китая. 10, 13, 46, 52 и др.

***) Anthropologie, t. III, S. 232; 5 Theil. 11 Abtheilung, S. 96

потому что она прибавила съ выраженіемъ, полнымъ достоинства: «есть дикіе люди, которые утромъ и вечеромъ не произносятъ молитвы» *).

На основаніи изложенныхъ фактовъ мы полагаемъ, что цѣлому человѣчеству на первыхъ порахъ его развитія творчество было столь же чуждо, какъ оно бываетъ чуждо отдѣльному человѣку въ первые годы его жизни. Выдумокъ человѣчество первоначально не знало и не понимало, жило исключительно дѣйствительными фактами, міръ мечты ему былъ неизвѣстенъ. Чтобы мечтать хотя-бы на самую пошлую тему, для этого необходима уже извѣстная высота умственнаго развитія, именно способность стать на нѣкоторое время выше и какъ бы въ сторонѣ отъ текущихъ фактовъ; а этой способности и нѣтъ на первыхъ порахъ ни у человѣка, ни у человѣчества, оба бываютъ поглощены текущею дѣйствительностію, событіями и потребностями настоящей минуты, оба бываютъ на первыхъ порахъ настолько грубыми и скудными реалистами, что чего либо внѣ дѣйствительныхъ фактовъ ни понять, ни представить не могутъ, да и не желаютъ представлять.

XVI.

Какимъ образомъ совершается переходъ отъ отсутствія творчества къ его началу? Онъ совершается постепенно и у отдѣльной личности и въ цѣломъ человѣчествѣ. Отмѣтимъ главнѣйшія станціи этого перехода.

Сначала дѣти интересуются только такими исторіями, въ которыхъ описываются ихъ собственныя ощущенія и приключенія; затѣмъ ихъ интересъ расширяется, они начинаютъ охотно слушать подобныя же исторіи выдуманныя, въ которыхъ героями являются уже не они сами, но другіе мальчики и дѣвочки, переживающіе подобныя же приключенія. Эти выдуманныя исторіи считаются, конечно, точнымъ описаніемъ дѣйствительно бывшихъ событій. Та самая дѣвочка, которая по вечерамъ такъ любила слушать описанія дневныхъ происшествій и принимала въ разсказѣ такое живое участіе, перешла отъ этихъ разсказовъ къ другимъ подобнымъ, гдѣ уже не она, а другая дѣвочка была героиней. Дѣвочка жить не могла безъ подобныхъ коротенькихъ исторій и по нѣсколько разъ въ день приставала къ матери съ просьбами разсказать такую

*) М. Мюллеръ, Религіи стр. 97—98.

исторійку *). Здѣсь сдѣланъ маленькій шажекъ впередъ въ интеллектуальномъ развитіи, дитя отрѣшилось отъ собственной личности и стало интересоваться приключеніями съ другими, хотя эти другія были такія же дѣти, какъ и оно само, ихъ приключенія совершенно походили на бывшія съ нимъ происшествія. Дальнѣйшее развитіе ума по отношенію къ творчеству заключается въ томъ, что герои исторій, разсказываемыхъ дѣтямъ, все дальше и дальше отстоятъ отъ дѣтей, и самыя приключенія становятся такими, которыхъ дитя само не переживало, а между тѣмъ исторійки возбуждаютъ въ дѣтяхъ величайшій интересъ. Именно этотъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи дѣтскаго ума выражается въ увлеченіи дѣтей сказками и подобными имъ произведеніями.

Слушая сказку, дитя не переходитъ изъ дѣйствительнаго міра въ выдуманный: дѣти въ первые годы своей жизни еще не умѣютъ отличать дѣйствительное отъ вымышленнаго, вѣроятное отъ невѣроятнаго, возможное отъ невозможнаго. Невозможныхъ событій для нихъ пока не существуетъ, такъ какъ они совсѣмъ не знаютъ природы и рѣшительно не въ состояніи судить, что возможно, вѣроятно и дѣйствительно и что невозможно, мало вѣроятно и выдумано. Если имъ разсказываютъ что либо прямо и рѣзко противорѣчащее ихъ опыту, они отсюда еще не дѣлаютъ заключенія къ невѣроятности разсказываемыхъ происшествій, а скорѣе къ недостаточности своихъ знаній. Дѣвочкѣ пяти лѣтъ, уже ученицѣ одной изъ парижскихъ школъ, какой то глупый шутникъ сказалъ: «я сожгу тебя въ холодной водѣ». Дѣвочка разсмѣялась. «Глупый, замѣтила она, зачѣмъ ты говоришь мнѣ такія вещи?» Однако, спустя четверть часа, та же дѣвочка сказала своей нянѣ. «повѣришь ли ты когда нибудь, чтобы холодная вода жгла?» и еще спустя нѣсколько минутъ, она серьезно спрашивала у своей матери: «видано ли это когда нибудь, чтобы обжигались холодной водой?» **). Очевидно, дѣвочка колебалась и на основаніи только своего опыта и своихъ знаній природы не была въ состояніи рѣшить, можетъ холодная вода жечь или не можетъ. Глупый шутникъ совсѣмъ спуталъ ея мысли, хотя утверждаемое шутникомъ и противорѣчило прямо опыту дѣвочки.

Такимъ образомъ, слушая самую невѣроятную сказку, дитя вполнѣ вѣритъ дѣйствительности разсказываемыхъ происшествій,

*) Perez. Les premières trois années de l'enfant, p. 165.

**) Perez. L'enfant de trois à sept ans. P. 207.

сказочный міръ, со всѣми его чудесами, превращеніями, волшебными силами, есть для дитяти дѣйствительный міръ. Что же привлекаетъ дѣтей къ сказкамъ, почему они предпочитаютъ сказки обыкновеннымъ исторійкамъ съ сюжетами изъ повседневной жизни? Вслѣдствіе грандіозности сказочныхъ образовъ и поразительности сказочныхъ картинъ. Въ сказкѣ все велико: ея герои — необычайные богатыри, храбрецы, трусы, плуты, они избиваютъ сразу массу непріятелей, съѣдаютъ за одинъ присѣстъ громадное количество всякой провизіи, выпиваютъ единымъ духомъ чашу въ полтора ведра и т. д., развитіе сказочнаго дѣйствія ничѣмъ не задерживается, такъ какъ въ сказку въ изобиліи вводится чудесный, волшебный элементъ — колдуны, вѣдьмы, бабы-яги, дивные сѣрые волки, коньки-горбунки, которые не стѣсняются никакими законами природы и свободно и легко препобѣждаютъ законы естества. Поэтому сказка производитъ на юныхъ слушателей чрезвычайное впечатлѣніе, вызываетъ громадный эффектъ. По своему же крайне простому построенію, по отсутствію тонкаго психологическаго анализа, запутанной интриги, по своему крайне рѣзкому и грубому письму, сказка вполнѣ по плечу дѣтямъ, она очаровываетъ ихъ.

Если сказочныя событія для дѣтей вполнѣ дѣйствительны, только болѣе могучи и ярки, чѣмъ обыкновенная окружающая дѣйствительность; если сказка для дѣтей имѣетъ то же значеніе, какое для взрослаго разсказъ о необычайномъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрномъ происшествіи: страшномъ убійствѣ, большомъ пожарѣ, громадномъ наводненіи, то въ чемъ же тутъ шагъ впередъ по сравненію съ любовью къ исторійкамъ съ героями — дѣтьми? И въ сказкѣ дитя видитъ и усвояетъ не продуктъ творчества, а прямую и голую дѣйствительность, которая отъ обыденной дѣйствительности только и отличается своими размѣрами, необычайностію.

Въ усвоеніи этихъ необычныхъ размѣровъ и въ увлеченіи сказочными героями и происшествіями и заключается шагъ впередъ. Чтобы увлечься такими предметами, нужно живо представлять ихъ; а въ окружающей дитя дѣйствительности есть только лица, предметы и дѣйствія обыкновенныхъ размѣровъ, необыкновенныхъ же нѣтъ Откуда же ихъ взять? Ихъ нужно создать, вообразить, а для этого совершить такую работу, которая до сихъ поръ дитятей не совершалась. Правда, работа несложна, процессъ нетруденъ—нужно только увеличивать размѣры въ опытѣ даннаго и свойства одного предмета переносить на другой. Сказка говоритъ о великанѣ, который, когда идетъ по лѣсу, бываетъ наравнѣ съ лѣсомъ, а въ

окружающей дѣйствительности извѣстны только люди обыкновеннаго роста: нужно данный въ опытѣ ростъ увеличить согласно съ сказочнымъ описаніемъ великана; въ сказкѣ баба-яга ѣдетъ по воздуху въ ступѣ и помеломъ заметаетъ, въ дѣйствительности же бабы съ ступами и помелами по воздуху не летаютъ· нужно взять свойство летать въ воздухѣ у птицъ и другихъ летающихъ существъ и перенести, по требованію сказки, на бабу-ягу и ея ступу. Вотъ въ чемъ заключается творческій процессъ дѣтей при слушаніи сказокъ. Для него нуженъ уже опытъ, запасъ матеріала: нельзя вообразить великана съ лѣсъ, если дитя, живя въ степи, никогда лѣса не видывало; нужно руководство, постановка опредѣленной и притомъ частной задачи для творчества: созданіе представленія о летающей по воздуху бабѣ, конькѣ-горбункѣ, перепрыгивающемъ чрезъ рѣку. Сказывающій сказку беретъ какъ бы дитя за руку и руководитъ имъ въ первыхъ опытахъ построенія, онъ какъ-бы говоритъ ему: вообрази то, другое, третье. И если дитя увлекается сказкой, это несомнѣнный знакъ, что творческая работа началась, что дѣйствительно дитя воображаетъ то, созданія чего требуетъ отъ него сказка.

Первые опыты построенія весьма много облегчаются для дѣтей отсутствіемъ у нихъ опредѣленныхъ классификацій, твердаго приписыванія вещамъ свойственныхъ имъ качествъ. Холодную воду можно ли отнести къ разряду горячихъ вещей, хотя бы только временно? Этого дитя не знаетъ, оно не знаетъ также, можетъ или нѣтъ летать по воздуху баба-яга въ ступѣ. Всѣ психическія образованія ребенка отличаются отсутствіемъ устойчивости, рыхлостію, способностію переходить другъ въ друга, весьма замѣтно измѣняться и даже превращаться. Вслѣдствіе этой особенности дѣтскаго ума, новыя представленія могутъ возникать въ немъ совершенно безсознательно, механически, не потому, чтобы въ дитяти было сильно творчество, а потому, что въ его психическихъ пріобрѣтеніяхъ нѣтъ твердости, нѣтъ достаточнаго обособленія въ запасенномъ умственномъ матеріалѣ, потому что различныя группы явленій въ его сознаніи недостаточно различены, легко смѣшиваются между собою. Такого рода процессы нельзя назвать творческими, потому что они возникаютъ не изъ силы творчества, а изъ слабости памяти и различенія. Ученикъ, весьма плохо запомнившій историческіе факты, перепуталъ войны, содѣянное однимъ королемъ приписалъ другому, чѣмъ либо напоминающему перваго, не различаетъ революціи и реформаціи и т. д. При воспроизведеніи

такимъ субъектомъ историческихъ фактовъ, получатся новыя образованія — невообразимая окрошка изъ историческихъ событій. Но это не есть творческій продуктъ, а результатъ нетвердаго усвоенія, ошибка памяти. Точно также и у дѣтей совершенно механически и безсознательно могутъ образоваться разныя фантастическія представленія путемъ смѣшенія плохо различенныхъ и разграниченныхъ фактовъ; но это не творчество, хотя, повторимъ снова, рыхлость, неустойчивость, безсистемность психическихъ образованій облегчаютъ первыя попытки творчества, не ставя большихъ препятствій къ увеличенію размѣровъ и перенесенію съ предмета на предметъ свойствъ, данныхъ въ опытѣ.

Болѣе опредѣленныя и сознательныя обнаруженія творчества у дѣтей замѣчаются въ ихъ играхъ и различныхъ забавахъ. Дѣтскія игры, замѣтили мы выше, бываютъ первоначально чисто подражательными, воспроизведеніемъ полученныхъ впечатлѣній безъ всякихъ перемѣнъ. Но можно усматривать нѣкоторый слабый элементъ творчества въ каждой игрѣ, даже наиболѣе подражательной. Въ каждой игрѣ два элемента, психическій и физическій. Игра не есть рядъ безсмысленныхъ движеній, но выраженіе во внѣ нѣкотораго психическаго содержанія, обыкновенно представленій въ связи съ чувствованіями. Это выраженіе психическаго содержанія въ движеніяхъ мускуловъ, объединеніе въ одно цѣлое двухъ различныхъ элементовъ есть нѣчто новое, творческій синтезъ. Но онъ первоначально совершается невольно, дальше же съ постепенно бо́льшимъ и бо́льшимъ участіемъ сознанія и воли. Когда дитя одно и тоже психическое содержаніе отображаетъ въ матеріалѣ различнаго качества, то хотя бы игра и была чисто подражательной, элементъ творчества тутъ будетъ несомнѣнно присутствовать, потому что разный матеріалъ требуетъ различнаго къ нему отношенія и приспособленія. Можно построить домикъ изъ картъ, можно построить его изъ чурочекъ, вылѣпить изъ глины, нарисовать, сложить изъ различно окрашенныхъ картоновъ. Съ перемѣной матеріала измѣняется нѣсколько и умственный процессъ выраженія въ этомъ матеріалѣ психическаго содержанія; съ увеличеніемъ количества матеріала процессъ также нѣсколько усложняется. Но бо́льшее значеніе для развитія воображенія игры получаютъ тогда, когда дѣти не ограничиваются въ нихъ только болѣе или менѣе точнымъ воспроизведеніемъ полученныхъ впечатлѣній, но вносятъ новые элементы, начинаютъ придумывать содержаніе своихъ игръ и забавъ. Что же ихъ къ этому побуждаетъ?

Побужденіями служатъ удовольствіе осуществлять во внѣ свои представленія и легкость этого осуществленія. Чисто психическое творчество есть творчество нѣсколько отвлеченное, одностороннее, подъ силу только взрослымъ людямъ. Думать и думу свою содержать про себя — чрезвычайно трудная задача для дитяти, оно все наружу, все выкладываетъ безъ малѣйшихъ колебаній. Поэтому такая дѣятельность, которая даетъ полную и широкую возможность сейчасъ осуществлять задуманное, ему чрезвычайно нравится. Осуществлять же въ играхъ легко, потому что матеріалъ игръ весьма разнообразенъ, выбирай любой по сердцу. На новыя сочетанія въ играхъ дитя наталкивается постоянно и самою физическою стороною игръ и ходомъ представленій: оно строило одно, но постройка не удалась и вышло что-то другое. Эта особенность постройки по сравненію съ поставленной задачей даетъ толчекъ дѣятельности, дитя начинаетъ ее поправлять, измѣнять и въ концѣ получается нѣчто оригинальное, на что дитя смотритъ съ удовольствіемъ. Съ другой стороны въ его головѣ, отъ столкнувшихся вмѣстѣ различныхъ впечатлѣній, составляется какой-то новый образъ, который и осуществляется во внѣ. Въ видѣнномъ предметѣ дитяти просто что-нибудь не нравится, оно хотѣло бы видѣть тотъ же предметъ, но безъ какого-либо свойства или съ прибавкою новаго. Дитя видѣло льва, но львиная грива ему не понравилась и оно кромѣ того пожелало, чтобы на львѣ верхомъ сидѣлъ мальчикъ. И вотъ оно начинаетъ рисовать и лѣпить льва безъ гривы, но съ мальчикомъ.

Такимъ незамѣтнымъ путемъ дитя все больше и больше втягивается въ область вымышленнаго, придуманнаго; его начинаетъ интересовать измышленіе новаго, небывалаго, что въ дѣйствительности совсѣмъ не встрѣчалось. Игры становятся отъ этого разнообразнѣе и забавнѣе. Съ игръ наслажденіе придуманнымъ и процессомъ придумыванія переносится и на творчество чисто психическое, на разсказы, книги, при чемъ разница между дѣйствительнымъ и вымышленнымъ начинаетъ сознаваться, конечно не во всемъ и не всегда, но по отношенію къ главнѣйшимъ явленіямъ. Въ отвѣтъ на нѣкоторыя замѣчанія взрослыхъ объ отношеніи дѣтей другъ къ другу, дѣйствіяхъ и т. п. во время игръ, дѣти нерѣдко говорятъ, что они только играютъ, т. е. занимаются вымышленнымъ, а не думаютъ и не поступаютъ такъ на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Конечно, первые опыты теоретическаго творчества бываютъ весьма незатѣйливы. Такъ С. Т. Аксаковъ разсказываетъ о себѣ, что впервые онъ началъ сочинять, выдумывать,

играя съ своей младшей сестрицей, при чемъ его выдумки были очень нехитрыя, составляли прямое подражаніе происшествіямъ, прочитаннымъ въ книжкахъ или слышаннымъ отъ кого либо. Онъ разсказывалъ своей сестрицѣ, что на него напали разбойники и онъ всѣхъ ихъ побѣдилъ, что въ ихъ саду живетъ Змѣй-Горынычъ и пр. Чтеніе сказокъ Шехеразады чрезвычайно увлекало его, хотя онъ въ то время уже зналъ, что все это выдумка, что этого на свѣтѣ нѣтъ и быть не можетъ. Но передавая другимъ прочитанныя сказки, онъ такъ разгорячался и увлекался, что незамѣтно для себя дополнялъ сказки плодами своего воображенія. Его не разъ въ этомъ обличали и тѣмъ ставили въ тупикъ онъ лгать не любилъ, но въ книгѣ не оказывалось того, что онъ разсказалъ и что, казалось, онъ дѣйствительно читалъ въ ней. Такія исторіи случались съ маленькимъ С. Аксаковымъ не разъ *). Дѣвочка четырехъ лѣтъ говорила: «послушайте, я разскажу вамъ исторію, но это не исторія о мальчикѣ-съ-пальчикъ. Однажды въ лѣсу былъ маленькій мальчикъ, совсѣмъ маленькій, сынъ дровосѣка; но это былъ не мальчикъ-съ-пальчикъ» и т. д. Разсказывалась исторія о мальчикѣ-съ-пальчикъ, но постоянно съ оговоркой: «это походитъ на исторію о мальчикѣ-съ-пальчикъ, но на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ другая исторія». Мальчикъ двухъ съ половиною лѣтъ любилъ разсказывать самъ себѣ вслухъ разныя исторіи, въ которыхъ дѣйствительность нѣсколько измѣнялась и прикрашивалась. Такъ однажды онъ разсказывалъ. «папа дурно говоритъ, онъ говоритъ «сафетка»; дитя хорошо говоритъ, оно говоритъ «салфетка». Въ дѣйствительности было, конечно, наоборотъ и мальчику указывали на его неправильное произношеніе **).

Въ человѣчествѣ творчество развивалось изъ воспроизведеній съ такою же медленною постепенностью, какъ и въ отдѣльной личности. Первоначальнымъ предметомъ вниманія людей была ихъ собственная дѣятельность, совершаемая естественными органами человѣческаго тѣла. Корни индоевропейскихъ языковъ обозначаютъ такія простыя дѣйствія, какъ рыть, ломать, бить, кусать, скрести, нюхать, смотрѣть и т. п. Первоначальный человѣкъ ничѣмъ не интересовался, кромѣ простѣйшихъ дѣйствій своихъ и своихъ ближайшихъ сотоварищей, дѣйствій, направленныхъ къ личному самосохраненію и обезпеченію; ни природа, ни что-либо другое его

*) Дѣтскіе годы Багрова-внука. Изд. 4, 1885, стр. 74—5, 216—7, 230 и др.
**) Guyau, Education et Heredité. Paris, 1889, p, 147 — 150.

не занимали. Его умственное состояніе можно сравнить съ состояніемъ той маленькой дѣвочки, которая интересовалась только разсказами о пережитыхъ собственныхъ ощущеніяхъ и происшествіяхъ.

Но изъ состоянія такой замкнутости и ограниченія своими дѣйствіями человѣчество необходимо должно было выйти, такъ какъ внѣшній міръ слишкомъ сильно вліялъ на него, обусловливая и его дѣйствія и все его существованіе.

Обратившись же къ природѣ, человѣчество испытало новый рядъ весьма значительныхъ возбужденій. Силы и явленія природы могучи, во много разъ превосходятъ силы и дѣйствія человѣка; умъ, получившій способность нѣсколько интересоваться природой, испытывалъ значительныя волненія при величественныхъ естественныхъ явленіяхъ и прежде всего страхъ, опасеніе за свое существованіе и благосостояніе. Страхъ увеличивался еще тѣмъ, что природа представлялась первобытнымъ людямъ человѣкообразной, всѣ силы и явленія личными волями и дѣятельностями живыхъ существъ. Такимъ образомъ психическое состояніе человѣчества подъ вліяніемъ внѣшней природы было довольно возбужденное, человѣкъ трепеталъ предъ ея грозными, могучими силами. Насколько такое состояніе способствовало возникновенію и развитію творчества?

Въ представленіи природы живущею совершенно по образу и подобію человѣка не слѣдуетъ видѣть, какъ то обыкновенно дѣлаютъ, доказательства силы воображенія, творчества, поэтическаго воспаренія мысли первобытнаго человѣчества. Источникъ такого міровоззрѣнія заключается не въ силѣ творчества—эта сила пока еще совершенно отсутствуетъ, не народилась, —а какъ мы говорили, въ неправильной апперцепціи явленій. Подобное міровоззрѣніе, отожествляющее различное, руководящееся поверхностными аналогіями, есть достояніе низкой ступени умственнаго развитія и не имѣетъ въ себѣ ни малѣйшаго элемента творчества. Что для дитяти сказка, то для древнѣйшаго человѣчества человѣкообразное пониманіе природы: это дѣйствительный міръ, живая реальность; тутъ нѣтъ никакой поэзіи, ничего придуманнаго, а одна только голая правда. Міръ выдумокъ, фантазій еще не насталъ, его царствіе еще не началось. Единственно, что возбуждало умъ человѣка при такомъ пониманіи природы, были величіе и громадные размѣры силъ природы; самъ человѣкъ могъ сдѣлать только что нибудь ничтожное, маленькое, природа же стояла предъ человѣкомъ могучая и страшная. Самое приравниваніе природы къ человѣку было актомъ совершенно необходимымъ, потому что человѣкъ по-

лучаетъ нѣкоторыя отчетливыя свѣдѣнія прежде всего о себѣ самомъ и въ познаніи всего прочаго міра вынужденъ исходить изъ сравненія его съ самимъ собою, изъ аналогій.

Какъ скоро человѣкообразная форма пониманія внѣшней природы опредѣлилась, какъ скоро были созданы первоначальныя и грубѣйшія миѳическія воззрѣнія, они стали усвояться дальнѣйшимъ человѣчествомъ точно такъ же, какъ усвояются дѣтьми сказки. Вѣра въ ихъ дѣйствительность была полная и непоколебимая, и нужно было только, для ихъ усвоенія, расширять свои обычныя представленія о явленіяхъ ежедневнаго опыта и свойства одного предмета переносить на другой. Живая и твердая увѣренность въ дѣйствительности миѳическихъ и сказочныхъ событій, ихъ героевъ и героинь и сильное дѣйствіе грандіозныхъ миѳическихъ и сказочныхъ образовъ встрѣчаются у всѣхъ необразованныхъ слушателей. Чѣмъ ниже умственное развитіе, чѣмъ менѣе отвлеченно мышленіе и менѣе разграничено въ сознаніи возможное и невозможное, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе сказки и подобнаго ей произведенія. Полудикіе жители равнинъ Сиріи, пустынь Іемена, поселенцы долинъ Тигра и Нила еще болѣе, чѣмъ дѣти, увлекаются сказкой, вполнѣ вѣря ея дѣйствительности и поражаясь грандіозностію изображаемыхъ событій. Тутъ сказки производятъ настоящій фуроръ. Одинъ путешественникъ такъ описываетъ дѣйствіе сказокъ на этихъ полудикарей: «нужно видѣть этихъ дѣтей пустыни, когда они слушаютъ свои любимыя сказки, — какъ они возбуждаются, успокоиваются, какъ ихъ глаза искрятся на ихъ смуглыхъ лицахъ; какъ гнѣвъ смѣняетъ нѣжныя чувства и шумная радость печаль; какъ они задерживаютъ дыханіе и потомъ дышатъ полною грудью; какъ они раздѣляютъ всѣ волненія героя и участвуютъ въ его радостяхъ и страданіяхъ. Это—истинная драма, зрители которой суть въ тоже время и актеры... Если герою разсказа угрожаетъ какая-либо опасность, слушатели содрогаются и восклицаютъ: «нѣтъ, нѣтъ! Богъ сохранитъ его!» Если въ сраженіи герой своимъ мечомъ побиваетъ толпы враговъ, слушатели выхватываютъ свое оружіе, какъ будто желаютъ летѣть къ нему на помощь. Если герой попалъ въ сѣти измѣны, слушатели наморщиваютъ свои лбы и восклицаютъ: «проклятіе измѣнникамъ!» Если герой падаетъ, подавленный числомъ противниковъ, глубокій вздохъ вылетаетъ изъ ихъ груди, послѣдуемый обычными благопожеланіями мертвому: «Господь помилуетъ его и да упокоится онъ въ мирѣ». Если же герой, напротивъ, возвращается побѣдителемъ, съ тріумфомъ, воздухъ огла-

шается шумными криками: «хвала Богу брани!» Описанія красотъ природы, особенно весны, принимаются повторенными криками: «хорошо, хорошо» *).

Грандіозность образовъ дѣйствуетъ сильно не только на умъ необразованныхъ народовъ, но и образованныхъ. Припомнимъ, что памятники такихъ образованныхъ народовъ, каковы индійцы и египтяне, отличались своею колоссальностію.

Опредѣленныя начала творческой дѣятельности у цѣлаго человѣчества, равно какъ и у отдѣльной личности, слѣдуетъ считать собственно со времени появленія выдуманныхъ разсказовъ и разграниченія ихъ отъ дѣйствительныхъ происшествій. Но что же могло побудить первобытнаго человѣка къ выдумкамъ? Какимъ образомъ онъ, жившій исключительно дѣйствительными фактами, превратился въ сочинителя небывалыхъ исторій? Невозможно предполагать у первобытнаго человѣка какія либо теоретическія стремленія къ творчеству, къ выдумкѣ, такъ какъ весь его складъ и вся его обстановка не давали мѣста теоретическимъ измышленіямъ; только практическимъ путемъ онъ могъ быть приведенъ къ выдумкамъ, только сама жизнь могла натолкнуть его на измышленіе того, чего не было. Такимъ побудительнымъ мотивомъ легче всего и скорѣе всего могла быть личная выгода, полученіе какого либо удовольствія. Охотникъ утаилъ часть своей добычи и вмѣсто того, чтобы раздѣлить ее съ товарищами, воспользовался ею одинъ, когда нашего отдаленнаго прародителя спрашивали, не совершилъ ли онъ такого то, не особенно достохвальнаго дѣянія, онъ отрекался отъ собственнаго дѣйствія и тѣмъ спасалъ себя отъ позора и наказанія. Такого рода незатѣйливыя выдумки были ощутительно полезны и пріятны, онѣ открывали первобытному человѣку новый обширный и своеобразный міръ—выдуманныхъ небывалыхъ происшествій, но которыя очень близки къ дѣйствительности. Такимъ образомъ можно сказать, что ложь была первымъ опытомъ человѣческаго творчества и первые лжецы—піонерами въ великомъ процессѣ измышленія небывальщины. Припомнимъ, что одна изъ самыхъ частыхъ и обыкновенныхъ причинъ дѣтской лжи есть желаніе избѣжать наказанія и получить какое либо удовольствіе; припомнимъ, что мальчикъ по третьему году, о которомъ упоминалось выше, говорилъ, что онъ произноситъ слова хорошо, а папа — дурно.

Практическая выгода лжи естественно повела къ широкому

*) Mischaut, De l'imagination. Paris, 1876, p. 74, 75.

развитію этого первоначальнаго вида творчества; а практика въ измышленіи, хотя бы направленномъ къ весьма ограниченной цѣли, укрѣпляла творчество и пролагала путь къ выдумкамъ теоретическаго характера, цѣль которыхъ была не обманъ другихъ и пріобрѣтеніе какой либо выгоды, а простое наслажденіе этими выдуманными исторіями. Поверхъ дѣйствительности мало по малу возникалъ новый идеальный міръ, который былъ похожъ на дѣйствительный, отчасти перемѣшивался съ нимъ, но въ тоже время и отличался отъ дѣйствительнаго. Этотъ міръ все больше и больше манилъ къ себѣ людей, доставляя имъ новыя и совершенно своеобразныя наслажденія. Такое наслажденіе небылицами, выдумками мы встрѣчаемъ у многихъ дикихъ племенъ и притомъ въ формѣ простой до наивности, такъ что можемъ видѣть постепенное развитіе вкуса къ измышленіямъ. Есть въ Африкѣ негритянское племя гереро. Подобно другимъ негрскимъ племенамъ, гереро общительны и веселы, любятъ музыку, танцы, пѣніе, болтовню и разсказы, причемъ послѣдніе сочиняются довольно свободно. Когда приходитъ гость къ гереро, то онъ останавливается у засѣки, окружающей каждую деревеньку, и здѣсь ждетъ. Начальникъ деревеньки или, за его отсутствіемъ, одинъ изъ жителей выходитъ къ гостю и между ними начинается слѣдующее собесѣдованіе· «разсказывай», говоритъ начальникъ гостю. «Нѣтъ», отвѣчаетъ гость и такъ повторяется три раза. «Разсказывай исторіи», говоритъ снова начальникъ. «Я не знаю никакихъ исторій», отвѣчаетъ гость. Если гость неумолимъ, то начальникъ говоритъ ему въ заключеніе: «разсказывай ложь», т. е. выдумывай, передавай слухи, анекдоты и т. п. Наконецъ гость приступаетъ къ разсказамъ и сообщаетъ все, что случилось въ томъ мѣстѣ, откуда онъ пришелъ, или въ другомъ какомъ-либо, все, что ему удалось узнать, и въ разсказѣ не обращаетъ особеннаго вниманія на истинность передаваемаго, но свободно перемѣшиваетъ быль съ небылицею. По окончаніи разсказовъ, гость и начальникъ мѣняются ролями и вышеописанная процедура спрашиванія повторяется. За вечерними собраніями обычное времяпровожденіе у гереро — разсказы, которые тутъ же и выдумываются. Ихъ особенность заключается въ необычайно длинныхъ вступленіяхъ и частыхъ отклоненіяхъ въ сторону, такъ что разсказчикъ разсказываетъ какую-либо сказку или басню часъ или два и, достигнувъ конца, нерѣдко забываетъ первоначальную цѣль разсказа. Онъ разсказывалъ долго, а между тѣмъ все, что онъ хо-

тѣлъ сказать, заключается, можетъ быть, въ объясненіи, почему шакалъ воетъ такъ, какъ онъ воетъ, и больше ничего *).

Вообще первоначальныя выдуманныя исторіи дикарей незамысловаты по своему содержанію и несложны по постройкѣ. Въ нихъ разсказывается о жизни звѣрей, ихъ хитростяхъ и силѣ, о коварныхъ, жестокихъ людяхъ, великанахъ, людоѣдахъ, о приключеніяхъ какой либо невинно преслѣдуемой дѣвочки и т. п. **). Сколько нибудь запутанная и тонкая интрига отсутствуетъ въ этихъ исторіяхъ, мотивы дѣйствій крайне грубы и первобытны, стиль донельзя простой. Повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, фразъ и даже цѣлыхъ рядовъ предложеній встрѣчаются весьма нерѣдко, періодическая рѣчь почти отсутствуетъ, соединительныхъ частицъ, кромѣ союза и, мало. Особенной красотой, силой и драматизмомъ эти выдуманныя исторіи дикихъ не блестятъ и, въ виду крайней простоты строенія и реальной грубости мотивовъ, вѣроятно на половину признавались истинными происшествіями.

XVII.

Новый періодъ въ исторіи воображенія у отдѣльной личности приходится на юность. Съ постепеннымъ развитіемъ ума и пріобрѣтеніемъ свѣдѣній о природѣ, вѣра въ дѣйствительность сказочныхъ событій становится невозможной, необычайные размѣры явленій, такъ привлекавшіе прежде, теперь признаются прямо противорѣчащими законамъ природы, нѣсколько отталкиваютъ отъ себя, какъ явно невѣроятные, начинаютъ нравиться образы другого склада, воображеніе измѣняетъ характеръ своихъ созданій. Весьма значительное развитіе воображенія и характеръ его дѣятельности въ юности опредѣляются слѣдующими причинами: быстро увеличивающимися разнообразными теоретическими знаніями, такъ какъ юность есть время серьезнаго систематическаго ученья; критическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности, возникающимъ вслѣдствіе пріобрѣтаемыхъ разнородныхъ знаній и пробудившейся мыслительности; вѣрой въ свои силы; желаніемъ всѣмъ, всему міру, блага и счастья; недостаточно широкимъ жизненнымъ опытомъ. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ причинъ является идеализмъ юно-

*) Allgemeine Naturkunde. Volkerkunde von Ratzel. 6 Lieferung, S. 344—346.

**) См. Басни и сказки дикихъ народовъ. I. Животный эпосъ и легенды готтентотовъ. II. Дѣтскія сказки и преданія зулусовъ. Перев. съ англійскаго Спб., 1874 г.

шества; юноша видитъ недостатки окружающаго и, неудовлетворенный дѣйствительностію, создаетъ другой міръ поверхъ дѣйствительнаго, міръ лучшій, болѣе свѣтлый и разумный, и горячо стремится къ измѣненію дѣйствительности сообразно созданному идеалу. Онъ отчетливо видитъ, что идеалъ не есть дѣйствительность, но, по его убѣжденію, при стараніяхъ и усиліяхъ, при дружной работѣ, идеалъ можетъ сдѣлаться дѣйствительностію въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Въ идеальныхъ построеніяхъ юношества идеальные элементы обыкновенно преобладаютъ надъ опытомъ жизни и научными данными и юношество, увлекаясь любовію къ общему благу и прекрасному, недостаточно взвѣшиваетъ средства осуществленія идеала, препятствія, встрѣчающіяся на пути къ достиженію цѣли. Вслѣдствіе этого идеальныя построенія юношества бываютъ грандіозны, радикальны, но нерѣдко слишкомъ фантастичны и неисполнимы, отъ нихъ вѣетъ мечтательностію, малымъ знаніемъ жизни, въ нихъ замѣчается неуравновѣшенность между положительными данными науки и жизни съ одной стороны и стремленіемъ къ широкой построительности и общечеловѣческому счастію съ другой. Юноша живетъ въ двухъ мірахъ, дѣйствительномъ и идеальномъ, и часто гораздо больше принадлежитъ второму, чѣмъ первому. Онъ даже нерѣдко боится подступить къ своимъ построеніямъ съ надлежащими критикой и анализомъ, чувствуя въ глубинѣ души, что его построенія не выдержатъ испытанія критики и рухнутъ.

Идеалистическія построенія совершаются довольно сложнымъ путемъ: пріемъ увеличенія, свойственный сказкѣ, остается, но онъ уже не имѣетъ господствующаго значенія, онъ умѣряется и дополняется новымъ сочетаніемъ свойствъ, ихъ перестановкой, мѣной и своеобразнымъ освѣщеніемъ, согласно одной основной, руководящей, идеѣ. Вслѣдствіе такого болѣе сложнаго и тонкаго пріема размѣры идеала не поражаютъ своею необычайностію, но представляемая картина тѣмъ не менѣе бываетъ много привлекательнѣе и ярче дѣйствительности; свойства сочетаются опредѣленнымъ образомъ и располагаются въ надлежащей перспективѣ; нужныя выдвигаются на первый планъ и извѣстнымъ образомъ освѣщаются, тогда какъ ненужныя отодвигаются на задній планъ, затушевываются; одно свойство увеличивается въ своей силѣ и яркости, другое уменьшается и ослабляется, а то и совсѣмъ опускается. Такимъ путемъ получаются новыя сложныя и стройныя картины, стоящія выше дѣйствительности, но непротиворѣчащія ей.

Преобладаніе идеализаціи можно отмѣтить какъ особый періодъ и въ развитіи воображенія въ цѣломъ человѣчествѣ. Это есть время наиболѣе широкаго разцвѣта миѳологій, установки и выясненія миѳическихъ образовъ, приведенія ихъ въ законченную систему. Миѳическіе образы, въ развитыхъ миѳологіяхъ, боговъ и богинь, ихъ жизни и дѣятельности суть по преимуществу плоды идеализаціи. Міръ греческихъ боговъ, напр. изображенный Гомеромъ, блаженная жизнь боговъ на Олимпѣ есть ничто иное, какъ идеализація людей и людской жизни. Первоначальныя миѳическія представленія были крайне грубы: они были простымъ олицетвореніемъ явленій природы безъ всякой дальнѣйшей обработки, такъ что самый предметъ въ своей чувственной наглядности считался живымъ существомъ. Небо—это богъ Уранъ, земля — богиня Гея, дождь—актъ оплодотворенія Геи Ураномъ, всѣ земныя существа—дѣти Урана и Геи. Однажды Кастренъ, гуляя съ самоѣдомъ-моряком по берегу Ледовитаго моря, спросилъ: кто таковъ Num (т.е. Юмала, богъ)? Не колеблясь ни минуты, старый морякъ указалъ на море, чернѣющееся вдали, и сказалъ: «вотъ онъ!». На первыхъ порахъ природѣ приписывались главнымъ образомъ тѣлесныя человѣческія свойства, нравственныя же отсутствовали, потому что въ жизни самихъ людей эти послѣднія свойства имѣли еще мало значенія. Поэтому древнѣйшія сказанія о богахъ прославляютъ только ихъ силу, могущество, что они свѣтятъ побѣждаютъ, гремятъ, о нравственномъ же міроправленіи по началамъ справедливости и любви умалчивается. А такъ какъ естественныя явленія возникаютъ въ опредѣленное время и при опредѣленныхъ условіяхъ, совершаются съ извѣстною правильностію, то пониманіе и изображеніе такихъ явленій, хотя бы и въ человѣкообразной формѣ, будутъ простыми наблюденіями и воспроизведеніями, съ весьма малой дозой творчества.

Въ той мѣрѣ, какъ расширялись и становились болѣе точными наблюденія людей надъ явленіями природы, по мѣрѣ развитія ихъ общественной жизни, проникновенія ея нравственными началами, измѣнились и ихъ миѳическія представленія. Наблюденія надъ явленіями природы и вообще большее умственное развитіе привели людей къ мысли, что матеріальные предметы въ своей чувственной наглядности не суть живыя существа, что живыя существа только управляютъ ими и обитаютъ въ нихъ; развитіе нравственныхъ началъ въ общественной жизни побудило приписать нравственныя воззрѣнія и міроправителямъ. Миѳическія существа были поняты

какъ люди не только матеріально, тѣлесно, но и душевно, сдѣлались людьми вполнѣ и слѣдовательно доступными игрѣ человѣческихъ страстей, пристрастій, преобладающихъ склонностей, разныхъ индивидуальныхъ особенностей и способностей. А все это открывало широкую дверь творчеству, жизнь природы и людей представляла обширный, разнообразный и весьма богатый во всѣхъ отношеніяхъ матеріалъ для миѳическихъ построеній. Къ обширному матеріалу присоединилось, съ теченіемъ времени, какъ и у отдѣльнаго человѣка, критическое отношеніе къ дѣйствительности, потребность идеала, и богатый матеріалъ былъ обработанъ новымъ пріемомъ, что и дало въ результатѣ творческія произведенія значительной красоты и силы.

Такимъ образомъ развитыя миѳологіи заключаютъ весьма сложные и разнообразные элементы: явленія внѣшней природы въ основѣ, на заднемъ фонѣ, — впереди же игру чисто человѣческихъ чувствъ и страстей и все это покрыто блескомъ идеала, лучшими стремленіями и отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народностей. Конечно, полное и гармоничное сліяніе указанныхъ элементовъ въ миѳологическихъ разсказахъ совершалось медленно и постепенно: во многихъ греческихъ миѳахъ съ трудомъ можно узнать натуральный первоначальный смыслъ миѳа, такая видная роль принадлежитъ въ нихъ нравственно-общественному элементу — чувствованіямъ, страстямъ, разнообразнымъ столкновеніямъ героевъ и героинь и такъ все это прекрасно слажено и развито; но во многихъ миѳическихъ разсказахъ другихъ народовъ сліяніе натуральнаго элемента съ психическимъ общественнымъ еще слабо, идеализированіе также не далеко ушло, и мы можемъ отчетливо различать оба эти элемента въ миѳѣ и ясно видѣть, какъ, насколько искусно обработало ихъ творчество человѣка, гдѣ и въ чемъ примѣсь идеализаціи *).

*) Съ этой точки зрѣнія представляетъ интересъ миѳъ маорисовъ (въ Новой Зеландіи) о «дѣтяхъ неба и земли».

Отъ Ранги—неба и Папы—земли произошли всѣ люди и вещи, но земля и небо прильнули другъ къ другу и тьма покрывала ихъ и порожденныя ими существа, пока наконецъ дѣти не учинили совѣтъ: должны-ли они разъединить своихъ родителей или убить ихъ. Рѣшено было пятью великими братьями, по предложенію ихъ могучаго шестаго брата Тане-Магута, разлучить родителей, чтобы небо стало высоко надъ ними, а «земля пусть ляжетъ, говорилъ Тане, подъ нашими ногами. Пусть небо сдѣлается намъ чуждымъ, а земля останется близкой намъ, какъ наша мать и кормилица». Но долго тщетны были усилія дѣтей разъединить родителей. Наконецъ поднимается Тане-Магута, богъ и отецъ лѣсовъ, и борется съ своими родителями, стараясь разъ-

Идеализація составляетъ существенный пріемъ не только въ миѳологіяхъ, но занимала видное мѣсто и въ художественномъ творчествѣ вообще. Когда такіе поэты, какъ Дантъ и Мильтонъ, пытаются изобразить намъ небо и адъ, борьбу небожителей, словомъ міръ сверхъ-человѣческій и сверхъ-земной, то сколько они ни напрягаютъ свою фантазію, какъ ни усиливаются создать поразительно новыя картины, мы повсюду, сплошь встрѣчаемъ въ нихъ земныя и человѣческія черты, людскія горе и радость, страсти, мученія и наслажденія. Только эти земныя свойства и человѣческія черты значительно увеличены и идеализованы. Вообще долгое время персонажи поэтовъ являются немножко титаническими, простой заурядный человѣкъ не могъ быть героемъ художественнаго

единить ихъ своими руками. «Вотъ онъ пріостановился; его голова теперь крѣпко уперлась въ его матерь—землю, свои ноги онъ поднялъ вверхъ и упираетъ въ отца — небо и напрягаетъ онъ свою спину и члены въ могучемъ усиліи. Теперь разорваны Ранги и Папа и съ плачемъ и съ проклятіями они громко застонали... Но Тане-Магута не останавливается. далеко, далеко подъ себя вдавливаетъ онъ землю, далеко, далеко надъ собою отбрасываетъ онъ небо». Но Таугири-Ма-Теа, отецъ вѣтровъ и бурь, не соглашался никогда на то, чтобы мать его оторвали отъ ея господина, и въ груди его возникло лютое желаніе напасть на своихъ братьевъ. Онъ поднялся за своимъ отцомъ въ поднебесную область и оттуда выпустилъ на братьевъ своихъ дѣтей — могучіе вѣтры и буйные шквалы, темныя, дико мчавшіяся, тучи, посреди которыхъ ринулся и его отецъ — небо. Прежде всего они напали на отца лѣсовъ и бѣшенымъ ураганомъ поломали деревья, вырвали и растерзали стволы и сучья, затѣмъ спустились внизъ и начали бичевать воды, въ ужасѣ гоняя бога оксана и отца всего живущаго въ немъ по его морямъ. Дѣти его — отецъ рыбъ и отецъ пресмыкающихся—бросились искать себѣ безопаснаго мѣста и съ этого времени раздѣлились: рыбы ушли въ море, а пресмыкающіяся искали спасенія въ лѣсахъ. Морской богъ жестоко разгнѣвался на своего брата Тане, что тотъ скрылъ его дѣтей въ своихъ лѣсахъ. Тане съ своей стороны отплачиваетъ ему тѣмъ же, позволяя дѣтямъ брата своего — отца свирѣпыхъ людей — посредствомъ лодокъ, копій и удочекъ, сдѣланныхъ изъ его деревъ, и сѣтей, сплетенныхъ изъ его волокнистыхъ растеній, уничтожать всю рыбу, дѣтей бога морей; а богъ морей въ гнѣвѣ набрасывается на бога лѣсовъ, заливаетъ его лодки волнами моря, сноситъ наводненіями его деревья и дома въ безпредѣльный океанъ. Затѣмъ богъ бури напалъ на братьевъ своихъ, отцовъ и родителей воздѣланной и дикой пищи, но земля спрятала ихъ въ безопасномъ мѣстѣ. Тогда богъ бури напалъ на послѣдняго изъ братьевъ, отца свирѣпыхъ людей, но не могъ даже и пошатнуть его, хотя и напрягалъ всю свою мощь. Человѣкъ стоялъ непоколебимо на груди своей матери земли, пока сердца неба и бури не смягчились и ихъ вражда не утихла. Но тогда отецъ свирѣпыхъ людей сталъ думать, какъ бы ему отмстить своимъ братьямъ за то, что они оставили его безъ помощи во время борьбы съ богомъ бурь. Вотъ онъ

произведенія, онъ считался недостойнымъ этого; только люди необычайныхъ свойствъ, геніи, таланты, высокодобродѣтельные, неизмѣнно преданные и любящіе до гроба, неподдающіеся никакимъ искушеніямъ и соблазнамъ или же, напротивъ, отъявленные, закоренѣлые злодѣи, въ которыхъ не осталось почти ни одной истинно человѣческой черты, измѣнники, преступники составляли идеальный міръ художника. Художественное творчество долгое время носило печать романизма, т. е. нѣкоторой оторванности отъ земли, ея обыкновенныхъ обывателей и ихъ простыхъ, ежедневныхъ интересовъ, герои обыкновенно были недовольны окружающей дѣйствительностью, стояли выше ея, постоянно стремились въ какой то особенный міръ, куда то вверхъ, прочь отъ земли, dahin...

свилъ силки изъ листьевъ дерева ванаки и предъ нимъ пали птицы и звѣри—дѣти бога лѣсовъ; онъ сплелъ сѣти изъ растенія льна и ловилъ рыбъ—дѣтей бога морей; онъ отыскалъ подземное убѣжище боговъ пищи, выкопалъ ихъ оттуда и заставилъ увядать на солнцѣ. Но бога бури онъ побѣдить не могъ, тотъ и доселѣ старается сгубить его какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, Между тѣмъ безпредѣльное небо и до настоящаго времени въ разлукѣ съ своею супругою — землею. Но обоюдная любовь ихъ впрочемъ не прекращается: теплые мягкіе вздохи любящаго сердца земли и по нынѣ возносятся къ небу, поднимаются отъ лѣсистыхъ горъ и долинъ и люди называютъ ихъ туманами; а безпредѣльное небо, тоскуя въ долгія ночи въ разлукѣ съ своею возлюбленною, часто проливаетъ слезы на ея грудь, и люди, видя ихъ, называютъ ихъ каплями росы (Тэйлоръ, Первобытная культура, 1, 296 — 299).

Для изслѣдователя творческихъ процессовъ въ миѳологіяхъ приведенное сказаніе маорисовъ имѣетъ большой интересъ. Натуральный смыслъ этого миѳа совершенно ясенъ и понятенъ, въ немъ опредѣляются соотношеніе и связь главнѣйшихъ круговъ явленій природы и верховенство человѣка; соотношеніе физическихъ силъ представлено въ видѣ борьбы личностей—боговъ, при чемъ личностямъ приписаны соотвѣтствующія ихъ положенію чувствованія и страсти. Но психическо-общественный элементъ, перенесенный съ людскаго общества на природу, не заслоняетъ эту послѣднюю, не дѣляетъ ее неузнаваемой въ миѳѣ, ея значеніе очевидно. Впрочемъ творчество въ сліяніи упомянутыхъ двухъ различныхъ элементовъ въ одно цѣлое во всякомъ случаѣ оказывается довольно значительнымъ: картина набросана широкая, захватывающая громадные круги явленій, между разнородными явленіями создана связь и все представлено живо, построено достаточно хорошо. Первобытные миѳы характеризуются преобладаніемъ натуральнаго содержанія, слабостію нравственнаго и общественнаго элементовъ и недостатками самаго построенія—развитія миѳическаго представленія и дѣйствія; высоко развитые миѳы отличаются, напротивъ, преобладаніемъ чертъ нравственныхъ и общественныхъ, прекрасной обработкой содержанія, при чемъ идеализація занимаетъ первенствующее мѣсто, и почти полною скрытостію натуральныхъ элементовъ. Приведенный миѳъ маорисовъ занимаетъ среднее мѣсто.

Высшаго развитія воображеніе достигаетъ, соединясь съ отвлеченнымъ логическимъ мышленіемъ, опираясь на него, подлежа его контролю. Оно даетъ тогда новыя, поразительной оригинальности, картины, непротиворѣчивыя и гармоничныя, стройныя, логически сообразныя, пытается образно и ярко предоставить то, что научное отвлеченное мышленіе, помощію своихъ средствъ, видитъ тускло и гадательно. Средства воображенія, взятаго отдѣльно, самого по себѣ, исчерпываются увеличеніемъ даннаго въ опытѣ, мѣной признаковъ и идеализаціей, воображеніе дальше идти само не можетъ, но, соединяясь съ научнымъ мышленіемъ, оно дѣлаетъ новый и весьма важный дальнѣйшій шагъ въ своемъ развитіи. Чтобы выяснить характеръ этой высшей ступени развитія воображенія, для этого нужно отчетливо опредѣлить особенности логическаго научнаго мышленія по сравненію съ тѣмъ способомъ разсужденія, который называется воображеніемъ, и ихъ взаимное отношеніе.

Воображеніе есть мышленіе образами, есть теоретическая живопись, а источниками этой живописи служатъ образы, получаемые изъ опыта. Наблюдая окружающія насъ явленія, мы получаемъ массу представленій о нихъ. Изъ этого-то запаса и черпаетъ воображеніе при своихъ работахъ. Простое воспроизведеніе представленій, нисколько ничѣмъ не измѣненное, чуждо воображенію. ему присущъ творческій элементъ, новизна построенія. Но въ своихъ новыхъ построеніяхъ воображеніе постоянно остается на почвѣ опыта и связано имъ. Пусть оно значительно увеличиваетъ или уменьшаетъ свойства опытныхъ представленій, сочетаетъ ихъ на новые, не встрѣчавшіеся въ опытѣ, лады, идеализируетъ, оно постоянно будетъ ограничено опытомъ, ибо оно строитъ изъ опытныхъ данныхъ, имѣетъ дѣло постоянно съ образами, а образы, точнѣе ихъ элементы, хотя бы увеличенные и измѣненные, могутъ быть взяты только изъ живой дѣйствительности. Если воображеніе будетъ особенно стремиться къ тому, чтобы въ своихъ произведеніяхъ уйти какъ можно дальше отъ данной дѣйствительности, оно легко можетъ изнемочь подъ тяжестію задачи и потерять свой характеръ образнаго нагляднаго мышленія. Стараясь нарисовать намъ безмѣрность пространства вселенной или изобразить мышленіе и свойства существа безконечнаго, представить чисто духовное бытіе, воображеніе должно прибѣгнуть или къ простымъ опытнымъ даннымъ, далеко неполно выражающимъ желаемое или же къ какимъ либо символамъ, чуждымъ настоящей образности. Представить грандіозные размѣры вселенной мы не въ состояніи, не

въ состояніи вообразить себѣ жизнь и свойства верховнаго существа иначе, какъ въ формѣ человѣческой жизни, не въ состояніи представлять и чисто духовное бытіе, такъ какъ не знаемъ ничего подобнаго въ нашемъ опытѣ. Оковы опыта—это такія оковы, отъ которыхъ воображеніе, по самой своей природѣ, всецѣло освободиться никогда не можетъ. Поэтому картины, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ различныхъ мистиковъ и имѣющія своимъ предметомъ безконечное существо и духовное бытіе, поражаютъ часто чувственнымъ характеромъ, полнымъ несоотвѣтствіемъ выраженія и образовъ съ трактуемой задачей (напр. миѳы въ философіи Платона), а съ другой стороны неудержимо стремятся перейти въ простой символизмъ и аллегорію.

Мышленіе у насъ можетъ совершаться не только помощію образовъ, но и посредствомъ знаковъ, замѣняющихъ образы, звуковъ, жестовъ и т. п.; знаковое мышленіе, по самому своему существу, есть мышленіе отвлеченное и непосредственно съ опытными образами не связанное. Такому мышленію наше сознаніе обязано многими новыми явленіями. Только знаковое мышленіе вноситъ въ нашъ умъ отрицаніе. При мышленіи образами, одинъ образъ становится на мѣсто другаго, одно свойство замѣняется другимъ, но простого отрицанія безъ замѣны никогда не бываетъ. Поэтому дѣти довольно долгое время не понимаютъ логическаго отрицанія и знакомъ отрицанія — качаніемъ головой — скорѣе выражаютъ нежеланіе или нерасположеніе, чѣмъ логическое отрицаніи. Одно дитя только въ концу 3-го года начало составлять отчетливыя отрицательныя продложенія *). Отрицательнымъ знакомъ мы создаемъ небытіе, нетѣлесность, безконечныя свойства высшаго существа, хотя ничего подобнаго представить и не можемъ, не смотря на всѣ усилія воображенія. Въ природѣ вообще, и соотвѣтственно ей въ образномъ мышленіи, нѣтъ противорѣчія, а есть только противоположность.—Посредствомъ знаковаго мышленія, мы можемъ гадать о такихъ формахъ жизни и дѣятельности, которыя совершенно несвойственны нашей настоящей организаціи, напр. о мышленіи внѣ пространства и времени, о мышленіи по другимъ логическимъ законамъ, чѣмъ наши, о новой вселенной съ другими свойствами и т. д. Но всѣ эти гаданія, не имѣя возможности облечься въ сколько нибудь осязательные образы, всегда будутъ чрезвычайно темны и неопредѣленны; если же они облекутся въ формы данной дѣйстви-

*) Селли, Основанія психологіи, стр. 236.

тельности, то исчезнетъ новизна и предъ нами явится нашъ прежній старый міръ. Не стѣсненное такъ опытными ассоціаціями, какъ воображеніе, знаковое мышленіе вообще гораздо свободнѣе, смѣлѣе. Если оно не согласуется и даже противорѣчитъ опыту, то противорѣчіе не такъ насъ поражаетъ, какъ нескладица въ построеніяхъ воображенія. Съ разнообразными и грубѣйшими логическими противорѣчіями мы уживаемся легко и спокойно, даже не замѣчаемъ ихъ, а представленіе розовой лошади всѣ найдемъ совершенно нелѣпымъ и почти столь же невыносимымъ, какъ и представленіе сапогъ всмятку. Вслѣдствіе этого знаковое мышленіе можетъ впадать въ гораздо большія несообразности и противорѣчія, чѣмъ образное, но за то оно же скорѣе можетъ напасть и на какую нибудь оригинальную идею. Первые зародыши новыхъ мыслей обыкновенно возникаютъ въ мышленіи знаковомъ, а потомъ уже облекаются въ образы, оттого первые проблески открытій и изобрѣтеній и бываютъ такъ темны даже для ихъ творцовъ. По мѣрѣ облеченія въ образы, идея разъясняется все больше и больше. Даже первыя основы художественныхъ произведеній нерѣдко даются знаковымъ мышленіемъ.

Чѣмъ ближе знаковыя сочетанія къ дѣйствительнымъ ассоціаціямъ, тѣмъ скорѣе они облекаются въ образы; чѣмъ различнѣе отъ нихъ, дальше, тѣмъ труднѣе. Если требуется, согласно знаковой комбинаціи, измѣнить какое либо основное представленіе, прибавить, напр., новое измѣреніе въ пространствѣ, то воображеніе прямо отказывается слѣдовать за знаковымъ мышленіемъ, потому что въ настоящемъ опытѣ нѣтъ никакихъ элементовъ для построенія четырехмѣрнаго пространства; если же знаковое мышленіе требуетъ только измѣненія, хотя бы и значительнаго, даннаго въ опытѣ, напр., представленія пространства не плоскимъ, а сферическимъ или псевдо-сферическимъ, то такое построеніе возможно. Съ постепенными усиліями и упражненіями, совершаемыми въ теченіе цѣлыхъ рядовъ поколѣній, съ отысканіемъ и указаніемъ нѣкоторыхъ опытныхъ данныхъ, нужныхъ для желаемаго построенія, первоначальныя трудности, поставляемыя знаковымъ мышленіемъ воображенію, мало по малу устраняются и воображеніе пробиваетъ новое русло для своего творчества, постоянно сохраняя хотя бы непрямую связь съ окружающимъ міромъ явленій.

Не нужно представлять знаковое и образное мышленія совершенно различными и раздѣльными. Знаки суть знаки представленій, образовъ, послѣдній корень и знаковаго мышленія есть опытъ.

Если знаковое мышленіе совсѣмъ оторвется отъ опытной почвы и займется исключительно изученіемъ знаковыхъ комбинацій, не заботясь о томъ, могутъ ли быть примѣнены знаковыя комбинаціи къ объясненію дѣйствительнаго міра, тогда оно станетъ безплодной умозрительной игрой. Знаковыя комбинаціи, подъ которыя невозможно подставить дѣйствительныхъ ассоціацій, суть тоже, что бумажныя деньги, которыхъ нельзя промѣнять на золото и серебро. Такія бумажныя деньги — простая печатная бумага, не имѣющая большой цѣны; знаковыя комбинаціи безъ соотвѣтствующихъ ассоціацій — малоцѣнная умозрительная игра. Впрочемъ въ дѣйствительности знаковое и образное мышленія идутъ обыкновенно рука объ руку, перемѣшиваются, то одно беретъ верхъ, то другое. Въ полной чистотѣ и исключительности они никогда не встрѣчаются. Дитя, образуя понятіе объ окружающемъ его мірѣ, одновременно запоминаетъ и представленія и знаки представленій — слова, такъ что у него параллельно образуется двойная ассоціація, образная и знаковая; философъ, мысля знаки, воспроизводитъ въ тоже время въ большей или меньшей мѣрѣ и самыя представленія, разумѣемыя подъ знаками.

Такимъ образомъ воображеніе по самой своей природѣ ограничено элементами дѣйствительности и, въ строгомъ смыслѣ слова, идти далѣе ихъ, перешагнуть эту границу, не можетъ; знаковое же мышленіе не связывается необходимо дѣйствительностію, потому оно идетъ дальше опыта и старается увлечь за собой воображеніе, которое слѣдуетъ за нимъ, насколько можетъ, пробивая новыя русла своему творчеству и все же сохраняя связь съ дѣйствительностію.

Развиваясь, знаковое мышленіе внѣдряетъ въ умъ новыя логическія начала и правила мышленія, создаетъ и утверждаетъ новые пріемы, вслѣдствіе чего прежній образный способъ мышленія въ нѣкоторыхъ частяхъ становится непонятнымъ, страннымъ; то, что прежде легко представлялось, съ теченіемъ времени оказывается непредставимымъ. Мышленіе дикаря, образное и чувственное, намъ кажется крайне нелѣпымъ, противорѣчивымъ, невозможнымъ: уничтоженіе матеріи и силы, отсутствіе постояннаго и опредѣленнаго порядка въ смѣнѣ явленій, превращеніе существъ одного въ другое, крайне тупая чувствительность ума къ самымъ рѣзкимъ противорѣчіямъ — все это насъ поражаетъ; часто намъ весьма плохо понятно мышленіе ребенка, переходы его мыслей и основанія сужденій. Оно кажется намъ какимъ то страннымъ, какъ будто и не

есть мышленіе. Наше пониманіе мыслительности животныхъ, покоющейся несомнѣнно на образахъ, еще менѣе правильно и болѣе затруднительно, чѣмъ пониманіе мышленія дѣтей. Мы можемъ такъ освоиться съ какой либо научной истиной, даже недавно открытой, что несоотвѣтствующій ей способъ представленія считать совершенно невозможнымъ Англійскій ученый Уэвель говоритъ: «дѣйствительно, можемъ ли мы себѣ представить соединенія иначе, какъ опредѣленными въ родѣ и качествѣ?... Мы не можемъ представить себѣ міръ, въ которомъ бы этого не было». Д. С. Милль справедливо замѣтилъ по поводу этого мнѣнія:» и такъ философъ, столь замѣчательный какъ Уэвель, важно утверждаетъ, что мы не можемъ представить себѣ міра, въ которомъ простыя тѣла соединялись бы иначе, какъ въ опредѣленныхъ пропорціяхъ. Размышленіемъ о научной истинѣ, открытіемъ которой мы обязаны человѣку еще живому, этотъ философъ сдѣлалъ ассоціацію между идеей соединенія и идеей о постоянныхъ пропорціяхъ до такой степени обычною и близкою своему уму, что сталъ неспособенъ представлять одно безъ другаго» *).

Если знаковое мышленіе дѣйствовало разлагающимъ образомъ на прежнее образное міровоззрѣніе и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сократило сферу воображенія, то съ другой стороны оно, принявъ на себя руководство воображеніемъ, значительно расширило предѣлы его творчества, оно научило воображеніе по нѣсколькимъ остаткамъ возсоздавать картину цѣлаго, постоянно провѣряя каждый шагъ его творчества своими соображеніями и выводами. Отъ давнымъ давно вымершихъ націй, старыхъ цивилизацій, построекъ, отъ перемѣнъ въ развитіи органической жизни на землѣ, отъ переворотовъ въ исторіи образованія земной коры, планетъ, всей вселенной мы имѣемъ только остатки, обломки, разрозненныя части, но, не смотря на это, владѣемъ въ настоящее время наглядными изображеніями всѣхъ этихъ никогда невиданныхъ процессовъ и переворотовъ, націй и цивилизацій. Въ настоящее время мы не ограничиваемся, въ пониманіи какого либо давно минувшаго событія, отвлеченной идеей, но желаемъ имѣть эту идею выраженною въ рядѣ соотвѣтствующихъ образовъ и получаемъ желаемое. Прежде люди хотя и могли представить себѣ, что земля кругла и что есть антиподы, но никакъ не могли осмыслить этого представленія, имъ казалось, что трава и деревья на другой сторонѣ земли должны

*) Логика, 1, 274—275.

висѣть внизъ, что у тамошнихъ людей ноги выше головъ и что всѣ вещи съ той стороны земли непремѣнно должны попадать. Вслѣдствіе этого представленіе о шарообразности земли извѣстный въ свое время писатель Лактанцій называлъ «нелѣпымъ мнѣніемъ». Но пришла наука, устранила кажущуюся нелѣпость и дала возможность представленію о шарообразности земли и антиподахъ сдѣлаться стройнымъ, разумнымъ и доступнымъ для ума.

Опираясь на данныя науки и постоянно провѣряемое ея выводами, образное творчество можетъ идти очень далеко, можетъ давать намъ совершенно новыя картины природы и жизни людей, картины не пустыя, представляющія результатъ игры празднаго воображенія, а картины разумныя, построенныя строго по извѣстному принципу. Усилія воображенія, направленныя въ эту сторону, могутъ дѣлать для насъ представимыми такія вещи, которыхъ прежде мы вообразить не могли, самая способность воображенія будетъ совершенствоваться и возрастать. Такъ, напр., принимая исходнымъ пунктомъ построенія измѣненіе какого либо существеннаго условія въ міровой или человѣческой жизни, мы строго логически и законосообразно, при извѣстномъ количествѣ усилій воображенія, можемъ создать новую вселенную. Скорость воспріятій и обусловленная ею скорость умственной жизни у животныхъ пропорціональна скорости ихъ пульсаціи. Такъ какъ у кролика, напр., пульсація совершается вчетверо скорѣе, чѣмъ у быка, то кроликъ въ одно и тоже время вчетверо скорѣе воспринимаетъ впечатлѣнія, вчетверо скорѣе въ состояніи проявить свою дѣятельность и вообще вчетверо болѣе переживаетъ, чѣмъ быкъ. Внутренняя жизнь различныхъ видовъ животныхъ и человѣка протекаетъ въ одни и тѣже астрономическіе промежутки времени со специфически-различною скоростію и сообразно съ тѣмъ соразмѣряется субъективная мѣра времени у каждаго изъ этихъ существъ. Только потому, что наша мѣра сравнительно невелика, намъ представляется постояннымъ въ своей величинѣ и формѣ растеніе или животное, мы можемъ въ теченіе одной минуты видѣть его сто и болѣе разъ не замѣчая никакого внѣшняго измѣненія. Если же мы допустимъ, что наша пульсація и съ нею способность воспріятія значительно ускорились или замедлились, то необходимо будетъ допустить и соотвѣтственное измѣненіе нашихъ представленій. Положимъ, что вся наша жизнь — дѣтство, зрѣлость и старость — была бы сведена на тысячную часть теперешней ея продолжительности и длилась бы всего одинъ мѣсяцъ и что біеніе пульса ускорилось бы вмѣстѣ съ тѣмъ

въ тысячу разъ, то явилась бы возможность весьма удобно прослѣдить взглядомъ за полетомъ ружейной пули. Если бы затѣмъ жизнь была сокращена еще въ тысячу разъ и ограничена только сорокаминутнымъ срокомъ, то трава и цвѣты показались бы намъ столь же неподвижными, какъ и горныя цѣпи, и о развитіи древесной почки мы, въ теченіе нашей жизни, могли бы замѣчать въ такой же мѣрѣ, въ какой для насъ доступно воспріятіе геологическихъ измѣненій земнаго шара.всѣ эти явленія были бы слишкомъ медленны, мы могли бы только заключать о нихъ, какъ заключаемъ теперь о движеніи небесныхъ тѣлъ. При дальнѣйшемъ же сокращеніи продолжительности жизни, свѣтъ, видимый нами теперь, не могъ бы ощущаться, звуки, слышимые теперь, замолкли бы. Если же жизнь человѣческая будетъ не сокращаться, а напротивъ, удлинняться, то какъ различны будутъ образы! Положимъ, что пульсація и способность воспріятія замедлятся въ тысячу разъ и жизнь наша достигнетъ 80,000 лѣтъ. Въ теченіе одного года мы будемъ переживать столько же, сколько теперь переживаемъ въ восемь или девять часовъ; въ теченіе четырехъ часовъ мы увидимъ, какъ исчезнутъ зимніе снѣга, зазеленѣетъ земля, выростетъ трава и зацвѣтутъ цвѣты, деревья покроются листвой и плодами и затѣмъ вся растительность снова увянетъ. Многія явленія при этомъ, по своей скорости, вовсе не будутъ воспринимаемы, развитіе гриба представится подобно моментальному взлету воды, бьющей изъ фонтана. Ночи и дни станутъ смѣняться какъ темныя и свѣтлыя минуты и солнце съ большею скоростію пойдетъ по небесному своду. Если же такимъ образомъ въ тысячу разъ замедленная человѣческая жизнь замедлится еще на тысячу разъ, такъ что человѣкъ въ теченіе одного года не получитъ возможности пережить болѣе 189 воспріятій, то различіе дня и ночи исчезнетъ вовсе, движеніе солнца представится какъ свѣтящаяся радуга на небѣ, подобно тому, какъ быстро вращаемый раскаленный уголь представляется огненнымъ кругомъ; растительность же станетъ съ неистовой поспѣшностію то возникать, то вновь исчезать. Всѣ кажущіеся намъ постоянными образы растворятся въ стремительности происхожденія и поглотятся въ дикомъ напорѣ возникновенія *).

Таковъ результатъ соединенной работы научнаго мышленія и воображенія Подобныя новыя систематическія и законосообразныя

*). Взято изъ сочиненій академика фонъ—Бэра.

построенія могутъ быть производимы въ самыхъ различныхъ сферахъ науки и жизни.

Итальянскій математикъ Бельтрами показалъ, какъ мы можемъ представлять точки, линіи и поверхности псевдосферическаго пространства трехъ измѣреній внутри эвклидовскаго плоскаго пространства. Гельмгольтцъ старался начертить картину, какими показались бы предметы псевдосферическаго міра, если бы можно было войти въ него наблюдателю, глазомѣръ котораго и пространственный опытъ пріобрѣтены на созерцаніи пространства, подобнаго нашему, эвклидовскому *).

Въ основу построенія мы можемъ положить слѣдующій тезисъ: главенство женщинъ въ общественно-государственной жизни и соотвѣтственное приниженіе мужчинъ. Мы строго логически можемъ выводить измѣненія во всей жизни человѣчества, вытекающія изъ главенства женщинъ, измѣненія, необходимо обусловливаемыя особенностями ихъ физической организаціи, умственнаго склада, чувствованій и способовъ дѣятельности. На эту тему одинъ англійскій публицистъ написалъ цѣлую книгу.

Въ области собственно художественнаго творчества точно также вполнѣ возможно соединеніе научнаго мышленія и воображенія. Такъ называемый реальный романъ есть ничто иное, какъ плодъ съ одной стороны серьезнаго, тщательнаго и разнообразнаго наблюденія и изученія жизни, а съ другой—плодъ чисто художественной обработки собраннаго и изученнаго матеріала. И не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что великія художественныя произведенія, имѣющія пройти въ своей первоначальной свѣжести „вѣковъ завистливую даль“, могутъ быть созданы только путемъ такой двойной научно-художественной работы, равно какъ и чисто научныя произведенія, никогда не обходящіяся безъ широкой помощи воображенія.

XVIII.

Различеніе, отвлеченіе, связываніе по одновременности и послѣдовательности, запоминаніе лежатъ въ основѣ всей дѣятельности нашего ума, ихъ нѣкоторымъ совершенствомъ обусловливается возможность возникновенія болѣе сложныхъ и точныхъ мыслительныхъ процессовъ, каковы описываемыя логикой индукція, дедукція,

*) См. статьи Гельмгольтца въ Mind, 1876 г. July № 3 и 1878 г. April. № 10, The Origin and Meaning of geometrical Axioms.

опредѣленіе и т. п. Если человѣкъ слабъ въ такой элементарной дѣятельности, какъ отличеніе одного предмета отъ другаго, если ему трудно, почти невозможно, мыслить качество предмета отдѣльно отъ этого послѣдняго, если онъ запоминаетъ крайне туго и плохо, то ему, конечно, не до силлогизмовъ, не до индукцій, не до опредѣленій. Всѣ эти процессы ему недоступны, потому что они предполагаютъ уже и различеніе и отвлеченіе и запоминаніе, его невозможно убѣдить самымъ стройнымъ силлогизмомъ, потому что силлогизмъ непонятенъ подобному уму, превосходитъ его силы. Чисто логическое мышленіе есть явленіе сравнительно позднее въ исторіи ума, оно возникаетъ позже сложнаго образнаго связыванія. Цѣлые предметы различаются и обособляются раньше отдѣльныхъ свойствъ и связи сначала возникаютъ между цѣлыми образами, а потомъ ихъ свойствами. Поэзія возникаетъ раньше прозы, поэты являются раньше философовъ, религіозныя образныя представленія раньше отвлеченныхъ богословскихъ системъ. Да и въ настоящее время чисто логическому мышленію далеко еще до господства — логично мыслятъ очень немногіе.

Поэтому нельзя смотрѣть на такъ называемые логическіе законы какъ на дѣйствительные законы, законы природы, а на логическіе процессы какъ на вѣчно и неизбѣжно присущіе человѣческому уму. Логиками и въ прежнее время и теперь нерѣдко высказывалась мысль, что логическіе законы и процессы всеобщи и неизмѣнны, что они суть законы и процессы естественные и потому столь же необходимы и неизмѣнны, какъ и физическіе законы и процессы [1]). Нѣкоторые даже признавали логическіе законы не

*) Д. С. Милль: законы мышленія «могутъ или не могутъ подлежать перемѣнѣ отъ опыта, но условія нашего существованія отрицаютъ для насъ такой опытъ, который требовалъ бы нарушенія ихъ». (Обзоръ философіи Гамильтона, стр. 390; ср. 361—365). Н. Гротъ. «процессы мышленія (разумѣются логическіе), какъ и всѣ другіе процессы въ организмѣ, слѣдуютъ строго опредѣленнымъ самою организаціею этого послѣдняго законамъ и думать, что законы эти въ какомъ нибудь случаѣ могутъ быть нарушены или обойдены, уже a priori было бы совершенно абсурдомъ: это значило бы именно отказаться отъ идеи «законности» и «неизмѣнности» процессовъ природы и даже отъ самой идеи «организма», которая основана на предположеніи, что всѣ столько же физическіе, сколько и психическіе процессы въ животныхъ и въ человѣкѣ предопредѣлены самымъ устройствомъ и взаимными отношеніями извѣстныхъ элементовъ, ихъ составляющихъ» (Къ вопросу о реформѣ логики. Стр. 299—300). Липпертъ: Die Logik allein ist es, welche wir mit dem Urmenschen qualitativ gemein haben; das Gefuhlwesen trennt uns von einer anderen Spezies. (Kulturgeschichte der Menschheit, 1, 49).

только законами мысли, но и природы, имѣющими не логическое только, но и метафизическое значеніе.

Такое мнѣніе о логическихъ законахъ и процессахъ совершенно неправильно. Какъ бы ни казались основныя начала мышленія, въ родѣ принциповъ тожества и противорѣчія, существенными и необходимыми для мышленія, которыми не пользоваться, которыхъ не соблюдать невозможно, повидимому, а построенные на нихъ процессы простыми и естественными; тѣмъ не менѣе логическіе законы суть только правила, а не законы, они могутъ быть нарушаемы и очень далеки отъ характера физическихъ законовъ; логическіе процессы не суть необходимость для ума при мышленіи, мышленіе можетъ совершаться и помимо ихъ.

Логическое мышленіе далеко не покрываетъ всего мышленія, наиболѣе высокіе и сложные умственные акты не всегда поддаются логической формулировкѣ. Это особенно нужно сказать про открытіе новыхъ мыслей, законовъ, научныхъ формулъ. Какіе процессы совершаются въ головѣ человѣка за моментъ открытія имъ новой идеи, когда его умъ всецѣло поглощенъ представляющимися мыслями и фактами, когда онъ быстро скользитъ по нимъ, сопоставляя ихъ, и когда вотъ-вотъ эти факты и мысли, сейчасъ разрозненные и безпорядочные, освѣтятся неожиданнымъ свѣтомъ новой идеи и явятся уму болѣе или менѣе стройнымъ цѣлымъ? Одно можно смѣло утверждать, что привести размышленіе такого человѣка къ какой либо опредѣленной логической схемѣ рѣшительно невозможно, въ такомъ мышленіи все есть: и логическіе процессы, и простыя ассоціаціи, и какія то умственныя предчувствія, и совершенно неожиданные обороты мысли и все это отчасти является и присутствуетъ одновременно, отчасти быстро смѣняетъ другъ друга, мелькаетъ въ умѣ — какая тутъ логика? Кто ее разъяснитъ? Кто укажетъ ея законы и правила? Наша настоящая логика съ своимъ аппаратомъ индукцій и дедукцій начинаетъ дѣйствовать только тогда, когда новая идея уже явилась, когда искомое сопоставленіе сдѣлано и его нужно выяснить, провѣрить, опредѣлить, словомъ оформить. Тогда начинаетъ работать логика. Не даромъ послѣдователи теоріи интеллектуальнаго созерцанія и мистики всѣхъ родовъ признавали за логикой второстепенное значеніе въ дѣлѣ мышленія.

На ряду съ высокими и сложными процессами, элементарные также находятся внѣ предѣловъ формальной логики. Элементы изслѣдованы въ предшествующихъ очеркахъ, они состоятъ въ раз-

ныхъ видахъ различенія и связыванія по законамъ ассоціаціи. Естественное мышленіе и ограничивается этими элементами безъ всякой дальнѣйшей переработки и сложныхъ комбинацій. Для естественнаго мышленія логическіе законы и процессы не имѣютъ обязательности и значенія, оно не знаетъ ихъ; первоначальное различеніе, смѣшеніе, первыя ступени абстракціи, миѳологическое пониманіе явленій и т. д. — всѣ эти процессы въ рамки нынѣшней логики совсѣмъ не укладываются, если въ естественномъ мышленіи много, съ нашей точки зрѣнія, нескладицъ и противорѣчій, то оно, тѣмъ не менѣе, не перестаетъ быть мышленіемъ, оно все же различаетъ и связываетъ, хотя бы и несовершенно. Въ естественномъ некультивированномъ мышленіи бываетъ столько порядка и логики, сколько ихъ бываетъ въ расположеніи окружающихъ предметовъ природы и смѣнѣ явленій, насколько хватитъ у ума силы правильно различить и обобщить явленія. Вотъ примѣръ естественнаго мышленія, безъ всякаго признака логическихъ правилъ, законовъ, логической послѣдовательности и основательности — монологъ дитяти двухъ съ половиною лѣтъ. Въ комнатѣ топится каминъ и дымитъ. «Димъ идетъ! (замахивается на него палкой) паселъ! паселъ! Не слусается меня. Вотъ какарка (карандашъ) мой, надо оцинить. Баланчикъ (беретъ въ руки игрушечнаго барана), не надо въ пецку (предъ этимъ кто-то хотѣлъ бросить игрушку въ печку и дитя сильно плакало); козликъ у бабуски (поетъ), рисую дороску (принимается за бумагу и карандашъ), концу дороску, люльку вѣсу я (протыкаетъ бумагу карандашемъ и качаетъ ее). Пойду къ Масуткѣ маленькумъ, цвѣточки попросу я (поетъ, въ пѣснѣ есть стихъ: повѣшу вѣночекъ на люльку) Ротъ рисую я (опять берется за карандашъ), зувать надо (дитяти часто говорили во время ѣды: надо жевать). Показу (убѣгаетъ), праба (правда), вамите (возьмите)» *). Это цѣлое разсужденіе, но только безъ всякой логики, направляемое получаемыми впечатлѣніями отвнѣ и связанное законами ассоціаціи—смежности и сходства.

Что касается собственно логическаго связыванія, то оно, составляя дальнѣйшую переработку связыванія законами ассоціаціи, естественно на немъ основывается и развивается постепенно. Логическіе законы и правила имѣютъ цѣлью руководить нашимъ мышленіемъ, показать, каково оно должно быть. Логика изображаетъ идеальное, а не дѣйствительное мышленіе; логическія начала

*) Симоновичъ, О дѣтскомъ языкѣ. Стр. 26.

и правила представляютъ собою сложный умственный аппаратъ для провѣрки мыслей и обсужденія и позади себя предполагаютъ нижній, болѣе основной слой мысли; логика есть словомъ дѣло искусства, культуры, а не природы. Конечно, нельзя, на основаніи сказаннаго, смотрѣть на логику какъ на что-то неестественное; логическія правила и начала мышленія естественны, но на столько же, насколько естественна человѣку вся культура. Культура не дана человѣку первоначально природой, она создана самимъ человѣкомъ, создана вполнѣ естественно и даже, можетъ быть, необходимо. Логическое мышленіе есть естественное мышленіе, но усовершенствованное, культивированное и предполагаетъ позади себя естественное мышленіе, не улучшенное культурой. Логическое мышленіе, существующее въ настоящее время и изображаемое намъ логикой, выработывалось постепенно, съ помощію анализа и наблюденія самого мышленія. Приглядываясь къ своему мышленію, наблюдая различныя комбинаціи идей, человѣкъ замѣчалъ удачныя и неудачныя и, формулируя правила удачныхъ комбинацій, онъ такимъ образомъ восходилъ къ состоянію мышленія болѣе высокому и совершенному, чѣмъ какое было его удѣломъ раньше Формулировка правилъ мысли можетъ происходить не только въ видѣ развитія логическихъ ученій, а просто каждымъ мыслителемъ для себя, въ улучшеніи индивидуальной логики. Такимъ образомъ мышленіе логическое, методическое есть результатъ культуры, наблюденія безчисленныхъ ошибокъ, результатъ самоисправленія мыслительности. Логическіе каноны суть вторично естественные, а не даны въ первоначальной мыслительности, они представляютъ идеалъ мышленія, осуществляющійся только постепенно. Поэтому логическіе правила и процессы не имѣли и не имѣютъ всеобщаго и безусловнаго приложенія, съ нарушеніями логическихъ принциповъ умъ мирился и еще мирится довольно легко, часто даже совсѣмъ не замѣчаетъ ихъ. Поэтому нѣкоторые выдающіеся мыслители не раздѣляли и не раздѣляютъ логическихъ законовъ и положеній — идеалы свойственно понимать и вырабатывать на свой собственный ладъ и образецъ.

Логическое мышленіе развивалось параллельно съ культурой. Пока въ людяхъ господствовали личные интересы и страсти и общественныя связи были слабы, до тѣхъ поръ въ логикѣ нужды не чувствовалось, да она и была бы въ то время только помѣхой. Людскіе личные интересы и страсти различны и перемѣнчивы: сегодня человѣкъ стремится къ одному, завтра увлекается другимъ, послѣ-

завтра третьимъ. Какая тутъ логика? Даже и культурный человѣкъ, отдающійся своимъ страстямъ и прихотямъ, врагъ логики; темпераментъ, потребности возраста, мимолетныя желанія—вотъ его логика, начала, имъ управляющія. По мѣрѣ развитія общественности и культуры принципы мышленія и дѣйствія теряли свою первоначальную измѣнчивость, становились тверже. послѣдовательнѣе; нужно было постоянно принимать во вниманіе интересы другихъ, мирить и соподчинять личныя и общественныя стремленія, не перескакивать быстро отъ одной задачи къ другой. А все это, вмѣстѣ взятое, водворяло нѣкоторый порядокъ и гармонію въ психической жизни. Но и этотъ порядокъ былъ довольно ограниченъ и одностороненъ, такъ какъ касался преимущественно практической стороны, оставляя въ сторонѣ всякую теорію, и ставилъ задачи, не намѣчая логически правильныхъ путей къ ихъ достиженію. Общественныя и народныя стремленія притомъ измѣняются, хотя и не такъ быстро, какъ личныя, а вмѣстѣ съ ними долженъ былъ измѣняться весь складъ мышленія и представленій людей. Мысль оказывалась все же недостаточно твердой и систематичной.

Царство логики началось только съ тѣхъ поръ, когда были поставлены, подъ вліяніемъ окрѣпшей культуры, различные теоретическіе вопросы, когда стали интересоваться выясненіемъ и опредѣленіемъ житейски, повидимому, совершенно отчетливыхъ понятій, каковы напр. добродѣтель, мужество, красота и т. п., чѣмъ такъ интересовался Сократъ, когда въ изслѣдованіи подобныхъ вопросовъ приняли участіе люди различныхъ общественныхъ положеній, племенъ, никогда не видавшіе и не знавшіе другъ друга. Личные интересы и страсти при такихъ изслѣдованіяхъ должны были умолкнуть, разсужденіе нужно было вести безстрастно, на основаніи объективныхъ данныхъ. Такъ возникла логика, различные каноны и правила, опредѣляющіе порядокъ и формы мышленія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о развитіи логическаго связыванія, мы коснемся въ частности исторіи законовъ тожества, противорѣчія и достаточнаго основанія.

Исторія культуры несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что законъ тожества далеко не имѣлъ въ мышленіи того значенія, какое ему приписываютъ логики. Ни практика мышленія, ни его теорія, на сколько она существовала въ древнія времена, не давали большаго значенія закону тожества, а признавали основнымъ закономъ бытія и мышленія другое начало, прямо противоположное тожеству—принципъ превращенія существъ и явленій. Если, по закону тожества,

каждая вещь есть то, что она есть, А есть А, то по принципу превращенія эта вещь есть эта вещь и въ тоже самое время другая, что она одновременно есть А и Б. Вѣра въ превращаемость существъ и явленій была очень распространена въ родѣ человѣческомъ, ее раздѣляли и дикія племена и многіе культурные народы, особенно на первыхъ порахъ своего умственнаго развитія. Въ смягченномъ видѣ она, можно сказать, держится до нѣкоторой степени и въ настоящее время. Принципъ превращенія являлся въ разное время и у разныхъ народовъ подъ разными формами. Можно указать слѣдующіе частные его виды, постепенно смягчающіеся и мало по малу приводящіе къ признанію относительнаго тожества явленій.

1) собственно превращеніе существъ, когда существо превращающееся заново создаетъ тотъ предметъ, въ который превращается, предметъ, существующій недолгое время и по исчезновеніи котораго превращавшееся существо возвращается къ своему первоначальному образу бытія;

2) переселеніе существа въ другой уже существующій организмъ, при чемъ физическая и психическая жизнь переселившагося существа есть жизнь того организма, въ который существо переселилось. Такая жизнь продолжается во все время естественнаго существованія организма, въ который совершено переселеніе;

3) временное замѣщеніе существа другимъ, высшимъ, чаще всего злымъ, при чемъ самодѣятельность замѣщеннаго существа прекращается или значительно стѣсняется на большее или меньшее время и

4) развитіе новыхъ высшихъ существъ изъ прежнихъ низшихъ, сложныхъ изъ простыхъ, при чемъ новыя существа получаютъ новыя формы и свойства.

По порядку разсмотримъ эти четыре частныя формы принципа превращенія.

Самая сущность первой формы превращенія такова, что она не можетъ быть достояніемъ каждаго существа. Чтобы создать заново изъ ничего тотъ предметъ, въ который существо превращается, для этого необходимо имѣть силы, высшія обыкновенныхъ человѣческихъ. Творческою способностію создавать новыя существа простой смертный не владѣетъ. Естественно поэтому, что первая форма превращенія никогда не распространялась на всѣхъ людей, а приписывалась только нѣкоторымъ, владѣвшимъ силами, высшими обыкновеннаго человѣка. Таковы были колдуны, волшебники, иногда начальники племенъ и всѣ, стоявшіе въ связи съ божественными и демоническими существами. По преимуществу же указанная форма превра-

щенія приписывалась богамъ. Боги въ всякое время могли превратиться въ любое существо, въ любой предметъ, могли и другихъ превратить. Благочестивые преданія и разсказы самыхъ различныхъ народовъ свидѣтельствуютъ, что боги превращались очень часто и въ очень различныя существа по различнымъ обстоятельствамъ. Чѣмъ ближе былъ богъ къ человѣку, чѣмъ дѣятельнѣе онъ занимался управленіемъ и судьбами дѣлъ человѣческихъ, чѣмъ большему числу лицъ—своимъ любимцамъ и любимицамъ—онъ покровительствовалъ, а своихъ оскорбителей и непочитателей упорнѣе преслѣдовалъ, тѣмъ чаще ему было нужно сходить съ своего Олимпа на землю, вмѣшиваться въ людскія толпы, непосредственно руководить, ободрять, мстить. Но явиться богу среди людей во всемъ своемъ божескомъ величіи было неудобно и вотъ тогда богъ превращался. Превращенія, смотря по обстоятельствамъ, были различныя; чаще всего боги превращались въ людей. Иліада, изображающая намъ тѣсное сплетеніе дѣлъ божескихъ и человѣческихъ, даетъ многочисленные примѣры превращенія боговъ въ людей. Боги превращались, являясь людямъ, или въ человѣка извѣстнаго толпѣ, чтобы увлечь ее авторитетомъ извѣстнаго лица, или же, смотря по нуждѣ, являлись въ видѣ простыхъ мужчинъ, женщинъ, воиновъ, странниковъ. По сказаніямъ другихъ народовъ (индійскихъ, египетскихъ), боги превращались въ животныхъ и даже въ неодушевленные предметы. Самъ Зевсъ низошелъ къ Данаѣ въ видѣ золотого дождя; онъ же превращался и въ быка. По ученію буддистовъ, Будда испыталъ 550 превращеній и кѣмъ только онъ не былъ во время этихъ превращеній—и лягушкой и рыбой и змѣей и бекасомъ и царемъ и врачемъ и отшельникомъ. Буддисты такъ твердо вѣрятъ въ дѣйствительность этихъ превращеній, что въ буддистскихъ храмахъ сохранялись, въ видѣ реликвій, шерсть, перья и кости тѣхъ животныхъ, въ тѣлахъ которыхъ обиталъ великій учитель.

По вѣрованіямъ дикарей, колдуны и колдуньи владѣютъ способностью превращаться въ животныхъ. По мнѣнію хондовъ, колдуньи имѣютъ способность превращаться въ тигровъ. Когда аллигаторъ схватитъ ребенка во время купанья въ рѣкѣ или леопардъ утащитъ козу, то булломы придерживаются того мнѣнія, что это разбойническое нападеніе сдѣлано не настоящимъ леопардомъ или аллигаторомъ, но какой нибудь колдуньей, принявшей на себя видъ одного изъ этихъ животныхъ. Подобное же вѣрованіе существовало у мексиканцевъ, у обитателей Гондураса, у чипчасовъ. Нѣкоторые изъ африканцевъ вѣрятъ, что будто бы живой вождь можетъ обра-

титься въ льва, умертвить кого ему заблагоразсудится и затѣмъ снова принять видъ человѣка. Поэтому, увидѣвъ льва, они начинаютъ хлопать въ ладоши, что служитъ между ними обычнымъ знакомъ привѣтствія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта воображаемая способность распространяется народомъ и на родственниковъ вождя. Швейнфуртъ разсказываетъ, что однажды въ Галабамѣ онъ застрѣлилъ гіену, за что долженъ былъ выслушать не мало упрековъ со стороны шейха, потому что, по его словамъ, его собственная мать была «женщина — гіена». Когда волшебники абипоновъ, по разсказу Добрицгофера, бываютъ чѣмъ нибудь оскорблены или думаютъ напугать врага, они угрожаютъ, что сейчасъ же на мѣстѣ превратятся въ тигра и растерзаютъ все на куски. Едва они начинаютъ подражать рыканію тигра, какъ всѣ, находящіеся вблизи волшебника, въ ужасѣ разбѣгаются, однако издали прислушиваются къ рыканію, которому подражаетъ волшебникъ. Они кричатъ въ ужасѣ: «вотъ онъ уже покрывается тигровыми пятнами, вотъ у него отрастаютъ уже когти», хотя они и не могутъ видѣть обманщика, запрятавшагося въ хижину. Миссіонеръ прибавляетъ, что онъ старался разубѣдить туземцевъ, показать нелѣпость ихъ страха, но они упорно держались своего взгляда. Вѣра въ оборотней также очень распространена и сохраняется даже доселѣ, напр. у славянъ вѣра въ «вилколаковъ», т. е. людей, превращенныхъ колдовствомъ въ волковъ. Если ранить такого волка—оборотня, то рана окажется на соотвѣтствующемъ органѣ у человѣка, превращеннаго волшебникомъ въ волка. Вообще вѣра въ способность нѣкоторыхъ людей превращаться на время въ хищныхъ животныхъ проходитъ, по замѣчанію Тэйлора, чрезъ дикій, варварскій, классическій, восточный и средневѣковой періоды и живетъ до сихъ поръ въ суевѣрныхъ понятіяхъ Европы.

Дѣти вполнѣ вѣрятъ въ превращаемость и другихъ лицъ и самихъ себя, думаютъ, что и взрослые раздѣляютъ ихъ вѣру въ превращаемость существъ и явленій. Дитя можно серьезно напугать, ставъ на четвереньки, заявивъ, что вотъ теперь я волкъ или медвѣдь, и зарычавъ соотвѣтственнымъ образомъ. Ничего невозможнаго въ такомъ быстромъ превращеніи дѣти не видятъ. Пятилѣтній мальчикъ игралъ съ своею матерью. Онъ заявилъ, что будетъ львомъ, надѣлъ на голову полотенце, сталъ на четвереньки и зарычалъ. Мать притворилась, что испугалась, и закричала: ай, ай, боюсь льва. Тогда мальчикъ, очень любившій мать, бросился къ ней со словами· мамочка, милая, я не левъ.—Нѣтъ, ты левъ. Вотъ

у тебя грива, я тебя боюсь, говорила мать, прячась. Тогда мальчикъ уже со слезами началъ увѣрять: мамочка, я не левъ. Я твой сынокъ, посмотри хорошенько.

Другая частная форма принципа превращенія есть ученіе о переселеніи существъ, точнѣе душъ въ другіе организмы, низшіе по достоинству и высшіе. Это ученіе раздѣлялось и дикарями и образованными древними націями и способность переселенія признавалась не за нѣкоторыми только людьми, а за всѣми. Переселеніе въ то или другое существо обусловливалось поведеніемъ души за время земнаго существованія. Переселившись, нѣкоторыя души, по воззрѣнію индусовъ, почти совсѣмъ не помнили о своемъ прежнемъ существованіи и какъ бы родились вновь. Ихъ умственная дѣятельность встрѣчала препятствія, онѣ были какъ бы оглушены. Другія же души, напротивъ, хранили впечатлѣнія прежней жизни и до нѣкоторой степени руководствовались ими. Только что родившаяся обезьяна близко держится своей матери и слѣдуетъ за нею съ вѣтки на вѣтку; какъ она могла бы обнаружить такую ловкость, еслибы не хранила воспоминаній о прежнемъ существованіи? Встрѣчаются рѣдкія указанія и у другихъ народовъ на то, что душа, переселившись въ новый организмъ, вспоминаетъ по какому либо поводу о своемъ житьѣ-бытьѣ въ прежнихъ организмахъ.

Души переселяются или въ другихъ людей или въ животныхъ. И то и другое вѣрованіе очень распространено между дикими и недикими племенами. Сѣвероамериканскіе индѣйцы алгонкинскихъ округовъ хоронятъ умершихъ дѣтей возлѣ дороги, чтобы ихъ души могли перейти въ проходящихъ мимо матерей и такимъ образомъ родиться вновь. Въ сѣверо-западной Америкѣ у такулліевъ мы находимъ непосредственное перенесеніе души врачемъ, который возлагаетъ руки на грудь умирающаго или умершаго, затѣмъ простираетъ ихъ надъ головой родственника и дуетъ чрезъ нихъ. Первый ребенокъ, рождающійся у этого родственника, одушевляется отлетѣвшей душой и получаетъ имя и положеніе покойника. Переселеніемъ душъ предковъ въ рождающихся дѣтей дикари объясняютъ родовое и фамильное сходство между предками и потомками. Іорубы, привѣтствуя новорожденное дитя словами «ты вернулся», ищутъ какихъ либо признаковъ, чтобы узнать, душа котораго изъ предковъ вернулась въ его образѣ. Темнокожія расы вѣрили, что бѣлые люди суть души ихъ покойниковъ, вернувшіяся на землю въ этой странной формѣ Австралійцы выразили это вѣ-

рованіе въ простомъ заклинаніи: «исчезни черный человѣкъ, встань бѣлый человѣкъ».

Души людей могутъ переселяться и въ животныхъ. Обитатели Гвіаны считаютъ ягуаровъ «одержимыми духами людей»; суматранцы полагаютъ, что тигры дѣйствуютъ вообще подъ вліяніемъ духовъ умершихъ людей; обитатели Тласкалы вѣрили, что души знатныхъ людей переселялись по смерти въ тѣла красивыхъ и сладкогласныхъ птицъ, а также въ тѣла болѣе благородныхъ четвероногихъ; души же людей низкаго званія переходили въ жуковъ, червей и т. п. Такія же вѣрованія встрѣчаются у африканцевъ, напр. зулусовъ и многихъ другихъ племенъ.

Культурные народы Индіи и Египта и послѣдователи буддизма развили ученіе о переселеніи душъ въ обширную и стройную систему. Особенно въ Индіи эта система имѣла большое значеніе. Тамъ на тѣло смотрѣли просто какъ на временную резиденцію души, которой предстояла неизбѣжная и трудная задача — совершить очень длинный рядъ воплощеній въ самые различные организмы. Міръ есть ничто иное, какъ громадное чистилище, въ которомъ мало по малу совершается отпаденіе всего грѣховнаго отъ души человѣческой. Рядъ переселеній души идетъ въ нисходящемъ порядкѣ отъ боговъ и святыхъ—за высокія качества законы Ману обѣщали душѣ божественную природу—чрезъ ряды высшихъ аскетовъ, брахмановъ, нимфъ, царей и министровъ къ актерамъ, пьяницамъ, птицамъ, плясунамъ, мошенникамъ, слонамъ, лошадямъ, судрамъ, варварамъ, дикимъ звѣрямъ, змѣямъ, червямъ, насѣкомымъ и неодушевленнымъ предметамъ. Смотря по душевному настроенію, въ которомъ человѣкъ совершаетъ тотъ или другой поступокъ, онъ пожнетъ плоды его, переселяясь въ существо, снабженное соотвѣтствующими качествами. Такимъ образомъ всѣ существа сходны по своей сущности и разнятся только по степени, всѣ они родственны человѣку; обезьяна, слонъ или червякъ могли быть нѣкогда людьми и снова могутъ принять человѣческій образъ; парія или варваръ составляютъ низшую касту между людьми и высшую между животными. Изъ греческихъ мыслителей переселеніе душъ допускали Пиѳагоръ и Платонъ.

Третья частная форма принципа превращенія есть временное замѣщеніе или одержаніе существа силой посторонней, при чемъ самостоятельность существа или подавляется или на извѣстный срокъ совсѣмъ уничтожается. И эту форму принципа превращенія мы встрѣчаемъ и у дикарей и у образованныхъ націй. У дикарей

вѣра во временное вселеніе какого либо духа или души въ посторонній организмъ очень распространена. Болѣзни, физическія и психическія, и даже самая смерть дикарями объясняются очень часто вселеніемъ въ человѣка духовъ, производящихъ болѣзни. Отдѣльные органы тѣла и отдѣльныя болѣзни находятся въ вѣдѣніи особыхъ духовъ, которые и причиняютъ болѣзни въ подвѣдомственныхъ имъ органахъ.

Теорія духовъ, причиняющихъ болѣзни, въ своемъ крайнемъ развитіи встрѣчается у очень низко стоящаго племени минтира на Малайскомъ полуостровѣ. Ихъ духи «ганту» между прочими функціями имѣютъ обязанность причинять болѣзни; такъ «ганту калюмбаганъ» причиняетъ оспу; «ганту камангъ» — воспаленія и опухоли рукъ и ногъ; если человѣкъ раненъ, «ганту пари» приникаетъ къ ранѣ и начинаетъ сосать, отчего происходитъ кровотеченіе. «Перечислять остальныхъ ганту, говоритъ описаніе, значитъ замѣнять названіе каждой болѣзни, извѣстной минтирамъ, собственнымъ именемъ. Если бы у нихъ появилась какая нибудь новая болѣзнь, то она была бы приписана «ганту» того же имени». Дайяки, которые, подобно австралійцамъ, всякую болѣзнь приписываютъ духамъ, подобно австралійцамъ же олицетворяютъ всѣ болѣзни. Спрашивая о томъ, прошла ли у васъ оспа, они никогда не назовутъ ее по имени, а скажутъ: «оставилъ ли онъ васъ?» Иной разъ они называютъ ее вождь. Въ Новой Зеландіи думаютъ, что различныя части тѣла: лобъ, грудь, желудокъ, ноги, принадлежатъ различнымъ божествамъ, которыя посылаютъ въ нихъ различные недуги и боли. Поселяясь въ человѣкѣ, духъ гложетъ и поѣдаетъ паціента. Если человѣкъ умираетъ внезапно, это значитъ, что духъ, овладѣвшій имъ, заѣлъ его. На островахъ Товарищества и Георга думаютъ, что злые демоны ниспосылаются корчить и мучить людей судорогами и истерическими припадками, терзать несчастныхъ больныхъ какъ бы зазубренными крючьями или крутить и вязать въ узлы ихъ внутренности, пока жертва не умретъ въ жестокихъ мученіяхъ. Въ восточной Африкѣ объясненіе помѣшательства и идіотизма выражается весьма просто и типично въ словахъ: «въ немъ сидятъ демоны» *).

*) Многочисленные факты о различныхъ формахъ превращенія можно находить у Тэйлора, Первобытная культура, т. II, у Спенсера, Основанія соціологіи, т. I, у Bastian'a, Der Mensch in der Geschichte, два тома. О превращеніи людей въ частности въ деревья и о переселеніи душъ въ деревья см. Мандельштаммъ, Опытъ объясненія обычаевъ, созданныхъ подъ вліяніемъ миѳа. Спб., 1882 г., гл. V и VII.

Во времена просвѣщенныя ученіе о замѣщеніи одного существа другимъ высшимъ также процвѣтало, особенно въ средніе вѣка. Духъ злобы и лукавства завладѣвалъ тогда весьма большимъ количествомъ людей и заставлялъ дѣлать ихъ, что ему было угодно. Съ XII по XVI вѣкъ господство лукаваго духа возрастало весьма быстро, такъ что въ 1600 году въ одной Франціи колдуновъ и колдуней было около 300,000. Шестнадцатый вѣкъ былъ, какъ выражается Рише, «золотымъ вѣкомъ сатаны», теорія замѣщенія была разработана тогда обстоятельно. Различали два частные вида замѣщенія: овладѣніе (la possession) и одержаніе (l'obsession). Овладѣніе есть полное завладѣніе человѣкомъ со стороны дьявола, когда духъ коварства подчинилъ себѣ и тѣло и душу несчастнаго. Одержаніе же есть болѣе легкая форма, простое преслѣдованіе человѣка сатаной, отъ котораго можно было избавиться молитвой и милостыней. Конечно, при ближайшемъ изслѣдованіи этихъ двухъ частныхъ формъ принципа превращенія возникали новые вопросы и затрудненія по части отношенія вселившагося бѣса къ человѣку и инквизиторы считали нужнымъ выяснять вопросъ далѣе. Такъ они обсуждали, входитъ ли демонъ въ субстанцію человѣка или въ его силу (en substance ou en puissance), въ тѣло или въ душу. Лица, подвергшіяся сатанинскому вліянію, не всегда были виновны въ томъ, что въ нихъ поселился дьяволъ, иногда это случалось противъ ихъ воли. Тогда нужно было заботиться объ изгнаніи дьявола заклинаніями, наказывать же человѣка не слѣдовало. А нерѣдко дьяволъ входилъ въ человѣка по желанію послѣдняго; тогда между человѣкомъ и дьяволомъ заключался договоръ и такой человѣкъ есть собственно не одержимый уже, а колдунъ или колдунья *).

Замѣщеніе силы и воли человѣческой высшей волей не всегда исходитъ отъ существа, враждебнаго человѣку, но нерѣдко и доброе божество, овладѣвая душей человѣка, руководитъ имъ, подавляя въ большей или меньшей степени его самостоятельность. Когда жрецъ приходитъ въ особенное экстатическое состояніе и начинаетъ пророчествовать, тогда вѣрующіе обыкновенно полагаютъ, что божество говоритъ его устами. И всѣ вообще пророки, пиѳіи, прорицатели, какъ скоро ихъ прорицанія имѣли въ виду благо людей, находились въ болѣе или менѣе тѣсныхъ и непосредственныхъ связяхъ съ божествомъ. По словамъ Сократа, какое то божество давало

*) Charles Richet, L'Homme et l'intelligence, 1884, p. 299, 305, 319 и др.

ему свои совѣты во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, вслѣдствіе чего онъ и отличался мудростію въ своихъ поступкахъ. Мистики всѣхъ временъ утверждали, что они время отъ времени находились въ непосредственномъ общеніи съ божествомъ. Познать истину чувствами и обыкновеннымъ мышленіемъ, при помощи выводовъ, невозможно, источникъ истиннаго знанія есть созерцаніе душей божества лицемъ къ лицу, когда душа погружается въ безконечное, на время сливается съ нимъ, теряя свою индивидуальность. Дать точное изображеніе такого созерцанія они, конечно, не могли, такъ какъ оно превосходитъ обыкновенное пониманіе человѣка. Нерѣдко они описывали его весьма грубо и чувственно, въ видѣ соприкосновенія души съ божествомъ («est arcanus sensus, contactus quidam obscurus..... quo sentitur magis Deus quam intelligitur, tangitur potius quam videtur». Томассенъ). Въ средніе вѣка, на ряду со множествомъ одержимыхъ бѣсами, было не мало и такихъ лицъ, которыя дѣйствовали подъ вліяніемъ добрыхъ высшихъ существъ, ангеловъ и божества, и ихъ силою творили чудеса. Болѣе или менѣе продолжительное время такія лица точно такъ же находились подъ наитіемъ добрыхъ духовъ, какъ одержимые бѣсами подъ наитіемъ злыхъ. Рѣчи о поэтическомъ, ораторскомъ и научномъ вдохновеніи раздавались еще недавно, при чемъ разумѣлось какое то осѣненіе человѣка со стороны высшихъ силъ. По народнымъ представленіямъ и въ настоящее время или «лукавый» можетъ «попутать» человѣка или же добрая сила внушить хорошее намѣреніе *).

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ формы принципа превращенія допускаютъ превращеніе, большее или меньшее, въ настоящій моментъ. Тигръ растерзалъ человѣка. Тигръ ли это на самомъ дѣлѣ?

---

*) Можно указать еще одно видоизмѣненіе разсматриваемой формы принципа превращенія, именно когда дѣйствія, самодѣятельно совершенныя извѣстною личностію, не вмѣняются ей, или перестаютъ вмѣняться, вслѣдствіе нѣкоторыхъ дѣйствій постороннихъ личностей. Дѣйствія одной личности замѣняются дѣйствіями другой и такимъ образомъ первая личность отчасти превращается во вторую. Указываемое видоизмѣненіе очень рельефно выразилось въ такомъ англійскомъ обычаѣ: въ герфордскомъ графствѣ, а также въ Шропширѣ, издавна существовалъ обычай нанимать бѣдняковъ, которые должны были брать на себя грѣхи умершаго (Описательная соціологія Герберта Спенсера. Англія. Пер. подъ ред. Лучицкаго. 1878. Стр. 156), конечно, въ видахъ очищенія совѣсти этого умершаго. Какимъ образомъ можно взять на себя грѣхи другой личности, не превращаясь отчасти въ эту другую личность? Туже идею мы встрѣчаемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда одно лицо страдаетъ за другое и этому другому зачитаются страданія перваго.

Нѣтъ, это только кажущійся тигръ, по наружности, по кровожаднымъ инстинктамъ, а въ своей сущности это есть начальникъ племени или колдунъ, превратившійся въ тигра. Вотъ сейчасъ онъ былъ тигромъ, а теперь снова сдѣлался человѣкомъ. Такимъ образомъ въ данный моментъ тожество существа исчезаетъ: это и тигръ и не тигръ, и человѣкъ и не человѣкъ, это тигръ и человѣкъ вмѣстѣ, одновременно, и трудно опредѣлить, гдѣ кончается тигръ и начинается человѣкъ. — Змѣя вползаетъ въ шалашъ зулуса. Ее нельзя убить, потому что въ этой змѣѣ поселилась душа предка. Это не простая змѣя, а необыкновенная, змѣя-аматонго (аматонго есть названіе душъ предковъ). Тутъ опять на глазахъ уничтожается тожество существа: это змѣя и не змѣя, душа предка и въ тоже время змѣя.—Жрецъ прорицаетъ, обыкновенный человѣкъ совершаетъ какія то необыкновенныя дѣйствія. Это не они сами дѣлаютъ, это дѣлаютъ чрезъ нихъ боги и бѣсы. На время необычайныхъ состояній, они теряютъ свою личную самостоятельность и служатъ только орудіями высшихъ силъ. Кончится необычайное состояніе, прекратится это существованіе «внѣ себя», и тогда они снова будутъ принадлежать себѣ. Во время же наитія или овладѣнія тожество личности исчезаетъ, въ тѣло и душу человѣка проникаетъ высшій духъ и невозможно разграничить дѣятельность самого человѣка и духа, они сливаются, смѣшиваются. Три указанныя формы принципа превращенія могутъ быть обозначены коротко тремя глаголами: одно существо *превращается* въ другое (первая форма), *переселяется* въ другое (вторая форма), *замѣняется* другимъ (третья форма).

Есть новая, четвертая, форма принципа превращенія, которая коротко можетъ быть выражена такъ: одно существо *развивается* въ другое. По этой формѣ въ настоящій моментъ существованія никакого превращенія нѣтъ, по крайней мѣрѣ замѣтнаго; но оно имѣло мѣсто въ прошломъ и будетъ имѣть въ будущемъ; допускается тожество существа въ данный моментъ и отрицаются его тожество, его твердость и устойчивость въ прошломъ и будущемъ. Слѣдовательно четвертая форма принципа превращенія допускаетъ относительное тожество.

Эволюціонизмъ, въ какой бы формѣ мы его ни взяли, есть несомнѣнно частный видъ принципа превращенія. Сущность его заключается въ томъ, что есть основа міровой жизни, владѣющая извѣстною опредѣленностію и твердостію. Это есть или абсолютная идея или извѣстная сумма матеріи и безраздѣльныхъ съ нею

силъ. Но существенный предикатъ такой твердой опредѣленной основы есть способность непрерывнаго развитія, образованія безконечно длиннаго ряда болѣе и болѣе сложныхъ существъ. Жизнь, существованіе вселенной и есть развитіе, переходъ жизненныхъ формъ изъ одной въ другую; въ мірѣ все течетъ, все измѣняется, хотя въ глубинѣ, въ основѣ этого мѣняющагося непрерывно потока и лежитъ сущность съ опредѣленными качествами, сущность твердая, устойчивая. абсолютная идея или извѣстная сумма матеріи и ея силъ. Всѣ существа и явленія имѣютъ такимъ образомъ только относительную устойчивость и тожество, потому что они суть ничто иное, какъ частныя временныя формы, въ которыхъ выражается дѣятельность абсолютнаго начала. Тигръ несомнѣнно есть тигръ, а не человѣкъ; человѣкъ есть человѣкъ, а не богъ или бѣсъ, въ этомъ смыслѣ они тожественны и устойчивы. Но было время, когда не было ни тигра, ни человѣка, и тигръ и человѣкъ развились мало по малу изъ данныхъ элементовъ абсолютнаго начала. Формы, организмы живыхъ существъ на землѣ мѣнялись: въ одну эпоху развитія земли были одни, въ другую другіе. Нѣтъ основаній настоящее состояніе органической жизни на землѣ считать окончательнымъ. Все измѣнялось въ безконечномъ прошломъ, все измѣнится въ безпредѣльномъ будущемъ. А такъ какъ прошлое и будущее связываются настоящимъ, въ прошломъ же и будущемъ непрерывныя перемѣны, то и настоящее не есть нѣчто неизмѣнное, неподвижное, а рядъ измѣненій, незамѣтныхъ по своей малости, незамѣтныхъ для насъ, могущихъ понимать подобныя вещи только en masse.

Такимъ образомъ можно утверждать, что люди вообще никогда не признавали тожество существъ и явленій въ его рѣзкой буквальной формѣ, да и въ настоящее время это начало мысли имѣетъ только относительное значеніе. Въ той или другой формѣ, рѣшительно и прямо или слабѣе и косвенно, люди въ громадномъ большинствѣ отвергали принципъ тожества. Удивляться всеобщей вѣрѣ человѣчества въ превращаемость существъ и явленій нѣтъ особенныхъ основаній, эта вѣра фактъ въ высшей степени естественный, на который природа со всѣхъ сторонъ наталкиваетъ человѣка. Куда бы первобытный человѣкъ не оглянулся, онъ всюду видѣлъ значительныя измѣненія, ростъ, различныя ступени развитія, которыя его неопытному уму казались превращеніями: самъ онъ сталъ совсѣмъ другой съ теченіемъ времени, изъ слабаго неразумнаго дитяти превратился въ могучаго и хитраго воина; вокругъ него на каждомъ шагу превращенія: то было яйцо, а затѣмъ изъ яйца вы-

шла птица; то былъ жолудь, а потомъ изъ жолудя сдѣлался дубъ; лѣтомъ природа такова, а зимой совсѣмъ другая. Нечего и говорить о такихъ сравнительно рѣдкихъ явленіяхъ, какъ напр одна бабочка (индійскій родъ kallima), которая, садясь обыкновенно на вѣтви съ засохнувшими листьями, сама бываетъ чрезвычайно похожа на сухой листъ. Когда она вспархиваетъ, то производимое ею впечатлѣніе таково, какъ будто бы одинъ изъ листьевъ внезапно превратился въ бабочку.

Къ мысли о превращеніяхъ нужно еще прибавить мысль объ исчезновеніи, разрушеніи явленій не только по формѣ, но и по матеріи. Убѣжденіе въ постоянной сохраняемости вещества и физическихъ силъ, въ отсутствіи какой либо убыли въ нихъ, есть мысль новая и доселѣ чуждая массамъ; дикарю она совсѣмъ неизвѣстна, даже всѣ явленія его опыта противъ такой мысли. Исчезновеніе явленій онъ наблюдаетъ постоянно. Были облака на небѣ, а потомъ исчезли; дулъ вѣтеръ, а потомъ стихъ; были на деревьяхъ листья, а потомъ пропали. Куда дѣвались всѣ эти предметы? Чувства свидѣтельствуютъ, что они были и исчезли. Естественно, что мышленіе первобытнаго человѣчества легко мирилось съ идеей исчезновенія, какъ легко мирятся съ ней наши дѣти. При мысли объ исчезновеніи не только извѣстныхъ формъ явленій, но и самой матеріи, всѣ возможныя превращенія могли совершаться свободнѣе; явленія то превращались, то совсѣмъ исчезали, рядъ непрерывныхъ измѣненій заканчивался самымъ главнымъ—переходомъ вещи въ небытіе

Если правъ былъ древній философъ, сказавшій, въ виду перемѣнъ и въ самомъ себѣ и въ окружающемъ мірѣ: «все течетъ», все измѣняется, то не неправы были не—философы, въ виду тѣхъ же перемѣнъ твердо вѣрившіе въ догматъ: «все превращается».

XIX.

Какъ скоро принципъ превращенія занимаетъ видное мѣсто въ мышленіи, то законъ противорѣчія, на ряду съ тожествомъ, не можетъ имѣть надлежащаго значенія. Противорѣчія легко отпадаютъ, если за существами и явленіями признается способность перемѣнять свои свойства, превращаться, уничтожаться и возникать снова. Такъ какъ вещь превращается, то самыя противорѣчивыя опредѣленія могутъ быть приложены къ вещи безъ нарушенія принципа противорѣчія. Тогда объ одномъ и томъ же можно говорить, что это и неодушевленный предметъ и одушевленное

существо, что это и человѣкъ и богъ, и человѣкъ и животное и т. д. Если вещи постоянно возникаютъ и исчезаютъ, а за время существованія превращаются, то поражаться противорѣчіями не приходится, даже замѣтить ихъ, обратить на нихъ вниманіе невозможно. Ничего твердаго и постояннаго нѣтъ, сейчасъ вещь такова, чрезъ минуту можетъ сдѣлаться другой, а потомъ и совсѣмъ исчезнуть, переставъ существовать не только по формѣ, но и по матеріи.

Если противорѣчія, съ господствомъ принципа превращенія, въ значительной степени отпадали сами собой, то съ другой стороны дикари и особенно первобытное человѣчество не были вовсе теоретическими мыслителями, мучающимися сомнѣніями и противорѣчіями своихъ мыслей. На связность, безпротиворѣчивость и гармонію своихъ мыслей они обращали вниманіе менѣе всего, занятые болѣе практическими и внѣшними интересами своей будничной жизни, наблюдать и изучать самихъ себя, критически провѣрять свои мысли они еще не могли, не умѣли У дикарей почти совсѣмъ нѣтъ критики, анализа своихъ мыслей, они еще плохо различаютъ между вѣроятнымъ и невѣроятнымъ, дѣйствительнымъ и вымышленнымъ, у нихъ все находитъ полную и твердую вѣру, даже самое невѣроятное, потому что ихъ умъ представляетъ безпорядочную, пеструю смѣсь непровѣренныхъ ассоціацій. въ которыхъ трудно разобраться, въ которыхъ нѣтъ никакого критерія для различенія дѣйствительнаго и невозможнаго. Даяки признавали одного англійскаго резидента на Борнео, очень хорошо и безкорыстно управлявшаго ими, высшимъ существомъ и во многихъ деревняхъ, гдѣ Брукъ (резидентъ) не былъ лично извѣстенъ, Уолласу на счетъ его задавали весьма странные вопросы, напр, правда ли, что онъ старъ, какъ горы? Что онъ можетъ воскрешать мертвыхъ? и т. п. Туземцы были убѣждены, что онъ можетъ посылать имъ хорошій урожай, обильный сборъ плодовъ *). Легковѣріе негра напр. громадно, самое безсмысленнѣйшее находитъ у него вѣру точно такъ же, какъ и у ребенка, если его серьезно увѣрять Его ассоціаціи настолько не установлены и не упорядочены, что онъ ничего не можетъ сдѣлать два раза тѣмъ же самымъ образомъ и не можетъ выполнить никакого дѣла правильно и точно **). Одинъ путешественникъ говоритъ, что онъ зналъ двухъ суматрійцевъ,

*) Уолласъ, Малайскій архипелагъ, 1, 103.

**) Waitz, Anthropologie, Teil II, S. 223, 224.

вообще людей почтенныхъ и разсудительныхъ, которые съ искреннимъ убѣжденіемъ передавали ему, что имъ не однажды въ битвахъ приходилось направлять свое оружіе противъ голаго тѣла враговъ. Но послѣдніе оказывались неуязвимыми, оружіе было постоянно и чудесно отклоняемо внѣ какого либо усилія со стороны этого неуязвимаго лица. Имъ приходилось наблюдать даже сотни подобныхъ случаевъ, когда неуязвимый человѣкъ не владѣлъ и самыми малѣйшими естественными средствами защиты *). Вообще у дикарей часто проскальзываютъ крупныя противорѣчія и несообразности вслѣдствіе того, что они не сопоставляютъ различныхъ частей своихъ вѣрованій, оставляютъ отдѣльныя воззрѣнія какъ бы въ уединеніи, не сравнивая ихъ между собою. Такъ напр. малагазецъ, «почти не переводя духу, выразитъ съ одной стороны свое вѣрованіе въ то, что когда онъ умретъ, то перестанетъ совсѣмъ существовать... и съ другой стороны подтвердитъ тотъ фактъ, что онъ имѣетъ привычку молиться своимъ предкамъ, т. е. скажетъ несообразность, повторяющуюся у весьма многихъ народовъ» **). Такимъ образомъ тамъ, гдѣ, по нашему мнѣнію, противорѣчіе вопіетъ, такъ сказать, къ небу, для дикаря противорѣчія нѣтъ, его умъ еще не чувствуетъ, не воспринимаетъ этого противорѣчія.

Относительно первобытнаго человѣчества мы съ достовѣрностію можемъ предполагать, что оно совсѣмъ не знало противорѣчій. Въ настоящее время мы видимъ, что разногласія и противорѣчія возникаютъ главнымъ образомъ при обсужденіи общественныхъ, научныхъ и вообще культурныхъ вопросовъ, ихъ число возрастаетъ прямо пропорціонально развитію культуры, удаленію отъ естественнаго и простаго образа жизни. Что надобно пить, ѣсть, что зимой нужно одѣваться въ теплое платье, а лѣтомъ въ легкое и т. п., въ этомъ всѣ согласны, по этимъ вопросамъ разногласій и противорѣчій нѣтъ. А первобытное человѣчество и жило подобными интересами и заботами, грубо чувственными, матеріальными, не дававшими поводовъ къ разногласіямъ и противорѣчіямъ. Условія жизни первобытныхъ обществъ были совершенно одинаковы, различныхъ профессій и сословій тогда не было, каждый дѣлалъ тоже самое и жилъ точно такъ же, какъ и всякій другой. Трудъ мужчинъ и женщинъ былъ въ значительной степени одинаковъ, женщины не только не освобождались отъ тяжелыхъ работъ, но на-

*) Spencer, Types of lowest Races. p. 42.

**) Спенсеръ, Основанія соціол. 1, 117.

противъ часто на нихъ однѣхъ и лежали всѣ тяжелыя работы. Поэтому у многихъ дикарей даже и по физическому складу женщины походятъ на мужчинъ и того рѣзкаго, бросающагося въ глаза, физическаго различія между полами, которое замѣчается въ культурныхъ странахъ, у дикарей часто нѣтъ. А одинаковость условій жизни, труда, уравненіе физическаго типа сами собой установляли умственную гармонію и согласіе, обусловливали отсутствіе разногласій и противорѣчій. Стадныя животныя представляютъ великую гармонію умонастроенія, психическая жизнь одного члена стада вполнѣ подобна психической жизни всѣхъ прочихъ членовъ. Гдѣ одна овца подпрыгнетъ, тамъ всѣ подпрыгнутъ, если одна бросилась бѣжать, то побѣжитъ и все стадо, хотя бы и не чувствовало ни малѣйшей потребности ни подпрыгивать, ни бѣжать. Первобытное человѣчество не было, конечно, стадомъ животныхъ, но простота и одинаковость условій жизни и между умонастроеніемъ его членовъ создавали полнѣйшую гармонію и единство; все дѣлалось сообща, индивидуумы растворялись въ массѣ и индивидуальнаго было еще очень мало: жило племя, жилъ родъ, но еще не жилъ отдѣльный человѣкъ съ своимъ особеннымъ міромъ желаній, взглядовъ, плановъ. Если и зарождались какія либо разногласія, сомнѣнія, противорѣчія, то они легко устранялись давленіемъ и авторитетомъ большинства, обычая, начальника племени. При косности ума, при отсутствіи самостоятельности и критики, такихъ средствъ было вполнѣ достаточно, чтобы подавить всякое разногласіе и противорѣчіе въ зародышѣ, вырвать его съ корнемъ.

Что же нарушило этотъ умственный сонъ человѣчества, что внесло смуту и разнорѣчіе въ мысли и начало изощрять способность замѣчанія противорѣчій?

Гармонія первобытнаго умонастроенія была нарушена постепеннымъ развитіемъ и осложненіемъ обществъ, различіемъ условій жизни и дѣятельности, положенія и интересовъ частей общества и отдѣльныхъ его членовъ и вслѣдствіе этого столкновеніями отдѣльныхъ личностей. Личные интересы и выгоды, вслѣдствіе своего различія, начали сталкиваться, повели къ борьбѣ. Конечно, еще до настоящаго теоретическаго противорѣчія отъ такихъ столкновеній далеко, здѣсь имѣлись только практическая разность и несовмѣстимость интересовъ, но тѣмъ не менѣе практическая борьба не могла не дать нѣкотораго умственнаго осадка, не вызвать нѣкоторой теоретической работы мысли по поводу возникшихъ разногласій. Это первая дисгармонія въ умонастроеніи, чисто прак-

тическаго характера. Вторая смута, внесенная въ мысль, вышла изъ столкновенія отдѣльной личности съ цѣлымъ обществомъ. Это столкновеніе было двоякаго рода: практическое, когда жизненныя выгоды одной личности отдѣлялись отъ интересовъ цѣлаго общества и даже прямо противорѣчили имъ. Такая борьба очевидно служила продолженіемъ борьбы между отдѣльными личностями изъ за практическихъ интересовъ; теоретическое, когда личность отдѣлялась отъ общества въ образѣ жизни, въ какомъ либо обычаѣ, въ признаніи чего либо справедливымъ или ложнымъ, въ религіозномъ обрядѣ и воззрѣніи. Какъ бы ни былъ ничтоженъ предметъ. изъ за котораго личность отдѣлялась теоретически отъ общества, самый фактъ былъ очень важенъ, потому что онъ обнаруживалъ разногласіе при отсутствіи практической борьбы, не по поводу личныхъ выгодъ и удобствъ, вносилъ разнорѣчіе туда, гдѣ его прежде не было, въ сферу теоретическаго мышленія. Но и это отдѣленіе личности отъ общества было результатомъ собственно еще разногласія, а не противорѣчія. Настоящее теоретическое противорѣчіе появляется только тогда, когда человѣкъ начинаетъ критически разбирать свои собственныя мысли и дѣйствія и въ нихъ открываетъ несообразности и разноголосицу. Съ этого момента и начинается собственно логическое разсужденіе, рефлексія, выслѣживаніе собственныхъ мыслей и чувствъ. Внутреннее личное противорѣчіе въ себѣ самомъ человѣкъ подмѣчаетъ прежде всего въ сферѣ своей практической дѣятельности, въ противорѣчіи слова и дѣла, убѣжденія и дѣйствія, теоріи и практики. Это противорѣчіе открывается легче, такъ какъ оно замѣтнѣе, невольно бросается въ глаза. Противорѣчіе въ мысляхъ, въ теоріи, несоотвѣтствіе представленій дѣйствительности открывается позже, такъ какъ предполагаетъ значительную способность къ внутреннему анализу, къ самоуглубленію и охоту къ такого рода изслѣдованіямъ. Первыя философемы были практическаго, а не теоретическаго характера; сомнѣніе въ достовѣрности знанія, въ истинности свидѣтельства чувствъ, въ противорѣчивости и несостоятельности представленій пришло сравнительно поздно.

Было бы наивно думать, что многочисленныя и грубыя противорѣчія въ мышленіи составляютъ удѣлъ только ума дикарей и первобытнаго человѣчества, что съ началомъ просвѣщенія они исчезаютъ и мыслительность вполнѣ покоряется закону противорѣчія. Конечно, съ образованіемъ люди становятся болѣе чуткими и воспріимчивыми къ противорѣчіямъ, больше поражаются ими, ихъ умъ энер-

гичнѣе стремится къ стройности и безпротиворѣчивости разсужденія; но до полной непротиворѣчивости мышленія и теперь еще очень далеко. И исторія и современная мыслительность людей несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что человѣческій умъ былъ и до сихъ поръ есть гнѣздо грубыхъ и многихъ противорѣчій, съ которыми онъ уживался и уживается очень легко и мирно.

Въ каждомъ образованномъ чѣловѣкѣ глубоко заложено одно основное противорѣчіе, выражающееся множествомъ отдѣльныхъ и и частныхъ противорѣчій, въ каждомъ человѣкѣ живутъ какъ бы двѣ противоположныя личности съ діаметрально противоположными интересами: естественный человѣкъ и культурный человѣкъ. По природѣ мы всѣ эгоистичны и склонны смотрѣть на весь міръ, на всѣхъ людей только какъ на средства своего удовольствія и благополучія, — «мы почитаемъ всѣхъ нулями, а единицами себя; мы всѣ глядимъ въ Наполеоны; двуногихъ тварей милліоны для насъ орудіе одно»; подъ вліяніемъ же культуры мы заботимся о развитіи въ себѣ соціальныхъ альтруистическихъ чувствъ, стараемся объ ограниченіи своихъ грубыхъ эгоистическихъ интересовъ; — по природѣ мы довольно жестоки и склонны наслаждаться страданіями другаго; въ силу же культуры мы становимся мягче, учимся наслаждаться счастьемъ другаго. Эти два принципіально различные человѣка нерѣдко вступаютъ между собою въ отчаянную борьбу: въ насъ пробуждаются подчасъ, казавшіеся вполнѣ усыпленными, дикія страсти, животные инстинкты и мы поступаемъ вопреки разуму и совѣсти. Человѣкъ на время превращается въ звѣря, сбрасываетъ съ себя все культурное, все вліяніе цивилизаціи и является въ своемъ первоначальномъ дикомъ образѣ. Этотъ естественный человѣкъ есть полное отрицаніе культурнаго, полное противорѣчіе ему. Особенно во время войнъ разнуздываются страсти, устраняется вся культура — кромѣ дѣйствія усовершенствованнымъ оружіемъ — и естественный человѣкъ возстаетъ во всей своей силѣ и красѣ. Указанное основное противорѣчіе въ человѣкѣ не есть чисто теоретическое, противорѣчіе мышленія самого въ себѣ, но теоретическо-практическое, противорѣчіе мысли и дѣйствія, теоріи и практики; но и чисто теоретическихъ противорѣчій въ умѣ человѣческомъ болѣе чѣмъ достаточно.

Кто болѣе или менѣе внимательно относится къ своимъ мыслямъ, пересматриваетъ ихъ и старается придать имъ стройность и связный послѣдовательный видъ, тотъ время отъ времени наталкивается на противорѣчія въ своихъ мысляхъ, иногда столь значительныя,

что удивляется, какъ до сихъ поръ не замѣтилъ такой явной несообразности. Круги представленій, лежащіе далеко другъ отъ друга, касающіеся разнородныхъ предметовъ, рѣдко сопоставляются между собою и иногда оказываются несогласованными и противорѣчащими, напр. дѣтскія вѣрованія, первоначальныя внушенія и позднѣйшіе научные взгляды и убѣжденія. Развивая какую либо мысль, мы вдругъ замѣчаемъ, что впали въ противорѣчіе, высказали такія два сужденія, которыя болѣе приличны двумъ различнымъ личностямъ, чѣмъ одной. Мы спѣшимъ сгладить открытое противорѣчіе и нерѣдко забываемъ о немъ. Въ различныхъ ученыхъ и неученыхъ спорахъ противника иногда опровергаютъ тѣмъ, что вскрываютъ предъ нимъ противорѣчивость его сужденій, ускользнувшую отъ его вниманія. Цѣльность, единство и полная безпротиворѣчивость мышленія есть удѣлъ немногихъ избранныхъ мыслителей, у громаднаго же большинства людей мысли смутны и противорѣчивы, міровоззрѣніе такъ называемыхъ образованныхъ людей обыкновенно кишитъ несообразностями и противорѣчіями. Философскія системы, представляющія плоды размышленія изощренныхъ и развитыхъ умовъ, работы выдающихся мыслителей и великихъ логиковъ, и тѣ нечужды противорѣчій. Философская критика открываетъ непослѣдовательности и противорѣчія въ самыхъ повидимому стройныхъ и логичныхъ философскихъ системахъ. Даже математика и та несвободна отъ внутреннихъ противорѣчій. Такой знатокъ математики и логики, какъ Джевонсъ, говоритъ, что, по его мнѣнію, нѣкоторыя изъ самыхъ точныхъ и прекрасныхъ теоремъ въ математикѣ заключаютъ въ себѣ видимое противорѣчіе. А «если мы не можемъ избѣжать противорѣчій въ нашихъ познаніяхъ по элементарной геометріи, то можемъ ли мы ожидать, чтобы послѣднія задачи существованія представлялись намъ съ совершенною ясностію?» *). Поэтому нельзя не согласиться съ слѣдующими прекрасными словами Ибервега: «задача—избѣгать противорѣчій—требуетъ такого гармоническаго развитія мышленія и въ тоже время такой чистоты и свободы настроенія, что ея разрѣшеніе постоянно остается идеаломъ, достигаемымъ только приблизительно. Не только пробѣлы въ нашемъ изслѣдованіи, но и всякій видъ нравственной ограничен-

*) Основы науки. Пер. Антоновича. Стр. 711—712 Значительное количество противорѣчій, свойственныхъ человѣческому уму, собрано Маудсли въ книгѣ Body and Will. 1883 г.

ности, пристрастіе къ національнымъ, религіознымъ, политическимъ и соціальнымъ предразсудкамъ ведетъ къ противорѣчію» *).

Обиліе противорѣчій въ мышленіи естественно ставило теоретическій вопросъ: противорѣчія не могутъ ли быть мыслимы? Дѣйствительно ли противорѣчія разрушаютъ мышленіе? Законы противорѣчія и тожества суть ли наивысшіе принципы мышленія? Исторія философіи свидѣтельствуетъ, что постоянно существовала такая философская школа, которая логическимъ началамъ мышленія давала второстепенное значеніе. Этими началами опредѣляется выводное мышленіе, но высшее знаніе есть знаніе непосредственное, созерцаніе, оно даетъ намъ истину. Созерцаніе состоитъ не въ движеніи понятій и умозаключеній, а въ покойномъ погруженіи въ истинно сущее, въ умственномъ соприкосновеніи съ нимъ; созерцаніе выше науки и разумной дѣятельности, далеко ихъ превосходитъ и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже прямо противорѣчитъ разуму, есть способъ познанія антиразумный. Логическіе законы мышленія занимаютъ подчиненное положеніе, суть только орудія для развитія и оформленія положеній, полученныхъ инымъ, болѣе высокимъ, путемъ. Такъ думали всѣ мистики, защитники интеллектуальнаго созерцанія, здраваго смысла и т. д. Поэтому отдѣльныя ученія нѣкоторыхъ философовъ—мистиковъ и защитниковъ интеллектуальнаго созерцанія совсѣмъ не укладываются въ обыкновенныя рамки логическихъ правилъ, напр. ученіе Плотина о первосущемъ, Шеллинга объ абсолютномъ началѣ, и даже прямо нарушаютъ законъ противорѣчія, такъ какъ приписываютъ верховному началу противорѣчивые предикаты. Какъ напр. логически понять ученіе Шеллинга объ абсолютномъ началѣ, что оно не есть ни я, ни не—я, ни субъектъ и ни объектъ, ни идеальное и ни реальное, ни мысль и ни бытіе, а абсолютное тожество и безразличіе всего этого? Софисты въ древней Греціи не признавали обязательнымъ для человѣческаго ума подчиненіе закону противорѣчія. Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, человѣкъ какъ индивидуальное существо, непрерывно измѣняющееся. Противорѣчивыя сужденія одинаково истинны, если они высказываются не только разными лицами, но даже однимъ и тѣмъ же лицомъ. Но наиболѣе подробную и основательную критику значенія законовъ противорѣчія и тожества въ мышленіи далъ Гегель.

Сущность діалектическаго метода Гегеля заключается въ мыслимости противорѣчій. Обыкновенное мнѣніе, что противорѣчія раз-

*). Ueberweg, System der Logik. Vierte Auflage (1874 г.), S 201.

рушаютъ мышленіе, Гегель совсѣмъ нераздѣляетъ. Напротивъ противорѣчивость понятій есть источникъ ихъ жизни и развитія, она побуждаетъ понятія къ движенію, вызываетъ новыя понятія, объединяющія противорѣчія въ высшемъ единствѣ, и затѣмъ снова наталкиваетъ ихъ на противорѣчія, снова объединяетъ и т. д. На противорѣчивости понятій, какъ ихъ естественномъ свойствѣ, на полной мыслимости и объединяемости противорѣчащихъ понятій въ высшихъ понятіяхъ и построенъ, какъ извѣстно, весь діалектическій методъ Гегеля.

По Гегелю, противорѣчія существуютъ не только въ мысли, но и въ самыхъ вещахъ, само бытіе противорѣчиво. «Что вообще движетъ міръ—это есть противорѣчіе и было бы смѣшно сказать, что противорѣчіе не можетъ быть мыслимо» *). Положеніе, гораздо лучше, по сравненію съ другими, выражающее истину и сущность вещей, есть положеніе противорѣчія: «всѣ вещи противорѣчивы сами по себѣ» (Alle Dinge sind an sich selbst widersprechend). Противорѣчіе есть корень всякаго движенія и жизненности; только настолько, насколько въ чемъ либо существуетъ противорѣчіе, въ немъ есть стремленіе и дѣятельность. Одно изъ основныхъ заблужденій логики и обыкновеннаго представленія заключается въ томъ, что будто бы противорѣчіе не есть столь же существенное и имманентное опредѣленіе, какъ и тожество. Между тѣмъ, еслибы зашла рѣчь о сравнительномъ достоинствѣ тожества и противорѣчія, то противорѣчіе нужно бы признать болѣе глубокимъ и существеннымъ **). Говорятъ, что все противорѣчащее удалено отъ истиннаго и существующаго, что ничего противорѣчащаго не существуетъ; далѣе говорятъ, что противорѣчіе есть принадлежность собственно субъективной сферы размышленія, да и въ этой сферѣ оно собственно не существуетъ, потому что противорѣчащее не можетъ быть ни мыслимо, ни представляемо. Вообще противорѣчіе есть ненормальность, скоропроходящій пароксизмъ болѣзни. Но высказанныя мнѣнія о несуществованіи противорѣчій и ихъ ненормальности несостоятельны.

Опытъ свидѣтельствуетъ, что существуетъ множество противорѣчивыхъ вещей, противорѣчивыхъ учрежденій и т. п., противорѣчивость которыхъ заключается въ нихъ самихъ. Древніе діалектики указывали противорѣчія въ движеніи, что въ одно и тоже

---

*). Encyklopadie (изд 1843 г. т. 6), erster Theil, Logik, S 242, § 119.

**). Logik (изд. 1841, т. 4) erster Theil, zweite Abtheilung, S. 65, 66.

время движущееся нѣчто существуетъ и не существуетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. Изъ этой противорѣчивости движенія они вывели заключеніе, что движеніе не существуетъ, но справедливѣе сказать, что движеніе есть само существующее противорѣчіе (dass die Bewegung der daseyende Widerspruch selbst ist). Стремленіе есть нѣчто въ себѣ самомъ и въ тоже время недостатокъ, отрицаніе себя самого въ одномъ и томъ же отношеніи. Всѣ возможныя опредѣленія отношенія заключаютъ въ себѣ непосредственно противорѣчіе, напримѣръ верхъ и низъ, правое и лѣвое, отецъ и сынъ и т. д. Верхъ есть то, что не есть низъ и существуетъ настолько, насколько существуетъ низъ и наоборотъ. Въ опредѣленіи непремѣнно заключается и его противоположность. Противоположности настолько содержатъ противорѣчіе, насколько онѣ въ одномъ и томъ же отношеніи касаются отрицательно другъ друга или взаимно уничтожаютъ другъ друга. Въ мышленіи противорѣчіе повсюду. представленіе всегда заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, но только въ неясной, несознательной формѣ; на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія мышленія противорѣчивость представленія выясняется и опредѣляется. «Спекулятивное мышленіе состоитъ въ томъ, что мышленіе удерживаетъ противорѣчіе и въ немъ себя самого, но не подчиняется его господству, какъ это бываетъ въ представленіи». Заключеніе Гегеля о природѣ противорѣчія таково. «вообще изъ разсмотрѣнія природы противорѣчія видно, что если въ вещи можетъ быть указано противорѣчіе, то оно само по себѣ не есть еще какой либо вредъ для этой вещи, недостатокъ или ошибка. Каждое опредѣленіе, каждый конкретъ, каждое понятіе есть по самому своему существу единство различныхъ и отличительныхъ (eine Einheit unterschiedener und unterscheidbarer Momente) моментовъ, которые чрезъ опредѣленное существенное различіе переходятъ въ противорѣчащіе. Это противорѣчащее разрѣшается, конечно, въ ничто, если оно возвращается къ своему отрицательному единству. Вещь, субъектъ, понятіе есть это само отрицательное единство; оно есть въ себѣ самомъ противорѣчащее, но въ тоже время уже разрѣшенное противорѣчіе; оно есть основаніе, которое содержитъ и носитъ свои опредѣленія» *).

Частнѣйшія возраженія Гегеля противъ законовъ тожества и противорѣчія заключаются въ слѣдующемъ: формула тожества А=А есть чистая тавтологія. Подобнаго рода законы мышленія не имѣ-

*) Ibidem, S. 66—70.

ютъ содержанія. Утвержденія: что планета есть планета, магнетизмъ есть магнетизмъ, дерево есть дерево, вздорны, ничего не говорятъ. «Школа, въ которой имѣютъ значеніе такіе законы, весьма давно потеряла всякій кредитъ съ своей логикой, которую она выдаетъ за серьезную вещь, и у здраваго человѣческаго смысла и у разума» *). Тожество въ той формѣ, въ которой излагаютъ его защитники, есть собственно не тожество, а различіе, потому что они говорятъ, что тожество различно отъ различія, что оно отдѣльно отъ него. Такимъ образомъ тожество по самой своей природѣ есть уже различіе, моментъ раздѣленія. Формула тожества заключаетъ противорѣчіе сама въ себѣ, потому что по формулѣ предполагается различіе между субъектомъ и предикатомъ, которое на самомъ дѣлѣ отсутствуетъ. Еслибы кто нибудь открылъ ротъ затѣмъ, чтобы сказать, что есть Богъ и затѣмъ сказалъ бы, что Богъ есть Богъ, то онъ обманулъ бы ожиданіе, отъ него бы ждали другого опредѣленія. Если сошлются на опытъ, что онъ подтверждаетъ справедливость принципа тожества, то такая ссылка не будетъ справедливой. Опытъ свидѣтельствуетъ за истину не такого абстрактнаго, чисто формальнаго и односторонняго опредѣленія тожества, а за тожество болѣе реальное и глубокое. Такое тожество есть тожество въ единствѣ съ различнымъ (die Identität in Einheit mit der Verschiedenheit), что и выражается въ категоріи основанія. Правильное пониманіе природы тожества есть дѣло очень важное, это такой пунктъ, которымъ худая философія отличается отъ единственно заслуживающей названіе философіи» **). Существенный же смыслъ тожества тотъ, что оно не есть тожество абстрактное, формальное, исключающее различія, а есть идеальность, въ которой содержатся бытіе и его опредѣленія какъ снятыя (aufgehoben). «Еслибы мышленіе было ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ абстрактнымъ тожествомъ, то оно должно бы быть признано самымъ праздныхъ и самымъ скучнымъ занятіемъ. Конечно, понятіе и далѣе идея тожественны сами съ собой, но только насколько они въ тоже самое время заключаютъ въ себѣ и различіе» ***).—Что касается закона противорѣчія, то онъ есть только отрицательная форма закона тожества. Уже въ тожествѣ заключено отрицаніе—другого бытія, А есть А, а не что нибудь другое.

---

*) Encyclopadie. erster Theil, S. 231, § 115.

**) Encyclp. Erster Theil, S. 231. § 115.

***) Ibidem, S. 232; cp. Logik, erster Theil, zweite Abtheilung, S. 32—36.

Въ законѣ противорѣчія отрицательная черта тожества выражена ясно, онъ представляетъ собою отрицаніе отрицанія и слѣдовательно по существу тожество.

Намъ нѣтъ необходимости входить въ критическую оцѣнку ученія Гегеля о законахъ мышленія, потому что оно слишкомъ тѣсно связано съ самыми характерными чертами гегелевской философіи. Анализъ же гегелевской философіи не входитъ въ нашу задачу. Мы замѣтимъ только, что старанія Тренделенбурга и Ибервега обезсилить возраженія Гегеля противъ ученія логиковъ о законахъ тожества и противорѣчія не достигаютъ цѣли. Они указываютъ на то, что Гегель смѣшалъ противорѣчіе съ противоположностію, логическое отрицаніе съ реальнымъ противоположеніемъ. Это замѣчаніе отчасти справедливо, смѣшеніе противорѣчія и противоположности у Гегеля иногда очень ясно, напр. въ его разсужденіяхъ объ опредѣленіяхъ отношенія (верхъ и низъ, правое и лѣвое и т. д.). Но такое смѣшеніе не проходитъ чрезъ всю его систему, очень часто Гегель беретъ прямо противорѣчащія понятія и ихъ признаетъ вполнѣ мыслимыми, напр., бытіе и небытіе. А главнымъ образомъ принципъ тожества въ его обычной формѣ дѣйствительно очень неудовлетворителенъ и односторонен. Каждая вещь—это справедливо—есть то, что она есть, но каждая вещь измѣняется, живыя существа растутъ, развиваются. Каждое явленіе, каждая вещь есть сочетаніе относительнаго постоянства и относительнаго измѣненія; измѣненіе есть не менѣе существенная сторона вещи, чѣмъ и ея постоянство. Между тѣмъ формула тожества имѣетъ въ виду только постоянство вещи и совсѣмъ не касается ея измѣненій. Этотъ недостатокъ принципа тожества Гегель и указываетъ, безспорно, справедливо; утверждаемое формальной логикой тожество совершенно пусто, безсодержательно и малоплодно для мышленія. Во всякомъ случаѣ приходится признать, что Гегель пробилъ весьма большую брешь въ зданіи формальной логики, онъ не только теоретически указалъ несостоятельность основныхъ логическихъ ученій, но и самымъ дѣломъ онъ построилъ цѣлую философскую систему на началахъ, прямо противоположныхъ правиламъ формальной логики, отвергавшихъ истинность самыхъ фундаментальныхъ ея положеній. Мышленіе Гегеля, съ точки зрѣнія формальной логики, ненаучно, нелогично, даже антилогично: логика требуетъ устраненія противорѣчія между отдѣльными, связанными другъ съ другомъ, понятіями, она стремится каждое отдѣльное понятіе ограничить самимъ собой, все его

содержаніе развить изъ него самого, каждое понятіе для нея нетожественно ни съ какимъ другимъ, кромѣ него самого, въ строгомъ смыслѣ слова истинныя сужденія суть только сужденія аналитическія; между тѣмъ Гегель противорѣчіе считалъ источникомъ жизни вообще и понятій въ частности, по его мнѣнію, все противорѣчиво по своей природѣ, каждое отдѣльное понятіе тожественно съ своимъ противорѣчіемъ, а всѣ понятія вмѣстѣ представляютъ тѣсно, неразрывно связанный рядъ непрерывно развивающихся чрезъ отожествленіе противорѣчій идей. Гдѣ формальная логика видѣла источникъ дисгармоніи, разрушенія, смерти, тамъ Гегель видѣлъ залогъ жизни и здраваго развитія. Что дѣлать формальной логикѣ съ такими взглядами? Объявить ихъ несостоятельными, признать Гегеля неумѣвшимъ мыслить логично? Сказать, что все, что несогласно съ установленными логиками формалистами и изложенными въ учебникахъ тожествами, силлогизмами, опредѣленіями, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, есть логическая ересь, подлежащая анаѳематствованію?—Но кто же повѣритъ, что Гегель не умѣлъ логично разсуждать? И какъ же одно время вся образованная Европа мыслила по-гегелевски, махнувъ совсѣмъ рукой на формальную логику, и находила такое мышленіе естественнымъ и состоятельнымъ? Не придется ли намъ восклицать: pereat mundus, fiat logica formalis? Отвергнуть фактъ легко, равно какъ и объявить извѣстный взглядъ вздорнымъ; но это совсѣмъ не значитъ, чтобы фактъ и на самомъ дѣлѣ не существовалъ, а взглядъ былъ нелѣпъ. Притомъ вмѣстѣ съ Гегелемъ придется отвергнуть и многихъ другихъ мыслителей *).

Такимъ образомъ и по отношенію къ закону противорѣчія мы получаемъ тотъ же самый результатъ, который получили по отношенію къ закону тожества: люди и прежде не считали необходимымъ руководиться въ своемъ мышленіи принципомъ противорѣчія, не считаютъ нѣкоторые нужнымъ руководиться имъ и въ настоящее время. Съ противорѣчіями, повидимому самыми рѣзкими и грубыми, люди мирились и уживались очень хорошо, не теряя, не

*) Въ настоящее время негегельянцы иногда прямо говорятъ, что «тожество не можетъ существовать внѣ различія», что «элементъ тожества между двумя контурами можетъ быть тщательно обозначенъ и ограниченъ, но въ тотъ самый моментъ, когда эти два контура перестаютъ быть двумя, перестаетъ существовать и тожество» и что въ этомъ заключается «наиболѣе жизненная идея новой логики». Mind. 1888, July, No LI, Bernard Bosanquet, The philosophical importance of a true theory of identity.

разрушая своей мыслительной способности. Можно сказать, что первобытное человѣчество совсѣмъ не знало противорѣчій, еще не развилось до нихъ; въ мышленіи дикарей противорѣчія не рѣдкость, но сами дикари весьма мало чувствительны къ противорѣчіямъ и ихъ почти не замѣчаютъ; культурные умы чувствительнѣе къ противорѣчіямъ, но также многихъ не замѣчаютъ и спокойно живутъ съ ними. Для нѣкоторыхъ же мыслителей противорѣчія не смерть и разрушеніе мышленія, а жизненный нервъ мыслительности, побуждающій умъ къ новой и высшей ступени разумѣнія.

XX.

Законъ достаточнаго основанія долгое время не имѣлъ совсѣмъ приложенія въ мышленіи. Намъ въ настоящее время кажется страннымъ, какъ это возможно смотрѣть на явленія природы и не помышлять о томъ, что эти явленія вызваны какими либо причинами; какъ можно произносить сужденіе, не стараясь болѣе или менѣе прочно обосновать его. У насъ даже дѣти постоянно задаютъ вопросы: почему да зачѣмъ? Но не таковъ совсѣмъ складъ ума не только первобытнаго человѣка, но и дикаря: у него нѣтъ врожденной категоріи причинности и никакихъ побужденій разсматривать всѣ явленія съ точки зрѣнія причины и дѣйствія. Онъ относится совершенно равнодушно къ тому, есть у извѣстнаго явленія причина или нѣтъ, основательно его сужденіе или неосновательно; да онъ и не задается подобными вопросами, они ему совершенно чужды. Дикарь принимаетъ факты такъ, какъ они есть, а вопросы почему, отчего, зачѣмъ еще не возникаютъ въ его головѣ. «Я часто спрашивалъ у негровъ, говоритъ Паркъ, куда дѣвается солнце ночью и увидимъ ли мы утромъ тоже самое солнце или другое. Но оказывалось, что они считали этотъ вопросъ совершенно ребяческимъ. Этотъ предметъ представлялся имъ недосягаемымъ для человѣческаго изслѣдованія, они никогда не дѣлали ни одной догадки, ни одного предположенія по этому поводу». Одинъ миссіонеръ, цѣлые 17 лѣтъ прожившій между индѣйцами Калифорніи, говоритъ о нихъ, что они только ѣдятъ и веселятся, никогда не размышляютъ о серьезныхъ предметахъ и отъ всего, что выходитъ изъ тѣснаго круга ихъ понятій, отдѣлываются одной фразой: «кто это знаетъ?» «Я нерѣдко спрашивалъ ихъ, неужели имъ никогда не случалось задаваться вопросомъ: кто творецъ и

блюститель солнца, луны, звѣздъ и другихъ предметовъ природы, но они всегда устраняли эти вопросы словомъ «вара», которое на ихъ языкѣ обозначаетъ «нѣтъ». Абипоны не имѣютъ понятія о твореніи и на вопросъ объ этомъ одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: «наши дѣды и прадѣды обращали вниманіе только на землю и заботились только о томъ, даютъ ли луга траву и воду для ихъ лошадей. Они никогда не тревожились тѣмъ, что дѣлается на небѣ и не спрашивали себя, кто сотворилъ звѣзды и управлялъ ими». Относительно американскихъ индѣйцевъ замѣчаютъ, что разъ вещь не касается ихъ непосредственно или превосходитъ ихъ пониманіе, то какъ бы она ни была проста сама по себѣ, ихъ разсудокъ остается безпомощнымъ, они ее не изслѣдуютъ, но успокоиваются на убѣжденіи, что это чудо и человѣческому знанію недоступно. Д-ръ Ринкъ говоритъ объ эскимосахъ, что они принимаютъ свое существованіе и всего міра просто какъ фактъ, безъ всякихъ разсужденій о его первоначальномъ происхожденіи. «Если ихъ спрашивали, кто создалъ небо, землю и все, что они видятъ, ихъ отвѣтъ былъ таковъ: мы этого не знаемъ. Другіе же отвѣчали спрашивавшему: такъ всегда было и будетъ *).

Такимъ образомъ категорія причинности на первыхъ порахъ бываетъ совершенно чужда человѣческому уму и достаточными основаніями человѣкъ сначала вовсе не интересуется. Переходъ къ иному способу разсужденія совершается вслѣдствіе собственныхъ опытовъ и фактовъ общественной жизни. Человѣкъ самъ служитъ причиной многихъ явленій, передвигаетъ себя и тяжести, ломаетъ вещи, устраняетъ голодъ пищей и т. д. Причинность собственныхъ дѣйствій побуждаетъ человѣка искать подобную же причинную связь и въ окружающихъ явленіяхъ, ставить вопросы: почему, отчего. Но на первыхъ порахъ человѣкъ наблюдаетъ себя весьма

---

*) Waitz, Anthropologie, Dritter Theil. Erste Halfte, S. 222; Lippert, Kulturgeschichte der Menschheit, t. I, 6—7; Леббокъ, Начало цивилизаціи, 236, 277; Спенсеръ, Основанія соціологіи, 1, 487. Не только первобытные люди и дикари, но и просто необразованныя лица въ цивилизованныхъ государствахъ не особенно безпокоятся разслѣдованіемъ причинъ явленій. Когда маленькій С. Т. Аксаковъ приставалъ съ распросами—да какъ, да почему—къ своему дядькѣ Евсеичу, тотъ частенько говорилъ: «да что это тебѣ, соколикъ, за охота узнавать, отчего, да почему, да на что? Этого и старики не знаютъ, а ты еще дитя. Такъ Богу угодно—вотъ и все. Пойдемъ-ка, лучше посмотримъ картинки» (Дѣтскіе годы Багрова внука. 4 изд. 1885 г. стр. 245—246)

мало и плохо. Съ другой стороны мышленіе по закону достаточнаго основанія пробуждалось и вызывалось мотивами иного порядка.

Простое, непосредственное наблюденіе явленій природы не даетъ идеи причинности: явленія природы слишкомъ пестры, смѣшанны, разнообразны, идутъ нестройными рядами, предстаютъ предъ человѣкомъ то въ одномъ видѣ, то въ другомъ. Уловить порядокъ между ними, подмѣтить обусловленность одного явленія другимъ или цѣлымъ рядомъ другихъ дѣло нелегкое, каждое явленіе предшествуется, сопровождается и послѣдуется множествомъ различныхъ фактовъ. Такая пестрая измѣнчивая картина могла внушать неопытному уму не идею причинности, а мысль объ отсутствіи причинности, о полной случайности явленій. Пока въ первобытномъ обществѣ царили полное согласіе и единодушіе, о достаточности или недостаточности основаній и рѣчи не было, всѣ дѣйствовали дружно и одинаково, не задаваясь и мыслью о томъ, что можно было бы поступать и иначе. Настоящій способъ дѣйствованія возникалъ самъ собою, безъ предварительнаго процесса обдумыванія, казался единственно возможнымъ. О достаточности основаній сначала при дѣйствіяхъ, а потомъ и при мышленіи могъ возникнуть вопросъ только тогда, когда единогласіе было нарушено различнаго рода столкновеніями, когда нужно было защищать свой интересъ, свое право, свое мнѣніе. Такъ какъ столкновенія между людьми первоначально происходили на практической почвѣ, въ жизни и выражались враждебными дѣйствіями, насиліемъ и т. п., то и достаточныя основанія отыскивались первоначально также въ сферѣ чисто практической и заключались въ физической силѣ. Кто былъ сильнѣе, тотъ признавался и правымъ; у кого кулакъ былъ крѣпче и увѣсистѣе, тотъ дѣйствовалъ по наиболѣе достаточнымъ основаніямъ. И въ настоящее время, предъ лицомъ всего міра, иногда торжественно возвѣщается, что сила есть право и выше права, что кровь и желѣзо—высшіе рѣшители судебъ человѣчества. Если такія рѣчи образованные люди говорятъ нынѣ, то какія же еще достаточныя основанія, кромѣ крѣпкаго кулака, нужны были первобытному обществу?

Съ возникновеніемъ теоретическихъ противорѣчій пришлось заботиться и о теоретическихъ достаточныхъ основаніяхъ, потому что одно физическое насиліе, какъ оно ни было чувствительно, не могло убѣдить въ истинности какого либо мнѣнія. Такимъ то образомъ, подъ вліяніемъ собственныхъ опытовъ причиненія дѣйствій и теоретическихъ противорѣчій начало мало-по-малу развиваться

мышленіе связное, обусловленное достаточными основаніями. Такое мышленіе развивалось въ двухъ видахъ: субъективномъ—въ отысканіи основаній, болѣе или менѣе серьезныхъ, для своихъ утвержденій и отрицаній, и объективномъ—въ признаніи причинной связи явленій всеобщимъ фактомъ. И съ той и съ другой стороны связное мышленіе развивалось туго и медленно. Съ субъективной стороны законъ достаточнаго основанія вообще представляется весьма неопредѣленнымъ и не могущимъ руководить нашу мысль. Требуя, чтобы при разсужденіяхъ мы заботились о достаточности основаній своихъ утвержденій и отрицаній, законъ не указываетъ въ тоже время признаковъ, по которымъ извѣстное основаніе можно было бы признать достаточнымъ или недостаточнымъ. А въ этомъ все дѣло. Въ спорѣ противники защищаютъ совершенно противоположныя сужденія по одному и тому же вопросу. Каждому изъ спорящихъ свое утвержденіе кажется вполнѣ основательнымъ, а мнѣніе противника, по крайней мѣрѣ, недостаточно мотивированнымъ. Спорятъ, спорятъ, озлобляются, а толку нѣтъ и законъ достаточнаго основанія нисколько не помогаетъ, потому что совсѣмъ не указываетъ никакого руководства при оцѣнкѣ основательности доводовъ, предоставляя эту оцѣнку личнымъ точкамъ зрѣнія. Естественно поэтому, что въ мышленіи некультивированномъ нѣтъ и помина о необходимости судить на достаточныхъ основаніяхъ; судятъ, какъ покажется, согласно съ своими страстями, предразсудками. Вообще логическія достаточныя основанія въ обыденныхъ сужденіяхъ большая рѣдкость. Интересы и страсти, а не логика, руководятъ обыкновенно мыслью даже культурнаго человѣка. Что же сказать про дикаря? У него первое представившееся объясненіе, всякое сужденіе, не противорѣчащее его интересамъ, кажутся достаточно основательными, въ разслѣдованіе справедливости или ложности сужденія, достаточности или недостаточности его основаній дикарь совсѣмъ не пускается. На островахъ Вити татуируются только женщины, а на сосѣднихъ островахъ Тонга только мужчины. Полинезійская логика дала такое объясненіе этой разницѣ въ обычаяхъ: одинъ тонганецъ былъ посланъ на Вити узнать, какъ тамъ производится татуировка. На обратномъ пути посланный постоянно твердилъ: «нужно татуировать женщинъ, а не мужчинъ». Но онъ споткнулся обо что-то, упалъ и перепуталъ свою сентенцію, такъ что, прибывъ домой, онъ сказалъ: «нужно татуировать мужчинъ, а не женщинъ». Отсюда и пошла эта разность въ обычаѣ. Объясненіе удовлетво-

ряетъ дикарей, кажется имъ достаточно основательнымъ. Подобнаго же объясненія держатся и самоанцы *).

Въ объективной формѣ, какъ признаніе причинной связи явленій, законъ достаточнаго основанія очень медленно получалъ значеніе въ мышленіи. Имѣя свой корень въ собственныхъ дѣйствіяхъ человѣка, въ причиненіи имъ различнаго рода перемѣнъ, законъ причинности былъ понятъ сначала совершенно антропоморфически и на мѣсто отвлеченной причины ставилась обыкновенно личная воля. Изслѣдовали, искали не то, отъ какихъ причинъ и условій произошло явленіе, а кто, чья воля устроили его. Подобное направленіе въ пониманіи причинности совершенно соотвѣтствовало общему миѳологическому міросозерцанію древняго человѣчества и по настоящее время встрѣчается еще у дѣтей. Маленькія дѣти часто спрашиваютъ: кто сдѣлалъ снѣгъ? кто велѣлъ цвѣтамъ расти? Съ конца третьяго года ихъ обыкновенные вопросы, часто затрудняющіе взрослыхъ, слѣдующіе: кто это сдѣлалъ и зачѣмъ? Замѣтивъ какъ то косточки въ апельсинѣ, дитя по третьему году спросило: «кто положилъ туда косточки, кухарка?» Дѣвочка пяти лѣтъ и девяти мѣсяцевъ спросила однажды свою мать: «какъ дѣлаютъ вѣтеръ, мама? Вѣрно есть гдѣ нибудь большой, большой вѣеръ» **).

Отвлеченное пониманіе причинности развивалось вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ отвлеченнаго мышленія, вмѣстѣ съ нимъ идея причинности получала все большее и большее значеніе, превращаясь по маленьку во врожденную категорію ума. Но не смотря на тысячелѣтія, въ теченіе которыхъ человѣкъ ревностно и упорно отыскивалъ причины вещей, все же и по настоящее время остается вопросъ: да необходимо ли все мыслить по закону причинности? Можетъ быть, есть явленія безъ причины? Во всякомъ случаѣ мысль, что каждое дѣйствіе и каждое явленіе имѣютъ свою причину, долгое время отвергалась многими высоко образованными людьми: допускалось случайное, т. е. безпричинное, возникновеніе явленій; многія явленія приписывались богамъ, относительно которыхъ было неизвѣстно, дѣйствуютъ ли они по какимъ либо причинамъ или такъ себѣ. Сократъ раздѣлялъ явленія на два класса: въ одномъ связь предыдущаго съ послѣдующимъ была неизмѣнна и будущее, вслѣдствіе изученія, могло быть доступно пред-

*) Ploss Das Weib in der Natur — und Volkerkunde. Erste Lieferung, 1887, S. 67.

**) Селли, Основныя начала психологіи. Стр. 238, 239.

видѣнію, другой же классъ явленій, болѣе важныхъ, оставался во власти боговъ. Ничего неизмѣннаго въ немъ не было, узнать будущія событія этого класса возможно было только чрезъ пророчество или другое подобное спеціальное сообщеніе. Человѣкъ совершенно необразованный обыкновенно не бываетъ падокъ до изслѣдованія причинъ явленій, онъ легко удовлетворяется простымъ фактомъ, какъ онъ есть, безъ всякой переработки и разсужденій о причинахъ его возникновенія. И въ настоящее время нѣкоторые серьезные мислители задаютъ себѣ вопросъ: есть ли дѣйствительная необходимость для нашего ума непремѣнно всѣ явленія мыслить достаточно обоснованными, не можемъ ли мы представлять себѣ, что въ какомъ нибудь уголкѣ вселенной явленія смѣняются случайно и законъ причинности не имѣетъ приложенія? На этотъ вопросъ такой серьезный мыслитель, какъ Д. С. Милль, отвѣчаетъ утвердительно *). А Контъ и наиболѣе правовѣрные изъ его послѣдователей полагали, что задачей научнаго изслѣдованія не могутъ быть вопросы: «зачѣмъ и для чего?», т. е. вопросы о цѣляхъ; не можетъ быть даже вопросъ: «почему?» т. е. о причинахъ явленій. Это вопросъ праздный, наслѣдіе старой метафизики. Единственная научная задача—это разрѣшеніе вопроса: «какъ» существуютъ явленія?

---

*) «Я убѣжденъ, говоритъ Д. С. Милль, что всякому, кто привыкъ къ отвлеченію и анализу и кто захочетъ честно упражнять свои способности для предположенной цѣли и пріучитъ свое воображеніе создавать нужное представленіе—будетъ нетрудно представить себѣ напримѣръ, что въ одной изъ многихъ сферъ, на которыя звѣздная астрономія дѣлитъ теперь вселенную, событія могутъ слѣдовать одно за другимъ случайно, безъ всякаго опредѣленнаго закона (специально разумѣется законъ причинной связи явленій). Ни въ нашей опытности, ни въ нашей духовной природѣ ничто не представляетъ достаточной или хотя какой либо причины вѣрить, чтобы нигдѣ этого не было». Милль замѣчаетъ что греческіе философы, не исключая Аристотеля, признавали между дѣятелями природы случай и самодѣятельность, т. е. они вѣрили, что въ этомъ отношеніи ничто не ручается за подобіе прошлаго самому себѣ или за сходство будущаго съ прошедшимъ (Логика, 11, 91, 92, 100). Льюисъ (Исторія философіи, изд. 1885 г., т. II, стр. 268—9) сообщаетъ, что, разсуждая съ однимъ учащимся, занимавшимся химіей, онъ никакъ не могъ убѣдить его во всеобщности положенія: «каждый фактъ имѣетъ свою причину». Для него не только былъ мыслимъ иной порядокъ міроустройства, но онъ считалъ положеніе о всеобщей причинности явленій ничѣмъ не оправдываемой гипотезой.—Что-же послѣ этого говорить про первобытное человѣчество, дикарей и дѣтей?

XXI.

Правильное обобщеніе есть актъ сложный и трудный; оно есть съ одной стороны результатъ соединеннаго дѣйствія различенія и отожествленія, а съ другой отвлеченія. Въ правильномъ настоящемъ обобщеніи различеніе и отожествленіе находятся въ равновѣсіи, работаютъ дружно и гармонично. Обобщающій умъ хорошо видитъ различія, но не подавляется ими. Среди различій онъ замѣчаетъ сходство, которымъ различное объединяется, изъ-за различій выступаютъ предъ нимъ общія черты и становятся на первый планъ. Обобщающій умъ побѣждаетъ различіе, разъединяющее и отталкивающее другъ отъ друга предметы и отдается всесвязующему сходству, не забывая однако и различій. Въ обобщеніи нужно и различія замѣчать и сходства улавливать среди различій, нужно искусно лавировать между различіями и сходствами. Чѣмъ различнѣе явленія, тѣмъ сложнѣе и труднѣе признаніе ихъ сходствъ, тѣмъ медленнѣе дается обобщеніе. Естественное развитіе различающей дѣятельности затрудняетъ ростъ правильнаго обобщенія. Съ усиленіемъ различенія, уму на первомъ планѣ являются различія предметовъ, сходства же стушевываются, какъ бы исчезаютъ. Если природа по своему существу, по своимъ законамъ и основнымъ формамъ представляетъ значительное единообразіе, то она же оттѣняетъ отдѣльные экземпляры своихъ типовъ частными чертами, индивидуальными свойствами, снабжаетъ ихъ всяческими маленькими особенностями, которыя для начинающаго обобщать ума могутъ представлять великія трудности и преграды. Слабый умъ оказывается часто не въ состояніи перешагнуть чрезъ различія отдѣльныхъ предметовъ и явленій, стать выше ихъ, окинуть явленія однимъ широкимъ взглядомъ; онъ подавляется разнообразіемъ вещей, изнемогаетъ подъ бременемъ непохожихъ, повидимому, другъ на друга фактовъ и потому останавливается на первыхъ шагахъ обобщенія, будучи не въ состояніи идти далѣе.

Но если изощряющееся различеніе способно задержать ростъ обобщеній, то и незамѣчаніе различій также вредитъ развитію обобщенія. Отъ недостатка или слабости различенія все будетъ казаться сходнымъ, одинаковымъ, самыя различныя явленія будутъ относимы къ одному и тому же классу, возникнутъ самыя смѣлыя и въ тоже время самыя поверхностныя и неосновательныя ана-

логіи, на мѣсто разнообразія и особенностей природы и дѣятельности всюду явятся однообразіе, одинаковость, все своеобразное исчезнетъ и тамъ, гдѣ жизнь била ключемъ, будетъ царствовать смерть. Правильное обобщеніе должно соблюдать равновѣсіе между различіями и сходствами, должно постоянно взвѣшивать относительную силу сходствъ и различій, судить, извѣстная черта тожественна въ двухъ или многихъ предметахъ или сходна или только подобна; различія существенны и важны или незначительны. А для такой работы нужны значительная гибкость ума, сила его и опытъ въ размышленіи. Естественно, что уже по одному этому своему свойству — равновѣсію различій съ сходствами — процессъ обобщенія мало доступенъ уму на первыхъ порахъ его развитія. Но правильное обобщеніе находится въ неразрывной связи съ другимъ труднымъ процессомъ — отвлеченіемъ.

Для правильнаго настоящаго обобщенія необходимо отвлеченіе. Связываніе можетъ быть и безъ отвлеченія, напр. по сосуществованію и послѣдовательности. Связываніе элементарнымъ сходствомъ и по апперцепціи также совершается еще безъ помощи отвлеченія. Когда одинъ фактъ вызываетъ воспоминаніе о другомъ сходномъ или одно явленіе относится, на основаніи сходныхъ чертъ, къ какому либо классу, то въ этихъ случаяхъ чистаго отвлеченія не бываетъ; въ сознаніи проходятъ въ то время цѣлые образы предметовъ и явленій, при чемъ нѣкоторыя черты, опредѣляющія воспоминаніе или апперцепцію, только выдаются изъ совокупности другихъ, но не отдѣляются отъ нихъ. При обобщеніи же необходимо отвлеченіе, такъ какъ нужны отчетливое сопоставленіе сходныхъ чертъ и оцѣнка ихъ силы и степени сходства, нужны сосредоточенное вниманіе къ различіямъ и опредѣленіе важности и значенія различій по сравненію со сходствами. При обобщеніи приходится такимъ образомъ перебирать черту за чертой, свойство за свойствомъ обобщаемыхъ явленій, съ устраненіемъ на время изъ сознанія всѣхъ другихъ черть, кромѣ разсматриваемой; важно сосредоточиваться на отдѣльныхъ чертахъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. Послѣдній актъ обобщенія — признаніе явленій сходными или тожественными по извѣстнымъ свойствамъ — неизбѣжно включаетъ отвлеченіе. А чистое отвлеченіе есть процессъ весьма трудный. Какъ же скоро такой трудный процессъ входитъ составнымъ элементомъ въ обобщеніе, т. е. въ безпристрастную и основательную оцѣнку сходствъ и различій между предметами, то онъ дѣлаетъ эту работу, нелегкую саму по себѣ, еще болѣе затруднительной, а ея развитіе въ человѣческомъ умѣ

очень медленнымъ. Поэтому нельзя удивляться весьма значительной слабости способности обобщенія у дикарей, дѣтей и вообще въ неразвитыхъ умахъ.

Въ исторіи обобщенія можно различать три главныя степени: первая степень — обобщеніе наблюденій и представленій, относящихся къ одному и тому же предмету; вторая степень — обобщеніе наблюденій и представленій. касающихся различныхъ предметовъ одного и того же класса; третья степень — обобщеніе наблюденій и представленій. касающихся предметовъ различныхъ классовъ. Послѣдняя степень обобщенія распадается на множество частныхъ видовъ, имѣющихъ свои особенныя трудности сообразно съ тѣмъ, близки или далеки другъ отъ друга сопоставляемые классы, сходства между ними явно замѣтны или скрыты и т. п. Отвлеченіе является менѣе чистымъ на низшей ступени обобщенія, а затѣмъ, по мѣрѣ возвышенія обобщеній, и оно достигаетъ полной своей силы.

Первую степень обобщенія проходитъ каждый умъ въ началѣ своего развитія. Она представляетъ значительныя трудности. Предметы суть совокупности многихъ свойствъ, познаваемыхъ различными органами внѣшнихъ чувствъ, многихъ сторонъ, многихъ оттѣнковъ одного и того же свойства, вслѣдствіе чего и объ одномъ предметѣ мы имѣемъ много представленій. Между свойствами предметовъ нѣтъ никакой логической связи, такъ что по одному свойству догадаться о другихъ невозможно. Вслѣдствіе этого узнаваніе новыхъ предметовъ совершается довольно медленно, нужно запомнить, выучить ихъ различныя качества. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не только съ запоминаніемъ, но и съ способностію обобщенія. Чтобы узнавать предметъ, нужно составить о немъ одно опредѣленное представленіе; но это представленіе можетъ быть только результатомъ частныхъ и отдѣльныхъ наблюденій и представленій, ихъ сравненія и обобщенія. Въ отдѣльныхъ же наблюденіяхъ и представленіяхъ предмета, въ виду различія его свойствъ, могутъ быть на первомъ мѣстѣ различныя черты, вслѣдствіе чего обобщеніе можетъ затрудниться и даже совсѣмъ не удаться слабому уму. Одинъ и тотъ же предметъ будетъ считаться тогда не однимъ, а множествомъ различныхъ предметовъ. Подобная ошибка возможна тѣмъ легче, что предметъ мы можемъ встрѣчать въ различное время въ различномъ положеніи, въ связи съ другими различными предметами, разсматривать его съ разныхъ сторонъ, на различномъ разстояніи, съ различными цѣлями и т. п. По этимъ

двумъ причинамъ: слабости памяти и трудности обобщенія при различіи свойствъ предметовъ дѣти довольно долгое время не признаютъ предметовъ окружающей обстановки и ухаживающихъ за ними лицъ, проходятъ недѣли и даже мѣсяцы, прежде чѣмъ совершится у ребенка съ достаточною опредѣлительностію и твердостію двойной процессъ запоминанія и обобщенія по отношенію къ окружающимъ предметамъ и лицамъ.

Для разъясненія настоящаго вопроса можно привести слѣдующій частный фактъ, сообщаемый Пэре: семимѣсячному мальчику, на разстояніи его руки, подсовывается щетка, щетиною вверхъ. Мальчикъ надавливаетъ на щетку обѣими руками, но вскорѣ поднимаетъ ихъ, получивъ нѣсколько уколовъ руки о щетину. Тоже самое съ небольшими промежутками, въ теченіе четверти часа, при измѣненіи обстоятельствъ и отвлеченіи вниманія въ антрактахъ на другіе предметы, было сдѣлано мальчикомъ пять разъ, т. е. онъ надавливалъ руками на щетку и, уколовшись о щетину, отдергивалъ руки. На шестой и седьмой разы, не смотря на отвлеченіе вниманія на другіе предметы, мальчикъ по одному взгляду на колючій предметъ отказался дотрогиваться до него *).

Въ приведенномъ фактѣ обнаруживается прежде всего слабость памяти, но не одна она: при небольшихъ промежуткахъ времени, мальчикъ вѣроятно запомнилъ бы щетку менѣе чѣмъ съ пяти опытовъ, тѣмъ болѣе, что былъ поводъ обратить на нее вниманіе — уколъ ладоней. Но здѣсь явилось новое затрудняющее обстоятельство — измѣненіе обстановки опыта и слѣдовательно какъ бы измѣненіе самой щетки, введеніе различія, которое воспрепятствовало слабому уму мальчика обобщить отдѣльныя наблюденія щетки, составить изъ нихъ одно представленіе и вызвало повтореніе опыта почти сподрядъ пять разъ, прежде чѣмъ щетка была достаточно признана. Одно дитя двухъ съ половиною лѣтъ было поражено видомъ луны и очень любило любоваться ею, издавая крики радости. Но такъ какъ луна въ различное время являлась въ различныхъ мѣстахъ, то впереди, то позади дома, то дитя, при видѣ ея, восклицало: «еще одна луна, другая луна» **).

У взрослыхъ лицъ замѣчается тотъ же недостатокъ обобщенія при различіи, новизнѣ обстановки знакомаго предмета. Нашъ знакомый, нѣсколько измѣнившійся со времени разлуки, надѣвшій

---

*) Первые три года жизни ребенка. Стр. 110.

**) Taine, Sur l'acquisition du langage Revue philosoph. Janvier, 1876 г.

другой костюмъ, — старая квартира заново отдѣланная и меблированная, — родное село съ вырубленнымъ вокругъ него лѣсомъ и новыми большими домами на мѣстѣ старыхъ и маленькихъ — сначала кажутся намъ незнакомыми, новыми, совсѣмъ другими· это совсѣмъ другой человѣкъ, говоримъ мы про своего знакомаго, другая квартира, не наше родное село. Сопоставляя имѣющееся въ памяти представленіе о предметѣ съ производимымъ сейчасъ наблюденіемъ, мы до того поражаемся различіями, и умъ нашъ такъ изнемогаетъ подъ бременемъ этихъ различій, что сходствъ мы сначала и не замѣчаемъ и готовы бываемъ видѣть два различные предмета тамъ, гдѣ всего на всего одинъ, нѣсколько измѣнившійся, предметъ.

Отсутствіе обобщеній первой степени свидѣтельствуетъ почти за полное отсутствіе обобщающей дѣятельности ума. Такое состояніе болѣе свойственно маленькимъ дѣтямъ, чѣмъ взрослымъ людямъ и цѣлымъ племенамъ. Но тѣмъ не менѣе подобные факты мы находимъ и у цѣлыхъ племенъ дикарей по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ. Американскіе языки, между прочимъ, характеризуются тѣмъ, что въ нихъ глаголъ мѣняется по мѣрѣ перемѣны объекта дѣйствія. По-ирокезски «моюсь» говорится кутуво, «умываю лицо» — кукускво, «мою лицо другому» — тсекускво, «мою одежду» — такунгкала, «мою блюда» — такутейя и т. д., по-таманакански «ѣсть хлѣбъ» говорится юкуру, «ѣсть плоды, медъ» — ѣмери, «ѣсть вареное кушанье» — янери и т. д., по-ленапски употребляютъ разные глаголы, говоря о ѣдѣ жидкой похлебки и густого варева. Въ бизайскомъ нарѣчіи существуетъ около 33, 27, 42 и 40 особыхъ словъ для спеціальнаго выраженія ходить, открывать, собирать, покупать, ѣсть, но нѣтъ общихъ названій ходить, открывать, собирать, покупать, ѣсть; тангалейцы имѣютъ 75 видовъ обозначенія для хожденія и 11 для варки, но общаго выраженія — ходить, варить — у нихъ нѣтъ. Бирманы въ Азіи и ирокезы въ Америкѣ не могутъ обозначить абстрактно понятіе рѣзанія, а гавайцы, вмѣстѣ съ дравидійцами, не имѣютъ общаго обозначенія для ломанія *). Вообще мышленіе племенъ, говорящихъ американскими и туранскими языками, не можетъ освободиться отъ того, что нѣчто совершается быстро или медленно, часто или рѣдко, мужчиною или женщиною и т. д. и всѣ эти побочныя представленія

*) Овелакъ, Лингвистика, 131, 122. Zeitschrift fur Ethnologie 1884. Art. Gustav Oppert, Die Verschiedenheiten des Sprachcharakters und deren natürliche Ursache. S. 12.

входятъ въ составъ слова и понятія. Есть одинъ американскій діалектъ, въ которомъ вовсе нѣтъ самостоятельнаго личнаго мѣстоименія и который требуетъ, чтобы относительно даннаго лица всегда показывалось, стоитъ ли оно или сидитъ или ѣдетъ верхомъ.

Приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться въ такомъ состояніи обобщенія у дикарей, когда ихъ умъ не могъ еще возвыситься надъ видоизмѣненіями одной и той же дѣятельности, вслѣдствіе различія объектовъ дѣятельности, не могъ понять ея тожество и единство, признать, что онъ имѣетъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ, находящимся только въ измѣненной обстановкѣ. Различеніе работало энергично въ умѣ дикарей, но обобщеніе было очень слабо, различеніе подавляло умъ открытіемъ мелкихъ особенностей предметовъ, которыя такъ и оставались не объединенными, не подчиненными высшей силѣ сходства; видоизмѣненія одного и того же явленія, его различныя стороны и свойства признавались различными явленіями, особыми, самостоятельными.

Недостатокъ обобщеній второй степени въ первоначальномъ мышленіи ощутителенъ весьма ясно и выразился множествомъ очень краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ фактовъ въ языкѣ и умственной дѣятельности дикарей. Если у нихъ хватаетъ еще ума различныя впечатлѣнія и представленія, касающіяся одного напр. цвѣта или дерева, полученныя въ разное время, въ различной обстановкѣ, въ различныхъ настроеніяхъ духа, объединить и составить общее понятіе о красномъ цвѣтѣ, желтомъ, березѣ, дубѣ и пр., то они не въ состояніи объединить отдѣльные цвѣта или отдѣльныя деревья и составить обобщеніе о цвѣтѣ и деревѣ просто. То, что Спикъ и Марціусъ разсказываютъ о бразильскихъ индѣйцахъ, повидимому, примѣнимо ко многимъ, если не ко всѣмъ, дикимъ племенамъ. Лексиконъ ихъ богатъ, они имѣютъ особыя названія для каждой части тѣла, для каждаго извѣстнаго имъ животнаго и растенія, для каждаго предмета, который они могутъ видѣть и осязать; но съ другой стороны у нихъ вовсе нѣтъ словъ для выраженія общихъ идей, напр. для понятій цвѣтъ, звукъ, полъ, видъ, умъ и т. д. У абипоновъ нѣтъ такихъ словъ, какъ, напр., человѣкъ, тѣло, мѣсто, время, никогда, когда либо, вездѣ и т. д., нѣтъ такого глагола, какъ «быть». Малайскій языкъ также очень бѣденъ общими выраженіями: въ немъ есть отдѣльныя слова для различныхъ цвѣтовъ, но нѣтъ слова для выраженія общаго понятія о цвѣтѣ. У тасманійцевъ не было слова для общаго понятія о деревѣ, хотя для каждаго отдѣльнаго вида деревьевъ они имѣли особое названіе.

Въ сѣверо-американскихъ языкахъ выраженіе, достаточно общее, напр., для передачи понятія дубъ, дубовое дерево, принадлежитъ уже къ исключеніямъ. Относительно дамаровъ Гальтонъ свидѣтельствуетъ, что у нихъ человѣкъ «никогда не обобщаетъ» и кажется необыкновенно тупымъ. О горныхъ племенахъ Индіи Годжсонъ свидѣтельствуетъ: «свѣтъ есть отвлеченіе столь высокое, что ни одинъ изъ допрошенныхъ мною туземцевъ не могъ схватить его, хотя они легко представляли эквиваленты для словъ. солнечный блескъ, пламя свѣчи, огонь костра». Кастренъ, знатокъ туранскихъ языковъ (финскаго, лапскаго, татарскаго и монгольскаго), говоритъ о племенахъ, владѣющихъ этими языками, что у нихъ нѣтъ слова для рѣки, но есть названія самыхъ малыхъ ручейковъ; нѣтъ слова для пальца вообще, но есть отдѣльныя названія для большого пальца, указательнаго и т. п.; нѣтъ слова для ягодъ или дерева вообще, но есть много названій брусники, земляники, березы, сосны и т. д. Въ финскомъ языкѣ, по его заявленію, слово для названія большого пальца постепенно приняло значеніе пальца вообще, а слово для голубки перешло въ названіе ягоды *).

Какъ скоро отсутствуютъ обобщенія второй степени, то нечего уже говорить объ обобщеніяхъ болѣе высокаго порядка: они невозможны, такъ какъ основываются на обобщеніяхъ второй степени. Впрочемъ, въ приведенныхъ фактахъ иногда содержится прямое указаніе на отсутствіе обобщеній болѣе высокаго порядка у нѣкоторыхъ дикарей. Такъ объ абипонахъ прямо замѣчено, что у нихъ нѣтъ такихъ обобщеній, какъ мѣсто, время, никогда, когда либо, вездѣ, быть.

Для правильной оцѣнки приведенныхъ фактовъ постоянно нужно имѣть въ виду, что крайнимъ недостаткомъ словъ съ общимъ значеніемъ страдаютъ не бѣдные языки, а сравнительно богатые, которые очень обильны словами, относящимися къ единичнымъ и матеріальнымъ предметамъ, ихъ частямъ и свойствамъ, поражающимъ внѣшнія чувства, возбуждающимъ интересъ дикарей; они бѣдны только одной категоріей словъ, именно съ отвлеченнымъ и общимъ значеніемъ. У тѣхъ же самыхъ абипоновъ, у которыхъ такой недостатокъ словъ съ общимъ значеніемъ, третье лицо обозначается различно, смотря по положенію лица, о которомъ говорится. Если лицо присутствуетъ и мужчина, то оно называется enehа, если

*) Леббокъ, Доисторическія времена, стр. 456, 457; Спенсеръ, Основанія соціологіи, т. I, стр. 92, 96; Максъ Мюллеръ, Наука о языкѣ, стр. 296—297.

женщина, то anaha; если онъ сидитъ, то hincha, если она сидитъ, то hancha; если онъ идетъ и видѣнъ, то ehaha, если она идетъ и видна, то ahaha; если онъ лежитъ, то iriha, если онъ стоитъ, то araha. Въ баскскомъ языкѣ глаголъ измѣняется сообразно съ тѣмъ, говорится ли о мужчинѣ или женщинѣ запросто или желаютъ почтить особу, которой говорятъ, или же говорится неопредѣленно. Возникаетъ четыре обращенія. мужское, женское, почтительное и неопредѣленное. А между тѣмъ въ этомъ же языкѣ нѣтъ словъ, обозначающихъ «дерево» и «животное» вообще, «богъ» называется «господиномъ на верху», а слово, выражающее «воля», значитъ также «мысль, желаніе, прихоть». Въ низшихъ классахъ Англіи люди, которые не говорятъ: четвероногое, минералъ, напитокъ, имѣютъ различныя названія для хвоста лисицы, собаки и зайца. Въ нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ языкахъ, очень небогатыхъ отвлеченными и общими выраженіями, понятіе лежать обозначалось многими словами, были особыя названія для лежанія на животѣ, на спинѣ, на боку, для лежанія большаго, маленькаго и т. д. Около двадцати словъ обозначали понятіе бить, смотря по тому, чѣмъ бить — рукой, кулакомъ, дубиной, палкой толстой, палкой тонкой и т. д. *). Такимъ образомъ недостатокъ словъ съ общимъ значеніемъ несомнѣнно указываетъ на недостатокъ мышленія, на преобладаніе различенія надъ отожествленіемъ и вслѣдствіе этого на отсутствіе настоящаго обобщенія.

Недостатокъ обобщеній встрѣчается и у глухонѣмыхъ и выражается тѣмъ, что сложныя и общія фразы разбиваются ими на простыя и частныя. Вопросъ: кто васъ билъ? глухонѣмой предложилъ-бы такъ: вы биты, кто былъ это? Весьма простой у нормальныхъ людей вопросъ: что съ вами? глухонѣмымъ былъ бы выраженъ такъ: вы кричите? вы биты? Глухонѣмое дитя не спроситъ: что вы вчера обѣдали? а скажетъ такъ: былъ у васъ супъ? Былъ у васъ бульонъ? Подобныя явленія замѣчаются не только у необразованныхъ глухонѣмыхъ, но и у образованныхъ, умъ которыхъ достаточно развитъ употребленіемъ письменнаго языка **). Такая же замѣна общаго частнымъ, за недостаткомъ отвлеченій и обобщеній, постоянно встрѣчается у дикарей и дѣтей. Одинъ амери-

*) Zeitschrift fur Volkerpsychologie, 1884, Ст. Baynes'a, 451; Максъ Мюллеръ, Наука о языкѣ, 296; Steinthal, Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues, S. 176 — 7; Овелакъ, 121 — 2.

**) Тэйлоръ, Доисторическій бытъ, стр. 34 — 35.

канскій дикарь говорилъ: «я дышу огненнымъ паромъ, исходящимъ отъ травы, которая горитъ въ каменномъ сосудѣ, со вставленнымъ въ него просверленнымъ камнемъ». Дикарь хотѣлъ сказать: «я курю» *). На мѣсто краткаго обобщеннаго отвлеченія поставлено сравнительно длинное описаніе процесса и орудія куренія.

Если принять во вниманіе отсутствіе въ мышленіи долгое время какихъ либо обязательныхъ началъ, легкое совмѣщеніе всевозможныхъ противорѣчій и недостатокъ широкихъ и установленныхъ обобщеній, то будетъ понятно одно своеобразное и характерное явленіе въ умственной жизни дикарей, именно чрезвычайное дробленіе діалектовъ дикарей и быстрая измѣнчивость ихъ словаря.

Многочисленные языки малайскаго и полинезійскаго архипелаговъ могутъ быть приведены къ общему источнику, но туземцы двухъ сосѣднихъ острововъ часто не понимаютъ другъ друга. Одинъ изслѣдователь говоритъ о меланизійцахъ, что каждый маленькій островъ, населенный ими, имѣетъ свой собственный языкъ или даже нѣсколько языковъ. Ридель ознакомилъ интересующуюся этимъ вопросомъ публику съ 23 діалектами, найденными имъ въ нѣкоторыхъ частяхъ одного только сѣвернаго Целебеса, число же діалектовъ на всемъ островѣ нужно считать сотнями. На Целебесѣ деревни, отстоящія одна отъ другой на три или четыре мили, имѣютъ совершенно различные діалекты и каждая группа, состоящая изъ двухъ или трехъ такихъ деревень, говоритъ уже совершенно непонятнымъ для другой группы языкомъ, что очень затрудняетъ ихъ сношенія (Уолласъ, Малайскій архипелагъ, 1, 291). Въ Новой Гвинеѣ діалектовъ еще больше. У тасманійцевъ, предъ ихъ окончательнымъ вымираніемъ, когда ихъ оставалось не болѣе пятидесяти человѣкъ, было четыре діалекта и каждый имѣлъ особыя названія для «уха», «глаза», «головы» и другихъ равно обыкновенныхъ предметовъ. Нѣкоторыми изъ манипуранскихъ діалектовъ говорятъ не болѣе тридцати или сорока семействъ, однако діалекты такъ различны другъ отъ друга, что непонятны въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Гумбольдтъ говорилъ о чрезвычайномъ разнообразіи языковъ племенъ южной Америки, родственныхъ между собою, одного и того же происхожденія. У дикарей нерѣдко бываетъ и такъ, что мужъ и жена говорятъ нарѣчіями довольно различными и не вполнѣ понимаютъ другъ друга. Подобное явленіе замѣчено на антильскихъ островахъ и отчасти у эскимосовъ въ Гренландіи. У бразиліан-

*) F. Muller, Grundriss der Sprachwissenschaft. 1, 130.

скихъ охотниковъ не только отдѣльныя племена, будучи родственными между собою по языку, не понимаютъ другъ друга вслѣдствіе быстраго измѣненія нарѣчій, но даже каждая отдѣльная личность говоритъ изъ самолюбія своимъ особеннымъ языкомъ. Путешественникъ Марціусъ жаловался, что между его спутниками, принадлежавшими къ одному и тому же племени, каждый владѣлъ маленькими діалектическими разностями въ удареніяхъ и измѣненіи звуковъ Такое чрезвычайное разнообразіе діалектовъ обусловливается враждебными отношеніями дикарей, ихъ замкнутой жизнью и крайне быстрыми перемѣнами въ языкѣ. Словарь, составленный іезуитскими миссіонерами въ центральной Америкѣ, сдѣлался негоднымъ въ теченіе десяти лѣтъ, Мессершмидтъ утверждаетъ, что жители остяцкихъ деревень, на разстояніи одной или двухъ миль, не понимаютъ другъ друга А нѣкто Сагардъ пошелъ такъ далеко, что утверждалъ (въ 1631 г.) о гуронахъ, что у нихъ не только въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ нельзя слышать того же самаго діалекта, но и въ двухъ сосѣднихъ домахъ, и что діалекты измѣняются ежедневно «У племенъ, находящихся на самой низкой ступени человѣчества, говоритъ Ренанъ, языкъ не имѣетъ рѣшительно ничего опредѣленнаго. Это какое то отправленіе, лишенное преданія, въ которомъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, едва можно открыть какое либо сходство съ прежнимъ *).

Отчего такъ чрезвычайно дробятся языки дикарей? Отчего они такъ быстро измѣняются? Главная причина заключается въ смутности и шаткости мышленія дикарей, въ недостаткѣ твердыхъ и опредѣленныхъ различеній и обобщеній. Никакихъ строго установленныхъ законовъ и правилъ въ мышленіи дикаря еще нѣтъ, для него еще не существуетъ какихъ либо обязательныхъ и вынудительныхъ доводовъ. Тѣ классы явленій, на которые для насъ распадается окружающій міръ, для дикаря еще не существуютъ; за отдѣльными предметами также не укрѣплены еще ихъ свойства въ сознаніи дикаря. Его мысль блуждаетъ по предметамъ, опредѣляется бѣглыми случайными впечатлѣніями, смутно отличаетъ однѣ группы явленій отъ другихъ, быстро измѣняется, полна противорѣчіями, а потому мало понятна не только для окружающихъ, но и для него самого. Сегодня предметъ ему кажется такимъ, завтра другимъ, послѣ завтра третьимъ. Его понятіе о предметѣ постоянно колеб-

*) Oscar Peschel, Volkerkunde. 5 Auflage, 109. Sayce, Introduction to the Science of language. Vol. 1, p. 203—209. Ренанъ, О происхожденіи языка, стр. 89—90.

лется отъ всякаго измѣненія обстановки, среди которой онъ наблюдаетъ предметъ. Подошелъ онъ къ холму съ одной стороны — это одна вещь; подошелъ съ другой — таже да не таже. Одна и таже вещь представляется ему, отъ измѣненія обстановки, во множествѣ совершенно различныхъ формъ. Языкъ своей измѣнчивостію, безконечнымъ дробленіемъ чуть не по отдѣльнымъ лицамъ отражаетъ это хаотическое состояніе мысли. Языкъ ребенка, подобно языку дикаря, также претерпѣваетъ значительныя перемѣны въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Многія слова ребенокъ выдумываетъ самъ; многія слова и обороты рѣчи, нѣкогда часто практиковавшіеся, онъ со временемъ бросаетъ и замѣняетъ другими; значеніе остающихся словъ также сильно измѣняется. Этимъ переворотамъ въ развитіи языка отвѣчаетъ и развитіе мысли: въ началѣ смутная и расплывчатая, не могшая ни на чемъ опредѣленно остановиться, мысль дитяти мало по малу становится тверже, отчетливѣе, раздѣльнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ дитяти дѣлается опредѣленнѣе. Чѣмъ лучше мы выясняемъ свои понятія, разграничиваемъ ихъ отъ смежныхъ и сходныхъ, тѣмъ бываютъ устойчивѣе, дольше держатся и обозначающія ихъ слова, тѣмъ легче они распространяются Обыкновенныя наши понятія, которыми мы пользуемся въ ежедневномъ обиходѣ, бываютъ довольно смутны и плохо формулированы, и за то эти понятія мы выражаемъ тысячью различныхъ комбинацій словъ, каждый разъ по своему личному вкусу и усмотрѣнію; понятія, которыя мы соединяемъ съ научными и техническими терминами, болѣе выяснены и опредѣлены и самые термины несравненно болѣе устойчивы, чѣмъ простыя слова. Философскія понятія гораздо менѣе выяснены и опредѣлены, чѣмъ, напримѣръ, химическія, и термины философскіе чаще колеблются, болѣе не опредѣленны и измѣнчивы, чѣмъ химическіе. У дикарей языкъ дробится безконечно и измѣняется со дня на день; по мѣрѣ распространенія цивилизаціи, языки достигаютъ устойчивости, широко распространяются, нѣкоторые дѣлаются отчасти органами всемірной культуры и сношеній, таковы въ свое время языки греческій и латинскій, нынѣ французскій и англійскій. Наука и цивилизація ставятъ преграды безконечному дробленію діалектовъ и ихъ быстрой измѣнчивости. Вообще хаосъ мысли, отсутствіе опредѣленныхъ различеній, классификацій, рѣзкая измѣнчивость, скачки мысли, ея опредѣляемость летучими бѣглыми впечатлѣніями не могутъ не вызывать путаницы и хаоса въ языкѣ; діалектъ, какъ выраженіе мышленія, по необходимости долженъ колебаться, измѣняться, ста-

новиться мало понятнымъ даже близкимъ сосѣдямъ, замыкаться въ предѣлы маленькой деревеньки, а то и семьи; съ другой стороны мысль твердая, опредѣленная и ясная, не путающая фактовъ, отводящая каждой группѣ явленій свое мѣсто, не потерпитъ хаотическаго состоянія рѣчи, положитъ предѣлы и дробленію діалектовъ и ихъ быстрой измѣнчивости.

На ряду съ указанной главной, основной причиной быстрой измѣнчивости языка дикарей и чрезмѣрнаго дробленія ихъ діалектовъ, нужно имѣть въ виду еще нѣкоторыя частныя, также не остававшіяся безъ вліянія, каковы: стремленіе жрецовъ, колдуновъ, лекарей создавать свой особенный языкъ, отличный отъ обыкновеннаго,—обычай многихъ дикарей не употреблять въ рѣчи тѣхъ слоговъ, которые входятъ въ составъ имени правителя или правительницы, вслѣдствіе чего многія слова приходится весьма существенно измѣнять и т. п.

Для развитія обобщеній необходимо сравнивать явленія, отмѣчать сходства и различія, взвѣшивать относительную силу сходствъ и различій, т. е. необходимо постоянно судить. Самая способность сужденія развивается также постепенно и первоначальное сужденіе бываетъ далеко не такимъ, какимъ его изображаетъ логика. Ученіе о сужденіи, наравнѣ съ ученіемъ о законахъ мышленія, можно считать основнымъ логическимъ ученіемъ, потому что образованіе понятій возможно только посредствомъ сужденій. Какъ составляются логическія понятія объ отдѣльныхъ предметахъ и цѣлыхъ группахъ? Путемъ множества сужденій о разныхъ сторонахъ предметовъ и особяхъ группъ и образованіемъ изъ частныхъ сужденій общихъ понятій. Ученіе логики о понятіи, какъ отдѣльномъ отъ сужденія и предшествующемъ ему процессѣ, ставитъ совершенно въ обратныя отношенія сужденіе и понятіе. Затѣмъ на большую часть остальнаго содержанія формальной логики можно смотрѣть какъ на развитіе ученія о сужденіяхъ: перемѣщаются термины сужденія (обращеніе, превращеніе, непосредственное умозаключеніе), переставляются и сочетаются на разные лады самыя сужденія, при чемъ ихъ сочетанія опредѣляются положеніемъ одного изъ терминовъ сужденія (фигуры силлогизма).

Логическое ученіе о сужденіи есть результатъ вліянія языка на мысль и не отвѣчаетъ естественному порядку разсужденія. Логика различаетъ въ сужденіи три послѣдовательные элемента: субъектъ, связку и предикатъ, каждому элементу назначаетъ опредѣленное мѣсто, субъектъ и предикакъ ставитъ въ опредѣленныя отношенія

зависимости и на цѣлую половину сужденій смотритъ, какъ на аналитическія, раздѣляя вообще сужденія, между прочимъ, на аналитическія и синтетическія. Всѣ эти свойства логическихъ сужденій совершенно не отвѣчаютъ свойствамъ естественныхъ психологическихъ сужденій и естественному ходу развитія мышленія.

Естественное психологическое сужденіе есть не послѣдовательное соединеніе субъекта съ предикатомъ помощію связки, а одновременное сочетаніе двухъ представленій или, точнѣе, сначала созданіе, а потомъ воспроизведеніе одного сложнаго представленія. Когда мы судимъ, что «этотъ человѣкъ высокаго роста», «желѣзо тяжело», то мы не такъ поступаемъ, что отдѣльно существующія въ нашемъ умѣ представленія этого человѣка и желѣза соединяемъ помощію связки съ особыми же представленіями высокаго роста и тяжести; этотъ человѣкъ высокаго роста—одно представленіе, желѣзо тяжело—также одно представленіе. Но оба эти представленія суть сложныя, состоятъ изъ нѣсколькихъ, связанныхъ одновременностію, свойствъ. Даже въ такомъ сужденіи: «солдаты напали на крѣпость» рисуется одно сложное представленіе, одна картина, хотя элементы ея менѣе тѣсно связаны между собою, чѣмъ въ предыдущихъ сужденіяхъ Такимъ образомъ естественное сужденіе есть одновременное, а не послѣдовательное, какъ утверждаетъ логика, связываніе двухъ свойствъ или цѣлыхъ двухъ представленій, при чемъ, не смотря на разнородность объединяемыхъ сужденіемъ элементовъ, они составляютъ одно цѣлое, одну картину, охватываемую однимъ взглядомъ. Послѣдовательность связыванія внесена въ сужденіе языкомъ, который одновременныя группы представленій вытягиваетъ въ одну послѣдовательную нить. А на первыхъ порахъ развитія рѣчи, въ періодъ корней, предложенія выражались однимъ словомъ, вообще указывавшимъ на тотъ рядъ связанныхъ между собою свойствъ и дѣйствій, составлявшихъ одно цѣлое, которыя должны были возникнуть въ сознаніи слушателя при произнесеніи такого однословнаго сужденія. Далѣе въ агглютинативныхъ языкахъ предложеніе, а иногда и два, было однимъ сложнымъ и длиннымъ словомъ. Тутъ не было субъекта, предиката, связки, тутъ были главное слово и дополнительныя и всѣ ихъ значенія мыслились совмѣстно, одновременно, такъ что обычныя требованія формальной логики отъ сужденія совсѣмъ еще здѣсь не были приложимы.

Когда начинается раздѣльная рѣчь и части предложенія обособляются, тогда прежде всего достигаютъ выдѣленія не подлежащее и сказуемое, а главнѣйшія части первоначальнаго сложнаго

цѣлаго представленія, которыя и ставятся рядомъ другъ возлѣ друга внѣ какой либо связки. Таковы первыя предложенія дѣтей. Одно дитя году съ четвертью, увидавъ своего отца на улицѣ въ шляпѣ, между тѣмъ какъ прежде видѣло его только въ комнатѣ, безъ шляпы, сказало: «папа шляпа». Увидавъ ѣдущаго на лошади солдата, оно сказало: «солдатъ лошадь». Другое дитя, получивъ отъ тетки пирожное и вернувшись домой, сказало своей матери: «пирожное тетка» *). Это уже предложенія; анализъ сложнаго цѣлаго, слитно существовавшаго первоначально въ сознаніи, производится, но здѣсь еще нѣтъ того, что грамматика называетъ подлежащимъ и сказуемымъ, а логика субъектомъ и предикатомъ. Предложенія и сужденія, съ замѣтно обозначившимися подлежащимъ и сказуемымъ, субъектомъ и предикатомъ появляются у дѣтей позднѣе вышеприведенныхъ безсвязныхъ высказываній.

Ставя субъектъ и предикатъ на опредѣленныя мѣста въ сужденіи, логика требуетъ мышленія о нихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они поставлены. Въ сужденіи «люди смертны» мы приглашаемся подумать сначала о людяхъ, потомъ о смертности; въ сужденіи «смерть—удѣлъ всѣхъ людей» мы обязываемся думать сначала о смерти, а потомъ о людяхъ. Но въ естественномъ мышленіи подобныхъ различій нѣтъ, тамъ и при первомъ и при второмъ сужденіи равно стоитъ одинъ и тотъ же образъ смертнаго человѣка и требованія логики о выдвиганіи на первый планъ сознанія то одного, то другаго свойства обыкновенно не исполняются. Субъектъ и предикатъ, какъ ихъ ни переставляй, мыслятся совмѣстно и для мышленія собственно все равно, назовемъ ли мы одинъ изъ мыслимыхъ элементовъ цѣлаго субъектомъ, а другой—предикатомъ или наоборотъ, наше мышленіе отъ этого не пойдетъ по другому пути.

Логика предполагаетъ между элементами сужденія опредѣленную и постоянную связь: подчиненіе, взаимодѣйствіе, причинность и т. п. Но первонально сужденіе вовсе не предполагаетъ никакой опредѣленной и постояной связи, сужденіемъ первобытный человѣкъ выражалъ простую одновременность и сходство дѣйствій или явленій, не отдавая себѣ отчета, насколько постоянна эта связь и какова она именно по своему ближайшему характеру. Можетъ быть, связанные элементы должны быть разсторгнуты, какъ встрѣтившіеся совершенно случайно; можетъ быть, связь между ними болѣе постояннаго характера и должна быть удержана и на буду-

*) Steinthal, Abriss der Sprachwissenschaft. 1881. Erster Theil, S. 401—404.

щее время. Никакихъ опредѣленій, никакой сознательной оцѣнки связи первоначальный человѣкъ не вносилъ въ свое сужденіе, элементы постоянства и опредѣленности связи были внесены въ сужденіе позднѣе.

Первоначальныя сужденія были всѣ синтетическія. Аналитическія сужденія, раскрывающія лишь содержаніе субъекта, возможны только тогда, когда уже пріобрѣтены и установлены нѣкоторыя понятія. Но пока ихъ нѣтъ, аналитическія сужденія не могутъ возникнуть. Какъ взрослый человѣкъ расширяетъ свои свѣдѣнія путемъ синтетическаго связыванія какого либо новаго предиката съ прежнимъ субъектомъ, такъ и вообще наростаніе знанія и у дѣтей и въ цѣломъ человѣчествѣ совершается путемъ синтетическаго связыванія. Аналитическія сужденія не первоначальное явленіе въ нашей умственной жизни. Они могли бы быть признаны первоначальными только подъ однимъ условіемъ — существованія въ душѣ отъ рожденія нѣкоторыхъ знаній, въ родѣ врожденныхъ идей и апріорныхъ формъ, которыя прямо и могли бы раскрываться въ нашемъ мышленіи чисто аналитическимъ путемъ. Но если все наше знаніе имѣетъ одинъ источникъ—опытъ, то первоначальныя сужденія по необходимости должны быть исключительно синтетическими.

Логика выдѣляетъ въ сужденіяхъ, въ качествѣ особаго элемента, связку. Въ психологическомъ сужденіи связка обыкновенно отсутствуетъ, тамъ просто ставятся рядомъ два свойства или два представленія, и это поставленіе рядомъ и есть связь. Въ первоначальныхъ сужденіяхъ дѣтей связка также отсутствуетъ, выше приведены примѣры такихъ безсвязныхъ дѣтскихъ сужденій.

Если мы примемъ во вниманіе съ одной стороны свойства психологическаго и логическаго сужденій, а съ другой — важное значеніе сужденій въ составѣ логическихъ ученій, то будетъ понятно, почему формальная логика носитъ характеръ какой то чисто школьной мудрости, школьнаго знанія, имѣетъ видъ искусственныхъ и хитросплетенныхъ выдумокъ, съ трудомъ укладывающихся въ головахъ новопосвящаемыхъ въ эту отрасль изслѣдованій. Основанія формальной логики дѣйствительно искусственны: 1) она вытягиваетъ мышленіе въ ниточку, насильственно разъединяя одновременное; 2) закрѣпляетъ опредѣленныя положенія за субъектомъ и предикатомъ въ сужденіи и потомъ играетъ въ перестановку ихъ мѣстами; 3) создаетъ фигуры силлогизма на основаніи мѣста средняго термина, т. е. продолжаетъ игру въ перестановку субъекта и предиката не въ предѣлахъ уже одного сужденія, а нѣсколькихъ

Вліяніе языка на всѣ упомянутыя логическія упражненія очевидно и значительно. Ученіе о сужденіи въ смыслѣ формальной логики и о силлогизмѣ могло создаться только тогда, когда въ языкѣ образовались части рѣчи и сложился болѣе или менѣе опредѣленный синтаксисъ. Субъектъ и предикатъ сужденія, очевидно, суть видоизмѣненныя подлежащее и сказуемое предложенія. Наша логика существенно обусловлена флексивными языками, особенно же греческимъ и латинскимъ. Не даромъ Аристотель и многіе другіе логики основывали логическій анализъ на грамматическомъ. Наша настоящая логика не совсѣмъ приложима къ мышленію на языкахъ корневыхъ, не имѣющихъ частей рѣчи, и особенно агглютинативныхъ, въ которыхъ сліяніе словъ и даже цѣлыхъ предложеній въ одно сложное цѣлое, мыслимое одновременно, весьма значительно и характеристично. Общечеловѣческой формальной логики не было и нѣтъ.

Но было бы ошибочно вывести изъ сказаннаго заключеніе, что логика есть система безполезныхъ школьныхъ ученій и упражненій, нигдѣ неприложимыхъ. Польза логики для мышленія велика и заключается именно въ томъ, что логика, вытягивая мышленіе въ одну послѣдовательную нить, сообщаетъ ему необычайную отчетливость и опредѣленность. То значеніе, которое имѣетъ языкъ для ясности мышленія, тоже значеніе имѣетъ и логика, только въ высшей мѣрѣ. Логика есть обработанный и сознательно систематизированный языкъ, логика возвышаетъ до необъятной степени значеніе языка, какъ орудія отчетливаго, раздѣльнаго и послѣдовательнаго мышленія, выдѣляющаго части и свойства изъ цѣлаго, ставящаго абстракціи какъ самостоятельные предметы разсужденія. Но наша логика, подобно нашей грамматикѣ, невсеобща. Наша грамматика есть принадлежность собственно одного языка и затѣмъ можетъ имѣть отношеніе къ нѣсколькимъ родственнымъ языкамъ, наша логика есть также руководительница прежде всего и больше всего родственныхъ умовъ арійскаго племени и основывается на грамматикахъ индоевропейскихъ языковъ. Формальная логика есть высшій видъ арійской грамматики.

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ.

Окидывая однимъ взглядомъ весь путь, пройденный умомъ человѣчества, мы можемъ коротко охарактеризовать главнѣйшіе моменты его исторіи, очертить важнѣйшія направленія въ развитіи ума и сдѣлать нѣкоторые выводы о будущемъ, дальнѣйшемъ его развитіи. Различеніе и связываніе суть два существенно не только различныя, но даже противоположныя направленія въ умственной дѣятельности человѣка, хотя они и неразрывно соединены между собою. Первое направленіе аналитическое, второе синтетическое. Различать значитъ разлагать сложное на простое, цѣлое на части, дробить обширные круги явленій на тѣсные и узкіе, неясное дѣлать яснымъ. Различающая сила—это умственный скальпель или ножъ, которымъ вооруженъ человѣкъ и который отъ употребленія и времени не стирается и не тупѣетъ, а напротивъ дѣлается острѣе, тоньше и разъединяетъ то, что казалось совершенно цѣльнымъ. Не только группы матеріальныхъ предметовъ и единичные предметы, но и духовныя явленія подлежатъ всепроницающей силѣ этого орудія; различая, оно дробитъ ихъ, какъ обыкновенный ножъ дробитъ вещь на куски.

Связываніе имѣетъ совсѣмъ другой характеръ. Это дѣятельность объединяющая, собирающая, прикладывающая камень къ камню, кирпичъ къ кирпичю и постепенно изъ разъединеннаго различеніемъ выстроивающая зданіе. Ею создаются объединительные центры въ душевной жизни, различныя классификаціи, каждое новое явленіе пріурочивается къ какой либо наличной группѣ сходныхъ; это цементъ, которымъ спаиваются и склеиваются разрозненныя явленія, это центростремительная сила, вопреки различенію, которое есть сила центробѣжная.

Будучи существенно различными и въ тоже время неразрывно соединенными направленіями въ дѣятельности нашего ума, разли-

ченіе и связываніе отчасти препятствуютъ, а отчасти способствуютъ другъ другу въ развитіи, вмѣстѣ же даютъ нашему уму полноту и разносторонность. Одно изъ этихъ направленій можетъ до нѣкоторой степени преобладать въ складѣ и дѣятельности отдѣльныхъ умовъ и въ отдѣльныя эпохи развитія общечеловѣческаго ума.

Наше различеніе началось опытами весьма несовершеннаго вида и качества: на первыхъ порахъ недостаточно различались цѣлые царства и классы явленій, человѣкъ и окружавшая его среда сливались въ одно смутное цѣлое, психическія духовныя явленія вовсе еще не замѣчались, внѣшняя природа мало привлекала вниманія. Собственныя движенія — вотъ первый предметъ вниманія и различенія человѣка, по связи съ ними различалось и группировалось все прочее. Одновременныя, непрерывно послѣдовательныя, сходныя явленія не различались и не обособлялись, они казались какими то путаными клубками, въ которыхъ невозможно была найти ни начала, ни конца. Словомъ первыя различенныя группы явленій были очень обширны и очень неопредѣленны. Постепенно эти неопредѣленныя и обширныя группы стали опредѣляться и становиться частнѣе ограниченнѣе: выдѣлились противоположные факты, разныя связи между явленіями, обособлены отдѣльные предметы, въ предметахъ различены ихъ свойства, степени качествъ, оттѣнки, самыя свойства начали мыслиться особо отъ предметовъ. Возникло отвлеченное мышленіе, субъективное противопоставилось объективному, духовное матеріальному. Появился такимъ образомъ новый міръ — отвлеченный, субъективный, духовный, въ мышленіи свойства заступили мѣсто цѣлыхъ предметовъ. Высшимъ мышленіемъ въ настоящее время считается чисто отвлеченное, но къ нему способны немногіе и на высотѣ его удерживаются недолго, ниспадая на прежніе проторенные образные пути мыслительности, съ плохимъ недостаточнымъ различеніемъ явленій. Конечно, въ одномъ и томъ же умѣ въ одно и тоже время различныя состоянія различающей способности могли совмѣщаться и дѣйствительно совмѣщались по отношенію къ различнымъ областямъ явленій.

Разсматривая развитіе различенія отъ обширныхъ и неопредѣленныхъ группъ къ частнымъ и опредѣленнымъ со стороны тѣхъ причинъ, которыя вызывали развитіе, мы находимъ въ немъ движеніе отъ поразительнаго для чувствъ и ума къ первоначально незамѣтному для чувствъ и ума. И въ сферѣ ощущеній и въ сферѣ мышленія сначала различается то, что поражаетъ чувства и умъ, а потомъ незамѣченное на первыхъ порахъ, слабое, нѣжное, и опять

въ порядкѣ относительной силы и поразительности. Въ цвѣтахъ сначала были различены сильнѣйшіе цвѣта спектра, потомъ слабѣйшіе; смѣшанные цвѣта и переходныя краски, оттѣнки цвѣтовъ выдѣлены всѣхъ позже. Въ сферѣ собственно мышленія сначала различены противоположные факты, какъ сильнѣе поражавшіе умъ, а потомъ среднія степени явленій; прежде обособлены были группы предметовъ, а потомъ отдѣльные предметы; прежде предметы, а потомъ ихъ свойства; прежде матеріальная и объективная стороны міра, а потомъ духовная и субъективная.

Способность различенія будетъ, несомнѣнно, развиваться въ будущемъ. Что же она будетъ различать? То, что намъ въ настоящее время кажется незамѣтнымъ, ничтожнымъ, слабымъ, что для нашего сознанія совсѣмъ еще не существуетъ, что нами еще не различается. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе и болѣе изощряющееся различеніе откроетъ со временемъ человѣчеству новые міры, какъ оно открыло нынѣшнему человѣчеству по сравненію съ первобытнымъ. Мы дивимся теперь, какъ это наши отдаленные предки не могли различать разнородныхъ классовъ явленій, противоположныхъ фактовъ, какъ они не могли отдѣлить дѣятеля отъ орудія дѣйствія, обстоятельствъ совершенія дѣйствія, его результата и т. д., мы готовы не вѣрить, чтобы дѣйствительно существовало такое слитное, нераздѣльное состояніе ума. Но пройдутъ новыя тысячелѣтія и десятки тысячъ лѣтъ и изощрившіеся въ различеніяхъ наши отдаленные потомки будутъ дивиться крайней грубости и путанности нашихъ самыхъ тонкихъ и выработанныхъ классификацій и раздѣленій, тому, что мы не замѣчали цѣлыхъ міровъ и вблизи и вдали отъ себя, что мы почти не могли мыслить отвлеченно и постоянно впадали въ образность, замѣняя одно нужное свойство, получаемое отвлеченіемъ, представленіемъ цѣлаго предмета со многими ненужными свойствами, чрезвычайно путающими, развлекающими и отягощающими мысль. И будущее человѣчество будетъ различать новыя явленія въ порядкѣ ихъ поразительности для чувствъ и для ума.

Развитіе ума со стороны связыванія можетъ быть приведено къ такой формулѣ: отъ случайнаго и слабаго связыванія къ связыванію систематическому и твердому. Первоначально въ умѣ существуютъ отдѣльные образы, а потомъ группы образовъ; связей между ними нѣтъ, каждый образъ, каждая группа существуютъ сами по себѣ. Умъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности есть рядъ разрозненныхъ островковъ знанія, существующихъ одиноко, не имѣющихъ сообщеній. Мало по малу между отдѣльными образами и цѣлыми

группами возникаютъ связи, но эти связи нерѣдко бываютъ совершенно случайными, многія легко и быстро разрываются, сегодня онѣ есть, а завтра онѣ исчезаютъ, замѣняясь или не замѣняясь новыми. Связываніе чисто естественное, некультивированное есть связываніе непровѣренное, шаткое и слабое. Правда, многіе образы и группы образовъ, связанные силою смежности, владѣютъ значительною крѣпостію и правильностію; но на ряду съ ними. сплою смежности образуется много летучихъ и измѣнчивыхъ ассоціацій, такъ какъ обстановка, въ которой наблюдаются различныя явленія, измѣняется, вслѣдствіе чего одно и тоже явленіе ассоціируется со многими разнородными предметами. Чтобы изъ смежныхъ ассоціацій образовалась ассоціація дѣйствительно твердая и даже неразрывная, для этого нужно очистить смежныя ассоціации отъ случайныхъ и измѣнчивыхъ элементовъ и выдѣлить основную, постоянно повторяющуюся, смѣну явленій; но такая критическая работа превосходитъ средства самыхъ ассоціацій. Что касается систематичности связыванія, т. е. распредѣленія явленій на классы и роды по ихъ внутреннему сродству, то каждый. знакомый съ характеромъ смежныхъ ассоціацій, не признаетъ свойства систематичности за связываніемъ по смежности. Правда и въ этомъ отношеніи смежныя ассоціации могутъ дать много цѣннаго; но безъ критики и сравнительнаго анализа къ цѣнному постоянно примѣшивается въ этихъ ассоціаціяхъ масса нелѣпаго и страннаго.

Другой видъ естественнаго связыванія — сходствомъ представляетъ значительныя преимущества сравнительно съ первымъ: онъ разумнѣе и, какъ болѣе разумный, тверже, не грозитъ каждую минуту распаденіемъ. Но и естественному связыванію сходствомъ многаго недостаетъ, чтобы быть вполнѣ прочною и систематическою связью между явленіями: уподобленія предметовъ бывали крайне разнообразны и въ тоже время очень часто мало основательны, при дальнѣйшемъ развитіи ума они исчезали и становились даже непонятными и странными для позднѣйшаго человѣчества; апперцепированіе, внося большій, по сравненію съ уподобленіемъ, порядокъ въ мышленіе, все же не давало достаточно прочныхъ и хорошихъ результатовъ, такъ какъ классификація часто оказывалась неправильной и ее нужно было передѣлывать. Связываніе является въ достаточной мѣрѣ систематическимъ и прочнымъ, когда оно становится болѣе или менѣе логичнымъ, когда человѣческая мысль вырабатываетъ и начинаетъ руководиться логическими началами и правилами. Чѣмъ живѣе, сильнѣе и обширнѣе дѣйствіе логическихъ

началъ въ мышленіи человѣка, тѣмъ крѣпче спаяны его идеи, тѣмъ легче выдержатъ онѣ всякую критику, не разрываясь и даже не измѣняя своей формы, тѣмъ меньше въ нихъ личныхъ элементовъ и болѣе общечеловѣческаго содержанія. Но логическое связываніе какъ мы знаемъ, долгое время отсутствовало, да и въ настоящее время еще далеко отъ господства, отъ руководящей роли въ человѣческомъ мышленіи.

О дальнѣйшемъ развитіи связыванія гораздо труднѣе дѣлать заключенія, чѣмъ о развитіи различенія, такъ какъ связываніе, по самому существу своему, болѣе сложно и неопредѣленно, допускаетъ разныя направленія, чего нѣтъ въ различеніи. Во всякомъ случаѣ, приписывая большія систематичность и твердость логическому мышленію по сравненію съ простыми ассоціаціями, мы не думаемъ, что нынѣшнее логическое мышленіе и вмѣстѣ съ нимъ образное есть вѣчный идеалъ для человѣческаго ума вообще, что осуществленіе этого идеала дастъ мысли такую законченность и такую прочность, что и желать будетъ больше нечего. Смотрѣть на настоящее состояніе образнаго и логическаго связыванія, на его процессы и правила, на его типъ какъ на неизмѣнный, который на вѣки останется по существу такимъ же, нѣтъ достаточно твердыхъ основаній. Нѣкогда его не было, теперь онъ существуетъ и никто не можетъ поручиться, что въ будущемъ, на мѣсто нынѣшнихъ логическихъ процессовъ и пріемовъ воображенія не создадутся новые процессы и пріемы, вѣроятно болѣе совершенные и тонкіе, чѣмъ нынѣшніе Наши настоящіе пріемы и правила мышленія покажутся, можетъ быть, позднѣйшему человѣчеству, нашимъ отдаленнымъ потомкамъ, своего рода каменными топорами и оно съ такимъ же затрудненіемъ и усиліями будетъ стараться войти въ духъ нашего міровоззрѣнія, понять его смыслъ, ухватить его связующую нить, съ какими мы усвояемъ нынѣ міровоззрѣніе грубѣйшихъ дикарей. То, что для насъ теперь очень сложно, для усвоенія чего требуется длинное утомительное размышленіе, то для позднѣйшихъ поколѣній будетъ легко и просто, сдѣлается очевидной истиной, автоматическимъ актомъ. Tempora mutantur et nos mutamur in illis. Во всякомъ случаѣ не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что со временемъ логическіе процессы и правила, отъ которыхъ современная мысль уклоняется очень часто на старые простѣйшіе пути смежныхъ и сходныхъ ассоціацій, сдѣлаются до того сродными и обычными уму, что мышленіе согласно съ ними будетъ совершаться безъ всякихъ усилій и напряженія, какъ нынѣ по законамъ ассоціаціи, мышленіе же чисто

по смежности и сходству исчезнетъ изъ людской памяти; наша нынѣшняя логика сдѣлается для нашихъ отдаленныхъ потомковъ тѣмъ же, чѣмъ служатъ законы ассоціаціи для насъ, а дѣйствительная логика у нихъ будетъ другая, новая, которая столько же будетъ превосходить нашу, сколько наша превосходитъ законы ассоціаціи. И будутъ тогда созданы умомъ человѣческимъ новое небо и новая земля, какихъ мы въ настоящее время и вообразить не ьъ состояніи. Все это возможно, такъ какъ было время, когда сложное образное связываніе и нынѣшняя логика отсутствовали, а теперь они существуютъ; такъ какъ нынѣшная логика не есть строго логика общечеловѣческая, а главнымъ образомъ индоевропейская и такъ какъ и въ этой индоевропейской логикѣ совершилась существенная перемѣна. то логика была почти исключительно искусствомъ силлогистики—во времена грековъ и въ средніе вѣка, то она преимущественно становится теоріей индукціи, какою и изображается многими новыми писателями по логикѣ. А перевѣсъ въ логикѣ теоріи силлогизма или теоріи индукціи указываетъ на преобладаніе того или другаго процесса въ самомъ мышленіи, на его органическую перемѣну, такъ какъ теоріи о мышленіи являются не прежде, а послѣ практики мышленія и суть отвлеченное выраженіе конкретныхъ состояній мыслительности въ данное время. Не Аристотель научилъ грековъ силлогистическому искусству, а напротивъ силлогистическое мышленіе грековъ внушило Аристотелю теорію силлогизма.

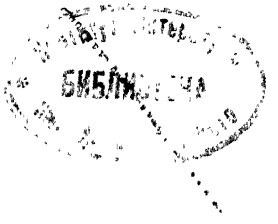
Мы не говоримъ уже про тѣхъ писателей, которые обѣщаютъ въ будущемъ полную отмѣну нынѣшняго способа образнаго связыванія и нынѣшней логики. Намъ обѣщаютъ во первыхъ четырехмѣрное пространство вмѣсто трехмѣрнаго. Говорятъ, что въ астрономіи постепенно пришли къ сознанію значенія третьяго измѣренія, при помощи котораго сдѣлалось возможнымъ объясненіе явленій, видимыхъ на небесномъ сводѣ, между тѣмъ какъ ранѣе ихъ представляли происходящими на плоскости, т. е. въ двухъ измѣреніяхъ. Сознаніе человѣчества по отношенію ко всѣмъ явленіямъ, воспринимаемымъ чувствами, находится нынѣ въ стадіи развитія подобной той, въ которой 350 лѣтъ назадъ находился умъ Коперника по отношенію къ астрономическимъ явленіямъ. Третье измѣреніе небеснаго пространства, кажущагося намъ поверхностію, дало тогда ключъ къ объясненію небесныхъ движеній, точно также допущеніе четвертаго измѣренія дастъ въ будущемъ ключъ къ объясненію всѣхъ мало понятныхъ явленій, имѣющихъ мѣсто въ трехмѣрномъ пространствѣ (мнѣніе Цолльнера, Бутле-

рова и др.). Съ прибавкой четвертаго измѣренія пространства должно существенно измѣниться образное связываніе, собственно же логика можетъ остаться неприкосновенной. Есть мнѣнія, которыя грозятъ отмѣнить и логику.

Говорятъ, что пространство, время, причинная связь явленій и всѣ прочія логическія отношенія суть чисто субъективные факты, апріорныя формы, свойственныя нашему уму, но совершенно несвойственныя міру вещей. Мы думаемъ о предметахъ міра по всѣмъ этимъ формамъ, но самый міръ существуетъ по другому, внѣ времени, пространства, причинной зависимости и прочихъ «формъ мозговаго созерцанія». Если мы, путемъ обхода principii individuationis, подойдемъ къ вещамъ съ ихъ внутренней стороны — а это возможно въ ясновидѣніи, магическомъ вліяніи, симпатическомъ леченіи и т. п. — то получимъ результаты, противорѣчащіе правиламъ обычной логики, какъ напр. видѣніе на разстояніи, дѣйствіе на разстояніи, получимъ отмѣну причинной связи явленій, а съ нею и всей нынѣшней логики. Говорятъ, что истинное бытіе есть безвременное бытіе, а въ безвременномъ бытіи причинное отношеніе не имѣетъ никакого значенія и само собою переходитъ въ цѣлеположное (мнѣніе Шопенгауэра, у насъ проф. Козлова и др.)

Такимъ образомъ мышленіе въ формахъ времени, пространства, причинности и связанныхъ съ ними категорій предполагается къ отмѣнѣ, будетъ новая логика, какая—цѣлеположная или другая какая либо,—объ этомъ въ настоящее время судить очень трудно. Выраженіе «вѣчная истина» явится красивой, но далекой отъ истины и даже совершенно ложной метафорой. Во всякомъ случаѣ одно несомнѣнно, что и въ предѣлахъ господства тѣхъ же самыхъ логическихъ началъ мышленіе и міровоззрѣніе настолько мѣняются, что становятся трудно доступными и понятными. Каждая особенная цивилизація — вавилоноассирійская, египетская, древнеиндійская, грекоримская — представляетъ свой особенный способъ мышленія, чувствованія, всякихъ взглядовъ и понятій. Мы плохо понимаемъ древнія цивилизаціи, ихъ духъ, ихъ жизненный характеръ. Воззрѣнія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей намъ кажутся часто странными и непонятными безъ комментаріевъ; древнеарійскую цивилизацію мы понимаемъ еще меньше. Что же касается другихъ древнихъ цивилизацій, то онѣ намъ почти совсѣмъ чужды и мы съ крайнимъ трудомъ кое что усвояемъ въ нихъ. Мы знаемъ имена боговъ, которымъ поклонялся народъ, обряды, которые совершались при различныхъ жизненныхъ слу-

чаяхъ, но смысла и жизненной сущности обрядовъ, религіознаго міросозерцанія и религіознаго чувства народа не знаемъ, чужіе боги и обряды для насъ мертвы. Намъ доступны нѣкоторые внѣшніе факты и стороны древнихъ цивилизацій, но не ихъ внутренняя живая сущность. А эти цивилизаціи, хотя и древни, но не особенно еще далеки отъ насъ. Что же будетъ, когда десятки и сотни тысячелѣтій отдѣлятъ одну цивилизацію отъ другой?


ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
Академии наук СССР